

О ПОДПИСКѢ НА
„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“
И „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“
 въ 1913 году.

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1912 года № 194).

Въ 1913 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемѣсячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказы по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба *принимаются къ руководству со времени полученія въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.*

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главные официальныя извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, и также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морского вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» будетъ имѣть задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:		Съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою въ многоряднымъ.
На годъ	9 р. — к.	
„ 11 мѣсяцевъ	8 „ 50 „	
„ 10 „	8 „ — „	
„ 9 „	7 „ 50 „	
„ 8 „	7 „ — „	
„ 7 „	6 „ 50 „	
„ 6 „	5 „ 75 „	
„ 5 „	5 „ — „	
„ 4 „	4 „ 25 „	
„ 3 „	3 „ 25 „	
„ 2 „	2 „ 25 „	
„ 1 „	1 „ 25 „	

За границей:		Съ пересылкою.
На годъ	15 р. — к.	
„ 11 мѣсяцевъ	14 „ — „	
„ 10 „	13 „ — „	
„ 9 „	12 „ — „	
„ 8 „	11 „ — „	
„ 7 „	10 „ — „	
„ 6 „	9 „ — „	
„ 5 „	8 „ — „	
„ 4 „	6 „ 50 „	
„ 3 „	5 „ — „	
„ 2 „	3 „ 50 „	
„ 1 „	2 „ — „	

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не дальѣ конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; *на срокъ менѣе года и отдѣльно* на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

Но при подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ военно-служащихъ допускается разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».	
не позже 1 января	4 р.
„ „ 1 марта	1 „
„ „ 1 мая	1 „
„ „ 1 іюля	1 „
„ „ 1 сентября	1 „
„ „ 1 ноября	1 „
<hr/>	
Итого	9 р.

На «Военный Сборникъ».	
не позже 1 января	2 р.
„ „ 1 марта	1 „
„ „ 1 мая	1 „
„ „ 1 іюля	1 „
„ „ 1 сентября	1 „
<hr/>	
Итого	6 р.

См. дальѣ на 3-й страницѣ обложки.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

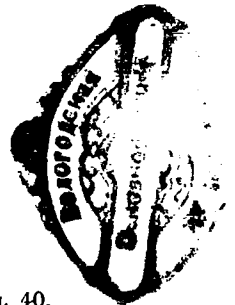
ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ

№ 4 АПРѢЛЬ 1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая. 40.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

І.

	СТРАН.
I. Служба генеральнаго штаба. Ө. ЧЕРНОЗУБОВЪ	1
II. <i>Умъ или воля?</i> (Отвѣтъ г. Э. Х. Калнину). Д. БАЛАНИНЪ	19
III. Наступающая пѣхота. * *	24
IV. Испушенія русскаго полководчества. Н. КУДРЯВЦЕВЪ	25
V. Ранней весною. (Стихотвореніе). П. Ч.	32
VI. Тактика огня пѣхоты. С. ГЛИНСКІЙ	33
VII. Стрѣлковый спортъ. А. СМІРНСКІЙ	47
VIII. «Плечо въ манежъ». Ю. ПАНАЕВЪ	63
IX. Нѣсколько словъ о значеніи мѣстности для конницы. В. БРЕНДЕЛЬ	69
X. Значеніе частнаго задонскаго коннозаводства для ремон- тированія кавалеріи. ШИШКО	73
XI. Стрѣльбы съ маневрированіемъ. К. КАБАЛОВЪ	85
XII. «Опытъ-маневръ». (<i>Съ рисунками</i>). Б. ЖИЛЬЦОВЪ	95
XIII. По поводу статьи «Еще о редутъ». (Отвѣтъ г. К. Исакову). (<i>Со смеюй</i>). М. ГРУЗЕВИЧЪ-НЕЧАЙ	103
XIV. Обученіе плаванію въ развѣдочныхъ командахъ. (Краткій курсъ плаванія). (<i>Съ рисунками</i>). (<i>Продолженіе</i>). М. ХАРИНСКІЙ	117
XV. Къ вопросу объ обезпеченіи инвалидности и старости рабочихъ техническихъ артилерійскихъ заведеній. Л. СО- ЛОВЬЕВЪ	129
XVI. Святые предстатели за землю русскую и русское воин- ство. (Данныя народныхъ картинъ и книгъ). Л. ЕВДОНИМОВЪ	139
XVII. Бѣлградъ. (Путевые наброски). П—Въ.	157
XVIII. Въ долинахъ рѣкъ Хингоу и Арзынга. (Путевые очерки по Восточной Бухарѣ). (<i>Окончаніе</i>). Д. ЛОГОФЕТЪ	169
XIX. Изъ полковой жизни. I. Въ крѣпости. II. Полякъ. А. ЛАНГЪ	185
XX. Спортъ за границей. (<i>Съ рисунками</i>). ВРОНСКІЙ	199

II.

I. БИБЛЮГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журна- ловъ. А. СВѢЧИНЪ ; В. Н.	207
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. Б.	225

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалдъ»,
Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Бѣляевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Пруссакъ*.

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Секретныя командировки офицеровъ.

Для выясненія общихъ заключеній о качествахъ иностранныхъ армій, для детальныхъ развѣдокъ разнаго рода мѣстныхъ предметовъ, сооружений и техническихъ подробностей, приходится отъ времени до времени тайно командировать въ сосѣднія страны специалистовъ. Эти порученія обыкновенно возлагаются на офицеровъ, по преимуществу генеральнаго штаба и техническихъ войскъ.

Еще недавно поѣздки эти не представляли особенныхъ трудностей, такъ какъ совершались сравнительно рѣдко въ Европѣ, а въ государствахъ Средней и Малой Азіи представляли лишь опасности для жизни и затрудненія чисто физическаго свойства.

Особенно много производилось такихъ развѣдокъ въ малокуль-

турныхъ странахъ русскими и англійскими офицерами въ XIX столѣтїи, въ періодъ нашего поступательнаго движенія въ Туркестанъ и на Кавказъ.

Не зная въ точности положенія дѣлъ въ Средней Азіи и опасаясь, если не похода русскихъ въ Индію, то во всякомъ случаѣ проникновенія нашихъ товаровъ въ Хиву, Бухару, Кокандъ, Фергану, Афганистанъ и Персію, англійское правительство, начиная съ 1824 г., начало посылать періодически, преимущественно черезъ Индію и Персію, подъ видомъ путешественниковъ, офицеровъ, состоявшихъ на службѣ въ предприимчивой остъ-индской компаніи. Намъ стало извѣстно о появленіи въ ханствахъ Средней Азіи капитановъ: Муркфорта, Коноли, Борнса, Стренджа, Стоддорта Аббота, Шекспира и другихъ офицеровъ.

Муркфортъ въ 1824 г. проникъ черезъ Кабулъ и Балкъ въ Бухару съ большими богатствами и двумя орудіями, которыя онъ возилъ для своей защиты. Онъ былъ ограбленъ владѣтелемъ Кундузскимъ, а на возвратномъ пути умеръ, отравленный въ Бухарѣ.

Артуръ Коноли отличался особенною предприимчивостью и издалъ о пребываніи своемъ въ Бухарѣ крайне интересныя записки. Впослѣдствіи онъ вторично появился въ Бухарѣ, гдѣ былъ казненъ вмѣстѣ съ Стоддортомъ.

Лейтенантъ Александръ Борнсъ (Бернсъ) былъ отправленъ въ 1830 г. для изслѣдованія долины Инда, заключилъ торговый договоръ съ Синдскими владѣтелями и открылъ англійской торговлѣ путь по Инду до Центральной Азіи. Затѣмъ, въ 1837 г. Борнсъ дѣйствуетъ въ Кабулѣ, чтобы противопоставить персамъ во время ихъ похода на Герать Доссъ-Магомета. Борису усиленно помогалъ капитанъ Потинджеръ.

Стоддорта въ Бухарѣ ограбили и заключили въ тюрьму, но онъ вскорѣ принялъ магометанство и жилъ на свободѣ, отказываясь быть освобожденнымъ при посредствѣ русскихъ и настаивая, что выручить его могутъ только соотечественники. Онъ былъ казненъ, надоѣвъ всѣмъ своимъ безпокойнымъ характеромъ и оставивъ свои замѣтки на библии, о возвращеніи которой очень хлопотала его мать. Черезъ наше правительство библия была приобрѣтена въ Бухарѣ во время пребыванія тамъ нашей миссіи, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Игнатьева въ 1858 г.

Капитанъ Абботъ въ маѣ 1840 г. прибылъ изъ Хивы въ Ново-Александровское укрѣпленіе, а оттуда въ Оренбургъ. Имѣлъ ли

онъ намѣреніе, подобно Борнсу, возвратиться черезъ Россію или же стремился только осмотрѣть Каспійское море и наши тамъ укрѣпленія—неизвѣстно, но онъ письменно называлъ себя англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, былъ ограбленъ и израненъ, по приказанію хивинскаго хана, шайкою туркменъ, вырученъ русскими и отправленъ въ Петербургъ. Тутъ онъ не могъ дать яснаго отвѣта о томъ, чѣмъ занимался въ Хивѣ. Изъ *Journal Asiatique* за 1840 г. видно, что Абботъ, явившись къ хану хивинскому, предложилъ выкупъ русскихъ плѣнныхъ съ тѣмъ, чтобы на будущее время русскіе ни подъ какимъ видомъ не допускались въ хивинскія владѣнія, обѣщая за это наступательный и оборонительный союзъ съ Англіею. Но такъ какъ Абботъ не могъ представить какихъ-либо вѣрительныхъ грамотъ, ханъ вытолкалъ англійскаго капитана ударами ногъ и велѣлъ заключить въ темницу. Въ 1840 г. же вмѣстѣ съ возвращенными Хивою русскими плѣнными прибылъ въ Оренбургъ, тоже черезъ Ново-Александровское укрѣпленіе, и другой англійскій офицеръ Шекспиръ, отправленный въ Петербургъ и усиленно доказывавшій, что ему принадлежитъ честь освобожденія русскихъ плѣнныхъ, что было на самомъ дѣлѣ сдѣлано корнетомъ Айтовымъ.

Около 1830 г. любознательность просвѣщенныхъ мореплавателей дошла до учрежденія въ Оренбургѣ колоніи евангелическихъ миссіонеровъ, занимавшихся болѣе военными рекогносцировками и торговыми развѣдками, чѣмъ распространеніемъ христіанства, что и заставило наше правительство удалить ихъ.

Всѣ эти секретно командруемые англійскіе офицеры собирали на мѣстѣ необходимыя свѣдѣнія въ то время, какъ мы должны были ограничиваться неясными и неполными данными, собираемыми изъ экономіи только черезъ азіатцевъ, которые по невѣжеству, неумѣнію и изъ боязни не могли, конечно, доставлять ничего особенно важнаго. Главными нашими агентами являлись къ тому же магометане, которые неволью подчинялись вліянію средне-азіатскихъ владѣтелей, представлявшихъ въ мусульманскомъ мірѣ и высшую духовную власть, а потому обыкновенно были далеко неоткровенны въ своихъ показаніяхъ. Такимъ образомъ, наша освѣдомленность была очень неудовлетворительна въ то время, когда намъ было точно извѣстно, что предприимчивая остъ-индская компанія, обладающая громадными средствами, стремилась не только къ утвержденію своего торговаго вліянія въ Азіи, но даже къ расширенію своихъ

азиатскихъ владѣній. Мы также вполне ясно отдавали себѣ отчетъ, что законы Англiи, промышленность и богатство народа, склонность британцевъ дѣйствовать соединенными силами, обществами, наконецъ, корыстолюбiе азиатскихъ правителей—все это давало Англiи полную возможность утвердить свое влiяніе въ Средней Азiи и, упрочивъ тамъ свою торговлю, вредить Россiи невѣроятнымъ образомъ. Стоило только допустить возможность снабженія англійскимъ оружіемъ и порохомъ хивинцевъ и туркменъ, ближайшихъ и самыхъ враждебныхъ сосѣдей нашихъ, а также и киргизовъ, чтобы убѣдиться въ необходимости противодѣйствiя замысламъ Англiи, агенты которой въ своихъ сочиненiяхъ вовсе не скрывали надеждъ завладѣть торговлею не только на пространствѣ между Индiею и Гиндукушемъ, но и рынкомъ Бухары, самымъ для насъ важнымъ въ Средней Азiи.

Поэтому, для возможности соперничества съ англійскою торговлею была учреждена, къ сожалѣнію скоро погибшая, своя русская коммерческая компанія, а для наблюденія за дѣятельностью британскихъ агентовъ и для изученія загадочныхъ для насъ странъ Средней Азiи было секретно командировано нѣсколько офицеровъ. Изъ числа этихъ рекогносцеровъ особенно выдѣлился посланный оренбургскимъ генераль-губернаторомъ Перовскимъ подпоручикъ Виткевичъ ¹⁾. Сосланный въ 1824 г. по суду и конфирмаціи Цесаревича Константина Павловича за учрежденіе тайнаго общества «Черное братство» и сочиненіе возмутительныхъ писемъ и стиховъ въ одинъ изъ оренбургскихъ баталіоновъ безъ выслуги, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своимъ образованіемъ, талантливостью и быстрымъ изученіемъ мѣстныхъ языковъ. Въ 1831 г. унтеръ-офицеръ Виткевичъ, состоявшій уже въ оренбургской пограничной комиссіи, былъ отправленъ въ станъ султана, правителя средней части Меньшой Киргизъ-Кайсацкой орды, и, кочуя съ султаномъ, неоднократно оказывалъ русской власти дѣйствительныя услуги, ознаменованныя выдающеюся храбростью. Донесенія его всегда были переполнены любопытными свѣдѣніями и замѣчанiями; до него никто не изучилъ такъ основательно киргизовъ и не вникалъ настолько глубоко въ ихъ жизнь. Въ 1834 г. по ходатайству графа Сухтелена, поддержаннаго Александромъ Гумбольдтомъ, Виткевичъ былъ произведенъ въ прапорщики. Въ 1835 г

¹⁾ «Военный Сборникъ» № 1, 1865 г. «Походъ въ Хиву», стр. 68, 69, 70.
«Историческій Вѣстникъ» № 5, 1905 г. «Предатель». Я. Полферова.

посланный для разузнанія о двухъ плѣнныхъ, находившихся по слухамъ у киргизовъ, онъ попалъ въ Бухару, откуда привезъ много цѣнныхъ свѣдѣній. Въ 1837 г. прапорщикъ Виткевичъ подъ видомъ хивинскаго купца былъ командированъ Перовскимъ въ Афганистанъ, съ задачею войти въ Кабулъ въ довѣріе къ Доссъ-Магомету, а затѣмъ проникнуть въ Персію, чтобы разузнать планы этихъ государствъ въ случаѣ нашего похода въ Хиву. Ему были даны только словесныя инструкціи, такъ какъ онъ нигдѣ не долженъ былъ обнаруживать, что отправленъ русскимъ правительствомъ. Переживъ неисчислимыя опасности и рядъ самыхъ смѣлыхъ и рискованныхъ положеній, изъ которыхъ Виткевичъ выходилъ только благодаря необыкновенной энергіи и поразительной находчивости, онъ достигъ Кабула, гдѣ и исполнилъ возложенное на него порученіе. Вернувшись въ Оренбургъ, онъ настолько поразилъ Перовскаго своимъ докладомъ и привезеннымъ матеріаломъ, что всемогущій оренбургскій правитель командировалъ его въ Петербургъ, чтобы лично представить Государю отчетъ о путешествіи и наглядно убѣдить Императора въ необходимости похода въ Хиву. Прибывъ въ столицу, Виткевичъ былъ принятъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ пожалованъ орденомъ и денежною наградою, представленъ къ переводу въ гвардію; но затѣмъ, пробывъ въ столицѣ всего восемь дней, онъ неожиданно для всѣхъ застрѣлился, оставивъ краткую записку, что сжегъ весь добытый и составленный имъ матеріалъ.

Въ періодъ съ 1840 по 1880 г., т. е. въ пору нашихъ завоеваній въ Средней Азіи, англійскіе развѣдчики дѣйствовали неудачно. Но во время нашего проникновенія въ Закаспійскую область и наша и англійская развѣдывательная дѣятельность опять достигла высшаго напряженія ²⁾. Съ 1881 по 1884 г. нашими офицерами, подъ видомъ путешественниковъ, были изучены дороги отъ Асхабада на югъ къ Афганистану, Хороссану, въ Мервъ, въ Хиву и Бухару. Весною 1884 г. нашъ инженеръ Лессаръ нашелъ возможность дополнить свои изслѣдованія въ южномъ направленіи путешествіемъ черезъ восточную часть юго-западной Туркменіи. Страна эта была извѣстна отчасти благодаря Шекспиру и Абботу, проѣхавшимъ ее по пути въ Мервъ въ 1840—41 гг., полковнику Гродекову, пересѣкшему Паропамизъ восточнѣ Кушки, и Петрусеву

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» № 5, 1885 г. А. Н. Масловъ.

вичу, посѣтившему Герри-Рудъ. Осенью 1882 г. въ южную часть края секретно прїѣзжалъ англійскій военный агентъ, полковникъ Стюартъ. Въ то же время русскіе офицеры Гладышевъ и Хабаловъ, выѣхавъ изъ Мусхынъ-Аббада въ Бени-Кърызъ, перевалили Борхутъ западнѣе перевала Хомбоу, прошли на Кизиль-Буласъ и вернулись черезъ Серахсъ. Въ 1882 же году въ Мервъ съ первымъ торговымъ караваномъ прибылъ поручикъ Алихановъ съ поручикомъ Соколовымъ и повѣреннымъ русскаго купца Коншина-Косыхъ. Благодаря Алиханову былъ присоединенъ Мервъ.

Одновременно дѣйствовали въ этомъ районѣ и англичане. Еще въ началѣ 1881 г. среди сарыковъ, сначала въ Пенде, а потомъ въ Юль-Отайгѣ появился человекъ подъ названіемъ Сія-Пушъ (въ черной одеждѣ), настойчиво уговаривавшій населеніе не завязывать сношеній съ русскими. Съ нимъ прїѣхало еще два индуса и афганецъ. Съ 1883 г. дѣятельность Сія-Пуша усилилась. Онъ сталъ посылать агентовъ въ Хороссанъ, стараясь сблизиться съ правительствомъ и предлагая переходъ въ персидское подданство мервцевъ и сарыковъ. Однако, въ религіозную его миссію никто не вѣрилъ, и политическіе происки его шли безуспѣшно. Ни денегъ, ни обѣщаннаго оружія у него не оказалось и іолотайскій Сары-ханъ арестовалъ его за неуплату денегъ за нанятую милицію въ 40 человекъ. Сія-Пушъ былъ выкупленъ мѣстными евреями и также загадочно скрылся, какъ появился. Про его энергію, настойчивость, знаніе мѣстныхъ языковъ, а главное фанатическую вражду къ русскимъ, еще въ 1906 г. въ Тегеранѣ персы рассказывали легенды, изъ которыхъ во всякомъ случаѣ можно было достовѣрно заключить, что Сія-Пушъ былъ офицеромъ англійскаго генеральнаго штаба.

Заканчивая краткій обзоръ дѣятельности секретно-командированныхъ офицеровъ въ некультурныя государства, нельзя не упомянуть про нашего развѣдчика, поручика Георгія Васильевича Новицкаго, во время нашихъ кавказскихъ войнъ ³⁾). Послѣ Турецкой кампаніи 1828—1829 г. графъ Паскевичъ рѣшилъ выработать общій планъ покоренія Кавказа, для чего приступилъ къ собранію возможно полныхъ и точныхъ историческихъ, этнографическихъ, статистическихъ и топографическихъ свѣдѣній. Отъ развѣдчиковъ-исполнителей, кромѣ знаній, требовались: неутомимость,

³⁾ «Русская Старина», 1878 г., кн. 2. «Георгій Васильевичъ Новицкій», стр. 278—296.

смѣлость, высокая добросовѣстность и значительная опытность. При штабѣ Кавказской арміи было нѣсколько старыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, но Паскевичъ остановилъ свой выборъ на поручикѣ артилеріи Новицкомъ. Въ данной послѣдней инструкціи требовалось: сдѣлать общее обозрѣніе края на обоихъ склонахъ Кавказскаго хребта на всемъ протяженіи отъ истоковъ Кубани до Анапы, собрать свѣдѣнія о населеніи и составить маршруты путей, пролегающихъ вдоль и поперекъ хребта, составить карту страны, избрать мѣста въ окрестностяхъ Анапы для учрежденія станицъ и указать способы защиты отъ горцевъ, сдѣлать заключеніе о выгодахъ и неудобствахъ поселенія, сдѣлать выводъ о томъ, дѣйствительны ли были мѣры, употреблявшіяся со времени устройства Кубанской линіи. Словомъ Новицкому ставилась широкая и трудная задача.

Раннею весною 1830 г. поручикъ выѣхалъ въ Анапу и приступилъ къ собиранію свѣдѣній о туземцахъ. Онъ еще ранѣе зналъ, что проѣхать черезъ владѣнія непокорныхъ горцевъ можно только подъ покровительствомъ аббатовъ и шеретлуковъ, принадлежавшихъ къ враждебнымъ намъ племенамъ адигэ и абадзе. Новицкій готовился къ предстоящей поѣздкѣ и ему было необходимо испросить разрѣшеніе у фельдмаршала, а главное получить необходимыя средства. Паскевичъ на его секретное письмо отвѣтилъ однимъ словомъ «спасибо», но, предвидя предстояшій опасности, отказался отъ официальнаго разрѣшенія, предоставивъ исполненіе предпріятія полной инициативѣ Новицкаго. Однако, тысячу рублей и нѣсколько часовъ съ азіатскимъ циферблатомъ были переданы смѣлому офицеру. Новицкій рѣшилъ поселиться у горцевъ аббаты-беслепей, убыхцевъ и шеретлуковъ, сумѣлъ сойтись съ ними и терпѣливо поджидалъ, когда кто-нибудь изъ туземцевъ предложитъ ему свои услуги. Наконецъ, одинъ изъ бесленеевцевъ сказалъ Новицкому: «Требуй отъ меня, чего хочешь, я ни въ чемъ не откажу тебѣ». Поручикъ отвѣчалъ: «я въ восторгѣ отъ разказовъ твоихъ объ удалствѣ адигэ и абадзе и потому желалъ бы видѣть ихъ патріархальный бытъ. Прошу тебя, доставь мнѣ удовольствіе видѣть лично жилища ваши, обычаи, а потому проводи меня по вашимъ землямъ». «Вижу теперь, воскликнулъ бесленей, я старый дуракъ, обманутый тобою, ты русскій офицеръ и, слѣдовательно, лазутчикъ, но слово, данное тебѣ, исполню». Переодѣтый горцемъ, Новицкій отправился въ путь по предгорьямъ, болѣе или менѣе параллель-

нымъ главному хребту. Въ тридцать дней онъ осмотрѣлъ перевалы по Убыху и Псекупсе, подвергаясь страшнымъ опасностямъ; его спасло только непомѣрное самообладаніе и преданность проводниковъ. Новицкій велъ путевыя записки, которыя и послужили данными, по которымъ онъ разрабатывалъ маршруты для экспедиціи противъ тѣхъ горцевъ, по землямъ которыхъ ѣхалъ. Кромѣ маршрутовъ, топографическаго очерка края и статистики черкесскихъ племень, Новицкій представилъ фельдмаршалу карту, снятую глазомѣрно и по разспросамъ дополненную съ показаніемъ границъ черкесскаго поселенія. За рекогносцировки Новицкій произведенъ въ капитаны и въ 1830 г. переведенъ въ генеральный штабъ. Проводники заплатились за свою поѣздку: родичи выжгли ихъ аулъ и перебили семьи. Сами они должны были бѣжать подъ русское покровительство.

Чтобы не остаться въ долгу передъ англичанами, скажемъ нѣсколько словъ и объ ихъ выдающемся рекогносцерѣ, полковникѣ Ральфѣ Коббольдѣ 4).

Полковникъ въ 1897—1898 гг., подъ предлогомъ охоты на дикихъ барановъ и другихъ звѣрей, разъѣзжалъ по русскому и афганскому Туркестану, заглядывалъ на русскіе Памирскіе посты, посѣщалъ гостепріимныхъ начальниковъ русскихъ отрядовъ и старательно разспрашивалъ какъ ихъ, такъ и сартовъ, таджиковъ и другихъ туземцевъ, объ ихъ чувствахъ къ русскимъ въ случаѣ англо-русскаго столкновенія. Хитрые азіаты, конечно, знали, какъ отвѣчать Коббольду. «Нерасположеніе и даже отвращеніе къ русскимъ, пишетъ онъ, я нашелъ у всѣхъ мусульманъ, киргизовъ и таджиковъ, и послѣднее (1898) андижанское возстаніе, конечно, его не ослабило. Нѣкоторые киргизы рассказывали мнѣ, что андижанскіе главари обращались за помощію къ Абдурахманъ-хану, эмиру афганскому, и даже къ англійскимъ агентамъ. Но самое любопытное для меня было слышать ожиданіе близкаго столкновенія русскихъ съ англичанами и готовность со стороны мусульманскаго населенія перейти на англійскую сторону». Коббольдъ ясно пришелъ къ убѣжденію, что великобританскому правительству слѣдуетъ озаботиться всяческимъ поощреніемъ путешествій англичанъ въ этомъ краю, не стѣняясь средствами. За обѣдомъ у ферганскаго губернатора, а также изъ бесѣдъ съ русскими офицерами Чарог-

4) Innermost Asia Travel and sport in the Pamiers. By Ralph P. Cobbold. 1900.

скаго поста, Коббольдъ уяснилъ себѣ, что планъ нападенія съ верхнихъ истоковъ Аму-Дарьи для захвата Бадахшана и Читрала уже выработанъ русскимъ правительствомъ и что русско-афганская граница у Маргелана при первомъ же подходящемъ моментѣ будетъ продвинута съ Гиндукуша.

Онъ убѣдился также въ томъ, что политическое шпионство особенно развито у Чарогскаго поста, что ежемѣсячная плата шпионамъ-таджикамъ 25 рублей и что обязанности ихъ сводятся къ наблюденію за движеніемъ между Кабуломъ, Читраломъ и Дильджджомъ. Кромѣ изданной полковникомъ книги для публики, сэръ Коббольдъ представилъ еще и объемистое секретное донесеніе о статистическихъ и топографическихъ подробностяхъ края. Особенно цѣнна составленная имъ карта.

Но всѣ секретныя командировки офицеровъ въ азіатскія страны, подъ видомъ путешественниковъ, купцовъ, корреспондентовъ, комми-вояжеровъ и т. п., являются, конечно, секретами полишинеля, притомъ секретами только для себя, такъ какъ находящіеся на службѣ чины дипломатическаго корпуса и консула, да и вообще всѣ европейцы, прекрасно понимаютъ истинную цѣль появленія этихъ таинственныхъ лицъ. Еще меньше можно ввести въ заблужденіе мѣстныхъ жителей, крайне любопытныхъ, а потому съ большимъ интересомъ слѣдящихъ за каждымъ шагомъ прїѣзжихъ европейцевъ; каждое движеніе послѣднихъ передается изъ устъ въ уста, комментируется на базарахъ мѣстными политиками и дѣятельность этихъ секретно командированныхъ офицеровъ, за весьма рѣдкими исключеніями, становится достояніемъ всѣхъ. Успѣшно выполнить секретную командировку можетъ только тотъ офицеръ, который настолько хорошо знаетъ мѣстные языки, нравы и обычаи, что рискнетъ углубиться въ полуварварскія страны подъ видомъ туземца. Но и въ этомъ случаѣ, конечно, необходима поддержка и соучастіе кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, которымъ вообще довѣряться крайне опасно. Коварство, предательство у жителей всего средняго и дальняго востока явленіе самое заурядное и вообще за свою довѣрчивость европеецъ въ надлежащее и подходящее время въ недосыгаемой глуши подвергается глумленію, истязанію, пыткамъ и самой мучительной смерти.

Къ полусекретной дѣятельности офицеровъ, командируемыхъ въ некультурныя страны подъ прозрачными предлогами, можно причислить развѣдывательную дѣятельность на пользу своего оте-

чества тѣхъ офицеровъ, которые временно поступаютъ на службу во внѣевропейскія государства на должности военныхъ инструкторовъ въ армію и флотъ, офицеровъ жандармеріи, таможенными чиновниками и т. п. Исполняя свои прямыя обязанности, офицеры эти, конечно, съ одной стороны, не могутъ не записывать своихъ впечатлѣній и безъ сомнѣнія не въ правѣ отказывать командировавшему ихъ правительству въ собираніи необходимыхъ для своего отечества данныхъ на пользу политики родины. Первоначальныя положительныя спеціальныя свѣдѣнія о Турціи, Персіи, Афганистанѣ, Китаѣ, Японіи и т. п. дали безъ сомнѣнія европейскіе офицеры-инструкторы. Германцы начали свою инструкторскую дѣятельность въ Турціи въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ составѣ ихъ военной миссіи въ Константинополѣ находился прусскій офицеръ Мольтке, знаменитый потомъ побѣдитель французовъ. Ему было поручено прусскимъ правительствомъ собирать свѣдѣнія о Турціи и посылать отчеты не только своему начальству, но и русскому послу. Сопровождая султана Мамута въ путешествіи по Румелии, прусскій офицеръ ежедневно тайнымъ путемъ посылалъ секретныя рапорты прусскому и русскому посланникамъ. Эта переписка была, однако, открыта слѣдующимъ образомъ. Составленный по приказанію сераскира планъ укрѣпленій Дарданеллъ былъ разработанъ Мольтке при сотрудничествѣ другого прусскаго офицера, крайне обидѣвшагося тѣмъ, что Мольтке не подѣлился съ нимъ выданными Хамиль-пашею за работу деньгами и подарками. Помощникъ Мольтке явился къ Хамилю и чистосердечно рассказалъ о тайныхъ сношеніяхъ своего принципала съ послами. Турецкое правительство не осмѣлилось вызвать открытаго скандала, но подъ благовидными предлогами удалило скоро прусскихъ офицеровъ одного за другимъ изъ Константинополя ⁵⁾. Послѣдователи Мольтке, конечно, также работали на пользу родины до Гольцъ-паши включительно, такъ неудачно организовавшаго и плохо оцѣнившаго современную турецкую армію.

Англійскіе инструкторы въ томъ же духѣ работали въ турецкой арміи и флотѣ, въ Персіи въ составѣ миссіи военныхъ инструкторовъ, въ Афганистанѣ, Китаѣ и Японіи. Честно исполняя принятыя на себя обязательства до участія въ бояхъ (Устпнъ, Вильсонъ,

⁵⁾ Rousset. Les maîtres de la guerre—Moltke. Revue des Deux Mondes 1838, Decembre, article sur la mission prussienne à Constantinople.

Гоббартъ-паша и др.), англичане-офицеры освѣдомляли свое правительство крайне солидными и интересными данными о странахъ, на службѣ которыхъ состояли ⁶⁾).

Если секретныя командировки офицеровъ въ азіатскія государства необходимы для крупныхъ военныхъ задачъ, то современное напряженное состояніе вооруженныхъ европейскихъ народовъ требуетъ послышки опытныхъ специалистовъ для выясненія мелкихъ вопросовъ, составляющихъ въ совокупности цѣнную освѣдомленность о положеніи армій соперничающихъ государствъ.

Наполеонъ обыкновенно прибѣгалъ къ посылкѣ своихъ офицеровъ генеральнаго штаба, инженеровъ-географовъ, личныхъ ординарцевъ и даже генераль-адъютантовъ, непосредственно передъ задуманною имъ войною для развѣдокъ, необходимыхъ для составленія плана кампаніи. Въ переживаемое нами время вооруженнаго міра и постоянной готовности къ войнѣ эти командировки явились періодическою необходимостью. Всю сущность пользы секретныхъ посылокъ офицеровъ познали пруссаки. Передъ войною 1866 г. въ Австріи, въ особенности въ Богеміи, появилось очень много передѣтыхъ офицеровъ прусскаго генеральнаго штаба, а въ періодъ времени, предшествовавшій Франко-нѣмецкой кампаніи, тотъ же генеральный штабъ ⁷⁾ наводнилъ своими офицерами всѣ восточныя области Франціи: они промѣривали Марну подъ предлогомъ рыбной ловли удочкою, почти открыто крокировали окрестности Бельфора, Лангра. Одно очень высокопоставленное нѣмецкое лицо путешествовало въ Вогезахъ со своею дочерью, любившею заниматься живописью съ натуры въ гористыхъ мѣстахъ. Въ 1868 г. самъ Мольтке тайно ѣздилъ въ пограничную французскую полосу. Конечно, за нимъ было установлено наблюденіе, которое показало, что, начиная съ 9-го апрѣля 1868 г., прусскій полководецъ объѣзжалъ всѣ поля сраженія до Мозеля, прославившія впоследствии германское оружіе ⁸⁾).

Французы посылали также передъ 1870 г. своихъ офицеровъ въ Германію. Одинъ ихъ генераль Дево, вполне опытный и испытанный военный, вынесъ изъ своего личнаго путешествія даже заключеніе, что пруссаки будутъ непременно разбиты. Генераль Дюкро не упускалъ случаевъ командировать своихъ офицеровъ за гра-

⁶⁾ «Новое Время» 1880 г., № 1418.

⁷⁾ Leval. Tactique des renseignements, t., p. 73.

⁸⁾ Fromont. L'espionnage, pp. 106, 107.

ницу и предупреждалъ правительство о постоянномъ присутствіи нѣмецкихъ офицеровъ между Мозелемъ и Вогезами, напоминая объ аналогичныхъ дѣйствіяхъ пруссаковъ въ Богеміи въ 1864—65 гг. Но французское военное министерство, считая свою армію непобѣдимою, пренебрегало принятіемъ какихъ-либо мѣръ противъ безцеремонныхъ нѣмецкихъ развѣдчиковъ. Лишь въ теченіе кампаніи 1870—71 гг. французы, да и весь военный міръ, были изумлены тѣми результатами, которые нѣмцы извлекли изъ подробнаго и детального изученія театра военныхъ дѣйствій⁹⁾.

Само собою разумѣется, что послѣ войны секретныя командировки германскихъ офицеровъ за границу еще болѣе участились. Въ началѣ каждаго года начальники всѣхъ отдѣленій большого генеральнаго штаба докладывали начальнику генеральнаго штаба о необходимыхъ офицерскихъ развѣдкахъ. Самъ Мольтке разсматривалъ детально эти доклады и командировалъ за границу способныхъ офицеровъ, обезпечивая ихъ, не скупясь, необходимыми средствами изъ секретнаго фонда. Очень много этихъ тайныхъ рекогносцеровъ было схвачено; всякій читающій газеты навѣрно вспомнить, что почти во всякомъ номерѣ можно было найти сообщеніе о задержаніи того или другого германца. Но по этому можно только догадываться, какое число ихъ тайныхъ развѣдчиковъ выполнило возложенную на нихъ задачу. Приблизительно около 1885 г. во Франціи вспыхнула среди населенія паника, такъ какъ французы полагали, что рекогносцировки прусскихъ офицеровъ предвѣстіе войны. Газета «National» для успокоенія общественнаго мнѣнія говорила, что рвеніе германскаго генеральнаго штаба слишкомъ извѣстно, чтобы удивляться поѣздкамъ, предпринимаемымъ съ научною цѣлью. Но мы теперь отлично знаемъ безошибочность голоса народа—въ 1885 г. Франція дѣйствительно была на волоскѣ отъ войны.

Подражая германцамъ, всѣ арміи стали также дѣятельно изучать вѣроятные театры военныхъ дѣйствій, не пренебрегая средствами, въ числѣ которыхъ была и усиленная посылка за границу переодѣтыхъ офицеровъ. Въ періодъ наибольшей интенсивности ихъ дѣятельности очень многіе попались. Кельнская газета, во время, такъ называемаго, перваго Лейпцигскаго процесса, опубликовала цѣлый списокъ французскихъ офицеровъ, арестованныхъ въ Гер-

⁹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1896 г., № 5. «Двадцать пять лѣтъ назадъ». Баронъ Зеддлеръ.

мані, начиная съ 1875 г. Между ними названы слѣдующія лица: 1) морской офицеръ Реклю, арестованный во время поѣздки въ Киль и Стральзундъ и приговоренный къ пятинедѣльному тюремному заключенію за крокировку укрѣпленій безъ надлежащаго разрѣшенія. 2) Лейтенантъ Тиссо, приговоренный въ Страсбургѣ къ 3-лѣтнему заключенію. 3) Генераль Мирибель и его ординарецъ Писторъ, которыхъ арестовали, но не преслѣдовали. 4) Лейтенанты Летельфъ и Тома, заключенные въ крѣпость. Послѣдовали и другія разоблаченія. По словамъ одной англійской газеты, французскій военный министръ, генераль Тибодень, лично ѣздилъ переодѣтый простымъ инвалидомъ съ цѣлью ознакомиться съ юго-восточной границею, но долженъ былъ отказаться отъ путешествія, такъ какъ въ Лионѣ были въ поѣздѣ обнаружены два филирующіе его германскіе переодѣтые офицера.

Нужно все же отдать полную справедливость, что до послѣдняго времени наиболѣе умѣло дѣйствовали офицеры германскаго генеральнаго штаба. Но событія показали, что нѣмцы-дѣти по сравненію съ японскими офицерами, перенявшими и усовершенствовавшими нѣмецкіе развѣдывательные приемы. Ученики превзошли учителей.

Постепенно выясняется, что среди парикмахеровъ, мелкихъ лавочниковъ и другихъ промышленниковъ изъ японцевъ въ нашемъ намѣстничествѣ находилось значительное число офицеровъ, преимущественно специальныхъ родовъ войскъ, которые все что-то измѣряли, вынюхивали, разсчитывали съ тою аккуратностью и терпѣніемъ, которымъ мы всегда удивлялись, глядя на ихъ издѣлія слоновой кости, черепахи и т. п. Въ Портъ-Артурѣ, напримѣръ, ихъ было нѣсколько человекъ. «Пойдемъ въ главный японскій штабъ», шутили русскіе офицеры, отправляясь бриться въ японскую парикмахерскую, не подозрѣвая, сколько въ этой шуткѣ было правды. Одинъ англичанинъ, занимавшійся торговлею во Владивостокѣ, нанялъ приказчикомъ японца. Незадолго до войны послѣдній объявилъ хозяину, что долженъ оставить свое мѣсто. Но англичанинъ очень дорожилъ своимъ японцемъ и, начавъ уговаривать остаться, предложилъ увеличить жалованье втрое. Японецъ не согласился. Черезъ нѣсколько времени англичанинъ приѣхалъ въ Токио. Надо представить себѣ его удивленіе, когда на одной изъ улицъ онъ встрѣтилъ своего приказчика въ формѣ морского офицера. «Восточное Обозрѣніе» (№ 29—1904 г.) расска-

зываетъ, что въ одной изъ японскихъ парикмахерскихъ Владивостока имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: русскій офицеръ оскорбилъ парикмахера, который въ гнѣвѣ заявилъ, что онъ такой же офицеръ. «Русское слово» цитировало слѣдующій фактъ: у одного казачьяго офицера былъ кучеръ-японецъ, съ которымъ онъ не церемонился. За два мѣсяца до войны кучеръ объявилъ, что долженъ уѣхать домой, и ночью таинственно исчезъ. Черезъ недѣлю казачій офицеръ поѣхалъ изъ Ляояна въ Тянь-Цзинь отвести душу и что же? Въ буфетѣ лучшаго изъ тамошнихъ отелей «Astor-haus» сидитъ японецъ-кучеръ, одѣтъ франтомъ, обѣдаетъ съ какими-то американскими дамами и пьетъ шампанское. Казакъ остолбенѣлъ и теръ себѣ глаза. Тогда японецъ всталъ и сказалъ: «Чтобы прекратить всякія недоразумѣнія, позвольте рекомендоваться—капитанъ генеральнаго штаба такой-то». Русскій не выдержалъ: «Ну... а насчетъ того, знаете, что я не особенно церемонился съ вами?» Японецъ улыбнулся: «Это ничего. Ради своего отечества я и не на то способенъ. Тутъ каждый ударъ заслуга!»

Японскіе офицеры не брезгали ни состояніемъ, ни положеніемъ, чтобы только выполнить задачу. Предварительно они изучали самымъ добросовѣстнымъ образомъ какое-нибудь ремесло и клали много труда для ознакомленія съ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, у московскаго купца С. Смирнова на службѣ находился въ качествѣ лакея японецъ, передъ войной неизвѣстно куда скрывшійся. Побѣгъ японца хозяинъ объяснялъ тѣмъ, что въ послѣднее время «неважно обращался съ нехристомъ». Но среди вещей, оставленныхъ купцу подозрительнымъ японцемъ, особенное вниманіе обратили на себя книги, а въ особенности японско-русскій словарь, изданный въ Токио. Наибольшее мѣсто въ немъ занимали діалоги. Вотъ нѣсколько образцовъ ихъ: «Какъ зовутъ эту деревню?» «Приведите старосту». «Дай намъ проводника». «Оставляемъ вамъ больныхъ солдатъ» и т. п.

Отдавая должную дань японскимъ офицерамъ, нельзя, конечно, не признать, что огромную долю успѣха ихъ дѣятельности слѣдуетъ приписать той исключительной обстановкѣ, въ которой имъ пришлось работать. Прежде всего имъ сочувствовало туземное населеніе, среди котораго имъ особенно легко было скрываться. Облегчало также знаніе мѣстныхъ языковъ, нахожденіе торговли въ рукахъ ихъ соотечественниковъ, безопасность и малочисленность наша, непонятныя намъ особенности японскаго и ки-

тайскаго міровоззрѣнія, а главное подъемъ нравственнаго само-сознанія населенія всего Дальняго Востока въ сознаніи необходи-мой борьбы съ надвигающею силою Европы.

Въ Европѣ дѣло обстоитъ иначе. Каждое дѣйствіе вызываетъ, конечно, противодѣйствіе. Всѣ державы должны были принять рядъ мѣръ для борьбы съ развѣдчиками. Насколько стали подо-зрительны въ Германіи и Австріи, явствуетъ изъ двухъ недавнихъ арестовъ нашихъ соотечественниковъ капитана Костевича и инже-нера Алехина, принятаго также за переодѣтаго офицера. По до-вольно шаткому подозрѣнію въ побужденіи нѣкоего Никольскаго, служащаго на частномъ заводѣ Эргардта, къ выдачѣ нѣкоторыхъ детальныхъ чертежей, офиціально командированный русскимъ пра-вительствомъ въ Германію, Францію и Англію—капитанъ гвар-дейской артилеріи Костевичъ былъ схваченъ въ Берлинѣ и бро-шенъ въ Моабитскую тюрьму. Но еще ужаснѣе поступила австрій-ская полиція съ инженеромъ путей сообщенія Алехинымъ. Онъ былъ арестованъ въ Вѣнѣ по подозрѣнію въ шпионствѣ и выдер-жанъ въ тюрьмѣ ровно два мѣсяца. Администрація тюрьмы отно-силась къ нему съ возмутительною строгостью, требовала испол-нять черную работу; кормила первыя двѣ недѣли только хлѣбомъ и водою, а низшіе служащіе позволяли себѣ побои. Всякое сооб-щеніе съ внѣшнимъ міромъ было воспрещено и относительно аре-ста не было увѣдомлено ни русское посольство, ни консульство.

Такими суровыми мѣропріятіями державы тройственнаго союза, конечно, хотятъ отбить охоту у иностранныхъ офицеровъ вести тай-ную развѣдку.

Относительно этихъ секретныхъ командировокъ извѣстный пи-сатель Бронзаръ фонъ-Шеллендорфъ говоритъ слѣдующее ¹⁰⁾: «Прежде всего надо стараться привлекать на себя возможно мень-ше вниманія и въ особенности не нарушать законовъ страны. За-мѣтимъ къ слову, что во всѣхъ странахъ одинаково запрещаются по-пытки подкупа служащихъ и не позволяется производить съемокъ крѣпостей и т. п. Но законы не запрещаютъ дѣлать исправленія су-ществующихъ картъ, ибо иначе самый невинный туристъ можетъ быть поставленъ въ самое ужасное положеніе. Чѣмъ, однако, мень-ше имѣешь права смотрѣть на себя, какъ на туриста, тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть осторожнымъ въ своихъ поступкахъ и поведеніи.

¹⁰⁾ Bronsart von Schellendorf. Le service d'Etat-Major, t. 1, pp. 374—376.

Рекогносцировка иностранной крѣпости можетъ быть вообще произведена лишь поверхностно. Слѣдуетъ заранѣе знать исторію крѣпости, притомъ возможно подробнѣе, и изучить тщательно уже имѣющіеся планы и чертежи. Всѣ эти документы должны находиться въ центральномъ развѣдывательномъ отдѣленіи арміи.

Всѣ производимыя офицерами секретныя развѣдки должны быть ориентированы по мѣстнымъ предметамъ и имѣть цѣлью дополнить существующія свѣдѣнія и выяснить происшедшія перемѣны. Такимъ образомъ, рекогносцируя крѣпость, надо меньше всего заботиться о чертежахъ и планахъ, а сосредоточивать все свое вниманіе на одеждѣ укрѣпленій, на ихъ видѣ, на нутяхъ сообщенія, водныхъ системахъ, на работахъ, произведенныхъ внѣ ограды, а также собрать данныя объ артилерійскомъ вооруженіи, о магазинахъ, о закрытіяхъ и пр. Надо постараться узнать, были ли произведены какія-либо измѣненія и не приступлено ли къ передѣлкамъ, вызываемымъ усовершенствованіями военного искусства, не возведено ли отдѣльныхъ новыхъ и самостоятельныхъ фортовъ, постройка которыхъ можетъ измѣнить взгляды, благодаря которымъ намѣченъ наиболѣе удобный для атаки фронтъ. Необходимо также прослѣдить службу войскъ гарнизона, дабы придти къ заключеніямъ объ арміи.

Слѣдуетъ, кромѣ того, избѣгать дѣлать слишкомъ быстрыя заключенія о войскахъ, съ которыми имѣешь лишь поверхностное дѣло. Чтобы завоевать себѣ право высказать сужденія объ арміи, надо долго съ нею жить, дѣйствительно понять и оцѣнить ее и ея обычаи. Только въ такомъ случаѣ можно будетъ дать себѣ ясный и здравый отчетъ объ ея достоинствахъ и духѣ. Одинаково полезно помнить, что наблюдатель впадаетъ въ серьезную ошибку, если предъявить ей требованія, къ которымъ онъ привыкъ у себя. Военныя законоположенія каждой арміи должны находиться въ постоянномъ и строгомъ согласіи съ обычаями и устройствомъ страны, а также съ характеромъ населенія.

Другой, не менѣе уважаемый, писатель Рюстовъ говоритъ: «Державы, желающія быть готовыми отразить вторженіе непріятеля или имѣющія въ виду намѣреніе вести наступательныя операціи, должны поощрять путешествія своихъ офицеровъ за границу для изученія иностранныхъ армій. Надо, однако, чтобы мѣста путешествій были разумно распредѣлены и чтобы командировались вполнѣ подходящія лица. Было бы совершенно излишне посылать офице-

ровъ, недостаточно знающихъ свое ремесло, чтобы дѣлать необходимые выводы, и не владѣющихъ языкомъ страны, куда ѣдутъ. Они будутъ поражены второстепеннымъ, выведутъ заключеніе по обѣдамъ, на которыхъ ихъ постараются оглушить, и не обратятъ вниманія на дѣйствительно важное. Къ несчастью, часто выборъ дѣлается неудовлетворительно, что слѣдуетъ отнести къ протекціи и экономіи. Для такихъ командировокъ избираются богатые люди, чтобы сбересть государству какую-нибудь сотню тысячъ денегъ, думая, что такое лицо произведетъ работу безъ расходовъ для казны. И въ этомъ отношеніи обыкновенно ошибаются, такъ какъ богатые часто болѣе расчетливы, чѣмъ бѣдные. Желательно, чтобы начальство избирало для командировокъ достойныхъ офицеровъ и не было скупы въ отношеніи къ нимъ, помня, что самый расчетливый человѣкъ не можетъ жить во время путешествія на тѣ же средства, какъ дома».

Развѣдывающій долженъ сообщать лишь точно проверенные факты. Если это невозможно, необходимо оговариваться, что доставляемое свѣдѣніе—слухъ или предположеніе. Отправляясь въ командировку, надо, конечно, хорошенько ознакомиться съ предметомъ. Затѣмъ, дать какія-либо указанія, какими пользоваться споровками при исполненіи секретнаго порученія, конечно, нельзя. Все заключается въ скрытности, доведенной до обмана. Пишите пейзажи, посѣщая расположенія войскъ, говорите о фабричномъ производствѣ въ районѣ крѣпости и довольствуйтесь, какъ иностранецъ, слушать, когда вамъ придется столкнуться съ однимъ изъ тѣхъ болтуновъ, которые говорятъ обо всемъ, все знаютъ. Такой человѣкъ лучше исполнить вашу обязанность, чѣмъ вы сами.

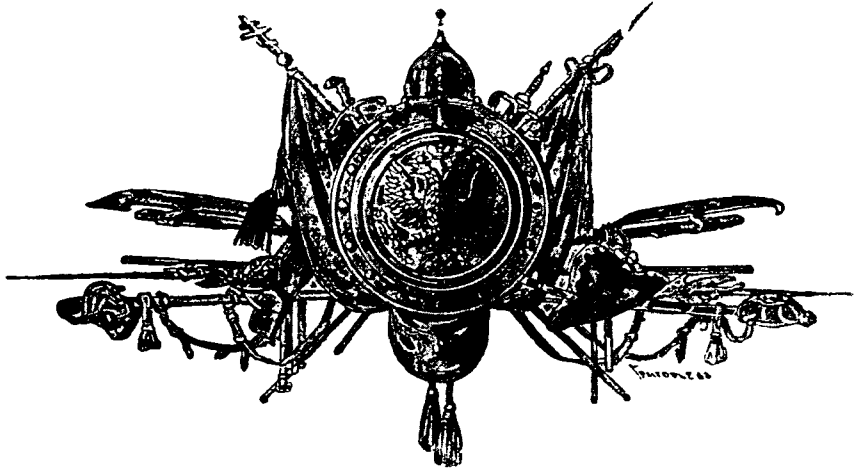
Фридрихъ Великій сказалъ: «На войнѣ надо соединять храбрость льва съ хитростью лисицы». Хитрость удастся тамъ, гдѣ сила потерпитъ пораженіе. Необходимо потому пользоваться обѣими. Это лишняя тетива въ лукъ и если часто сила сопротивляется силѣ то часто также поражается хитростью.

Впрочемъ и во время секретныхъ рекогносцировокъ офицеры прусскаго генеральнаго штаба проявляютъ необыкновенную храбрость и находчивость. Однажды, послѣ кампаніи 1870—71 г., флотскій лейтенантъ, снабженный разрѣшеніемъ, подписаннымъ французскимъ военнымъ министромъ, осматривалъ во всѣхъ отношеніяхъ фортъ С.-Валеріанъ. Комендантъ по пропускѣ моряка

для вѣрности протелеграфировалъ военному министру, немедленно отвѣтившему приказомъ арестовать посѣтителя. Но передѣтый во французскій мундиръ офицеръ прусскаго генеральнаго штаба уже скрылся.

С. Черновубобъ.

УМЪ ИЛИ ВОЛЯ?

(Отвѣтъ г. Э. Х. Калинину).

Разбирая на страницахъ «Военнаго Сборника» ¹⁾ чрезвычайно важный и жгучій вопросъ о подготовкѣ и выборѣ начальниковъ, мы говорили о необходимости наилучшей научной и тактической подготовки старшихъ начальниковъ, но въ то же время пришли къ заключенію, что этого еще далеко недостаточно, такъ какъ военное дѣло болѣе волевое, чѣмъ умовое, а потому требуетъ наличія характера, энергіи и силы воли. Ссылаясь на великаго Наполеона, который рисовалъ себѣ соотношеніе различныхъ качествъ, необходимыхъ полководцу, въ видѣ квадрата, одна сторона котораго выражаетъ умъ, а другая волю, и признавая полную гармонию въ природѣ въ этомъ отношеніи чрезвычайно рѣдкою, мы поставили вопросъ: что лучше—перевѣсъ ума или воли?

По нашему глубокому убѣжденію, для истинно-военнаго чловека, при неизбѣжномъ уклоненіи его умственныхъ или нравственныхъ качествъ въ какую-либо одну сторону, на дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, *нѣкоторый* перевѣсъ воли важнѣе, чѣмъ перевѣсъ ума.

¹⁾ Д. Баланинъ. «Подготовка и выборъ начальниковъ». 1911 г., № 1.

Большой умъ способствуетъ развитію разсудительности, осторожности, медлительности, что иногда ведетъ къ колебаніямъ и нерѣшительности.

Сильная же воля даетъ энергію, твердость, самостоятельность, рѣшительность и мужество, которое такъ важно и не только въ военное время... Стремясь возможно ближе подойти къ идеалу, слѣдуетъ выбирать предпочтительно то, что болѣе подходитъ къ военному дѣлу, а потому, принимая во вниманіе, что мы уже имѣемъ въ арміи на высшихъ должностяхъ достаточный контингентъ людей, солидно образованныхъ, крайне желательно въ нашъ нервный, шаткій, слабовольный, быть можетъ, излишне гуманный вѣкъ, обратить большее вниманіе на выработку твердыхъ самостоятельныхъ характеровъ, способныхъ проявлять разумную инициативу и беззавтную рѣшимость для достиженія поставленной цѣли. Г-нъ Э. Х. Калнинъ, въ своей интересной статьѣ «Мысли о нашемъ мышленіи»²⁾, высказывая свое мнѣніе по этому предмету, приходитъ къ совершенно противоположному заключенію. Онъ говоритъ: «слѣдуетъ отдать преимущество начальникамъ, обладающимъ сильнымъ умомъ, хотя бы при болѣе слабомъ характерѣ». Такое коренное различіе во взглядахъ на этотъ капитальный вопросъ наводитъ дѣйствительно на грустные мысли о нашемъ мышленіи вообще.

Неужели же правъ уважаемый авторъ упомянутой статьи, который, далѣе, говоритъ: «Корнемъ зла во всемъ нашемъ военномъ дѣлѣ является наше неумѣнье мыслить правильно, научно, строго логически, принявшее тревожные размѣры...».

Попробуемъ въ этомъ нѣсколько разобратся.

Мы говорили, что желателенъ только *нѣкоторый* перевѣсъ воли надъ умомъ, и въ то же время вполнѣ опредѣленно проводили мысль о необходимости поднять научную подготовку старшихъ начальниковъ, считая, что для нихъ, кромѣ твердаго усвоенія своего непосредственнаго дѣла и постояннаго совершенствованія въ немъ, обязательно знакомство съ главными вопросами текущей литературы и съ нѣкоторыми классическими сочиненіями по военному искусству, безъ чего нельзя и рассчитывать на достиженіе высокихъ должностей въ арміи.

Поэтому выраженіе наше о «разумной» инициативѣ не есть невольная обмолвка, какъ думаетъ г. Э. Х. Калнинъ, и не можетъ

²⁾ «Военный Сборникъ» 1912 г., № 12.

свидѣтельствовать «о смутномъ сознаниі, что на одномъ характерѣ далеко не уѣдешь...».

Да развѣ одного ума достаточно для военнаго дѣла? При такихъ логическихъ скачкахъ, можно сказать и такъ: съ однимъ только умомъ и съ мѣста не всегда сдвинешься!

Признавая желательнымъ лишь нѣкоторый перевѣсъ сильной воли, конечно, не исключалась необходимость для военачальника и соотвѣтственнаго ума, а потому уноминаніе о самодурахъ, мыслящихъ вкривь и вкось, пожалуй, и не кстати въ данномъ случаѣ. Мы живемъ въ переходное время,—появляются модныя теченія, а съ ними и увлеченія...

Не увлеченіе ли, что *большая* часть войсковыхъ начальниковъ уподобляется шахматнымъ игрокамъ и будетъ всегда руководить боемъ издали? А вѣдь этотъ взглядъ и приводитъ къ заключенію, что при такомъ руководствѣ воля играетъ неособенно большую роль.

Примѣръ маршала Ойямы, который, оставаясь во время боя далеко позади арміи, могъ спокойно (?) раздѣлять свое время между перестановкою шашекъ на картѣ и прогулками, указываетъ не только на существенное различіе въ управленіи боемъ при нынѣшнихъ массовыхъ арміяхъ, но наводитъ и на другую мысль: несомнѣнно этотъ полководецъ не только отъ природы былъ одаренъ сильною волею, но и окончательно развилъ и укрѣпилъ ее предыдущей службой; только при этомъ условіи можно сравнительно спокойно распоряжаться въ тяжелыя и грозныя минуты боя, получая нерѣдко неблагоприятныя свѣдѣнія съ различныхъ пунктовъ современныхъ обширныхъ полей сраженій.

Къ великому нашему горю, мы не были такъ счастливы: у нашего полководца, подъ вліяніемъ донесеній тревожнаго характера, въ памятные и скорбные дни Ляоянскаго боя, не оказалось настолько твердой воли и рѣшимости, чтобы вырвать у противника побѣду, во что бы то ни стало.

А успѣхъ былъ такъ близокъ и возможенъ! Нельзя отказать генералу Куронаткину въ правильности его распоряженій на 20-е августа: «развернуть правобережную группу арміи на фронтѣ Сыквантунъ—копи Янтай и, принявъ затѣмъ за ось Сыквантунскую позицію, произвести захожденіе арміей лѣвымъ плечомъ впередъ, дабы взять во флангъ позиціи, переправившихся у Канквантунни японскихъ войскъ арміи Куроки и прижать ихъ къ рѣкѣ

Тайцыхе»³⁾. Прекрасный планъ этотъ, къ сожалѣнiю, выполненъ не былъ... Почему? Главнымъ образомъ потому, что не хватило смѣлости, не было силы духа, при наличiи котораго полководцы ставятъ на карту все для достиженiя цѣли. Развѣ это не наглядный примѣръ превосходства въ нашемъ кровавомъ дѣлѣ воли надъ умомъ?

Умъ крупнаго, выдающагося начальника долженъ въ извѣстной степени соответствовать его волѣ и наоборотъ, а потому мы и не принадлежимъ къ числу лицъ, исповѣдывающихъ вѣру въ «единственно» спасительное для высшихъ войсковыхъ начальниковъ значенiе воли и характера. Это взглядъ одностороннiй и для дѣла, безусловно, вредный.

Подчеркивая особенно, что для такой работы, какъ работа современныхъ полководцевъ, нуженъ, прежде всего, сильный умъ, г. Э. Х. Калнинъ какъ будто упускаетъ изъ виду, что эти выдающiеся люди обладали, въ то же время, и сильными характерами, т. е. они представляли въ высокой степени образцы того именно равновѣсiя, о которомъ такъ образно говорилъ Наполеонъ.

Никто, конечно, не будетъ отрицать необходимости выбирать на выснiя командныя должности людей сильнаго ума, съ развитой волей и практическими знанiями по командованiю строевыми частями.

Однако, какъ извѣстно, выборъ людей не такъ-то простъ—много данныхъ требуется для этого: знанiе, умѣнiе, добросовѣстность, независимость, вниманiе, безпристрастiе, безкорыстiе, соблюденiе *только* интересовъ службы! Облегчить это трудное дѣло можно, въ значительной степени, подготовивши контингентъ людей, изъ числа которыхъ легче было бы выбирать, а для этого надо, чтобы командованiе было настоящее, достаточно продолжительное, а не кратковременное или фиктивное, какъ это иногда бываетъ; кромѣ того, командовать необходимо и крупными частями, а не только мелкими (баталiонами, полками), когда практика въ управленiи значительными войсковыми соединенiями совершенно отсутствуетъ, безъ чего полевая подготовка высокаго начальника будетъ далеко не полной.

Мы не можемъ согласиться также съ авторомъ, что «у насъ въ послѣднее время принята практика назначенiя на выснiя

³⁾ Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа исторической комиссiи. Т. III, ч. 3, стр. 185.

должности по одному лишь наличію строевого команднаго ценза». Факты доказываютъ, что это далеко не всегда такъ.

А между тѣмъ, правильная организація послѣдовательнаго прохожденія службы въ строю, на наиболѣе важныхъ и отвѣтственныхъ должностяхъ — командира полка и начальника дивизіи имѣетъ особое значеніе для подготовки высшихъ начальниковъ и, пока дѣло это не наладится прочно, мы не будемъ имѣть достаточно однороднаго и вполнѣ хорошо практически подготовленнаго команднаго состава.

Работа въ арміи, въ настоящее время, идетъ ходко не только по организаціонной и хозяйственной части, но, вопреки мнѣнію нѣмцевъ ⁴⁾, и по самообразованію личнаго состава, хотя, быть можетъ, не такъ гладко и успѣшно, какъ это желательно.

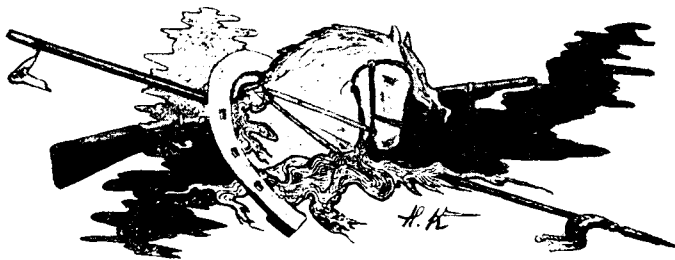
Въ заключеніе отмѣтимъ, что авторъ, чрезмѣрно налегая на необходимость «сильнаго ума» и «обширныхъ, глубокихъ познаній», что является удѣломъ лишь немногихъ избранныхъ лицъ, слишкомъ ужъ мрачно смотритъ на научную подготовку нашего генеральнаго штаба, этого мозга арміи.

Неправильнъ, по нашему мнѣнію, и мало обоснованъ окончательный выводъ г. Э. Х. Калнина по поводу замѣченнаго стремленія въ нашей арміи поставить подготовку войскъ на болѣе практическую почву.

Едва ли можно согласиться съ приведеннымъ девизомъ: «Прочь теорію и науку! Ближе къ жизни и практикѣ!»

Первая половина этой фразы, безусловно, не отвѣчаетъ дѣйствительности; люди, стоящіе близко къ строю, основательно понимающіе свое дѣло и добросовѣстно работающіе для поднятія боевой подготовки нашихъ вооруженныхъ силъ на должную, во всѣхъ отношеніяхъ, высоту, думаютъ и говорятъ такъ: меньше теоріи, но больше практики, основанной на наукѣ!

Д. Баланинъ.

⁴⁾ «Опасное недомысліе». «Новое Время», № 12939.

Наступающая пѣхота ¹⁾).

Наступающая пѣхота обязана своимъ успѣхомъ своему нравственному превосходству; движеніе ея впередъ, несмотря на потери, деморализуетъ обороняющагося; каждый выигранный ею шагъ—моральный успѣхъ для атакующаго, неудача—для обороняющагося.

Она должна стремиться къ внезапности нападѣнія; захваченный врасплохъ противникъ не сможетъ воспользоваться превосходствомъ своихъ средствъ борьбы.

Она должна сосредоточить большую часть своихъ силъ противъ избраннаго пункта, угрожая и сдерживая противника, сойдясь вплотную, на всѣхъ остальныхъ пунктахъ.

Внезапность и сосредоточеніе силъ въ одномъ пунктѣ дадутъ ей всѣ шансы на успѣхъ.

Итакъ, пѣхота атакующаго должна всюду надвинуться на врага, всюду угрожать обороняющемуся, съ самаго близкаго разстоянія наваливаясь на него, потому что, если ему угрожать только издали, онъ не будетъ лишень возможности маневрировать и располагать резервами по своему усмотрѣнію; пѣхота атакующаго должна найти наиболѣе уязвимыя мѣста на флангахъ и на фронтѣ, затѣмъ атаковать всѣ эти пункты, если возможно, внезапно, всѣми средствами, которыми она располагаетъ.

Итакъ, движеніе впередъ, бой на всемъ фронтѣ, атака...

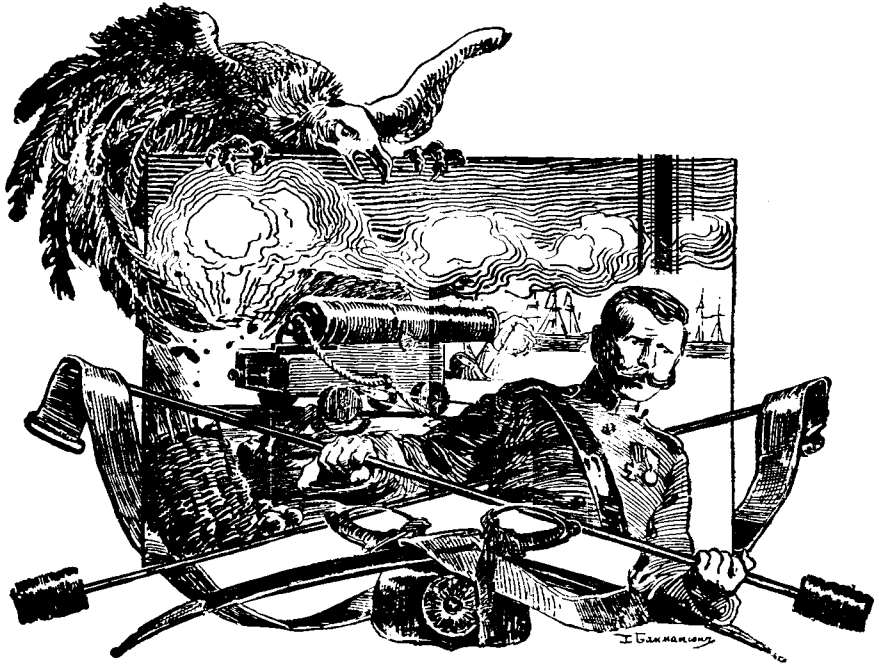
Атакующій считаетъ себя сильнѣе обороняющагося и этимъ самымъ и становится дѣйствительно сильнѣе его.

Атакующему легче согласовать всѣ усилія и направить ихъ къ достиженію намѣченной цѣли; онъ выбираетъ мѣсто и время; для него часто достаточно успѣха въ одномъ пунктѣ, тогда какъ обороняющемуся надо быть побѣдителемъ всюду.

* * *

¹⁾ Изъ труда генерала де Модюн «Пѣхота» (стр. 117 и 169).

ИСКУШЕНІЯ РУССКАГО ПОЛКОВОДЧЕСТВА.

о послѣдней войны мы, въ ученіи о войнѣ, имѣли, до извѣстной степени, «свою» школу. Синтетикомъ ея признавался величавый и многогранный Лееръ, аналитикомъ—яркій и язвительный Драгомировъ, врагъ «нѣмчины».

Послѣ «печальныхъ» боевыхъ опытовъ, наши наиболѣе отвѣтственные мыслящіе военные круги нашли, что мы *не знаемъ* и *не знали*, несмотря на вліяніе уномянутыхъ знаменитыхъ учителей, очень не многого; именно—не знали, *какъ* вести «современную» войну. Конечно, только изъ уваженія къ прославленнымъ именамъ учителей, подобное незнаніе «современной» войны характеризовалось не какъ невѣжество въ военномъ дѣлѣ, а лишь какъ нѣчто «не многое», такъ, молъ, подробности; основанія же-де, заложенные учителями, правильны, но о нихъ нечего и говорить, а вотъ, подробности, подробности..., онѣ у насъ «не современны».

И началось изготовленіе, если такъ можно выразиться, стратегической вермишели: тутъ подавали—съ соусомъ и безъ соуса—и Балка, и Грипенкерля, и Альтена, и Шлихтинга, и Бернгарди и т. д., и т. д. Комментаторы нагромождались на комментаторовъ; свой боевой опытъ признавался лишь въ свѣтѣ иноземныхъ «разъяснителей». Разыгрываніе боя, этой всезахватывающей Божьей грозы, ставилось въ непосредственную зависимость отъ нѣмецкаго на него взгляда....

Вотъ, наконецъ, грянула Божья гроза.

Ученики нѣмцевъ — турки — оказались постыдно безсильны, православные балканцы, учившіеся всюду, но лишь не у нѣмцевъ получили всемірный триумфъ. «Подробности» дѣйствительнаго современнаго боя, въ существенныхъ чертахъ, представляются похожими больше на то, о чемъ намъ говорили «старые» учителя; молодые же учителя съ нѣмецкой «современной войной» — осѣклись....

Страстные поклонники нѣмцевъ стануть (и стали уже), безъ сомнѣнія, отстаивать свои научныя позиціи и указывать на «зерно истины» въ ихъ заимствованныхъ ученіяхъ; но это «зерно» еще издавна допускалось во всякихъ—даже явно ошибочныхъ—утвержденіяхъ. Сами нѣмцы, тѣ откровеннѣе, если хотите, до цинизма; они уже говорятъ, что ихъ истинные ученики—болгары!? ¹⁾. Пусть говорятъ нѣмцы. Ни имъ самимъ, ни ихъ русскимъ послѣдователямъ, *на-слово*, какъ раньше, врядъ ли кто больше повѣритъ.

Но печалень не этотъ конфузъ тевтонскихъ прорицателей и ихъ добросовѣстныхъ учениковъ. Русскій военный умъ, русское военное довѣрчивое сердце больше всего смущены тою рѣзкостью въ колебаніяхъ, какую обнаруживаетъ наша научная мысль за послѣднія 5—7 лѣтъ. Если тамъ, на верхахъ военнаго мышленія, ясно замѣчается такая неустойчивость, почти противоположность мнѣній по самымъ основнымъ вопросамъ, на протяженіи меньше десятка лѣтъ—то гдѣ же мы, простые строевые работники, почерпнемъ связующее начало для дѣйствій, какъ мы достигнемъ единства въ рѣшеніяхъ и исполненіяхъ?

Оставлятъ подобные сомнѣвающіеся сердца и умы безъ отвѣта нельзя; это будетъ поруганіемъ «духа жива» въ военномъ искусствѣ....

¹⁾ См. въ «Internationale Revue über die gesamten Armeen und Flotten». Декабрь 1912. Supplément 165. L'Allemagne et les défaites turques dans la presse allemande....

Въ самомъ дѣлѣ, почему къ намъ не привилась никакая школа, и послѣ неудачной перемѣны военно-научнаго направленія за послѣдніе годы можно говорить не объ «единствѣ доктрины», а о томъ, что наша (какая ни на есть она у насъ была)... *доктрина ушла?*...

Отвѣтъ на это и очень сложенъ и очень простъ. Сложенъ, если захотимъ связывать его съ особенностями нашей славянской породы и ея нелюбовью къ какой-либо системѣ и т. д.... Отвѣтъ, наоборотъ, будетъ очень простъ, если признать (а это такъ ясно), что у насъ не было и нѣтъ лица, совмѣщающаго въ себѣ *дѣлателя* войны—полководца (стратега) съ *писателемъ* о войнѣ (стратегистомъ). Еще Драгомировъ въ предисловіи къ разбору Толстовской «Войны и Мира» отмѣтилъ эту нашу черту—дѣлатели войны не пишутъ о войнѣ, а пишущіе о войнѣ не дѣлали войны въ настоящемъ смыслѣ.

Военное искусство не только изобразительное искусство (какъ, напримѣръ, живопись, скульптура, драма и пр.), а и практическое искусство — искусство дѣланія, искусство подвига — побѣды.

Какъ бы ни былъ проникновененъ и остроуменъ военный писатель—его авторитетъ не создастъ прочной школы; подвиги кровавой побѣды находятся въ другой плоскости, чѣмъ подвиги пера.

Тамъ, гдѣ существуютъ ясно выраженные школы войны (военныя доктрины), во Франціи и въ Германіи, тамъ были такія личности, совмѣщающія въ себѣ и полководца и военнаго писателя. Для французовъ таковъ Наполеонъ, для нѣмцевъ—Мольтке.

Наши великіе полководцы Петръ и Суворовъ не были военными писателями. Ихъ изреченія, дошедшія до насъ, немногочисленны и частью подлежатъ сомнѣнію. Строить какое-либо ученіе на этихъ обрывкахъ великополководческой мысли—задача неисполнимая; своей «отсебятины» потребуется добавить больше, чѣмъ имѣется въ распоряженіи подлиннаго великополководческаго. Меньше такихъ изреченій осталось послѣ Суворова. «Пудра шута», снятая съ него нынѣ историками, открыла великую русскую военную личность, но школа Суворовская превратилась въ Драгомировскую. Кто знаетъ, будь Драгомировъ допущенъ до верховъ военнаго управленія, можетъ быть эта школа неизгладимо пронизала бы всю войсковую толщу, и тогда мы имѣли бы своего русскаго Мольтке, т. е. того человѣка, который создалъ бы стратегію

не какъ курсъ «писанныхъ» наукъ, а какъ захватывающую сверху до низу *дѣятельную, обязательную мысль* о наилучшей защитѣ государства въ строгомъ соотвѣтствіи съ волею Монарха и съ особенностями страны ²⁾; эта дѣятельная мысль и была бы школой прочной, неотвязной, поколебать которую никакимъ нѣмецкимъ переводомъ было бы нельзя.

Но Драгомировъ все время оставался лишь частнымъ начальникомъ.

Послѣ Петра письменныхъ слѣдовъ его великополководческой души осталось больше. Комментатора, такой величины, какъ Драгомировъ, къ мыслямъ Петра мы не имѣемъ. То единство доктрины, которое такъ хочется намъ установить, у великаго Петра достигалось простымъ, нѣсколько грубымъ, но дѣйствительнымъ путемъ, очень для теперешняго разброднаго времени поучительнымъ: въ Петровскомъ Артикулѣ нарушеніе основныхъ правилъ полководчества каралось наказаніями. Артикулъ былъ — чѣмъ хотите — тактикой, полевымъ уставомъ, гдѣ вмѣстѣ съ утвержденіемъ воинскаго правила приводилась степень наказанія за нарушеніе этого правила. Это не то, что теперь, когда тактика, въ сущности, не обязательна; за нарушеніе ея нѣтъ юридической кары, да и за нарушеніе полевого устава, по правдѣ говоря, нельзя отдать подъ судъ. Тѣ же преступленія, которыя караются воинскимъ закономъ, не имѣютъ почти ничего общаго ни съ тактикой, ни съ полевымъ уставомъ.

Вотъ эта «артикульная» доктрина — единственная у насъ, установленная лично великимъ полководцемъ, но, конечно, давно забытая нынѣ.

Школа чистаго, не воевавшего совсѣмъ, стратега Леера — она принималась всегда не въ самостоятельномъ значеніи, а во взаимодействіи съ Драгомировской, составляла одну, такъ называемую, русскую; но эта Лееровская половина школы дальше академіи не шла, такъ же какъ и служебная дѣятельность Леера.

И это въ то время, когда во Франціи, на плодотворной почвѣ Наполеоновскихъ твореній, расцвѣтало новое знаніе — проникновеніе въ душу великаго полководца, корсиканца, императора Франціи, узника. Тамъ, въ этой странѣ прославленныхъ новаторовъ, оказалось недостаточнымъ существованіе «учебной» академіи

²⁾ У Мольтке, въ его работахъ, такая согласованность прежде всего поражаетъ тѣхъ, кто съ нимъ знакомится.

(или *école supérieure de guerre*) и создалось новое «научное» военное учреждение—*Centre des hautes études militaires*, гдѣ совершенно отсутствуетъ неизбѣжная схоластика преподаванія, и объединяются взгляды начальниковъ на высшее командованіе войсками ³⁾...

Такъ, какъ же быть, спросить читатель? Доктрина ушла...

Первый путь, который, въ цѣляхъ объединенія взглядовъ на боевыя дѣйствія, намѣчается изъ только что сказаннаго, это опредѣленіе въ полевомъ уставѣ кары за неисполненіе тѣхъ или иныхъ правилъ устава. Какъ ни общъ въ своихъ указаніяхъ нашъ уставъ, однако, въ немъ все же есть такія статьи, за нарушеніе которыхъ можно, безъ ущерба справедливости, сразу опредѣлять очень суровыя наказанія. Такъ, напримѣръ: 1) за неисполненіе § 9-го Полевого Устава: «Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ: поэтому всѣ начальники должны своевременно ознакомлять своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ съ тѣмъ, что и съ какой цѣлью предстоитъ дѣлать»,—въ мирное время пониженіе на одинъ чинъ, а въ военное время—разжалованіе въ рядовые. 2) За неисполненіе § 74-го: «Войдя въ соприкосновеніе съ непріателемъ, разъѣздъ долженъ наблюдать за нимъ *неотступно*»—въ мирное время офицеры разжаловаются въ рядовые, а нижніе чины подлежатъ отдачѣ на три года въ дисциплинарный баталіонъ; въ военное время—смертная казнь. Такія же самыя наказанія налагаются и за неисполненіе слѣдующихъ §§ полевого устава: 3) пункта 4-го § 171: Назначеніе сторожевого охраненія... «Не допускать возможности обстрѣла охраняемыхъ войскъ артилерійскимъ огнемъ» и т. д. и 4) послѣдняго абзаца § 461-го: «Связь (въ бою) между пѣхотою и артилеріей устанавливается распоряженіемъ артилерійскихъ начальниковъ, связь конницы съ пѣхотою—распоряженіемъ кавалерійскихъ начальниковъ».

И многія другія статьи устава можно редактировать такимъ образомъ, чтобы все, въ уставѣ указываемое, являлось *непреложнымъ*, нашей *русской доктриной*, для всѣхъ обязательной подъ страхомъ наказанія. Петръ, вводя «артикуль», зналъ что дѣлалъ. Не только тогда, въ его время, но и нынѣ, кто изъ нашихъ начальниковъ будетъ исполнять разныя хорошія тактическія правила писателей и профессоровъ, когда, дай Богъ, справится съ указа-

³⁾ Между прочимъ, болгарскій уставъ для боевыхъ дѣйствій почти полностью заимствованъ отъ французскаго.

ніями, даваемыми со стороны своихъ прямыхъ начальниковъ! И полевой уставъ не въ большой чести потому, что за неисполненіе его наказанія не установлено, а страхъ «аттестаціоннаго» порядка связывается, обыкновенно, не съ «полевымъ уставомъ», а со всѣмъ укладомъ жизни командуемой части, гдѣ чуть ли не сотою долюю входитъ сей злосчастный уставъ.

Это предложеніе—вести кару за неисполненіе тактическихъ положеній полевого устава—не шутка. Этотъ путь вкорененія единства доктрины нѣсколько грубоватъ, но онъ въ нашихъ нравахъ. Лишь тогда поймутъ, насколько важно единство взглядовъ и приѣмовъ для боевыхъ дѣйствій.

Второй путь для установленія единства взглядовъ, это подчиненіе одному авторитету, одному лицу, дающему указаніе, иначе говоря, созданіе своего Мольтке; путь трудный, какъ потому, что не захотятъ слушать, такъ и потому, что никто, по крайней мѣрѣ, до сей поры, не беретъ на себя смѣлости стать на вакантный (послѣ М. И. Драгомирова) постъ авторитета. Самъ Мольтке сталъ авторитетомъ не сразу, со времени назначенія начальникомъ генеральнаго штаба, а лишь послѣ 3 выигранныхъ кампаній. Даже во время хода Франко-германской войны многіе старшіе начальники съ неуваженіемъ относились къ этому датчанину на прусской службѣ, къ этому «проходимцу», презрѣвшему старыхъ прусскихъ мастеровъ военного дѣла и писателей, и обратившемуся и обращавшему всѣхъ къ изученію «ненавистнаго» Наполеона.

Наконецъ, есть третій путь: созданіе такого же «центра высшихъ военныхъ наукъ», какъ во Франціи, съ развѣтвленіемъ этого центра на наиболѣе своеобразныхъ изъ нашихъ окраинъ (на Дальнемъ Востокѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ), гдѣ мѣстныя условія требуютъ совершенно иного способа борьбы, чѣмъ на европейскомъ театрѣ. Пусть такой «центръ наукъ» будетъ при «учебной» военной академіи, какъ и во Франціи при «*école supérieure de guerre*», или, можетъ быть, при академіи наукъ, какъ ея особое отдѣленіе, но необходимо, такъ или иначе, создать ячейку, гдѣ бы въ той или другой мѣрѣ разрѣшались сомнѣнія, которыхъ нынѣ накопилось чрезмѣрно много. Въ этотъ центръ наукъ должны привлекаться какъ люди, испытанные на поприщѣ «писанныхъ» военныхъ наукъ, такъ и люди «не писанныхъ» таковыхъ же наукъ на боевомъ полѣ; у насъ много тѣхъ и другихъ дѣятелей; часть изъ нихъ занята своимъ прямымъ дѣломъ, но есть и свободные до из-

вѣстной степени; да и занятые усиленной служебной работой не откажутъ въ своихъ указаніяхъ, въ своихъ поправкахъ къ тѣмъ основнымъ правиламъ, какія необходимо устанавливать «центру наукъ».

Жизненность «центра наукъ» у насъ будетъ достигнута только при его тѣсной связи съ упомянутыми уже мѣстными отдѣлами въ далекихъ округахъ. Тамъ необходимы маленькія военныя академіи ⁴⁾ со своимъ кадромъ слушателей и съ отдѣленіемъ «центра наукъ». Для службы въ этихъ округахъ высшее военное образованіе должно сопровождаться отчетливымъ знаніемъ мѣстныхъ особенностей края, чего не можетъ дать «одна» военная академія въ Петербургѣ. А изучить эти особенности, какъ говоритъ опытъ, не такъ-то легко. Мѣстное отдѣленіе центра наукъ будетъ представлять въ общій центръ цѣнныя данныя о мѣстныхъ особенностяхъ, которыя тамъ будутъ обсуждаться съ общей точки зрѣнія и такъ или иначе будутъ приняты во вниманіе при общихъ рѣшеніяхъ въ вопросахъ борьбы. Такимъ образомъ, посредствомъ взаимнаго обмѣна можетъ выработаться наша «русская» стратегія или общее положеніе о борьбѣ на нашихъ границахъ, и «русская» тактика—или способы веденія боевъ—сраженій, въ зависимости отъ особенностей различныхъ театровъ борьбы.

Какой изъ приведенныхъ трехъ путей лучшій для установленія единства взглядовъ на военное дѣло у насъ—пусть судятъ читатели. Кажется, слѣдовало бы воспользоваться сразу всѣми ими тремя: 1) установить кару за нарушеніе тѣхъ или иныхъ статей полевого устава; 2) за отсутствіемъ своего Мольтке, въ ожиданіи его, слушать то, что говорилъ учитель методичнаго нѣмецкаго стратега Наполеонъ въ своей Correspondance и 3) создать такой способъ обученія всевному дѣлу, чтобы не отдѣлять практики отъ теоріи, тв ердо памятуя, что въ военное время и та и другая сливаются въ одно.

Н. Нудрябцевъ.

⁴⁾ Опыты въ этомъ смыслѣ дѣлались и. можетъ быть, дѣлаются и нынѣ въ нѣкоторыхъ округахъ.

Ранней весною.

Величаво небесами
Облака за облаками
Проплывали въ вышинѣ
И нѣжнѣйшими тонами
Золотилися лучами
На лазурномъ чистомъ днѣ.

* * *

Пышно рощи зеленѣли
И шумѣли, точно пѣли
Гимнъ ликующей весны,
И повѣдать всѣмъ хотѣли
Про минувшія мятели
И зимы угрюмой сны.

* * *

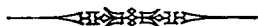
Въ оживленномъ хороводѣ
Гимнъ проснувшейся природѣ
Пѣли горные ручьи,
Низвергая на свободѣ
Въ неудержномъ, рѣзвомъ ходѣ
Свои чистыя струи.

* * *

И душою просвѣтленной,
Съ прозой жизни примиренный,
Я невольно ощущалъ:
Кто то, властью одаренный,
Міръ, Имъ дивно сотворенный,
Какъ Отецъ благословлялъ!...

* * *

П. Ч.

ТАКТИКА ОГНЯ ПѢХОТЫ.

Исслѣдованіе вопросовъ тактическаго примѣненія пѣхотою огня въ бою является, если и не совсѣмъ позабытою, то во всякомъ случаѣ сильно игнорируемою областью тактики.

Причина этого явленія кроется, повидимому, въ томъ, что, во-первыхъ, многіе изслѣдователи тактики сводятъ всѣ дѣйствія пѣхоты въ бою лишь къ соотвѣтственному ея маневрированію; во-вторыхъ, огневымъ дѣйствіямъ пѣхоты въ бою все еще не придаютъ соотвѣтственнаго подобающаго имъ значенія, и въ-третьихъ, что, пожалуй, является главнымъ, огневые дѣйствія пѣхоты составляютъ предметъ дѣйствій мелкихъ пѣхотныхъ частей—ротъ, взводовъ и отдѣленій, а тактика ограничивается изслѣдованіемъ и разборомъ дѣйствій лишь *тактическихъ единицъ*, каковыми являются баталіоны или болѣе крупныя пѣхотныя части.

Но вѣдь является уже неоспоримой аксіомой, что дѣйствія пѣхоты въ бою слагаются изъ ея маневра, огня и штыкового боя, факторовъ равноважныхъ, взаимно сочетающихся и дополняющихъ другъ друга.

Съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія тактика боевыхъ дѣйствій пѣхоты быстро эволюціонируетъ по пути развитія ея огневыхъ дѣйствій, и огонь пѣхоты пріобрѣлъ уже въ бою не только подготовительное, но и рѣшающее значеніе.

Разъ тотъ или иной успѣхъ огня пѣхоты при его огромномъ современномъ значеніи зависитъ отъ правильнаго тактическаго примѣненія этого огня мелкими пѣхотными частями, и отъ огневой работы этихъ частей будетъ зависѣть нерѣдко и весь успѣхъ боя, то, очевидно, что вопросы правильнаго тактическаго примѣненія огня этими мелкими частями должны составить соотвѣтственный весьма важный отдѣлъ изслѣдованій современной тактики пѣхоты.

Дѣйствительно, дивизіи, бригады, полки и баталіоны въ бою будутъ лишь маневрировать; на отвѣтственности начальниковъ этихъ частей будутъ лежать лишь ихъ маневренныя дѣйствія; всѣ же вопросы огневого боя будутъ всецѣло въ рукахъ и на отвѣтственности ротныхъ командировъ и командировъ взводовъ; открытіе и прекращеніе огня, выборъ цѣлей для обстрѣла, массированіе и распределеніе огня, все это вопросы, въ кои весьма рѣдко представится надобность и возможность вмѣшиваться командирамъ полковъ и даже баталіоновъ; все это область компетенціи и отвѣтственности младшихъ пѣхотныхъ начальниковъ.

Является поэтому весьма интереснымъ прослѣдить тактическую работу въ бою этихъ мелкихъ пѣхотныхъ частей, выдѣляя въ ней вопросы тактики ихъ огня.

I.

Значеніе въ бою огня пѣхоты.

Пѣхота главный родъ войскъ.

«Только народы, обладающіе хорошей пѣхотой, могутъ имѣть продолжительный успѣхъ въ исторіи; только пѣхота можетъ доставить имъ этотъ успѣхъ и возможность удержать его за собою», этими словами начинается Модюи свою книгу «Пѣхота». Пѣхота

выдерживаетъ на себѣ главную тяжесть боя. Только она одна способна своею силою рѣшительно сломить волю противника.

Цѣлью всѣхъ дѣйствій пѣхоты въ бою является непосредственное сближеніе съ противникомъ, при возможно болѣе выгодныхъ для себя моральныхъ и матеріальныхъ условіяхъ, для нанесенія ему рѣшительнаго пораженія ударомъ въ штыки. Чтобы достигнуть этого, пѣхота обладаетъ двумя средствами: *огонь и движеніе*. Только сочетаніе искуснаго огня съ искуснымъ маневрированіемъ можетъ дать возможность пѣхотѣ разстроить противника морально и матеріально, сохранивъ въ то же время насколько возможно свои собственныя моральныя и матеріальныя силы, и, такимъ образомъ, обезпечить успѣхъ своего штыкового удара и, какъ послѣдствіе этого, рѣшительную побѣду.

Единственнымъ могучимъ средствомъ, дающимъ возможность разстроить противника морально и матеріально до штыкового на него удара, является огонь.

Огонь прежде всего дѣйствуетъ на противника матеріально, а затѣмъ уже, какъ послѣдствіе этого, и морально.

Безпрерывно возрастающее усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія увеличиваетъ могущество пѣхотнаго огня; пулеметныя части пѣхоты придали огню ея новую могучую силу.

Только искусная въ дѣлѣ веденія огня и наилучшаго примѣненія въ бою всей силы своего огнестрѣльнаго оружія пѣхотная часть можетъ разстроить противника своимъ огнемъ настолько, что получить возможность, сохранивъ свои силы и волю, подойти къ нему вплотную для успѣшнаго удара въ штыки.

Но и въ лучшемъ случаѣ отъ современной пѣхоты все же требуется высокая моральная доблесть, чрезвычайныя упорство и энергія. Такъ, относительныя потери японской пѣхоты въ минувшую войну больше потерь всѣхъ остальныхъ родовъ войскъ этой арміи, вмѣстѣ взятыхъ; онѣ въ 10 разъ болѣе, чѣмъ потери въ кавалеріи, въ 4 раза болѣе, чѣмъ въ пѣшей артилеріи. Если относительныя потери въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ инженерныхъ войскъ нашей арміи въ минувшую войну принять за 1, то сравнительныя потери въ кавалеріи будутъ: офицеровъ—6,8 и нижнихъ чиновъ—1,9; въ артилеріи: офицеровъ—11,2 и нижнихъ чиновъ—3,0; въ пѣхотѣ: офицеровъ—18,6 и нижнихъ чиновъ—7,5. Въ общемъ въ японской пѣхотѣ потери были: 120% офицеровъ и 90% нижнихъ чиновъ; въ нашей пѣхотѣ 77% офицеровъ и 52% нижнихъ чиновъ.

Далеко не всегда въ бою пѣхота можетъ разсчитывать на поддержку огня артилеріи; силы послѣдней рѣдко позволяютъ ей держать подъ своимъ огнемъ все протяженіе боевыхъ линій противника; наконецъ, въ бою всегда будутъ моменты, когда артилерія будетъ принуждена прекратить свой огонь по сближившимся съ нашей пѣхотой линіямъ противника, и пѣхота будетъ предоставлена лишь силѣ собственнаго своего огня.

Наступленіе пѣхоты безъ огня привело бы ее неизбѣжно, за исключеніемъ лишь особо рѣдкихъ случаевъ, къ громаднымъ моральнымъ и матеріальнымъ потерямъ, и къ штыковому бою съ противникомъ, вполнѣ сохранившимъ свои духовныя и физическія силы, т. е. къ несомнѣнному пораженію.

Принявъ при этомъ во вниманіе то громадное количество ружей, которое даетъ въ современныхъ бояхъ пѣхота по сравненію со средствами пораженія въ другихъ родахъ войскъ, мы видимъ какое громадное значеніе имѣетъ современный огонь пѣхоты, наносящій около 80% всѣхъ потерь.

Только пѣхота даетъ побѣду въ современномъ бою, и достиженіе ею этой побѣды въ весьма значительной долѣ зависитъ отъ успѣха ея огневыхъ дѣйствій.

А потому только та армія имѣетъ право разсчитывать на побѣду, пѣхота коей сумѣетъ использовать въ бою всю силу и значеніе своего огня.

II.

Основные принципы тактики огня пѣхоты.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ пѣхота будетъ вести бои при содѣйствіи своей артилеріи, причемъ обязанность нанести возможно болѣе сильное пораженіе противнику и прикрыть наступленіе своей пѣхоты до сближенія сражающихся сторонъ на разстояніе около двухъ верстъ, дистанціи ружейнаго огня, будетъ лежать всецѣло на артилеріи.

Роль пѣхоты въ этотъ періодъ боя сводится лишь къ возможно болѣе скрытному передвиженію ея у наступающаго при возможно меньшихъ потеряхъ, благодаря искусному использованію условій мѣстности и соотвѣтственныхъ строевъ и укрытому расположенію пѣхоты обороняющагося для возможнаго уменьшенія ея потерь отъ артилерійскаго огня противника.

Это — періодъ исключительно лишь маневренныхъ дѣйствій пѣхоты. Но съ момента сближенія сражающихся сторонъ на разстояніе около двухъ верстъ пѣхота получаетъ возможность начать и свои огневые дѣйствія.

Вопросъ о томъ или другомъ моментѣ открытія огня пѣхотою находится, конечно, въ зависимости отъ цѣли ея дѣйствій, условій обстановки боя и прежде всего отъ силы и дѣйствія огня своей артилеріи. Чѣмъ сильнѣе будетъ огонь своей артилеріи, тѣмъ менѣе будетъ надобности въ открытіи огня пѣхотою съ дальнихъ разстояній и, наоборотъ, при малочисленной или слабо дѣйствующей артилеріи пѣхотѣ придется раньше прибѣгнуть къ дѣйствию своего огня.

Является интереснымъ установить, отъ кого именно въ бою долженъ зависѣть выборъ того или другого момента для открытія огня пѣхотою.

Современныя изслѣдованія объ управленіи огнемъ пѣхоты въ бою устанавливають съ очевидною ясностью, что огневой единицей пѣхоты является взводъ, т. е. разрѣшеніе всѣхъ огневыхъ тактическихъ и техническихъ вопросовъ, возникающихъ въ бою должно быть предоставляемо пѣхотнымъ взводамъ съ ихъ командирами.

Но вопросъ о первоначальномъ открытіи огня въ бою представляется настолько важнымъ и существеннымъ, что являлось бы болѣе правильнымъ предоставить разрѣшеніе его болѣе компетентному, чѣмъ командиръ взвода, начальнику, на примѣръ, ротному командиру, конечно, за исключеніемъ тѣхъ особыхъ случаевъ, когда командиръ взвода принужденъ будетъ открыть огонь самостоятельно, за недостаткомъ времени на испрошеніе разрѣшенія объ этомъ у ротнаго командира. Предоставленіе разрѣшенія вопроса о времени открытія огня старшимъ, чѣмъ ротный командиръ, начальникамъ, или же предварительное указаніе мѣстныхъ предѣловъ или времени для открытія огня является неправильнымъ, такъ какъ удобный, нужный моментъ для открытія огня можетъ быть замѣченъ лишь начальниками мелкихъ пѣхотныхъ частей, находящимися непосредственно въ передовой линіи; всякія предварительныя указанія за исключеніемъ лишь особыхъ случаевъ боя, какъ-то: ночью, особо скрытное не обнаруженное противникомъ наступленіе или расположеніе стрѣляющей части, могутъ привести лишь къ нежелательной и вредной для дѣла пассивности огневыхъ

дѣйствій пѣхотныхъ частей и упущенію ими благопріятныхъ для открытія огня случаевъ.

Цѣлью огневыхъ дѣйствій пѣхоты въ большинствѣ случаевъ явятся боевыя линіи непріятельской пѣхоты, изрѣдка части его конницы, такъ какъ обстрѣлъ линій пѣхотныхъ поддержекъ непріятеля и его артилеріи нормально будетъ возлагаться на артилерійскій огонь, и пѣхота лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ будетъ имѣть возможность обстрѣливать эти цѣли.

Обстрѣлъ переднихъ линій непріятельскихъ пѣхотныхъ частей будетъ самою частою и обычною цѣлью огневыхъ дѣйствій пѣхоты.

Огонь пѣхоты долженъ быть прежде всего направляемъ на тѣ части непріятеля, кои являются въ данный моментъ наиболѣе опасными, какъ болѣе всего препятствующія достиженію поставленной данной части цѣли; лишь при отсутствіи такихъ цѣлей пѣхота можетъ направлять свой огонь на пѣхотныя поддержки и цѣли, имѣющія второстепенное тактическое значеніе.

При выборѣ цѣлей пѣхотныя части должны учитывать не только то значеніе, какое имѣютъ данныя непріятельскія части для поставленныхъ самимъ стрѣляющимъ задачъ и цѣлей, но обязаны все время имѣть также въ виду общій успѣхъ дѣла и содѣйствіе успѣху сосѣднихъ частей; поэтому цѣль и сила огневыхъ дѣйствій пѣхотныхъ частей должны все время преслѣдовать полную взаимную согласованность дѣйствій и взаимную огневую выручку. Наступая и дѣйствуя отдѣльно, пѣхотныя части должны объединять всѣ свои огневыя дѣйствія и направлять ихъ къ достиженію одной общей цѣли, общаго успѣха, для чего является весьма важнымъ обстрѣлъ цѣлей не только фронтальнымъ, но и косымъ и перекрестнымъ огнемъ. На обязанности ротныхъ командировъ лежитъ взаимное согласованіе огневыхъ дѣйствій взводовъ его роты, на обязанности баталіонныхъ командировъ—согласованность дѣйствій ротъ баталіона, на обязанности командировъ полковъ лежитъ согласованность огневыхъ дѣйствій баталіоновъ и пулеметныхъ командъ и достиженіе косога и перекрестнаго обстрѣла цѣлей; только общая согласованность огневыхъ дѣйствій пѣхотныхъ частей, соображенная съ данной тактической обстановкой и условіями боя, можетъ обезпечить огню пѣхоты надлежащее дѣйствіе и значеніе.

Цѣль огневыхъ дѣйствій пѣхотныхъ частей можетъ быть ниже-

слѣдующей: 1) ослабить противника огнемъ настолько, чтобы затѣмъ легко и съ увѣренностью доконать его въ штыковомъ бою; 2) подъ прикрытіемъ огня съ возможно меньшими потерями совершить дѣйствія, нужныя для успѣшнаго исхода боя, и 3) огнемъ мѣшать противнику въ совершеніи дѣйствій, нужныхъ для него.

Ослабленіе противника огнемъ съ тѣмъ, чтобы послѣ этого легко добить его въ рукопашномъ бою, можетъ быть достигнуто лишь путемъ причиненія ему значительнаго пораженія или же, какъ это принято опредѣлять, достиженія огневого перевѣса.

Это достаточное для успѣха боя пораженіе или же достиженіе огневого перевѣса не можетъ быть гарантировано какими-либо разъ навсегда установленными нормами или цифрами поражений: $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$ или же $\frac{1}{3}$ сражающихся; значеніе поражений, слагаясь изъ двухъ элементовъ моральнаго и матеріальнаго, находится въ зависимости не только отъ матеріальнаго количества потерь, но и отъ моральной стойкости данныхъ войскъ, и потому не подлежитъ никакому опредѣленному матеріальному цифровому учету.

Во всякомъ случаѣ, для войскъ средней стойкости духа потери, которыя могли бы сильно ослабить ихъ морально и матеріально или же, выражаясь иначе, предоставить противнику огневой перевѣсъ, должны быть весьма значительны. Но безъ предварительнаго нанесенія этихъ потерь, безъ достиженія огневого перевѣса, самое приближеніе къ противнику для штыкового боя и успѣхъ штыкового удара являются крайне трудными и почти невозможными.

Поэтому нанесеніе противнику достаточно сильныхъ для моральнаго и матеріальнаго ослабленія его потерь является главнѣйшею и необходимою цѣлью огневыхъ дѣйствій пѣхоты.

Рѣшительная огневая борьба съ цѣлью рѣшительнаго ослабленія противника передъ атакой нормально будетъ вестись со среднихъ разстояній дѣйствительнаго ружейнаго огня, т. е. отъ 600 до 1.500 шаговъ отъ противника. Во всякомъ случаѣ къ періоду рѣшительной огневой борьбы, на какомъ бы разстояніи отъ противника эта борьба ни разыгрывалась, должны быть выдвинуты и использованы всѣ имѣющіяся въ распоряженіи огневые средства, всѣ ружья, всѣ пулеметы; здѣсь въ этотъ періодъ боя огонь долженъ проявить всю свою силу, оказать все возможное вліяніе на тотъ или иной исходъ боя.

Слѣдующая категорія огневыхъ дѣйствій, имѣющая цѣлью взаимное прикрытіе другъ друга при помощи огня, заключается въ томъ, что въ то время, когда одна часть участвующихъ въ бою совершаетъ передвиженія, находится на остановкахъ, изготовляется къ открытію огня, сосредоточиваетъ свой огонь на избранныхъ пунктахъ или же производитъ окопныя работы, другая часть ведетъ огонь по тѣмъ частямъ противника, которыя своимъ огнемъ наносятъ пораженіе нашимъ частямъ, занятымъ производствомъ указанныхъ выше дѣйствій.

Въ веденіи такого рода огневыхъ дѣйствій будетъ поочередно принимать участіе лишь часть сражающихся; стрѣльба ихъ, чтобы оказать на противника должное дѣйствіе, должна быть достаточно интенсивной, но при этомъ не будетъ представляться надобности доводить ее до того высокаго напряженія, какъ въ періодъ рѣшительной огневой борьбы; иногда для этого будетъ достаточно вести лишь рѣдкій, но длительный огонь.

Иногда можетъ представиться возможнымъ и удобнымъ заблаговременное назначеніе особыхъ частей, имѣющихъ цѣлью прикрытіе наступленія и атаки другихъ частей, кои предназначены для нанесенія противнику непосредственнаго удара (ружейныя и пулеметныя батареи).

Наконецъ, огневые дѣйствія, имѣющія цѣлью затрудненіе противнику нужныхъ для него передвиженій, стрѣльбы или его окопныхъ работъ, будутъ имѣть тотъ же характеръ, что и указанные выше огневые дѣйствія съ цѣлью прикрытія своихъ передвиженій и работы.

Стрѣльба для этого будетъ вестись лишь тѣми изъ участвующихъ въ бою, для коихъ она будетъ представляться при данныхъ условіяхъ наиболѣе удобной и выгодной; чаще всего огонь съ этою цѣлью будетъ вестись безъ сильнаго напряженія; нерѣдко для этого будетъ достаточно вести лишь рѣдкій огонь; придется открывать его въ такихъ случаяхъ и съ дальнихъ разстояній и при весьма незначительной вѣроятности попаданія, имѣя въ виду повліять на противника не только силою его пораженія, но и угрозой пораженія и впечатлѣніемъ звука пролетающихъ поблизости пуль.

Нерѣдко стрѣльба, имѣющая цѣлью прикрытіе своихъ частей, сольется воедино съ огневыми дѣйствіями, имѣющими цѣлью препятствованіе дѣятельности частей противника; такъ, напр., пре-

пятствуя производству стрѣляющимъ противникомъ мѣткого огня, мы тѣмъ же самымъ прикроемъ отъ этого огня тѣ свои наступающія части, противъ коихъ огонь этотъ направленъ.

Иногда и для этого рода огневыхъ дѣйствій могутъ быть назначаемы особыя части; такъ, напр., будетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда особо назначенныя пѣхотныя части имѣютъ цѣлью своихъ дѣйствій задержать противника на мѣстѣ огнемъ, пока другія части производятъ охватъ или обходъ. Дѣйствія артилеріи могутъ значительно облегчить и упростить указанные огневые задачи пѣхоты, но не могутъ исключить ихъ вовсе. Ибо невозможно допустить, чтобы въ какомъ-либо бою оказалась такая масса орудій, которая была бы въ состояніи обстрѣлять и разстроить морально и матеріально всѣ линіи пѣхоты противника на всемъ ихъ протяженіи, прикрыть наступленіе и другія дѣйствія всѣхъ своихъ пѣхотныхъ частей, участвующихъ въ бою, и съ достаточной дѣйствительностью препятствовать дѣйствіямъ всѣхъ линій противника.

И при большей численности артилеріи и наилучшей дѣйствительности ея огня все же значительная доля работы въ рѣшеніи этихъ, столь необходимыхъ для успѣшнаго завершенія боя, огневыхъ задачъ ляжетъ безусловно на обязанность пѣхоты, а успѣхъ того или иного рѣшенія этихъ задачъ будетъ во многомъ зависѣть отъ успѣшности ея огневыхъ дѣйствій. Въ наиболѣе же рѣшительный и критическій періодъ боя, когда пѣхотныя части обѣихъ сражающихся сторонъ приблизятся другъ къ другу на близкое разстояніе, вся тяжесть огневого боя ляжетъ всецѣло на пѣхоту.

Планомѣрное, искусное взаимное сочетаніе огневыхъ дѣйствій артилеріи и пѣхоты является труднѣйшимъ и необходимѣйшимъ залогомъ успѣха въ современномъ бою.

Взглядъ на пѣхоту, какъ на массу, нужную лишь для нанесенія противнику удара штыкомъ, является безусловно ложнымъ; еще до штыкового удара пѣхота должна нанести ударъ противнику своимъ огнемъ; этотъ огневой ударъ пѣхоты въ связи съ огнемъ артилеріи долженъ сыграть въ бою весьма важную, а иногда и рѣшающую роль; штыковой ударъ пѣхоты явится лишь завершеніемъ боя, плодомъ ея превосходства надъ пѣхотой противника въ матеріальномъ и моральномъ отношеніи, достигнутаго путемъ успѣшности ея огневыхъ дѣйствій.

Итакъ, *огневые дѣйствія пѣхоты по цѣли и характеру*

своему дѣлятся на 3 категоріи: а) стрѣльба съ цѣлью прикрытія своихъ дѣйствій отъ огня противника, б) съ цѣлью препятствовать дѣйствіямъ противника, и в) огневая борьба съ противникомъ съ цѣлью возможно большаго ослабленія его моральныхъ и матеріальныхъ силъ. Огневые дѣйствія пѣхоты должны протекать въ полной связи и единеніи съ дѣйствіями артиллеріи.

III.

Огонь пѣхоты при наступленіи.

Цѣлью огневыхъ дѣйствій наступающей пѣхоты является ослабленіе физическихъ и моральныхъ силъ атакуемаго противника, для облегченія тѣмъ своего штыкового удара и прикрытія своего движенія впередъ вплоть до непосредственнаго къ нему приближенія для атаки.

При наступленіи пѣхота открываетъ огонь лишь тогда, когда обнаружилось, что дальнѣйшее движеніе ея впередъ безъ огневого прикрытія потребуеть слишкомъ большихъ жертвъ.

Въ дальнѣйшемъ части наступающей пѣхоты передвигаются впередъ послѣдовательно отъ одной стрѣлковой позиціи къ другой подъ прикрытіемъ огня частей, остающихся на прежней позиціи, и тѣхъ, кои успѣли уже передвинуться на новую стрѣлковую позицію.

Во время передвиженія отъ одной стрѣлковой позиціи къ другой, происходитъ ли это передвиженіе перебѣжками или же шагомъ, части огня не открываютъ, а съ новой позиціи огонь открывается лишь тогда, когда на ней накопится часть не менѣе взвода, которая и откроетъ огонь подъ руководствомъ своего взводнаго командира, устроивъ для себя предварительно упоры и маски. Для устройства упоровъ и масокъ должны быть использованы мѣстные предметы, какъ-то: гребни высотъ, бугры, ямы, канавы, камни, деревья, кусты, стѣнки, заборы, а если на позиціи такихъ мѣстныхъ предметовъ не имѣется, слѣдуетъ вырыть окопы или же примѣнить земляные мѣшки, скатки шинели, палатки, рубахи, набитыя землей, и т. п.

Выборъ новой стрѣлковой позиціи обусловливается условіями мѣстности, положеніемъ сосѣднихъ частей и силою непріятельскаго огня; чѣмъ менѣе разстояніе до противника, тѣмъ ближе

одна отъ другой будутъ стрѣлковыя позиціи; выборъ новой позиціи на разстояніи менѣе $\frac{1}{3}$ всего разстоянія до непріятеля не даетъ существенныхъ выгодъ въ дѣйствительности огня.

Наступая, такимъ образомъ, послѣдовательно частями отъ одной стрѣлковой позиціи къ другой подъ прикрытіемъ огня частей, остающихся на мѣстѣ, наступающій приблизится къ противнику на разстояніе дѣйствительнаго огня—менѣе 1.500 шаговъ отъ его позиціи; дальнѣйшее движеніе наступающей пѣхоты впередъ, въ виду дѣйствительности огня противника, будетъ неизбежно сопровождаться огромными потерями и, кромѣ того, явится необходимость прежде, чѣмъ дойти до него вплотную для удара въ штыки, ослабить его насколько возможно дѣйствіемъ своего огня. Въ виду этого наступающей пѣхотѣ придется пріостановиться на одной изъ болѣе удобныхъ стрѣлковыхъ позицій въ зонѣ менѣе версты отъ расположенія противника съ тѣмъ, чтобы рѣшительнымъ огнемъ своимъ съ этой позиціи нанести возможно болѣе сильное пораженіе противнику, для чего наступающему придется использовать здѣсь въ самомъ широкомъ размѣрѣ всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи огневыя средства, какъ ружья, такъ и пулеметы. Количество расходуемыхъ при этомъ боевыхъ припасовъ должно быть соображено лишь съ тѣмъ, чтобы достаточное количество послѣднихъ оставалось еще для прикрытія дальнѣйшаго наступленія и огня съ близкихъ разстояній.

Такъ какъ и обороняющійся, вѣроятно, захочетъ съ этого разстоянія использовать дѣйствительность своего огня по наступающему, то послѣднему придется выдержать здѣсь періодъ рѣшительной огневой борьбы.

Ослабивъ и разстроивъ обороняющагося насколько возможно своимъ рѣшительнымъ огнемъ, пѣхота наступающаго двинется дальше; въ виду дѣйствительности огня обороняющагося, наступающій принужденъ будетъ дѣлать перебѣжки все короче и меньшими частями, и избирать стрѣлковыя позиціи все ближе одна отъ другой; все движеніе будетъ происходить подъ прикрытіемъ огня частей, остающихся на мѣстѣ, такимъ образомъ, что, когда одинъ взводъ наступаетъ, 3 взвода, примѣрно, ведутъ огонь по расположенію противника.

Приблизившись на послѣднюю стрѣлковую позицію, разстояніе коей отъ обороняющагося будетъ вполне зависѣть отъ условій боя и мѣстности, и разстрѣлавъ оттуда своимъ огнемъ противника, пѣхота наступающаго двинется для удара въ штыки.

Отступающій съ атакованной позиціи непріятель долженъ быть немедленно и энергично преслѣдуемъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

IV.

Огонь пѣхоты при оборонѣ.

Цѣлью огневыхъ дѣйствій пѣхоты обороняющагося является задержать, а, если окажется возможнымъ, то остановить движеніе атакующаго, съ тѣмъ, чтобы ослабить его физически и морально огнемъ, самимъ перейти затѣмъ въ наступленіе.

При оборонѣ пѣхота будетъ почти всегда вести огонь съ позицій, допускающихъ болѣе или менѣе дальній обстрѣлъ и снабженныхъ окопами или закрытіями и масками; при этомъ разстоянія до впереди лежащихъ мѣстныхъ предметовъ и рубежей будутъ заранѣе измѣрены, а части наступающаго будутъ представлять нерѣдко крупныя и ясно видимыя цѣли. Все это даетъ возможность пѣхотѣ обороняющагося открывать дѣйствительный огонь и съ дальнихъ разстояній; такъ какъ главною цѣлью огневыхъ дѣйствій пѣхоты при оборонѣ, какъ это было указано выше, является задержать движеніе атакующаго, и каждый шагъ послѣдняго, приближающій его къ обороняющемуся, является для наступающаго плюсомъ, а для обороняющагося минусомъ, то очевидно, что для послѣдняго весьма часто явится выгоднымъ вести огонь съ дальнихъ дистанцій.

Но въ то же время слѣдуетъ помнить, что лучшимъ средствомъ задержать и остановить наступленіе атакующаго является открытіе по немъ неожиданно дѣйствительнаго огня съ близкихъ разстояній.

Чѣмъ надежнѣ стрѣлковая подготовка пѣхотной части, чѣмъ сильнѣе ея моральный духъ и вѣра въ свои силы, тѣмъ позже она можетъ открывать огонь при оборонѣ, за исключеніемъ лишь особыхъ условій боя, когда, на примѣръ, является важнымъ заставить противника возможно ранѣе развернуться, или необходимо выиграть время, или же части противника представляютъ особо выгодныя, крупныя или важныя цѣли и т. д.

По наступающимъ цѣнямъ противника слѣдуетъ открывать огонь лишь съ разстояній ближе версты; огонь по цѣни будетъ

усиливаться и учащаться во время ея передвиженій и затихать или же совершенно прекращаться при расположеніи цѣпей пѣхоты атакующаго на мѣстѣ, въ зависимости отъ закрытій, за коими будутъ располагаться эти цѣпи, и видимости ихъ.

При обнаруженіи передвигающихся или же открыто расположенныхъ поддержекъ въ сомкнутыхъ строяхъ, слѣдуетъ перенести огонь частью на эти поддержки; поддержки, приближающіяся къ цѣпи для ея усиленія, могутъ быть обстрѣлены огнемъ, направленнымъ на цѣпь.

Передвигающаяся на новую позицію или же снимающаяся съ передковъ артилерія можетъ нерѣдко представить весьма выгодную цѣль для пѣхоты обороняющагося; пулеметы во время ихъ передвиженія, а также и расположенные на позиціи, на близкихъ и среднихъ разстояніяхъ представляютъ собою весьма важную цѣль, а потому въ частяхъ пѣхоты обороняющагося должно быть организовано тщательное наблюденіе за пулеметами наступающаго для своевременнаго ихъ разыскиванія на полѣ боя и для обстрѣла.

При предварительномъ изученіи раіоновъ вѣроятнаго наступленія противника, обороняющійся заранее намѣчаетъ рубежи, расположенные на разстояніи дѣйствительнаго ружейнаго огня, отъ 800 до 1.500 шаговъ, по достиженіи коихъ наступающимъ, по немъ долженъ быть открытъ сильный рѣшительный огонь, имѣющій цѣлью нанести возможно болѣе сильное пораженіе, съ тѣмъ, чтобы этимъ огнемъ разстроить противника физически и морально, сломить его волю и остановить дальнѣйшее его движеніе впередъ.

По приближеніи наступающей пѣхоты противника къ этимъ намѣченнымъ заранее рубежамъ, обороняющійся долженъ привлечь къ дѣйствию всѣ имѣющіяся у него въ распоряженіи огневые средства, какъ ружья, такъ и пулеметы, и опредѣлить какое приблизительно количество патроновъ должно быть потрачено во время этой огневой борьбы; причемъ на соображеніе о рѣшеніи потратить при этомъ огнѣ то или другое количество огневыхъ припасовъ вліяютъ: 1) стремленіе нанести противнику при этомъ достаточно сильное пораженіе, выбить минимально отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ его стрѣлковъ, и 2) количество имѣющихся въ распоряженіи патроновъ съ тѣмъ, чтобы достаточно количество таковыхъ осталось для дальнѣйшаго огня съ близкихъ разстояній.

Если этотъ рѣшительный огонь обороняющагося не остановитъ наступающей пѣхоты, слѣдуетъ при дальнѣйшемъ наступленіи

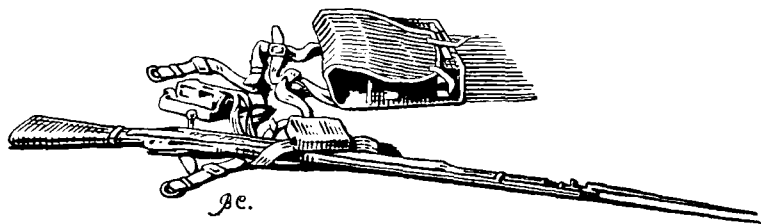
противника использовать всю силу огня съ близкихъ разстояній.

Спокойно и умѣло веденный обороняющимся огонь съ близкихъ разстояній способенъ остановить самое стремительное наступленіе.

Разстроенный огнемъ атакующій противникъ долженъ быть преслѣдуемъ при своемъ отступленіи сильнѣйшимъ огнемъ и окончательно смятъ и уничтоженъ пѣхотой, перешедшей въ наступленіе.

С. Глинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТРѢЛКОВЫЙ СПОРТЪ.

Въ предыдущей моей статьѣ въ № 1 «Военнаго Сборника» я указывалъ, съ какими трудностями сопряжена выписка патроновъ съ заводовъ и особенно для стрѣлка не офицера.

Главнымъ двигателемъ стрѣлковаго спорта являются поощрительныя состязанія, а потому въ настоящей моей статьѣ я коснусь официальныхъ состязаній, принятыхъ у насъ въ арміи. Какъ извѣстно, стрѣлбы у насъ происходятъ на обыкновенныя и Императорскіе призы, какъ изъ винтовокъ, такъ и изъ револьверовъ. Призы, для которыхъ стоитъ работать и готовиться, это Императорскіе, а обыкновенныя призы (50 руб. для винтовки и 24 руб. для револьвера) настолько малы, что во всякомъ случаѣ не только не могутъ служить дѣйствительнымъ поощреніемъ въ стрѣлбѣ, но и не окупаютъ расходовъ стрѣлка, который серьезно готовится къ состязанію.

Стрѣлбы на Императорскіе призы у насъ бываютъ двоякія: стрѣлбы въ гвардіи и стрѣлбы въ арміи; оцѣнка тѣхъ и другихъ совершенно различна. Возьмемъ, на примѣръ, стрѣлбу изъ револьверовъ. Гвардія стрѣляетъ въ маленькую мишень, діаметръ которой равенъ 7 дюймамъ, а армія стрѣляетъ въ мишень, діаметръ которой равенъ 28 дюймамъ. Конечно, величина мишени играетъ ма-

лую роль, но оцѣнка гвардейскихъ стрѣльбъ болѣе справедлива по тѣмъ причинамъ, что въ гвардейской мишени разстоянія между кругами равны $\frac{1}{2}$ дюйма, тогда какъ въ армейской мишени эти же разстоянія равны цѣлому дюйму, и это большое разстояніе между концентрическими кругами приводитъ къ тому, что часто стрѣлки, имѣющіе, даже простымъ глазомъ видимое, различное разсѣиваніе пуль, по подсчету имѣютъ одинаковыя суммы квадратовъ. Въ данномъ случаѣ, помимо большихъ разстояній между кругами, имѣетъ значеніе неправильная оцѣнка пуль, попадающихъ въ черту; по правиламъ нашего наставленія, считается квадратъ того номера, черту котораго задѣла пуля. Такимъ образомъ, отклоненія пуль почти на 2 дюйма въ стороны, даютъ тѣ же номера, что и пули, попавшія правильно.

Въ гвардіи оцѣнка совершенно иная; тамъ, во-первыхъ, не можетъ быть большого отклоненія пуль, кои не отразились бы на общей суммѣ очковъ, благодаря меньшимъ разстояніямъ между кругами, и, кромѣ того, тамъ счетъ происходитъ не на сумму квадратовъ, а прямо на сумму очковъ, что значительно справедливѣе, такъ какъ одна случайно плохо попавшая пуля не проваливаетъ совершенно стрѣлка, какъ въ арміи, а только понижаетъ его оцѣнку.

Вообще особенностью нашихъ состязательныхъ стрѣльбъ является то, что эти стрѣльбы по оцѣнкѣ, по дистанціи и по количеству пуль совершенно не похожи на стрѣльбы по международнымъ правиламъ, каковыхъ придерживаются почти во всѣхъ арміяхъ. Это-то незнакомство съ правилами международныхъ состязаній отчасти и послужило проваломъ русскихъ стрѣлковъ въ Стокгольмѣ на Олимпійскихъ играхъ.

Говоря про дистанціи, слѣдуетъ указать, что уставныя наши дистанціи на 200 шаговъ (винтовка) и 25 шаговъ (револьверъ), приводятъ къ тому, что стрѣлокъ, выступающій на состязаніе, вмѣсто серьезнаго изученія оружія и его баллистическихъ качествъ, просто набиваетъ себѣ руку на небольшую дистанцію, мало отличаясь по оцѣнкѣ отъ серьезнаго стрѣлка, съ одинаковымъ успѣхомъ стрѣляющаго на разныя дистанціи. Что стрѣльба на близкія и дальнія дистанціи совершенно различна, объ этомъ я распространяться не буду, такъ какъ это извѣстно каждому стрѣлку, а мало знакомый со стрѣлбой можетъ продѣлать надъ собою опытъ.

Между прочимъ, у насъ въ войскахъ въ дѣлѣ обученія стрѣльбѣ на дистанціи существуютъ два взгляда: согласно одного слѣдуетъ учить стрѣлка стрѣлять на близкія дистанціи, гдѣ яко бы стрѣ-

ляющій, лучше видя мишень, скорѣе будетъ замѣчать ошибки; согласно другому взгляда, къ сожалѣнію, болѣе рѣдко встрѣчаемаго, надо учить стрѣлять мѣтко на большія дистанціи. Лица перваго взгляда—приверженцы стрѣльбы по площадямъ. Не берясь категорически утверждать о правильности того или другого взгляда голословно, все же слѣдуетъ указать, что всѣ лучшіе стрѣлки въ Стокгольмѣ принадлежали къ тѣмъ націямъ, у которыхъ совершенно отсутствуетъ стрѣльба по площадямъ и гдѣ требуется мѣткій выстрѣлъ именно на большую дистанцію, а не на маленькую. Кромѣ этого я позволю себѣ задать читателю одинъ вопросъ: на какой дистанціи въ бою хорошій стрѣлокъ можетъ проявить свое искусство? Казалось бы, что хорошій стрѣлокъ одинаково хорошо будетъ стрѣлять какъ на малую, такъ и на большую дистанціи; однако, на дѣлѣ оказывается совершенно иначе: на близкихъ дистанціяхъ отъ противника, благодаря большому урону, а отсюда—происходящей въ стрѣлкахъ нервности, и хорошій и плохой стрѣлокъ одинаково плохо стрѣляютъ и вся стрѣльба, какъ бы хороша часть ни была, сводится къ простому выпусканію патроновъ, часть которыхъ, конечно, достигаетъ цѣли и выводитъ противника изъ строя; на большія же дистанціи стрѣлку нѣтъ причинъ быть нервнымъ, и онъ такъ же хорошо можетъ выпускать каждый патронъ, какъ и на учебной стрѣлбѣ въ мирное время.

Въ общемъ наши уставныя дистанціи для призовыхъ стрѣльбъ слѣдуетъ признать совершенно неудовлетворительными.

Что касается существующей у насъ оцѣнки стрѣлка 5 пулями (винтовка) и 7 пулями (револьверъ), то таковая совершенно не выдерживаетъ критики. Помимо того, что, при подобной оцѣнкѣ, случайно попавшій плохой патронъ совершенно можетъ провалить выдающагося стрѣлка и тѣмъ самымъ нарушить справедливую оцѣнку, но и вообще стрѣльба пятью или семью пулями не есть стрѣльба въ боевой обстановкѣ, гдѣ, можетъ быть, придется дѣлать сотню и болѣе выстрѣловъ. Между тѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что конечная цѣль всѣхъ стрѣлковыхъ состязаній въ арміи—есть стрѣльба въ боевой обстановкѣ. Казалось бы, что стрѣлокъ, выпускающій хорошо пять пуль, сможетъ безъ всякой подготовки выпустить съ тѣмъ же успѣхомъ и 50 пуль, но на самомъ дѣлѣ оказывается совершенно иначе, такъ какъ для большого количества пуль необходима особая и весьма долгая тренировка; предположимъ, на примѣръ, стрѣлокъ пятью пулями дѣлаетъ сумму

квадратовъ—30; если дать ему не 5 пуль, а — послѣдовательно 10, 20, 30, 40 и т. д., то онъ не будетъ уже выбивать, какъ казалось бы суммы квадратовъ въ 60, 120, 180, 240 и т. д., а будетъ дѣлать приблизительно 100, 200, 350, 500 и т. д. Конечно, этотъ опытъ можно продѣлать только съ тѣмъ стрѣлкомъ, который не тренированъ на большое количество пуль.

Согласно международныхъ правилъ полагается оцѣнивать стрѣлка не менѣе, чѣмъ 60-ю пулями.

Несовершенство нашихъ правилъ для состязательныхъ стрѣльбъ ведетъ къ тому, что наше офицерство неважно стрѣляетъ какъ изъ винтовокъ, такъ и изъ револьверовъ, мало въ общемъ интересуясь стрѣльбой.

Какъ на одну изъ причинъ отсутствія у насъ стремленія къ стрѣлковымъ состязаніямъ слѣдуетъ указать мизерность денежныхъ призовъ. Да и дѣйствительно, чтобы серьезно и регулярно готовиться къ состязаніямъ, надо на оружіе и патроны въ годъ тратить значительно больше суммы Императорскаго приза, т. е. больше 115 руб. Не слѣдуетъ забывать, что на состязаніе надо выходить, имѣя специальное для этого оружіе, главное качество котораго должно быть «неразстрѣляемость», т. е., другими словами, надо имѣть совершенно новое оружіе и—не одно, а два оружія: изъ одного надо работать, а другое имѣть только для состязаній. Кромѣ оружія надо еще располагать достаточнымъ количествомъ патроновъ, а это возможно только при порядочныхъ затратахъ изъ собственнаго кармана, такъ какъ не всегда офицеру разрѣшатъ пользоваться экономіей патроновъ въ полку или бригадѣ; одинъ командиръ не разрѣшитъ этого ради той же «экономіи», а другой не разрѣшитъ хотя бы изъ-за нежеланія раскупоривать новый ящикъ, какъ однажды подобный случай наблюдался въ одной изъ артиллерійскихъ бригадъ. Готовиться же къ серьезному стрѣлковому состязанію, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго количества патроновъ, невозможно.

Большимъ подспорьемъ для стрѣлковаго спорта являются различныя стрѣлковыя общества, которыя за собственные средства устраиваютъ различнаго рода призовыя стрѣльбы; однако, у насъ подобныхъ обществъ или нѣтъ или таковыя только что зарождаются, а потому весьма необходимо, для поднятія стрѣлковаго дѣла на надлежащую высоту, увеличить число призовыхъ состязаній въ войскахъ.

Чтобы поднять стрѣлковый спортъ и заинтересовать имъ большее число офицеровъ, особенныхъ затратъ не требуется; необходимо лишь сдѣлать слѣдующее: 1) уравнивать оцѣнку стрѣльбы въ гвардіи и арміи, установивъ для всѣхъ одинаковую мишень и счетъ производить не суммой квадратовъ (какъ это ведется въ арміи), а суммой очковъ; 2) нѣсколько увеличить суммы Императорскихъ призовъ; 3) назначить два новыхъ приза (одинъ за винтовочную стрѣльбу, а другой за револьверную), выдаваемыхъ за наилучшее разсѣиваніе въ каждомъ году; 4) назначить призы за побитіе рекорда; ихъ будетъ расходоваться не болѣе одного въ 4—5 лѣтъ; 5) измѣнить уставныя правила въ смыслѣ количества призовыхъ пуль и дистанціи, производя оцѣнку стрѣльбы не 5-ю пулями, а 40—60 и не на 200 или 25 шаговъ, а на разныя дистанціи.

Говоря про состязательныя офицерскія стрѣльбы, долженъ указать, что одинъ родъ войскъ—артилерія почти не участвуетъ въ состязаніяхъ, такъ какъ для нея не существуетъ какихъ бы то ни было денежныхъ отпусковъ на призовыя стрѣльбы. Такъ, напримѣръ, § 334 нашего Наставленія для обученія стрѣльбѣ изъ винтовокъ и револьверовъ, изд. 1909 г., гласитъ:

«Мѣстныя команды разнаго наименованія, конвойныя команды, дисциплинарныя части, части кавалерійскаго запаса, льготныя казачьи части, артилерійскія части и флотиліи военнаго вѣдомства не получаютъ денежнаго отпуска на обыкновенныя призы для офицеровъ за стрѣльбу».

Почему конвойныя команды, части кавалерійскаго запаса и артилерійскія части не получаютъ денежнаго отпуска на обыкновенныя призы за офицерскую стрѣльбу изъ револьверовъ? Если въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе малое число офицеровъ въ мѣстныхъ, конвойныхъ и другихъ частяхъ, то во всякомъ случаѣ справедливо было бы приравнивать стрѣльбу этихъ офицеровъ по результатамъ къ стрѣльбѣ строевыхъ воинскихъ частей и выдавать призы за то разсѣиваніе, за какое получаютъ обыкновенныя призы офицеры пѣхотныхъ полковъ; или еще проще: установить предѣльную сумму очковъ, за которую офицеръ всякой части можетъ получить обыкновенный призъ. Особенно несправедливъ этотъ параграфъ Наставленія для артилерійскихъ частей, которыя располагаютъ всегда значительнымъ количествомъ офицеровъ.

У насъ въ артилеріи, хотя и полагается на каждаго офицера по 21 патрону, но эта мѣра поощренія стрѣльбы совершенно не

достигаетъ цѣли и офицерство настолько мало заинтересовано стрѣльбой изъ револьверовъ, что часто не выпускаетъ ни одного изъ положенныхъ имъ 21 патрона, правильно рассуждая, что 21 патрономъ не научишься стрѣлять. Иногда въ артилерійскихъ частяхъ устраиваютъ любительскія состязательныя стрѣльбы съ призами по добровольной подпискѣ; часто при этомъ случается, что офицеръ, начиная практиковаться и стрѣляя вначалѣ скверно, черезъ нѣкоторое время оказывается отличнымъ стрѣлкомъ и начинаетъ увлекаться этимъ видомъ спорта. Будь у насъ въ артилеріи ежегодныя состязательныя стрѣльбы на призы, какъ обыкновенныя, такъ и Императорскіе, польза отъ этого была бы очевидна.

Долженъ оговорить, что, благодаря Наставленію, изд. 1909 г., артиллеристы имѣютъ право стрѣлять изъ револьверовъ на Императорскіе призы, но это право настолько трудно осуществимо на дѣлѣ, что въ крайне рѣдкомъ случаѣ можно имъ воспользоваться; такъ § 370 Наставленія гласитъ:

«Состязательную стрѣльбу тѣмъ офицерамъ, которые не участвуютъ въ состязаніи на обыкновенныя призы, допускается производить при какой-либо изъ дѣйствующихъ, резервныхъ и крѣпостныхъ пѣхотныхъ частей, съ разрѣшенія своего непосредственнаго начальства и съ согласія командира избранной части. Въ мѣстахъ, гдѣ названныхъ частей не расположено, состязательная стрѣльба на Императорскіе призы производится или лицами, командированными для повѣрки стрѣлковаго обученія, или начальниками мѣстныхъ бригадъ, во время инспекторскихъ смотровъ подвѣдомственныхъ имъ частей».

Для чего спрашивается введена эта процедура? Другое дѣло, если бы она касалась мелкихъ частей, какъ конвойная команда и др., но для артилерійскихъ частей она совсѣмъ неудобна. Обыкновенно въ пѣхотѣ состязательная стрѣльба производится въ то время, когда артилерія уходитъ на полигоны; слѣдовательно, въ это время отыскивать какую-нибудь пѣхотную часть (не своей дивизіи, а чужую) и добиваться права стрѣлять съ ней представляетъ мало удобствъ.

Не проще ли было бы, если бы каждая артилерійская часть въ составѣ, не меньшемъ дивизіона, производила подъ наблюдениемъ начальника части ежегодно состязательную стрѣльбу? Что касается артилерійскихъ частей, меньшихъ дивизіона, а равно и другихъ мелкихъ частей, то къ нимъ, пожалуй, можно было бы

примѣнить § 370 Наставленія, но и то желательно было бы его упростить.

Кромѣ этой несправедливости по отношенію артилеріи существуетъ еще другая: почему офицеры пѣхотныхъ частей имѣютъ право выступать на состязанія какъ изъ винтовокъ, такъ и изъ револьверовъ, а офицеры артилерійскихъ частей могутъ выступать только на револьверномъ состязаніи, да и то при указанныхъ выше ограниченіяхъ и затрудненіяхъ? Не было ли бы справедливѣе разрѣшить всѣмъ безъ исключенія офицерамъ выступать на Императорскіе призы какъ изъ винтовокъ, такъ и изъ револьверовъ?

Окончивъ на этомъ вопросъ относительно офицерскихъ стрѣльбъ въ войскахъ, коснусь теперь вообще стрѣлковаго спорта и въ частности—подготовки къ будущимъ Олимпійскимъ играмъ въ 1916 г. въ Берлинѣ.

Хотя у насъ и существуетъ Олимпійскій комитетъ, который, вѣроятно, въ числѣ другихъ отдѣловъ спорта, вѣдаетъ и стрѣлковымъ спортомъ, однако, объ этомъ мало кто знаетъ, а еще меньше—освѣдомленъ о дѣятельности этого Олимпійскаго комитета; между тѣмъ интересно теперь же узнать многое про минувшія состязанія въ Стокгольмѣ, какъ на примѣръ: какіе установлены рекорды по различнымъ отдѣламъ стрѣльбы, какое оружіе и патроны оказались наилучшими, чѣмъ слѣдуетъ руководствоваться при подготовкѣ къ будущимъ состязаніямъ и пр.

Для выступленія на будущихъ Олимпійскихъ играхъ недостаточно имѣть хорошій глазъ и твердую руку, а еще необходимо имѣть безукоризненное оружіе и патроны. Научиться хорошо стрѣлать сравнительно нетрудно и для этого стоитъ только немного набить себѣ руку, т. е. имѣть нѣкоторое время регулярную практику. Однако, только одной практикой стрѣльба до совершенства доведена не будетъ и дальнѣйшее усовершенствованіе стрѣлка уже зависитъ чисто отъ сноровки и обращенія съ оружіемъ и патронами. Для выдающейся стрѣльбы необходимо слѣдующее: 1) выбрать надлежащее цѣлевое оружіе, 2) ознакомиться съ патронами различныхъ фабрикъ и подобрать наиболѣе хорошіе и дешевые къ своему оружію, 3) приспособить оружіе по своей рукѣ и глазу, 4) пристрѣлать оружіе, 5) примѣнить къ оружію все то, что даетъ современная техника для, если можно такъ выразиться, аптекарской стрѣльбы, 6) изучить различныя условія стрѣльбы для парализованія случайностей, 7) принять всѣ мѣры

къ безукоризненному содержанию оружія въ исправности, а въ особенности—канала ствола и прицѣльных приспособленій.

Однако, соблюденія всѣхъ этихъ пунктовъ еще недостаточно для будущаго выступленія на Олимпійскихъ играхъ; если американцы на минувшихъ состязаніяхъ въ Стокгольмѣ забили всѣ націи подавляющимъ числомъ очковъ, благодаря своему почти идеальному оружію, то надо полагать, что и на будущихъ состязаніяхъ ихъ оружіе будетъ имѣть какое-либо особенное отличіе, дающее имъ преимущество; а потому, чтобы намъ не оказаться въ хвостѣ на будущихъ Олимпійскихъ играхъ, надлежитъ каждому стрѣлку заняться изобрѣтеніемъ спеціальнаго для себя оружія. Не слѣдуетъ, конечно, понимать мою послѣднюю фразу въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ изобрѣсти новое оружіе не подъ силу и всякому специалисту-технику, но все же нѣкоторыя измѣненія въ деталяхъ того или другого оружія, повышающія бой, можетъ придумать каждый стрѣлокъ.

У насъ въ Россіи выборъ цѣлевого оружія особенно труденъ вслѣдствіе того, что наши оружейные магазины за рѣдкимъ исключеніемъ не держатъ такового, а посему выборъ цѣлевого оружія происходитъ заглазно при посредствѣ магазина; это обстоятельство ставитъ лицо, выписывающее оружіе, въ полное невѣдѣніе относительно качествъ полученнаго оружія, что въ лучшемъ случаѣ ведетъ къ мелкимъ передѣлкамъ, а въ худшемъ — вызываетъ надобность выписывать новое оружіе.

Ознакомьтесь съ патронами различныхъ фабрикъ и подберите надлежащія къ своему оружію у насъ въ Россіи еще труднѣе, нежели достать цѣлевое оружіе, такъ какъ большинство оружейныхъ магазиновъ предпочитаетъ предлагать своимъ покупателямъ патроны русскаго производства, кои почти всѣ отвратительны. Ознакомившись съ малокалиберными патронами почти всѣхъ частныхъ русскихъ фабрикъ и заводовъ, я могу сказать, что только одинъ Русско-Бельгійскій патронный заводъ въ Москвѣ изготовляетъ удовлетворительные патроны, а всѣ остальные фабрики и заводы могутъ только ввести стрѣлка въ заблужденіе. Причина, ради которой магазины предпочитаютъ продавать патроны русскаго производства, весьма проста: патроны русскихъ фабрикъ настолько хорошо поддѣлываются по внѣшнему виду укупорки подъ заграничныя, что подчасъ поддѣлку трудно опредѣлить и спеціалисту; между тѣмъ цѣна заграничныхъ и русскихъ патроновъ

весьма различна для покупателя, а еще болѣе для продавца, который русскіе патроны пріобрѣтаетъ по очень низкой цѣнѣ. Нѣкоторые фабрики и заводы поступаютъ слѣдующимъ образомъ: выписываютъ изъ-за границы только однѣ гильзы (чтобы избѣжать уплаты большой пошрины), а снаряжаютъ патроны сами своимъ порохомъ и пулями и на обложкѣ ставятъ заграничное клеймо. Въ общемъ, выходить на состязаніе можно только съ патронами заграничнаго производства, но при этомъ долженъ замѣтить, что каждое оружіе требуетъ для себя специальныхъ патроновъ.

Относительно приспособленія оружія по своей рукѣ и глазу, можно сказать, что оружіе, пригодное для одного стрѣлка, совершенно непригодно для другого. Что касается прикладистости оружія, то, вполне понятно, каждый стрѣлокъ долженъ подогнать его къ своей рукѣ и подгонка болшею частью происходитъ къ тому образцу, изъ котораго стрѣлокъ привыкъ работать. По поводу пригонки оружія по глазу, долженъ пояснить слѣдующее: у каждаго стрѣлка разстояніе отъ глаза до прицѣла есть опредѣленная величина, и всякое другое разстояніе отъ глаза до прицѣла уже не будетъ подходить къ глазу этого стрѣлка, вслѣдствіе чего грани прицѣла не будутъ ясно обрисовываться, что безусловно будетъ имѣть вліяніе на мѣткость. Для достиженія извѣстнаго разстоянія между глазомъ и прицѣломъ, надо или укорачивать или удлинять прикладъ, приспособивая къ нему особыя накладки.

Дабы сдѣлать стрѣльбу болше мѣткой, надо устранить всѣ дефекты прицѣльныхъ приспособленій, какъ-то: отсвѣтъ мушки и прицѣла, разные скосы, неправильность граней, улучшить при помощи различныхъ діоптровъ видимость мушки и прицѣла. Между прочимъ эта работа съ прицѣльными приспособленіями болше трудна и требуетъ работы самого стрѣлка, а не посторонняго мастера, который никогда не будетъ въ состояніи сдѣлать именно то, чего желаетъ стрѣлокъ. Каждую мелкую передѣлку тотчасъ же надлежитъ провѣрять 20—40 выстрѣлами, чтобы опредѣлить результаты передѣлки.

На призовыхъ состязаніяхъ громадное значеніе имѣетъ совмѣщеніе центра разсѣиванія съ центромъ мишени, такъ какъ изъ-за несовмѣщенія можетъ провалиться выдающійся стрѣлокъ. Причины отклоненія центра разсѣиванія въ стороны самыя разнообразны; сюда можно отнести вѣтеръ, освѣщеніе, превышеніе или пониженіе мишени, неравномѣрное освѣщеніе мишени и пр.

Только серьезно изучивъ всѣ эти данныя, можно быть увѣреннымъ, что на состязаніи провала изъ-за этихъ причинъ не будетъ.

Про пристрѣлку оружія говорить особенно не приходится, такъ какъ само собою понятно, что оружіе должно быть тщательнѣйшимъ образомъ пристрѣляно, на что не надо жалѣть патроновъ.

Громадное значеніе имѣеть сохранность оружія въ исправномъ видѣ, а въ особенности канала ствола и прицѣльныхъ приспособленій. Прежде всего, никогда не слѣдуетъ чистить оружіе металлпческимъ шомполомъ, такъ какъ отъ каждодневной чистки (даже разнороднымъ металломъ), нарѣзы и каналъ ствола пріобрѣтаютъ нѣкоторые дефекты. Обязательно надо производить чистку деревяннымъ шомполомъ и не съ дульной части, а съ казны, такъ какъ, такимъ образомъ, предохраняется отъ побитости и распорашиванія самая дорогая часть ствола—дульный срѣзь. Американцы давно учли цѣнность дульнаго срѣза, а потому все ихъ оружіе чистится не съ дульной, а съ казенной части. Долженъ еще замѣтить, что всѣ патентованныя мази и масла, особенно имѣющія какой-либо специфическій запахъ, не годятся для чистки оружія и самымъ хорошимъ является наше ружейное сало, введенное для чистки казенныхъ винтовокъ. Прицѣльныя приспособленія надлежитъ сохранять въ исправномъ видѣ, приспособивъ особые колпачки на прицѣлъ и мушку во избѣжаніе сдвиговъ и поврежденій.

Какъ бы хорошо ни былъ тренированъ стрѣлокъ, передъ международнымъ выступленіемъ ему необходимо провѣрить свое искусство на второстепенныхъ состязаніяхъ; для этой цѣли за границей, передъ выступленіемъ стрѣлка на международномъ состязаніи, онъ выступаетъ на предварительныхъ состязаніяхъ частнаго стрѣлковаго общества, къ которому онъ принадлежитъ, и въ состязаніи между представителями этихъ обществъ. Для этой цѣли, напримѣръ, въ текущемъ году въ Южной Африкѣ основана особая стрѣлковая федерація, объединяющая всѣ частныя стрѣлковыя общества.

Частныя стрѣлковыя состязанія, служа съ одной стороны своего рода фильтровкой для стрѣлковъ, съ другой стороны пріучаютъ стрѣлка участвовать въ серьезныхъ состязаніяхъ. Говорить особенно не приходится, насколько важнымъ факторомъ въ состязаніи является волненіе участниковъ, которое настолько сильно отражается на результатахъ стрѣльбы, что многіе отличные стрѣлки совершенно не въ состояніи выступить на состязаніе изъ-

за волненія, котораго имъ не удастся устранить, слишкомъ рѣдко выступая на состязаніяхъ. Между прочимъ, американцы учли важность наличія волненія при состязаніяхъ въ стрѣльбѣ, а потому передъ командированіемъ своихъ стрѣлковъ въ Стокгольмъ, устраивали имъ упражненія въ особо торжественной обстановкѣ и при наличіи большого числа публики.

Въ общемъ можно сказать, что искусство стрѣльбы требуетъ серьезнаго обученія, а обученіе, въ свою очередь, требуетъ школы, каковой могутъ являться стрѣлковыя общества.

За послѣднее время у насъ вошли въ моду разнаго рода спортивные праздники, но какъ это ни странно, а на этихъ праздникахъ стрѣлковый спортъ совершенно отсутствуетъ, а казалось бы, что именно стрѣлковый спортъ долженъ среди военныхъ пользоваться особымъ почетомъ и ими же быть поощряемъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что стрѣлковый спортъ не только является большимъ пособіемъ къ совершенствованію арміи въ стрѣльбѣ, но и является большимъ двигателемъ въ смыслѣ усовершенствованія оружія.

Если стрѣлковый спортъ не особенно прельщаетъ офицеровъ, то онъ совершенно незнакомъ нашимъ нижнимъ чинамъ. Ежегодно каждая воинская часть устраиваетъ для нижнихъ чиновъ по случаю какихъ-либо празднествъ игры и развлеченія; слѣдуетъ отдать справедливость, что программы этихъ игръ всегда очень разнообразны, но почти никогда въ число таковыхъ стрѣльба не входитъ, между тѣмъ какъ это состязаніе, при небольшомъ умѣнїи наладить дѣло и грошовыхъ затратахъ, можетъ доставить нижнимъ чинамъ больше удовольствія, нежели бѣгъ въ мѣшкахъ и другія разновидности солдатскихъ развлеченій.

У насъ пока только существуютъ и правильно функционируютъ отдѣлы Императорскаго общества правильной охоты; однако, эти отдѣлы, имѣя совершенно особую цѣль, не могутъ дать специальныхъ цѣлевыхъ стрѣлковъ, и единственныя состязанія, устраиваемыя помянутыми отдѣлами, это садочныя стрѣльбы и стрѣльбы по тарелкамъ. Особенно развитъ этотъ своеобразный цѣлевой спортъ въ Москвѣ, гдѣ въ зимній сезонъ каждую недѣлю происходятъ состязанія. Слѣдуетъ оговорить, что нѣкоторые отдѣлы Императорскаго общества правильной охоты видимо располагаютъ большими средствами, такъ какъ сумма еженедѣльно разыгрываемыхъ призовъ достигаетъ довольно крупной цифры.

Было бы весьма кстати и своевременно, пока еще у нас не осуществлены на дѣлѣ стрѣлковая обществу, придти къ таковымъ на помощь именно Императорскому обществу правильной охоты, образовавъ у себя особый стрѣлковый отдѣлъ. Конечно, выборъ членовъ стрѣлковаго общества долженъ происходить подѣ извѣстнымъ контролемъ. Впослѣдствіи же, по постройкѣ тировъ въ каждомъ округѣ, стрѣлковая обществу уже могутъ самостоятельно стать на ноги.

Сравнительно недавно стали обращать вниманіе на развитіе стрѣлковаго спорта въ кадетскихъ корпусахъ и въ военныхъ училищахъ. Какъ это ни странно, но въ кадетскихъ корпусахъ стрѣльба изъ малокалибернаго оружія болѣе процвѣтаетъ (конечно относительно), нежели въ военныхъ училищахъ. Причина этому та, что въ кадетскихъ корпусахъ стрѣльба изъ малокалибернаго оружія узаконена приказомъ по военно-учебныхъ заведеніямъ, а въ военныхъ училищахъ подобная стрѣльба существуетъ, если не для развлечения, то лишь какъ средство улучшить стрѣльбу юнкеровъ изъ винтовокъ.

Что еще въ кадетскихъ корпусахъ въ смыслѣ стрѣльбы заслуживаетъ вниманія, такъ это однообразіе оружія и патроновъ во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ. Стрѣльба тамъ происходитъ изъ малокалиберныхъ винтовочекъ Сколера патронами американской фабрики Ungreased. Какъ оружіе, такъ и патроны, вполне удовлетворительныхъ качествъ.

Что касается постановки стрѣлковаго спорта въ кадетскихъ корпусахъ въ смыслѣ обученія, то таковая совершенно неудовлетворительна. Руководство въ дѣлѣ обученія кадетъ стрѣльбѣ возложено на корпусныхъ воспитателей, изъ коихъ каждый обучаетъ свое отдѣленіе, а отвѣтственность за правильность и успѣшность занятій стрѣльбой, согласно приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 23-го января 1912 г. № 7, возложена на ротныхъ командировъ, коимъ вмѣняется въ обязанность озаботиться подготовкой своихъ офицеровъ къ руководительству стрѣльбой, для чего даже предлагается, въ случаѣ надобности, устраивать офицерамъ занятія.

Какимъ, однако, образомъ ротный командиръ, никогда не слышавшій ничего про цѣлевое оружіе, можетъ научить своихъ офицеровъ преподавать кадетамъ стрѣльбу?

Не говоря уже о томъ, что, при системѣ преподаванія стрѣльбы

каждымъ воспитателемъ своему отдѣленію, является полная разрозненность и нѣтъ общаго, руководящаго всѣмъ обученіемъ, начала, но и сами воспитатели являются часто профанами въ стрѣлковомъ спортѣ. Да иначе и не можетъ быть—хорошо стрѣлять изъ винтовки или револьвера, это не значить быть знатокомъ стрѣлковаго дѣла, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ, какъ мною уже писалось, негдѣ даже ознакомиться съ цѣлевымъ оружіемъ.

Для поднятія стрѣлковаго спорта въ кадетскихъ корпусахъ на надлежащую высоту, необходимо вручить дѣло обученія кадетъ стрѣльбѣ специальному лицу, знающему, понимающему и интересующемуся стрѣлковымъ дѣломъ.

Наблюдая стрѣльбу въ двухъ кадетскихъ корпусахъ, я замѣтилъ слѣдующее: въ одномъ кадетскомъ корпусѣ кадеты стрѣляли изъ непристрѣланныхъ винтовочекъ и руководствовались при стрѣльбѣ только мизерными мишеньками, присылаемыми съ завода вмѣстѣ съ винтовками, на которыхъ сдѣлано четыре пробоины; благодаря малой величинѣ мишеньки, опредѣлить центръ разсѣиванія винтовки очень трудно. Результатомъ этого дефекта явилось то, что хорошіе стрѣлки изъ невѣрно бьющихъ винтовочекъ отвратительно стрѣляли. Такъ продолжалось довольно долго, и только одинъ воспитатель изъ всего корпуса обратилъ вниманіе на справедливья сѣтованія самихъ же кадетъ на неисправность винтовокъ и рѣшилъ ихъ снова пристрѣлять. Хорошо еще, что нашелся хоть одинъ такой воспитатель, а если бы его не было, то кадеты Богъ знаетъ сколько времени продолжали бы выпускать на вѣтеръ патроны, не только не чувствуя увлеченія стрѣлковымъ спортомъ, но еще считая его скучнымъ и мало интереснымъ занятіемъ.

Насколько важно еще съ юношескихъ лѣтъ внушить любовь къ стрѣлковому спорту, говорить не приходится. Особенно {хорошо поставлено обученіе молодежи стрѣльбѣ въ Швеціи, гдѣ инструкторами школьничковъ являются офицеры — специалисты стрѣлковаго дѣла.

Къ тому же приказу по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 23-го января 1912 г. за № 7 приложена программа обученія стрѣльбѣ кадетъ изъ винтовокъ Сколера. Обучаются, согласно программы, кадеты 4-го, 5-го, 6-го и 7-го классовъ, причемъ для каждаго класса существуютъ особья упражненія. Что въ таблицахъ упражненій, составленныхъ для каждаго класса, бросается въ глаза, такъ это несоотвѣтствіе трудности стрѣльбы по клас-

самъ. Наиболье легкими упражненіями являются упражненія лежа, между тѣмъ въ 4-мъ классѣ изъ девяти нѣтъ ни одного подобнаго упражненія, а таковыя видимо, замѣнены совершенно бесполезными упражненіями со станка. Въ 5-мъ классѣ изъ 11 упражненій только два упражненія лежа, между тѣмъ какъ въ 7-мъ классѣ изъ 10 упражненій четыре упражненія лежа.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что хотя упражненіе лежа — самое легкое, но въ то же время это упражненіе — самое употребительное въ боевой обстановкѣ, а посему слѣдовало бы удѣлить этому упражненію побольше вниманія. Въ заграничныхъ программахъ состязаній по стрѣльбѣ, какъ, напримѣръ, въ Америкѣ, Швеціи, Англии и Австраліи, упражненія лежа преобладаютъ. То же самое надлежало бы сдѣлать и у насъ въ кадетскихъ корпусахъ, а особенно при обученіи стрѣльбѣ въ 4-мъ классѣ, съ котораго начинаютъ это обученіе.

Приложенная къ программѣ обученія таблица баллистическихъ данныхъ для стрѣльбы изъ винтовочекъ Сколера не соотвѣтствуетъ таковымъ дѣйствительнымъ, а между тѣмъ подобныя таблицы могутъ служить большимъ подспорьемъ при прохожденіи курса.

Что всего интереснѣе и что отчасти служитъ показателемъ того вниманія, какое удѣляется у насъ стрѣлковому спорту, такъ это то, что до сихъ поръ кадетскимъ корпусамъ не указаны мишени, по которымъ надлежитъ производить упражненія, а только въ той же программѣ оговорено о томъ, что мишени (образцы) будутъ разосланы.

Въ виду того, что теперь отъ офицера требуется умѣніе стрѣлять не только изъ винтовокъ, но и изъ револьверовъ, не мѣшало бы завести въ кадетскихъ корпусахъ обученіе и стрѣльбѣ изъ малокалиберныхъ пистолетовъ, стрѣльба изъ которыхъ очень распространена за границей и принята на международныхъ состязаніяхъ; но опять-таки поручать дѣло обученія кадетъ изъ малокалиберныхъ пистолетовъ надо особому спеціалисту, такъ какъ стрѣльбою изъ пистолетовъ легко можно заинтересовать человѣка, но еще легче отбить у него охоту къ этому виду спорта.

Что касается постановки стрѣльбы изъ малокалибернаго оружія въ военныхъ училищахъ, то этотъ спортъ имѣетъ мѣсто только въ нѣкоторыхъ училищахъ, потому что, такъ сказать, за-

конныхъ причинъ для обученія юнкеровъ изъ этого оружія не имѣется.

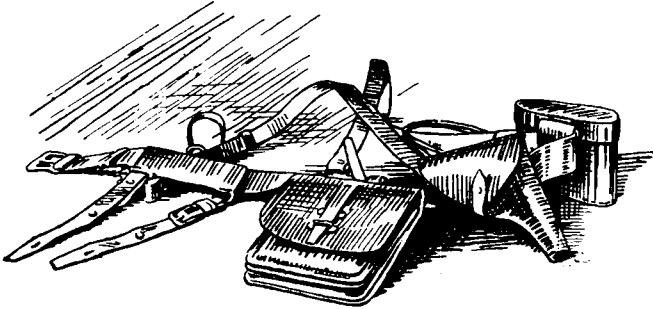
Постановка стрѣлковаго спорта въ военныхъ училищахъ мало разнится отъ таковой въ кадетскихъ корпусахъ, но здѣсь еще, кромѣ настоящихъ инструкторовъ этого дѣла, отсутствуетъ однообразіе оружія и патроновъ, и каждое училище, подобно частному стрѣлку, идетъ въ потемкахъ ощупью, подчасъ выписывая совершенно негодное оружіе и патроны. Правда, почти въ каждомъ училищѣ есть отличные стрѣлки изъ винтовокъ и револьверовъ, но эти стрѣлки въ цѣлевомъ оружіи, какъ и офицеры-воспитатели кадетскихъ корпусовъ, являются лицами малосвѣдущими. Въ одномъ, на примѣръ, училищѣ происходитъ стрѣльба, такъ называемыми, Боскетными патронами, а въ другомъ—болѣе дѣйствительными и мѣткими short кал. 22/100; въ одномъ стрѣляютъ на 12 шаговъ, а въ другомъ принята международная дистанція 50 метровъ и т. д. Въ общемъ получается большое разнообразіе обученія стрѣльбѣ, и общаго мѣрила успѣшности стрѣльбы юнкеровъ военныхъ училищъ не существуетъ.

Однажды мнѣ довелось демонстрировать свое цѣлевое оружіе въ военномъ училищѣ; осматривая мою американскую винтовку, одинъ училищный офицеръ (отличный стрѣлокъ изъ казенной винтовки), вѣдающій обученіемъ юнкеровъ стрѣльбѣ изъ малокалибернаго оружія, остался очень недоволенъ новѣйшимъ и очень удобнымъ прицѣломъ американской винтовки, говоря, что имъ трудно брать ровную мушку. Всѣ мои увѣренія, что именно этотъ прицѣлъ и обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что изъ него нельзя взять ни высокой, ни низкой мушки, а существуетъ только одна нормальная и ровная мушка, ни къ чему не привели, и этотъ офицеръ такъ и остался при своемъ убѣжденіи. Въ другомъ случаѣ мнѣ не удалось убѣдить офицера, тоже вѣдающаго стрѣлкою юнкеровъ изъ цѣлевого оружія, что онъ стрѣляетъ не заграничными, а патронами русскаго производства, но очень тонко поддѣланными подъ заграничные; при этомъ мною даже указывалась фабрика, снаряжающая эти патроны.

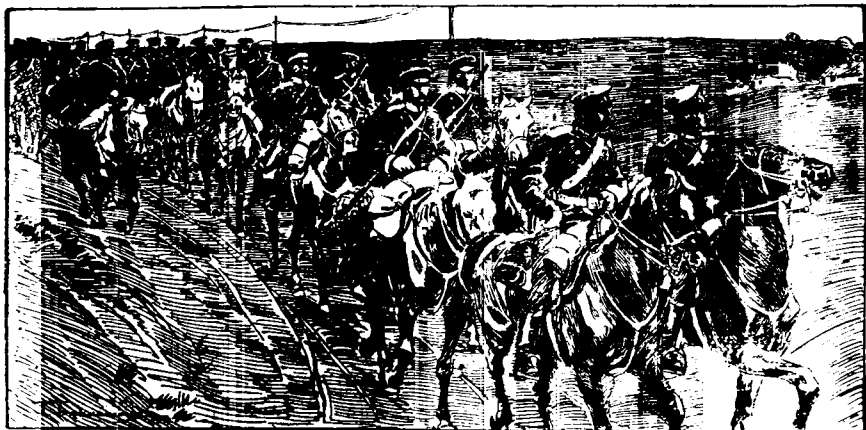
Въ заключеніе можно сказать, что главнымъ недостаткомъ обученія стрѣльбѣ изъ малокалибернаго оружія кадетъ и юнкеровъ является полное незнакомство учащаго персонала съ цѣлевымъ спортомъ; лицо, мало или совершенно незнакомое съ цѣлевымъ оружіемъ, не можетъ быть изъ него отличнымъ стрѣлкомъ

въ полномъ смыслѣ слова, а плохой стрѣлокъ не можетъ обучать стрѣльбѣ уже потому, что не сможетъ заинтересовать учащагося своимъ опытомъ, показомъ и искусствомъ.

А. Смирнскій.

Ас.

„Плечо въ манежъ“.

Ва послѣднее время вниманіе кавалериста невольно могло быть привлечено рядомъ статей и замѣтокъ о боковомъ движеніи — «плечо въ манежъ». Этотъ видъ бокового движенія существовалъ въ нашей кавалеріи со временъ первыхъ опредѣленныхъ требованій, но появился г. Фились и «плечо въ манежъ» было отвергнуто.

Приверженцы Филиса не могутъ, конечно, измѣнить своему великому учителю, своему гению, каковымъ они его почитаютъ: такъ князь Багратіонъ уподобляетъ «плечо въ манежъ» невольному движенію лошади подъ всадникомъ, проѣзжающей между избъ и испугавшейся появившейся изъ-за угла бабы въ яркомъ

костюмъ («Русскій Инвалидъ» 16-го октября 1912 г. № 226). Г-нъ Н. П. въ № 5 «Русскаго Инвалида» отъ 6-го января 1913 г. говорить о «плечѣ въ манежъ» нѣсколько уклончиво, ставя вопросъ: «что именно они» (относится къ германскому уставу) подъ выраженіемъ «плечомъ въ манежъ» понимаютъ». Или далѣе: «Если бы намъ ужъ такъ нравилась команда «плечомъ въ манежъ», ну хотя бы изъ-за громкости названія»... и т. д.

Намъ представляется сравненіе князя Багратіона нѣсколько жестокимъ, а лицамъ колеблющимся нѣсколько рискованно обращаться къ печати для разъясненія ихъ сомнѣній—для этого есть другіе выходы: есть же еще кавалеристы до-филисовскаго времени, существуетъ же литература, какъ наша русская (Бабянский, Матеріалы для курса инструкторскаго отдѣла, Генеvскій и другіе), такъ и очень богатая иностранная на всѣхъ языкахъ.

Въ свою очередь, невольно является вопросъ: неужели упражненіе, существовавшее въ нашей кавалеріи такъ долго, упражненіе, рекомендованное и признанное знатоками техники работы и выѣздки лошади, какими были у насъ покойный генераль-адъютантъ Гринвальдъ, генералы бароны Офенберги, генераль графъ Сиверсъ, генераль-адъютантъ князь Шаховской, генераль Дедюлинъ, генераль графъ Крейцъ и многіе другіе, а равно и цѣлый циклъ представителей берейторскаго искусства, какъ Рейнфельдъ, Эвальдъ, Гранжъ-Лефлеръ и пр., не смѣя затрагивать память болѣе высокихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ кавалерійскаго дѣла, достойна критики, основанной на мнѣніи одного Филиса?... Не-волью, наконецъ, напрашивается еще вопросъ: «достойна ли наша офицерская школа до-филисовскаго времени подобнаго къ ней отношенія»?

Позволю себѣ, прежде чѣмъ перейти непосредственно къ разбору движенія «плечомъ въ манежъ» указать на нѣсколько словъ князя Багратіона (въ № 226 «Инвалида») и дать попутно нѣкоторыя разъясненія. Въ означенномъ номерѣ «Русскаго Инвалида» князь Багратіонъ, раскритиковавъ «плечомъ въ манежъ», говорить:

«Такимъ образомъ сожалѣть объ исключеніи «плечомъ въ манежъ», какъ самостоятельнаго приѣма выѣздки, не приходится. Тѣмъ не менѣе намекъ на существованіе его въ нашей инструкціи есть. Приступая въ первый разъ «въ рукахъ» къ обученію лошади «откидывать задъ» въ сторону, ѣздокъ не долженъ заботиться, куда

молодая лошадь смотреть, такъ какъ цѣль этого приѣма—дать возможность запомнить лошади только одно: отъ прикосновенія хлыста къ правому боку она должна подать задъ въ лѣвую сторону и наоборотъ. Ёздокъ въ это время стоитъ передъ лошадыю, не допускающая переднимъ ногамъ сходить съ мѣста. Черезъ нѣсколько уроковъ лошадь это запоминаетъ и тогда даютъ поводьями соответствующее положеніе шеи» и т. д.

Полагаю, мы не ошибемся, усмотрѣвъ въ этихъ словахъ нѣкоторую уступку: такъ, чтобы заставить лошадь откинуть задъ отъ хлыста въ правую сторону, работающій невольно беретъ голову лошади въ лѣвую, а не такъ ужъ индифферентно относится, какъ говоритъ вышеуказанный авторъ: «ёздокъ не долженъ заботиться, куда лошадь смотреть»...

Въ эти первые уроки, по нашему мнѣнію, не является дѣйствительно вопроса, куда лошадь смотреть, а просто берется голова лошади въ одну сторону, чтобы заставить ее отступить задомъ въ противоположную, что лошади физически легче исполнить при указанныхъ условіяхъ, такъ какъ она невольно тогда разгибается или приходитъ въ свое нормальное положеніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, она приучается легчайшимъ способомъ къ соответствующему послушанію и необходимому упражненію. Этими приѣмами офицерская кавалерійская школа пользовалась съ самаго начала своего существованія; они же были рекомендованы и раньше, а равно и стоявшей въ то время (начало 80-хъ годовъ) несомнѣнно выше всѣхъ европейскихъ уставовъ германской инструкціей для выѣздки, послужившей отчасти основой и нашей системы, выработанной офицерской школой; при этомъ намъ, конечно, приходилось считаться съ количествомъ нашего ремонтнаго поступленія, съ сортомъ нашей ремонтной лошади, лучше сказать, съ ея разнообразіями, съ возрастомъ ея, и примѣнять тотъ принципъ, на которомъ наша инструкція была основана: сохраненіе конскаго состава.

Говоря объ откидываніи крупа отъ хлыста на рукахъ, надо отмѣтить, что прямымъ послѣдствіемъ его являлось такое же откидываніе крупа подъ всадникомъ или поворотъ на переду, принятый нами прямо изъ германской инструкціи и вызвавшій, въ свое время, цѣлый рядъ споровъ, но на этотъ поворотъ надо было смотрѣть не какъ на поворотъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, а какъ на учебный приѣмъ, приучающій лошадь повиноваться

первоначально хлысту, потомъ хлысту и шенкелю и, наконецъ, одному шенкелю.

При чемъ обращаю вниманіе, что при этомъ поворотѣ глазъ лошади брался въ наружную сторону, т. е. продѣлывался онъ совершенно подобно тому, какъ продѣлывалось откидываніе крупа на мѣстѣ на рукахъ, но мы никогда не поднимали такъ высоко головы лошади, какъ это дѣлалъ Фились, а оставляли лошадь въ естественномъ положеніи въ зависимости отъ ея сложенія, силы и подготовки.

Разъ лошадь стала подъ всадникомъ достаточно подаваться впередъ и вообще наступалъ моментъ начать боковыя движенія подъ всадникомъ, мы ихъ начинали на вольту и начинали при помощи кордового.

Первымъ учебнымъ приемомъ было опять-таки откидываніе крупа на движеніи въ наружу вольта, что мы продѣлывали на открытой части вольта, переходя, по мѣрѣ возможности, къ исполненію того же движенія безъ услугъ кордового. Послѣ же того, какъ всадникъ сталъ чувствовать, что лошадь начинаетъ достаточно повиноваться шенкелю, какъ при откидываніи крупа, такъ и при подачѣ впередъ, ему оставалось только нѣсколько подать лошадь впередъ, удержавъ ея вадъ на линіи вольта и, такимъ образомъ, невольно перейти изъ откидыванія крупа ко второму подготовительному упражненію для боковыхъ движеній, т. е. къ «плечу въ манежъ» на вольту.

Конечно, въ данный періодъ выѣздки о темпѣ движенія не могло быть рѣчи, но необходимость и послѣдовательность этого легчайшаго вида бокового гимнастическаго упражненія очевидна.

Къ плечу въ манежъ по прямому направленію мы переходили отъ точки соприкосновенія вольта со стѣнкою манежа, т. е. удерживая въ указанномъ мѣстѣ лошадь наружнымъ поводомъ, внутреннимъ шенкелемъ мы продолжали движеніе вдоль стѣнки манежа.

Разъ лошадь начинала усваивать наши требованія, мы переходили и къ приниманію, но первоначально къ приниманію «черезъ манежъ», что первое время продѣлывали въ концѣ начальной перемѣны направленія. Одно время въ нашемъ Наставленіи это приниманіе было первымъ упражненіемъ для боковыхъ движеній, хотя изъ всего вышесказаннаго ясно, что откидываніе крупа должно

ему предшествовать. Не вдаваясь болѣе въ дальнѣйшее усовершенствованіе боковыхъ движеній, а опять-таки возвращаюсь къ движенію «плечомъ въ манежъ».

Мало-по-малу, по мѣрѣ успѣха работы, наконецъ, наступало время приступить къ галопу; вотъ тутъ опять на движеніе «плечо въ манежъ» выпадаетъ роль какъ бы подготовительнаго упражненія, что легко объяснить себѣ, такъ какъ лошадь на плечѣ въ манежъ, правильно исполняемомъ, принимаетъ тяжесть на наружную заднюю ногу, а, переступая внутренней передней черезъ наружную, развиваетъ или, какъ мы говорили, работаетъ внутреннее плечо.

Эти два условія необходимы и для галопа, на которомъ одинъ моментъ, послѣ перваго темпа, вся тяжесть лошади и всадника принимается одною наружною заднею ногою и на галопѣ же лошадь должна имѣть наиболѣе свободное внутреннее плечо—отсюда естественно, что правильно исполненное «плечо въ манежъ» является подготовительнымъ упражненіемъ къ галопу.

Полагаемъ, что вышеизложеннаго достаточно, чтобы хотя нѣсколько оправдать «плечо въ манежъ» отъ столь жестокаго сравненія князя Багратіона; попутно обращаемъ вниманіе читателя на замѣтку К. Вольфа по тому же вопросу въ № 233 «Русскаго Инвалида» за прошлый годъ, съ которой нельзя не согласиться.

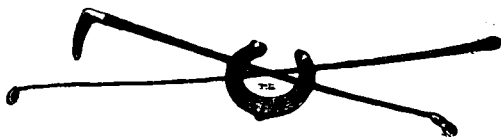
Въ свою очередь, невольно приходится еще высказаться по поводу словъ г. Н. П. («Русскій Инвалидъ» 1913 г., № 5): «Какимъ образомъ «плечо въ манежъ» изъ приѣма первоначальной выѣздки превратилось у насъ въ упражненіе и попало въ качествѣ такого въ строевой устанѣ, разобратся, я полагаю, нѣтъ никакой возможности, но изгнано оно оттуда вполне по заслугамъ: заставляя выѣзженную лошадь ходить плечомъ въ манежъ похоже на то, когда, желая попрактиковать грамотнаго человѣка въ чтеніи, заставляютъ его читать по складамъ».

Можетъ быть, г. Н. П. и совершенно правъ относительно практики чтенія, но позволимъ себѣ, въ свою очередь, поставить вопросъ: практикуется ли атлетъ и гимнастъ, не продѣлываетъ ли ежедневно первоклассная балерина самыя первоначальныя упражненія, зачѣмъ хорошему стрѣлку упражнять себя въ прикладкѣ и прицѣлкѣ и т. п.?

Не становится ли яснымъ, что и лошади необходима соответствующая гимнастика, какъ и всякому существу, обреченному на

физическій трудъ, трудъ не легкой и продолжительный, если принять во вниманіе срокъ службы лошади въ кавалеріи. Наконецъ, та же лошадь, являясь первымъ оружіемъ кавалериста, должна быть подготовлена и къ той нелегкой работѣ, которую ей приходится нести при обученіи и усовершенствованіи такъ быстро мѣняющихся въ наше время юныхъ воиновъ-кавалеристовъ.

Ю. Панаевъ.

Нѣсколько словъ о значеніи мѣстности для конницы.

Мѣстность одинъ изъ главныхъ факторовъ въ дѣйствіяхъ конницы и, для успѣшнаго примѣненія своихъ массъ, послѣдняя должна много считаться съ тѣмъ, удобна она или нѣтъ.

Нельзя дать образца, опредѣленнаго рецепта для веденія кавалерійскаго боя физическія, моральныя силы противника и *конфигурація мѣстности* указываютъ всегда тотъ или другой способъ правильнаго употребленія конницы, такъ говоритъ теорія.

Истины всѣмъ извѣстныя, но наша постоянная привычка дѣйствовать на мало пересѣченной мѣстности часто заставляетъ ихъ забывать. Навѣрное большинству изъ насъ, на маневрахъ мирнаго времени, нерѣдко бросались въ глаза характерная неосвѣдомленность о мѣстности и безопасность къ ней.

Получаются прекрасныя, своевременныя донесенія о приближеніи противника, чуть ли не до его точной группировки включительно.

Принимается рѣшеніе, отрядъ развертывается для исполненія прекрасно задуманнаго плана и... вдругъ, нерѣдко передъ самымъ столкновеніемъ, происходитъ нѣчто неожиданное, непредвидѣнное, нарушающее всѣ расчеты. Части, брошенныя съ цѣлью маневрированія противъ слабаго мѣста противника, оказываются задержанными какимъ-либо болотистымъ ручейкомъ, или неожиданно остановленными какимъ-либо другимъ мѣстнымъ препятствіемъ, а то и

того хуже—попадаютъ въ такую полосу, гдѣ совершенно не могутъ развернуться.

На маневрахъ это лишь безпорядокъ, на войнѣ это можетъ стать гибелью.

Причина такихъ нелоразумѣній—малое вниманіе, удѣляемое мѣстности.

Кавалерійскія части, почуявъ близость другъ друга, думаютъ лишь объ одномъ—скорѣе во что бы то ни стало дать работу шашкѣ, забывая коварную мѣстность. Прекрасно, ибо каждый кавалерійскій начальникъ долженъ лелѣять въ своемъ сердцѣ горячее желаніе скорѣе ударить на врага, но въ умѣ надо хладнокровно подготовить этотъ ударъ, сдѣлавъ его возможно дѣйствительнѣе, для чего у него мѣстность врагъ или помощникъ.

Теперь, когда наша и иностранныя конницы отказались отъ трехлинейнаго порядка и переходятъ къ групповому и комбинированному, вниманіе къ мѣстности должно возрасти еще болѣе.

Самый прекрасный по замыслу и по исполненію планъ боя, самая яростная и полная кавалерійской отваги атака могутъ вмѣсто побѣды превратиться въ поражение изъ-за какой-либо промоины, болотины, виноградной проволоки и т. п.

Мѣстность всегда была и будетъ тираномъ замысловъ кавалерійскаго начальника.

Чѣмъ ближе нависаетъ кавалерійскій бой, тѣмъ значеніе мѣстности является все болѣе и болѣе господствующимъ, а къ моменту столкновенія она прямо заставляетъ строить планъ боя въ зависимости отъ ея конфигураціи, если хочешь быть побѣдителемъ.

Все, что касается мѣстности, должно развѣдывать такъ же тщательно, какъ и противника, дабы правильно и *своевременно* ее утилизировать.

Конечно, начальникъ большого кавалерійскаго отряда не можетъ самъ объ этомъ заботиться; его дѣло быть творцомъ, а черная работа должна принадлежать его помощникамъ, его штабу, который и долженъ изыскать способъ это возможно лучше исполнить.

Дѣло развѣдки мѣстности должно быть такъ организовано въ штабѣ отряда, чтобы начальникъ его въ каждый данный моментъ могъ быть въ курсѣ ея на извѣстномъ разстояніи впередъ, получая этимъ свободу дѣйствій, а передъ столкновеніемъ *своевременность* выясненія мѣстности должна быть доведена до высшей степени, ибо, начавъ исполненіе плана, перемѣнить уже почти невозможно: «troupe déployée—troupe employée».

Я уже говорилъ, что одной изъ причинъ нѣкоторой безопасности кавалеріи къ мѣстности являются наши малопересѣченные поля.

Правда, на нашихъ поляхъ нерѣдко одного вниманія дозоровъ частей достаточно, чтобы предотвратить тѣ непріятныя случайности, которыя можетъ подстроить мѣстность, но совсѣмъ другое мы видимъ на поляхъ нашихъ западныхъ сосѣдей.

Густота населенныхъ пунктовъ, разнообразная культура полей, волнистая и пересѣченная мѣстность, въ каждомъ пунктѣ пути ставить конницу въ иныя условія боя, а иногда дѣлаютъ ихъ и совсѣмъ невозможными. Конный отрядъ, идущій на встрѣчу противнику по такой мѣстности, принужденъ двигаться скачками, дабы встрѣтить противника на выгодной для себя мѣстности и, используя ея укрытія, не попасть внезапно подъ огонь.

«Нерѣдко, пишетъ Commandant Jibé въ «Tendances tactiques de notre cavalerie», описывая французскіе маневры 1906 г., «начальники нашихъ большихъ кавалерійскихъ частей ведутъ свои части, какъ будто они не подозреваютъ, что противникъ можетъ располагать нѣкоторымъ числомъ пушекъ и что каждую минуту можно попасть подъ ихъ огонь. *Подобная безпечность при современной скорострѣльности можетъ стоить дорого*». Французская военная литература настойчиво бичуетъ порокъ невниманія къ мѣстности и это же проникаетъ въ войска.

Когда присутствуешь на занятіяхъ французской кавалеріи, бросается въ глаза это внушеніе—заставить отдавать себѣ отчетъ въ мѣстности. Почти на каждомъ разборѣ ученія или маневра, начальникъ, объясняя причину тѣхъ или другихъ своихъ дѣйствій, рѣдко забываетъ указать на мѣстность. При занятіяхъ небольшихъ частей (полуполка, полка) на открытомъ, волнистомъ учебномъ плацу, въ планѣ атаки всегда входитъ стремленіе использовать даже незначительныя складки мѣстности и атаковать противника сверху внизъ, для чего стремятся маневромъ овладѣть этимъ выгоднымъ положеніемъ.

Если мѣстность играетъ такое серьезное значеніе въ бою конницы противъ конницы, какъ мы только что говорили, то въ бою трехъ родовъ войскъ при дѣйствіи противъ пѣхоты и артилеріи оно еще болѣе увеличивается и знаніе мѣстности и умѣніе къ ней примѣняться дѣлается безусловно необходимымъ.

При современномъ скорострѣльномъ ружьѣ и страшныхъ ураганахъ шрапнели атака неразстроенной пѣхоты и артилеріи, занимающей позицію, дѣло не легкое. Опасная полоса увеличилась и атака, веденная съ разстоянія нѣсколькихъ верстъ, требуетъ осо-

бенно тщательнаго использованія мѣстности. Если при дѣйствіи противъ кавалеріи мѣстность больше была врагомъ кавалеріи, тутъ она часто можетъ сдѣлаться другомъ. Она не только уменьшитъ потери и дастъ передохнуть конямъ, сохранивъ ихъ силы для болѣе быстрого пробѣга поражаемой полосы, но, создавъ внезапность для врага, можетъ заставитьъ его потерять голову, а въ этомъ первый залогъ успѣха.

Игнорированіе мѣстностью при дѣйствіяхъ противъ пѣхоты и артилеріи ошибка, могущая дорого стоить.

Капитанъ Луаръ въ своей недавно появившейся книгѣ «Cavalerie», разбирая атаку конницы на пѣхоту, первымъ условіемъ ея успѣха ставитъ использованіе мѣстности — «*L'utilisation outrancière du terrain est la première condition du succès*». Какъ примѣръ, онъ приводитъ атаку 1-го драгунскаго нѣмецкаго полка, поддержаннаго двумя эскадронами кирасиръ противъ праваго фланга дивизіи Grenier IV французскаго корпуса въ сраженіи 16-го августа 1870 г. подъ Резонвилемъ. Тогда какъ драгуны, прекрасно использовавъ мѣстность, дошли до непріятельской пѣхоты съ небольшими потерями, кирасиры, двигаясь, совершенно не обращая вниманія на складки мѣстности, были засѣяны пулями и повернули, потерявъ 3 офицеровъ, 30 человекъ и 30 лошадей, не произведя ни малѣйшаго эффекта.

Какъ принципъ при веденіи атаки на пѣхоту современная кавалерія должна ставить — развлечь вниманіе противника нѣсколькими разомкнутыми линіями, слѣдующими со всѣхъ сторонъ горизонта одна за другой, *все время примѣняясь къ мѣстности*, направивъ въ это время *скрытыми подступами* дѣйствительный ударъ.

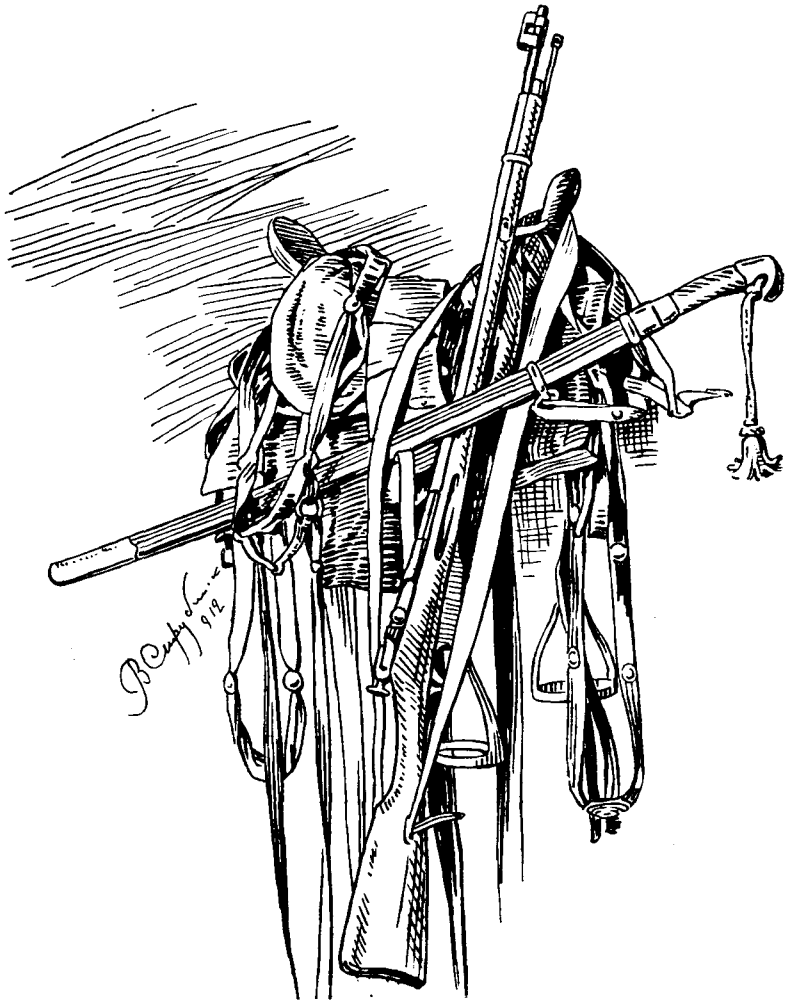
Вотъ тутъ-то и нужно будетъ знаніе и умѣніе быстро понять мѣстность, безошибочно оцѣнить ея складки и, обманувъ, смутивъ противника волнами разомкнутыхъ всадниковъ, несущихся во всѣхъ направленіяхъ, по укрытымъ жиламъ направить страшный ударъ.

А нужная складка всегда найдется; вѣдь на самомъ, повидимому, ровномъ полѣ есть мѣста, совершенно скрывающія изъ виду кавалерійскую часть; нужна лишь практика и вниманіе къ нимъ.

Отречемся разъ навсегда прилаживать готовую теоретическую схему того или другого боевого порядка къ участку боя, а приучимъ себя еще во время мира считаться съ мѣстностью и маневрировать, примѣняясь къ ней.

В. Брендель.

Значеніе частнаго задонскаго коннозаводства для ремонтирования кавалеріи.

Донская полукровная лошадь, соединяя въ себѣ достаточную облагороженность съ той выносливостью, которую можетъ дать лишь воспитаніе на свободѣ съ постояннымъ движеніемъ на открытомъ воздухѣ въ теченіе круглаго года на отличныхъ степныхъ пастбищахъ съ огром-

ными запасами на зиму наилучшаго сѣна, является для нашей арміи боевымъ конемъ, наиболѣе надежнымъ въ суровыхъ условіяхъ и напряженной работѣ военного времени. Отличительныя качества ея: богатый костякъ, мощная мускулатура, сухія крѣпкія ноги и прекрасно развитые органы дыханія. Въ, такъ называемомъ, культурномъ коннозаводствѣ, т. е. между продуктами конюшеннаго режима, съ донскою лошадыю могутъ сравниться въ этомъ отноше- нии лишь отдѣльные индивидуумы, выдающіеся по прочности экстерьера и врожденному здоровью.

Но процентъ таковыхъ всегда очень малъ, а въ особенности на нашемъ рынкѣ, гдѣ, наоборотъ, замѣчается возрастающее пере- производство лошадей порочныхъ.

Въ приказѣ Генераль-инспектора кавалеріи 1909 г. № 11 объ осмотрѣ въ запасныхъ кавалерійскихъ частяхъ ремонта 1908 г. сказано:

«Сравнивая лошадей, купленныхъ въ культурныхъ раіонахъ и у донскихъ частныхъ коннозаводчиковъ, преимущество должно быть отдано въ общей массѣ послѣднимъ лошадямъ, какъ болѣе прочнымъ».

Испытанія, производившіяся въ 1909 г. въ Офицерской кавалерійской школѣ надъ всѣми нашими верховыми породами, привели къ слѣдующему заключенію о полукровной лошади задонскихъ коннозаводчиковъ:

«Всѣ 8 лошадей этой группы представляли собой однородный прекрасный типъ легкой кавалерійской лошади, сухой, съ хорошо развитою мускулатурою, съ сильными легкими, хорошими спинами, крѣпкими ногами и отличнымъ копытнымъ рогомъ.

По быстротѣ скачки, по способности къ продолжительному полевому галопу и маху черезъ препятствія и по выносливости онѣ выказали прекрасныя качества.

Въ общемъ эта группа лучшая изъ числа испытывавшихся лошадей регулярной кавалеріи».

Управляющій прусскимъ Тракенскимъ заводомъ г. фонъ-Эттингенъ, общепризнанный авторитетъ въ коннозаводскомъ дѣлѣ и знатокъ ремонтной лошади, неоднократно выражалъ удивленіе передъ драгоценными качествамъ нашей донской лошади. Въ послѣдній разъ это было на Всероссийской выставкѣ въ 1910 г., гдѣ онъ очень хотѣлъ пріобрѣсти одного, особенно понравившагося ему, донского жеребца, хотя бы въ обмѣнъ за выдающагося тракенскаго

производителя для нашего государственного коннозаводства, но, несмотря на самое энергическое содѣйствіе этому желанію, жеребец остался у владѣльца, объявившаго, что не продасть его ни за какую цѣну; такъ ревниво удерживается въ задонскихъ табунахъ все лучшее въ приплодѣ ради поддержанія старинной славы этого ремонтнаго коннозаводства, которое представляетъ совершенно исключительное явленіе въ коненпроизводствѣ всѣхъ европейскихъ государствъ, а потому требуетъ крайней осторожности передъ роковымъ вопросомъ объ его уничтоженіи. Не слѣдуетъ забывать, что это коннозаводство, которое привыкли называть частнымъ и степнымъ, въ сущности по своему назначенію *спеціально военное*, подѣ строгимъ контролемъ Военнаго министерства, а по способамъ веденія *культурно-степное полукровное*.

Задонская степь даетъ болѣе 50% всего ремонта регулярной кавалеріи и 17% ежегоднаго наряда въ конную артилерію, причемъ артилерійское начальство, въ виду превосходныхъ качествъ донскихъ лошадей, настойчиво желаетъ увеличенія этого процента. Сверхъ того, коннозаводчиками уступается въ производители для донскихъ станичныхъ табуновъ и коневодамъ Калмыцкой степи, офицерамъ донскихъ казачьихъ полковъ и для нуждъ войска Донского въ сложности около 900 головъ, изъ которыхъ 100 бурлачковъ бесплатно, остальные по ремонтнымъ цѣнамъ для степныхъ лошадей ¹⁾).

Въ 1910 г. ремонтными комиссіями восточной и западной частей Задонской степи было принято 3.985 головъ.

Тѣмъ не менѣе продленіе аренды Задонской степи на нынѣ дѣйствующихъ основаніяхъ имѣетъ настоячивыхъ противниковъ.

Культурные коннозаводчики, недовольные его существованіемъ, главнымъ образомъ, потому, что оно избавляетъ ремонтное вѣдомство отъ безвыходной необходимости принимать ихъ ставки безъ брака, со значительнымъ процентомъ лошадей несоотвѣтственныхъ, выставляютъ Задонскую степь препятствіемъ для процвѣтанія производства верховой лошади въ другихъ частяхъ Россіи. Министерство финансовъ желаетъ облегчить бюджетъ отъ приплаты за аренду. Главное управленіе государственнаго коннозаводства, не сочувствуя частному задонскому коневодству, какъ району внѣ его вѣ-

¹⁾ Кромѣ этихъ воспомоществованій, на задонскихъ коннозаводчикахъ лежатъ расходы по содержанію ветеринарнаго состава и бактериологической станціи, а также почтовая повинность натурой.

дѣнія, обѣщаетъ замѣнить его улучшеніемъ коневодства въ Калмыцкой степи. Населеніе Донской области, или, по крайней мѣрѣ, отдѣльные представители его, требуетъ возвращенія изъ аренды земель, преувеличивая ожидаемая выгоды отъ непосредственной эксплуатаціи ихъ. Наконецъ, нѣкоторыя фракціи нашихъ законодательныхъ учрежденій вообще противъ самой идеи насажденія и поддержанія коннозаводства специально ради государственной обороны.

Уничтоженіе частнаго задонскаго коннозаводства немедленно поставило бы нашу армію въ затрудненіе передъ ежегоднымъ недоборомъ болѣе половины ремонта въ кавалерію. На этотъ случай указываются слѣдующіе источники: а) увеличеніе приѣма верховыхъ лошадей изъ культурныхъ раіоновъ; б) расширеніе ремонтнаго конепроизводства въ Калмыцкой степи; в) возобновленіе приѣма въ кавалерію изъ уральскаго коневодства; г) улучшеніе киргизской лошади до типа ремонтной полукровной и насажденіе полукровнаго коннозаводства на свободныхъ земляхъ въ Сибири съ переводомъ туда и плодоваго состава изъ Задонья.

а) *Увеличеніе приѣма верховыхъ лошадей изъ культурныхъ раіоновъ.* — Въ настоящее время задонская лошадь обходится казнѣ дороже культурной, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ расчисляютъ тѣ конепроизводители, для интересовъ которыхъ она не желательна. Но съ прекращеніемъ частнаго задонскаго коннозаводства финансовая сторона вопроса можетъ рѣзко измѣниться, и врядъ ли государство что-либо выиграетъ даже въ узко матеріальномъ отношеніи. При обсужденіи мѣрѣ къ облегченію конепроизводства, вспоможеніемъ ему безпроцентными ссудами подъ видомъ задатковъ и поощрительными цѣнами, были приняты во вниманіе всѣ пожеланія представителей именно культурнаго верхового коннозаводства, такъ какъ частное задонское уже дѣйствовало на строго определенныхъ закономъ основаніяхъ. Тѣмъ не менѣе въ комиссіи Генераль-инспектора кавалеріи по обсужденію въ 1910 г. участи частнаго задонскаго коннозаводства, куда были приглашены и принципиальные противники его, культурными коннозаводчиками было заявлено о недостаточности средней ремонтной цѣны, уже повышенной противъ первоначальной на 50 руб., о необходимости минимальной цѣны въ 450 руб. и предоставленія имъ права сдавать своихъ лошадей въ ремонтъ въ теченіе 10 лѣтъ съ наивозможнымъ снисхожденіемъ къ недостаткамъ.

Эти требованія ²⁾ очень знаменательны для соображеній о дальнѣйшихъ судьбахъ нашего ремонтрованія въ случаѣ уничтоженія задонскаго коннозаводства и, слѣдовательно, необходимости *сразу* болѣе чѣмъ удвоить нарядъ верховыхъ лошадей изъ культурныхъ раіоновъ, ибо хотя задонскимъ коннозаводчикамъ должно быть предоставлено 3 года на ликвидацію, но, несомнѣнно, что распро- дажа плодоваго состава и молодняка начнется немедленно. Оче- видно, столь крупный переломъ въ ремонтрованіи нашей ка- валеріи не можетъ не отразиться рѣзкимъ ухудшеніемъ ея, а вмѣ- сто ожидаемой экономіи неминуемо послѣдуетъ непомѣрное воз- растаніе ремонтныхъ цѣнъ на верховыхъ лошадей въ культурныхъ раіонахъ безъ соотвѣтственнаго улучшенія въ самомъ коннозавод- ствѣ. Такимъ образомъ, ликвидація Задонской степи окажется вы- годною лишь для культурныхъ конепроизводителей вслѣдствіе вынужденнаго пониженія ремонтныхъ требованій и повышенія оплаты. Интересамъ же Военнаго министерства подобное устра- неніе конкуренціи между поставщиками, при недостаткѣ у насъ верховыхъ лошадей культурнаго происхожденія вполне работо- способныхъ и огромномъ избыткѣ нежелательныхъ, т. е. малосиль- ныхъ и порочныхъ,—никоимъ образомъ благопріятствовать не можетъ.

Конныхъ заводовъ съ опредѣленнымъ направленіемъ, удовле- творяющимъ ремонтнымъ требованіямъ, съ дѣльными производителя- ми, хорошимъ подкармливаніемъ молодняка, гигиеническимъ ре- жимомъ и надлежащимъ присмотромъ у насъ очень мало. Въ боль- шинствѣ случаевъ это просто лошади, безсистемно разводимыя при экономіяхъ. Часть жеребятъ всегда порочна по экстерьеру; изъ годныхъ же нѣкоторые достигаютъ ремонтнаго возраста уже пока- лѣченными. Кормъ обыкновенно недостаточный, если не прямо скудный.

Отсутствіе по большей части личнаго надзора владѣльца; пре- доставленіе конныхъ заводовъ всецѣло управляющимъ, мало за- интересованнымъ ими, часто даже прямо тяготящимся этимъ дѣ- ломъ, какъ трудною, хлопотливою и при неумѣннн мало доходною статьею хозяйства, требующею въ то же время много знаній; не-

²⁾ Въ шкалѣ 1911 г. для верховыхъ лошадей низшая цѣна (150 р.) отсту- паетъ отъ средней (385 р.) на 235 р. и отъ высшей (600 р.) на 450 р. Если при- мѣнить тѣ же шкальныя разницы къ шкалѣ съ низшей цѣной въ 450 р., то сред- няя должна быть 685 р., а высшая 900 р.

имѣніе особой прислуги для надзора за молоднякомъ; плохія помѣщенія для него—все это очень увеличиваетъ отходъ и порчу, иногда между лучшими экземплярами. Ремонтныя комиссіи, при всемъ желаніи поощрять коннозаводство, принуждены браковать нежелательно большой процентъ въ ставкахъ, а коннозаводчики жалуются на убыточность производства.

Весь урожай овса и большая часть сѣна обыкновенно обращаются въ деньги еще осенью, не соображаясь съ потребностями завода. Молоднякъ воспитывается на соломѣ, отчего не получается ни должнаго роста, ни костяка.

Задонскіе коннозаводчики лично ведутъ хозяйство, имѣютъ опытныхъ табунщиковъ и огромные запасы фуража, которыми гордятся и которыхъ ни за что не продаютъ на сторону даже по выгодной цѣнѣ. Рядъ поколѣній, развивающихся въ подобныхъ условіяхъ, пріобрѣтаетъ ту мощность формъ, которой завидуютъ иностранные специалисты ремонтнаго дѣла всякій разъ, когда имъ приходится видѣть ставки нашихъ донскихъ лошадей.

Фруктовый составъ въ задонскихъ табунахъ находится подъ дискреціоннымъ контролемъ Военнаго министерства въ лицѣ предсѣдателей двухъ ремонтныхъ комиссій. На нашихъ, такъ называемыхъ, культурныхъ заводахъ даже очень плохія матки не выбраковываются, особенно если онѣ по аттестату полукровныя, а тѣмъ болѣе чистокровныя. Точно такъ же производитель, какъ бы онъ ни былъ пороченъ, держится, пока не удастся продать его безъ убытка на другой заводъ, гдѣ онъ продолжаетъ отягощать рынокъ негоднымъ потомствомъ.

Раздѣленіе труда въ культурныхъ районахъ, именно: полученіе приплода отъ матокъ въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствахъ и воспитаніе ихъ особымъ классомъ элевировъ могло бы подвинуть дѣло, но въ томъ переходномъ состояніи, въ которомъ въ настоящее время находится наше землевладѣніе и сельское хозяйство, на скорое возникновеніе такого промысла рассчитывать нельзя.

Не замѣчается также никакого объединенія культурныхъ коннозаводчиковъ въ союзы для пріобрѣтенія цѣнныхъ производителей и согласованія своего коннозаводства въ направленіи, идущемъ на встрѣчу ремонтнымъ требованіямъ. Если подобные примѣры и есть, то лишь въ западныхъ губерніяхъ: Привислянскихъ, Принѣманскихъ и Прибалтійскихъ, т. е. въ такой пограничной по-

лось, на конепроизводствѣ которой основывать комплектованіе кавалеріи лошадьми въ военное время крайне рискованно. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что задонское коннозаводство и въ этомъ отношеніи расположено очень удачно.

Массовое производство полукровной верховой лошади въ мелкихъ подворныхъ хозяйствахъ, чего достигла Пруссія систематическими мѣрами государственнаго коннозаводства въ теченіе почти столѣтія, у насъ невозможно ранѣе упроченія хуторскаго землевладѣнія съ болѣе интенсивными формами землепользованія вообще, въ частности съ развитіемъ травосѣянія. Пока, при настоящихъ условіяхъ, бытовыхъ и экономическихъ, нашего крестьянства, возможно лишь улучшеніе лошадей для сельскаго хозяйства, артилеріи и обоза, въ типѣ болѣе скороспѣломъ, флегматическаго темперамента и хорошо усваивающемъ грубый кормъ.

Верховое конепроизводство, существующее у насъ только для нуждъ арміи, не можетъ быть распространено по всей громадной территоріи нашего отечества, да и нѣтъ въ этомъ надобности. Даже въ Германіи, при ея сравнительно маломъ протяженіи, несмотря на столѣтнія заботы государственнаго коннозаводства, большая часть верхового ремонта набирается лишь въ двухъ провинціяхъ: Восточной Пруссіи и Ганноверѣ. Въ этомъ отношеніи частное задонское коннозаводство, сконцентрированное сплошнымъ образомъ на малой площади подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Военнаго министерства, имѣетъ неопѣнимыя преимущества.

При всемъ томъ, существованіе частнаго задонскаго коннозаводства никогда еще ни въ какомъ изъ нашихъ культурныхъ раіоновъ не закрывало дороги въ ремонтъ ни одной лошади, допустимой по инструкціи для приѣма. Наоборотъ, недостатокъ удовлетворительныхъ лошадей верхового сорта, хотя и при избыткѣ общей цифры предложенія, заставляетъ мириться съ приѣмомъ, на примѣръ, въ пѣшую артилерію подъ верхъ даже лошадей полупряжнаго типа, рысистаго и полурысистаго происхожденія, по той же шкалѣ цѣнъ, какъ и для лошадей настоящихъ верховыхъ статей.

Но и при всевозможныхъ снисхожденіяхъ верховому коннозаводству въ культурныхъ раіонахъ, каждый годъ въ нихъ неизмѣнно оказывается недоборъ, пополняемый добавочнымъ приѣмомъ изъ Задонской степи.

Ссылка на то, будто бы много хорошихъ верховыхъ лошадей выводится съ нашего рынка за границу, не согласуется съ дѣйствительностью. Иностранные ремонтеры и конеторговцы покупаютъ у насъ: 1) мелкую лошадь въ рудники; 2) болѣе рослыхъ, но обыкновенно норочныхъ, лошадей для городского извоза; 3) полутяжелозововъ крестьянскаго подворнаго коневодства, вслѣдствіе ихъ дешевизны сравнительно съ Западной Европой; лучшіе изъ нихъ идутъ въ орудія тяжелой артиллеріи, остальные для сельско-хозяйственныхъ работъ; 4) дешевые ремонты, преимущественно артиллерійскіе, для Балканскихъ государствъ, въ которыхъ ремонтная цѣна низка. Какъ исключеніе можно допустить, что изъ польскихъ заводовъ, близкихъ къ Германіи, ежегодно попадаетъ туда нѣсколько десятковъ дѣльныхъ экземпляровъ, но, во-первыхъ, это не имѣетъ значенія по малости цифры, а, во-вторыхъ, какъ уже было сказано, на одномъ конепроизводствѣ въ западномъ краѣ, даже если бы поставка изъ него въ ремонтъ и могла нѣсколько расширяться противъ существующаго размѣровъ, базировать государственную оборону все-таки нельзя.

б) *Расширеніе ремонтнаго конепроизводства въ Калмыцкой степи.* — Неблагопріятныя условія, тяготѣющія надъ калмыцкимъ коневодствомъ: скудная по почвеннымъ и климатическимъ причинамъ растительность; ежегодное уменьшеніе сравнительно годныхъ попасовъ вслѣдствіе надвиганія песковъ и вытантыванія овцами; возрастающее внѣдреніе въ степь русскихъ поселенцевъ, избѣгающихъ коневодства ради болѣе простаго и прибыльнаго разведенія овецъ; склонность большинства самихъ калмыковъ скорѣе къ скотоводству, нежели къ лошадямъ; совершенная некультурность ихъ; періодически повторяющаяся гибель табуновъ въ суровыя зимы вслѣдствіе необезпеченности ихъ кормовыми запасами и пр. — или не устранимы вовсе или устранимы лишь отчасти, и то въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, если само калмыцкое коневодство до того времени сохранится. Поднятіе средняго роста калмыцкой лошади и улучшеніе ея формъ ³⁾ — задача, требующая большихъ матеріальныхъ средствъ и крайней осторожности. Во всякомъ случаѣ, прежде всего для этого необходимъ переходъ отъ примитивнаго способа коневодства, основаннаго на количествѣ,

³⁾ Комиссія, производившая испытанія при Офицерской кавалерійской школѣ, нашла главные недостатки лошадей астраханскихъ калмыковъ въ «низко поставленной шеѣ, тугомъ затылкѣ, тяжелой головѣ и маломъ ростѣ».

къ болѣе раціональному, съ ограниченіемъ общаго поголовія, выбраковываніемъ матокъ, обезпеченіемъ на зимніе мѣсяцы сѣномъ и пр., что подѣ силу лишь болѣе богатымъ калмыкамъ, т. е. меньшинству, если даже они и воспримутъ эти тенденціи.

Вѣрнѣе смотрѣть на калмыцкое коневодство, главнымъ образомъ, какъ на ресурсъ для ремонтірованія вспомогательныхъ родовъ службы: пограничной стражи, конно-ординарческихъ командъ и прочихъ. «Головка» же его, самое большое изъ нѣсколькихъ сотенъ лошадей, болѣе рослыхъ и правильныхъ, конечно, всегда будетъ идти, какъ подспорье, въ ремонтъ кавалеріи и полевыхъ конныхъ батарей.

в) *Возобновленіе пріема въ кавалерію изъ уральскаго коневодства.*—Опыты съ уральскою лошадыю, какъ съ ремонтной для регулярной конницы, производились въ теченіе восьми лѣтъ съ 1887 г. по 1904 г. и привели къ отрицательнымъ результатамъ. Уральцы очень желательны для артилеріи въ орудіе—хотя число такихъ не можетъ быть велико по недостатку роста—и подѣ выюкъ въ горныя батареи, а также коннымъ ординарцамъ въ пѣхотные полки.

Въ 1907 г. ремонтною комиссіей Нижегородскаго района было отобрано изъ всѣхъ уральскихъ табуновъ для Приморскаго драгунскаго полка 25 лошадей, въ которыхъ остались слѣды стрѣлечкихъ производителей, нѣкоторое время въ 60-хъ годахъ, стоявшихъ на пунктѣ въ станицѣ Сламихинской, но это единичные экземпляры. Въ массѣ-же лошадь широка, сильна, прочна, но съ грубымъ передомъ и безъ движеній. Препятствія беретъ неохотно.

г) *Улучшеніе киргизской лошади до типа ремонтной полукровной и насажденіе полукровнаго коннозаводства на свободныхъ земляхъ Сибири съ переводомъ туда и плодоваго состава изъ Задонья.*—Улучшеніе породы во многомъ тѣсно связано съ облагороженіемъ ея. Тѣмъ не менѣе по существу эти понятія не тождественныя. «Возможно, какъ говоритъ Шварцнекеръ, улучшеніе безъ облагораживанія и облагораживаніе безъ улучшенія». Можно даже добавить: съ ухудшеніемъ цѣнныхъ свойствъ организма и пониженіемъ работоспособности. Все зависитъ отъ свойствъ породы, предназначаемой къ улучшенію, и условій разведенія ея. Частное задонское коннозаводство съ самаго возникновенія своего уже получило отъ старыхъ донскихъ коннозаводчиковъ составъ, издавна облагороженный жеребцами

сначала лучшихъ восточныхъ породъ, а потомъ чистокровными, притомъ выдающимися по генеалогіи и индивидуальнымъ качествамъ. Съ другой стороны, ни одно животное не зависитъ такъ отъ климата и почвы, какъ лошадь — особенно облагороженныхъ кровей. Примѣръ этому—безуспѣшность всѣхъ попытокъ выращивать арабскихъ лошадей внѣ Аравіи, безъ ея солнца, сухой почвы, особой питательности ея зернового корма и вообще всѣхъ тѣхъ естественныхъ условій жизни и воспитанія, которыхъ невозможно достигнуть искусственнымъ путемъ. То же самое справедливо и для англійской крови. Если въ Задонской степи эти условія неособенно уклоняются отъ тѣхъ, въ которыхъ создались чистокровныя и полукровныя лошади въ Западной Европѣ, то Киргизскія степи и Сибирь въ этомъ отношеніи уже слишкомъ противоположны, и въ жестоко холодномъ (за исключеніемъ Приморской области) сибирскомъ климатѣ возможно разводить лишь лошадь болѣе грубую, исключительно для мѣстныхъ хозяйственныхъ и военныхъ потребностей, а не для экспорта въ кавалерійскіе полки Европейской Россіи. Этимъ надо руководиться при всѣхъ соображеніяхъ о развитіи коневыхъ средствъ въ Сибири, идетъ ли рѣчь объ улучшеніи мѣстныхъ породъ или о развитіи конепроизводства импортированіемъ туда плодоваго состава откуда бы то ни было.

Части сибирской артилеріи, конечно, должны ремонтироваться сибирскими же коневыми средствами (въ настоящее время половина ремонта высылается изъ Европейской Россіи). Мобилизація всѣхъ сибирскихъ войскъ также должна быть обезпечена мѣстными артилерійскими и обозными лошадьми. Этому настоятельно требуютъ и экономическія соображенія, и военныя, тѣмъ болѣе, что грубая, но сильная лошадь въ такомъ среднеѣзжаломъ типѣ, будучи необходима для государственной обороны, очень желательна и для сельскаго хозяйства. Надлежитъ принять всѣ мѣры къ достиженію этой цѣли и оказать возникновенію подобныхъ табунныхъ и подворныхъ коневодствъ самое энергическое содѣйствіе отводомъ земель и укомплектованіемъ заводскихъ конюшенъ соответствующими производителями. Кромѣ того, необходимо улучшить киргизскихъ и сибирскихъ верховыхъ степныхъ лошадей, какъ источникъ ремонта конно-ординарческихъ и конно-охотничьихъ командъ, а также и для пущей сибирскихъ казачьихъ войскъ. Но снабженіе нашей регулярной кон-

ницы ремонтами, приводимыми изъ Сибири, — идея, противорѣчащая указаніямъ науки и опыта, а потому осужденная на неудачу, какія бы матеріальныя жертвы ни были принесены ради ея осуществленія и если бы даже было во власти Военнаго министерства перенести туда полностью весь прекрасный плодовый составъ изъ задонскихъ зимовниковъ. Большинство его погибло бы, а потомство отъ уцѣлѣвшей части постепенно выродилось бы до нежелательныхъ формъ и свойствъ.

Итоги испытаній въ Офицерской кавалерійской школѣ по отношенію собственно къ киргизскимъ лошадямъ таковы: «вслѣдствіе столь малаго роста, толстой, короткой шеи, весьма короткаго затылка и грубости склада нѣтъ основанія полагать, чтобы изъ этой лошадки можно было, и при улучшеніи этой породы, выработать въ скоромъ времени строевого кавалерійскаго коня желательнаго типа и роста».

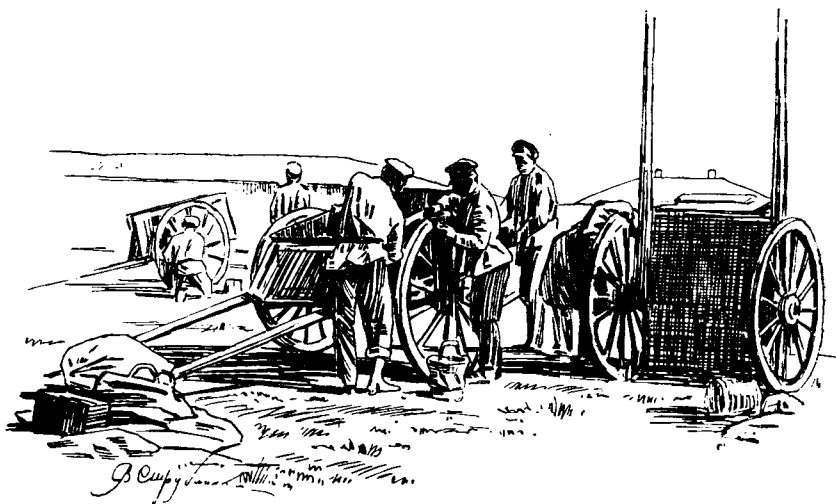
Массовое улучшение киргизскихъ табуновъ въ ремонтныхъ цѣляхъ и при матеріальномъ содѣйствіи Военнаго министерства въ концѣ прошлаго столѣтія не имѣло никакого успѣха. Несмотря на то, что были взяты производители не чисто культурные, а полукровные отъ степныхъ матокъ, воспитанные въ особыхъ разсадникахъ полутабунаго характера, — приплодъ не переносилъ суровыхъ условій своего зимняго существованія. Ежегодная субсидія была прекращена послѣ того, какъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ ея выдачи, бывшій военный министръ генераль-адъютантъ Ванновскій требовалъ на показъ *хотя бы только три* улучшенныхъ экземпляра и киргизское коневодство оказалось не въ состояніи выставить ихъ.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что не только при наличныхъ условіяхъ нашего рынка и конепроизводства, но и по крайней мѣрѣ на нѣсколько десятилѣтій въ будущемъ, ремонтное наше кавалеріи можетъ быть обезпечено лишь *одновременнымъ* существованіемъ и чисто-культурнаго верхового коннозаводства въ западномъ и южномъ раіонахъ Европейской Россіи, и культурно-табунаго въ Задонской степи въ его настоящемъ видѣ, съ замѣчательнымъ типомъ боевого солдатскаго коня, выработавшагося вѣками вслѣдствіе совокупности всесторонне благоприятныхъ природныхъ условій, историческаго хода событій и веденія дѣла въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій въ опредѣленномъ направленіи, согласованномъ съ требованіями Военнаго министерства.

Если же отказаться отъ этого колоссальнаго источника для укомплектованія нашей кавалеріи вполне соответственными лошадьми въ расчетъ на немедленное возрожденіе нашего верхового коннозаводства въ культурныхъ раіонахъ, то ничто не гарантируетъ насъ въ ближайшемъ будущемъ даже отъ такой крайности, какъ приобрѣтеніе недостающей части ремонта за границей.

Шушко.

СТРѢЛБЫ СЪ МАНЕВРИРОВАНІЕМЪ.

Цѣль настоящей статьи—освѣщеніе вопроса о значеніи стрѣлбы съ маневрированіемъ и современной ихъ постановкѣ. Все идетъ впередъ и военное искусство не составляетъ исключенія среди другихъ областей человѣческаго творчества; однако, современный прогрессъ его строится на другихъ основаніяхъ, чѣмъ прежде.

Прежде частыя войны давали огромную практику войскамъ и начальникамъ; теперь же, въ долгіе періоды міра, приобрѣла особое значеніе готовность къ войнѣ. Современная подготовка къ войнѣ составляетъ огромную работу, распадающуюся на многія отрасли, среди которыхъ одна изъ главнѣйшихъ — обученіе войскъ, воспитаніе ихъ и подготовка къ бою.

Въ виду краткости сроковъ службы, обученіе войскъ ведется интенсивно и вылилось въ цѣлую стройную систему: начиная съ одиночной подготовки бойца, ностепенно переходя къ болѣе крупнымъ соединеніямъ; затѣмъ, не довольствуясь однимъ родомъ войскъ, сводятъ для упражненій различныя роды войскъ.

Главные факторы современнаго боя суть маневрирование и огонь; вотъ почему подготовка войскъ къ бою въ мирное время заканчивается маневрами и боевой стрѣльбой съ маневрированиемъ.

Боевую стрѣльбу слѣдуетъ поставить выше маневровъ, такъ какъ здѣсь употребляется боевой патронъ, производящій магическое дѣйствіе на настроеніе людей и начальниковъ: стоитъ только зарядить оружіе, какъ появляется серьезность на лицахъ, вниманіе напрягается, иногда даже обнаруживается нервность. Правда, въ отличіе отъ настоящаго боя отсутствуетъ страхъ передъ непріятельскимъ огнемъ, но имѣется возможность взаимныхъ поражений, а это значительно приближаетъ насъ къ боевымъ ощущеніямъ.

Казалось бы, что столь цѣнныя упражненія, какъ боевыя стрѣльбы съ маневрированиемъ, наиболѣе приближающія насъ къ бою, должны быть въ почетѣ и повторяться возможно чаще, хотябы такъ, чтобы каждый участвовалъ въ немъ ежегодно; однако, на практикѣ этого нѣтъ. Происходитъ это оттого, что до сихъ поръ боевыхъ стрѣльбъ съ маневрированиемъ отъ войскъ не требовали настойчиво. слѣдуетъ считать это главной причиной, такъ какъ войска, обыкновенно, занимаются только тѣмъ, чего отъ нихъ требуютъ.

Кромѣ того, войска не любятъ этихъ стрѣльбъ: дѣло это совѣмъ не выигрышное, упражненіе весьма утомительное, благодарности же не жди; однѣ непріятности, а бываютъ и несчастья. Тотъ, кто становится выше этого и, признавая пользу стрѣльбъ, желаетъ участвовать въ нихъ, скоро разочаровывается, такъ какъ, вообще говоря, совмѣстныя боевыя стрѣльбы различныхъ родовъ войскъ совершенно не налажены, и у многихъ возникаетъ даже сомнѣніе въ необходимости подобныхъ упражненій.

Стрѣльбы съ маневрированиемъ существуютъ 25 лѣтъ.

Введены они приказомъ по военному вѣдомству 1886 г. № 169, въ которомъ была объявлена «инструкція для маневрированія съ боевою стрѣльбою отрядовъ изъ трехъ родовъ войскъ».

Инструкція эта вводилась на три года для испытанія, послѣ чего подверглась переработкѣ и приказомъ 1889 г. № 95 объявлена была уже въ измѣненномъ видѣ подъ названіемъ «Инструкція для производства стрѣльбы съ маневрированиемъ отрядами всѣхъ родовъ войскъ».

Черезъ 10 лѣтъ, именно въ 1899 г. инструкція эта была выпущена отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ томъ же году она вошла какъ приложение въ Наставленіе для обученія стрѣльбѣ, причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что § 44, гдѣ даны были указанія по организаціи стрѣльбъ, оказался исключеннымъ.

Прошло еще 10 лѣтъ; въ 1909 г. появилось новое изданіе Наставленія для обученія стрѣльбѣ изъ винтовокъ и револьверовъ и, по непонятной причинѣ, указаніе о стрѣльбѣ съ маневрированіемъ было исключено, хотя отдѣлъ о боевыхъ стрѣльбахъ частями разработанъ весьма обстоятельно и нѣкоторыя его цифровыя данныя служатъ поправками къ соответствующимъ мѣстамъ инструкціи для стрѣльбы съ маневрированіемъ.

Кромѣ упомянутыхъ основныхъ законоположеній косвенно относятся къ тому же вопросу еще слѣдующія: приказъ по военному вѣдомству 1897 г. № 166 — «правила производства смотровъ стрѣльбы въ полевой артилеріи», приказъ по военному вѣдомству 1907 г. № 183, гдѣ объявленъ «курсъ стрѣльбы изъ пулеметовъ», и наконецъ въ послѣднее время былъ изданъ приказъ по военному вѣдомству 1910 г. № 25 «о мѣрахъ къ предупрежденію несчастныхъ случаевъ при артилерійской стрѣльбѣ». Послѣднее законоположеніе было проведено черезъ Государственную Думу.

Такимъ образомъ, указанія о стрѣльбахъ съ маневрированіемъ разбросаны по различнымъ законоположеніямъ, изданнымъ на протяженіи 20 лѣтъ, и объединяющаго законоположенія не имѣется. Между тѣмъ теперь, при возрождающемся интересѣ къ этого рода упражненіямъ, необходимость новаго изданія соответствующей инструкціи ощущается особенно сильно.

Разсматривая основныя законоположенія и особенно инструкціи 1886 и 1889 гг., можно выяснитъ совершенно опредѣленно, чего хотѣли достигнуть введеніемъ боевыхъ стрѣльбъ съ маневрированіемъ.

Сравнимъ хотя бы параграфы первые обѣихъ инструкцій, въ которыхъ указана цѣль этихъ упражненій. Въ одной изъ нихъ сказано: «Маневры со стрѣлкою имѣютъ цѣлью пріучать войска разныхъ родовъ войскъ къ совмѣстному маневрированію, при условіяхъ, возможно болѣе подходящихъ къ боевымъ».

Казалось бы, что эта формула идеальна; однако, по прошествіи трехъ лѣтъ, она была измѣнена совершенно, и во второй инструк-

ціи уже говорится слѣдующее: «Стрѣльба съ маневрированіемъ имѣетъ цѣлью:

1) Развивать въ начальникахъ искусство управлять огнемъ, т. е. вѣрно и быстро направлять огонь въ болѣе выгодныя цѣли и 2) приучать войска стрѣлять снарядами и боевыми патронами при совмѣстномъ маневрированіи, въ условіяхъ наиболѣе подходящихъ къ боевымъ».

По поводу послѣднихъ двухъ пунктовъ слѣдуетъ сказать, что обученіе управленію огнемъ достигаетъ лучшихъ результатовъ на боевыхъ стрѣльбахъ отдѣльныхъ родовъ войскъ, маневрированіе же на практикѣ, по многимъ причинамъ, почти отсутствуетъ.

Для интересующихся стрѣльбами съ маневрированіемъ положительно необходимо изучить инструкцію 1886 г., хотя не дѣйствующую, но необыкновенно правильно и талантливо освѣщающую вопросъ о стрѣльбахъ и ихъ организаціи. Въ виду подобнаго преимущества является вопросъ, почему инструкція была измѣнена? На это можно смѣло отвѣтить: потому что составитель ея опередилъ своихъ современниковъ едва ли не болѣе чѣмъ на 25 лѣтъ; достаточно сказать, что имъ была предусмотрѣна даже перекидная стрѣльба пѣхоты. Инструкція же позднѣйшая выдвигаетъ формальную сторону, напирая, главнымъ образомъ, на отчетность. Особенно рѣзко это видно изъ перечисленія обязанностей офицеровъ, назначенныхъ наблюдающими при частяхъ маневрирующаго отряда.

Согласно указанія первой инструкціи, они—помощники руководителя, дающіе стрѣляющимъ частямъ частныя задачи, въ развитіе основной боевой задачи; по второй же инструкціи (1889 г.) они—автоматы для записи данныхъ, служащихъ для составленія отчета.

Формальное, а не принципиальное, направленіе инструкціи 1889 г. служитъ причиной тому, что она не можетъ удовлетворять новымъ требованіямъ. Я хочу сказать о взаимодействіи пѣхоты съ артилеріей, котораго такъ теперь добиваются. Вотъ что говоритъ объ этомъ французскій профессоръ полковникъ Палокъ: «Зло, съ которымъ надобно бороться, это стремленіе пѣхоты вести бой въ одиночку, не заботясь о содѣйствіи артилеріи; въ свою очередь и артилерія ошибочно стремится къ независимости и самостоятельной работѣ своихъ группъ, яко бы могущихъ угадывать чутьемъ, когда нужна ихъ помощь пѣхотѣ, да притомъ только въ заранѣ намѣченномъ раіонѣ».

Нѣтъ, необходима совмѣстная работа разныхъ родовъ войскъ, соединеніе въ одно всѣхъ усилій, а это безъ разумнаго общаго управленія невозможно».

Оставивши сравненіе инструкцій, скажемъ, что и выполненіе указаній инструкціи 1889 года давало бы извѣстные результаты; однако, практическое осуществленіе стрѣльбъ не соотвѣтствуетъ основной мысли ихъ учрежденія.

Не будемъ приводить здѣсь описанія стрѣльбъ съ маневрированіемъ нами пережитыхъ; каждый легко можетъ припомнить ихъ изъ своей практики; всѣ онѣ, за малыми исключеніями, подходятъ приблизительно подъ слѣдующую схему: 1) организуется сводный отрядъ; 2) каждый родъ войскъ выставляетъ себѣ мишени, нисколько не сообразуясь съ общей идеей предстоящаго рѣшенія данной боевой задачи; наблюдается лишь возможность выполнить извѣстное опредѣленное унражненіе Наставленія, и 3) чаще всего стрѣльбу начинаетъ слѣшренная кавалерія; когда она кончитъ, начинаетъ артилерія, тоже оканчивающая свое дѣло до начала стрѣльбы пѣхоты; затѣмъ стрѣляетъ эта послѣдняя и въ концѣ ея стрѣльбы дѣйствуютъ пулеметы.

Конечно, бываютъ различныя варіаціи, но въ общемъ едва ли можно оспаривать, что, если приложить къ стрѣлбамъ съ маневрированіемъ масштабъ, данный инструкціей, то увидимъ, что упражненіе въ искусствѣ управленія огнемъ на нихъ едва ли было возможно, а условія маневрированія мало походятъ на боевыя.

Общими недостатками стрѣльбъ слѣдуетъ признать: 1) отсутствіе взаимодѣйствія различныхъ родовъ войскъ и 2) малую поучительность стрѣльбъ для участвующихъ и присутствующихъ.

Каковы же причины этихъ недостатковъ?

Можно вполнѣ увѣренно сказать, что главныя изъ нихъ слѣдующія:

- 1) Импровизація отрядовъ.
- 2) Случайные руководители.
- 3) Безсистемная расстановка мишеней, причемъ ставятъ ихъ не только для каждаго рода войскъ отдѣльныя, но и для каждой участвующей роты и эскадрона тоже свои собственныя.
- 4) Нежеланіе мѣнять мѣста для стрѣльбы и, наконецъ,
- 5) боязнь отвѣтственности.

Относительно послѣдней слѣдуетъ сказать, что она развилась до болѣзненности; прибѣгаютъ иногда, на примѣръ, къ такимъ мѣ-

рамъ, какъ разграниченіе сферъ стрѣльбы различныхъ родовъ войскъ, главнымъ образомъ, пѣхоты и артилеріи, устраивая коридоры, обозначенные флагами, именуютъ ихъ коридорами безопасности и даютъ имъ поперечные размѣры въ 300 сажень; благодаря такому удаленію, связь и управление затрудняются и даже одновременныя стрѣльбы пѣхота и артилерія ведутъ совершенно самостоятельно внѣ взаимной связи.

Не вдаваясь въ подробный разборъ неправильностей въ организаціи стрѣльбъ съ маневрированіемъ, все же надо отмѣтить, что допущеніе ошибокъ въ организаціи этихъ упражненій можетъ весьма вредно отозваться на войскахъ, прививая имъ дурныя привычки и внушая превратныя понятія о боевой ихъ дѣятельности.

Коснувшись отвѣтственности, слѣдуетъ замѣтить, что главная боязнь существуетъ по отношенію пораженій артилерійскими выстрѣлами; къ разсмотрѣнію этого вопроса и перейдемъ. Прежде всего скажемъ о крутизнѣ траекторіи скорострѣльной пушки. Въ нижеслѣдующей таблицѣ ¹⁾ указано на сколько сажень траекторія поднимается надъ землей на различныя дистанціи; цифры даны черезъ каждыя 100 сажень отъ орудія.

Отъ орудія саж.	Д И С Т А Н Ц И И:											
	200	300	400	500	600	700	800	900	1000	1100	1200	1300
100	0,5	1,0	1,4	1,9	2,3	2,8	3,4	3,8	4,5	5	6	6
200	—	0,8	1,5	2,4	3,3	4,3	5,3	6,5	7,7	9	10	12
300	—	—	1,3	2,5	3,9	5,4	7,0	8,6	10,5	12	14	17
400	—	—	—	1,8	3,7	5,6	7,7	9,9	12,3	15	18	21
500	—	—	—	—	2,3	4,8	7,4	10,2	13,3	16	20	23
600	—	—	—	—	—	3	6,1	9,4	13,1	17	21	25
700	—	—	—	—	—	—	3,7	7,5	11,8	16	21	26
800	—	—	—	—	—	—	—	4,4	9,3	14	20	26
900	—	—	—	—	—	—	—	—	5,5	11	17	24
1000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	13	21
1100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	16
1200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9

¹⁾ Вычислена М. Смысловскимъ.

Отъ орудія саж.	Д И С Т А Н Ц И И:							
	1400	1500	1600	1700	1800	1900	2000	2100
100	7	8	9	10	11	12	13	14
200	13	15	16	19	21	23	25	27
300	19	21	24	27	30	33	36	40
400	23	27	30	34	38	42	47	51
500	27	32	36	41	45	51	56	62
600	30	35	40	46	52	58	64	71
700	32	37	44	50	57	64	72	80
800	32	39	46	53	61	69	78	86
900	32	38	46	55	63	73	82	92
1000	28	37	45	55	64	74	85	96
1100	24	33	43	53	63	75	87	99
1200	18	28	38	49	61	73	86	99
1300	10	21	32	44	56	70	84	98
1400	—	11	23	36	51	64	79	94
1500	—	—	13	27	41	56	72	89
1600	—	—	—	15	28	45	63	81
1700	—	—	—	—	16	33	51	70
1800	—	—	—	—	—	18	37	57
1900	—	—	—	—	—	—	20	41
2000	—	—	—	—	—	—	—	22

Принято считать, что для стрѣлбы черезъ головы необходимо, чтобы снарядъ пролеталъ надъ головой не ниже 5 сажень, причемъ нѣкоторые увѣряютъ даже, что, если будетъ иначе, то можетъ послѣдовать контузія, и называютъ эти 5 сажень медицинскимъ запасомъ. Обратимся къ мнѣнію самихъ врачей и увидимъ, что едва ли правильно ссылаются на медицину. Вотъ что говоритъ одинъ изъ ея представителей В. Я. Совачевъ въ статьѣ «Къ вопросу о воздушныхъ контузіяхъ огнестрѣльными снарядами» («Военно-медицинскій журналъ» апрѣль 1911 г.) «Въ минувшую Русско-японскую войну приходилось сталкиваться съ вопросомъ о контузіяхъ, причиняемыхъ близко пролетающими артилерійскими снарядами. Взгляды на наличность подобныхъ контузіей были различны: одни признавали, что воздушныя волны при пролетѣ снарядовъ могутъ причинять и, дѣйствительно, причиняли страданіе, другіе отрицали наличность и даже возможность такого рода болѣзней отъ давленія воздушной волны».

Авторъ не является сторонникомъ того или другого взгляда; онъ не отрицаетъ заболѣваній отъ воздушныхъ контузій, но и не утверждаетъ, что онѣ бывають. Онъ признаетъ, что для правильнаго рѣшенія этого вопроса нужно еще научное изслѣдованіе. «До тѣхъ поръ, пока не будетъ въ точности выяснена сила воздушной волны отъ разныхъ снарядовъ и при разныхъ скоростяхъ, врачи, при обсужденіи вопроса о такого сорта контузіяхъ и причинаемыхъ ими болѣзняхъ, постоянно будутъ находиться въ большомъ затрудненіи—признавать ли ихъ или отрицать».

Участники войны тоже отрицають цифру 5 сажень; такъ извѣстный намъ офицеръ, участвовавшій въ послѣдней кампаніи, рассказывалъ, что шимоза, выпущенная съ дистанціи около 2 верстъ, пролетѣла между нимъ и ординарцемъ, находившимся отъ него не болѣе 1—1½ сажень, разорвалась не болѣе сажени сзади, но не причинила никакой контузій. Случай этотъ подтверждается многими очевидцами. Этотъ вопросъ легко разрѣшить полигонными опытами надъ животными. Признавши, однако, завоевавшую права гражданства величину въ пять сажень и взглянувъ на таблицу, увидимъ, что стрѣлять черезъ головы можно, начиная съ дистанціи 800 сажень.

Слѣдуетъ, однако, оговорить, что кромѣ возможности воздушныхъ контузій отъ цѣльнаго снаряда, сплошь и рядомъ бывають случайные разрывы шрапнелей сразу по вылетѣ изъ канала орудій, и хотя по произведеннымъ точнымъ опытамъ пробивная способность пуль и осколковъ сохраняется до 150 сажень, но они летятъ и дальше, почему и установлено, что 300 сажень наименьшее удаленіе пѣхоты отъ артилеріи при стрѣльбѣ.

Если бы мы пожелали знать безопасное удаленіе въ сторону отъ направленія артилерійскаго выстрѣла, то здѣсь пришлось бы имѣть дѣло съ угломъ разлета пуль шрапнели, каковой первоначально равенъ 11 градусамъ или 18 дѣленіямъ угломѣра; взявши половину этого угла, 5½ градусовъ = 9 дѣленій угломѣра, и, вычисливши, что дастъ разлетъ на 300 сажень передъ орудіемъ, получаемъ 27 сажень; если эту цифру удвоить, то и тогда получили бы 50 сажень или 150 шаговъ, т. е. величину меньшую, чѣмъ указано въ инструкціи (200—300 шаговъ). По вопросу о томъ, насколько можетъ артилерія подпустить пѣхоту къ атакуемому пункту, существуетъ вполне точное изслѣдованіе: на ровной мѣстности на 80—125 сажень («Артилерійскій журналъ», 1909 г. № 8, статья барона

И. Майделя). Послѣдніе полигонные опыты дали величину 200 сажень и для бокового удаленія 50—150 сажень.

Таковы испытанныя цифры при внимательной стрѣльбѣ.

Случайныя же пораженія сильно зависятъ отъ степени подготовки личнаго состава батареи; величина же отклоненій при завѣдомыхъ ошибкахъ въ установкахъ не имѣетъ предѣла и посему едва ли должна приниматься въ расчетъ.

Вообще слѣдуетъ придти къ заключенію, что опасность пораженія своей пѣхоты артилерійскимъ огнемъ сильно преувеличивается.

Возвращаясь вновь къ организаціи совмѣстныхъ стрѣльбъ различныхъ родовъ войскъ, позволимъ себѣ высказать слѣдующія соображенія:

Для правильной организаціи стрѣльбъ требуется прежде всего компетентный и энергичный руководитель. Положительно необходимо, чтобы прямыя начальники войскъ не устранялись отъ руководства. Умнѣе правильно и поучительно организовать стрѣльбу должно служить мѣриломъ боевой пригодности даннаго лица.

Особая энергія должна быть проявлена въ подысканіи соответствующаго мѣста для стрѣльбы, обязательно каждый разъ незнакомаго, на которомъ дивизія или полкъ еще не стрѣляли.

Предварительно стрѣльбы съ маневрированіемъ отряда изъ всѣхъ родовъ войскъ нужно, чтобы части, которымъ предстоитъ эта стрѣльба, произвели упражненіе боевой стрѣльбы частями на незнакомой мѣстности, причемъ части должны быть строго укомплектованы по военному времени, что служить переходной ступенью отъ упражненій на стрѣльбищѣ къ упражненію въ составѣ отряда изъ 3-хъ родовъ войскъ.

Необходимо отрядъ, составленный тоже по штатамъ военного времени и назначенный на стрѣльбу съ маневрированіемъ, сладить двумя—тремя тактическими ученьями по программѣ и указаніямъ того же руководителя, затѣмъ произвести съ тѣмъ же отрядомъ показную стрѣльбу съ маневрированіемъ и наконецъ закончить настоящей боевой стрѣльбой.

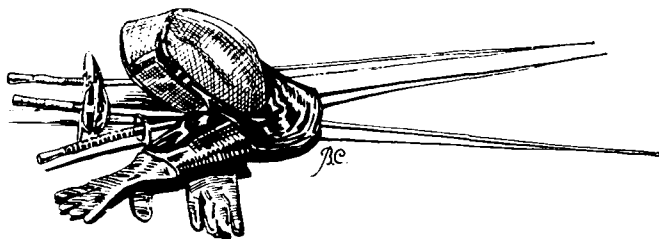
При этомъ необходимо рѣшить общую боевую задачу всѣмъ отрядомъ, назначивъ каждой части опредѣленную частную задачу. Мишени должны выставляться общія, чтобы въ одну и ту же важную цѣль могъ быть сосредоточенъ огонь не только нѣсколькихъ

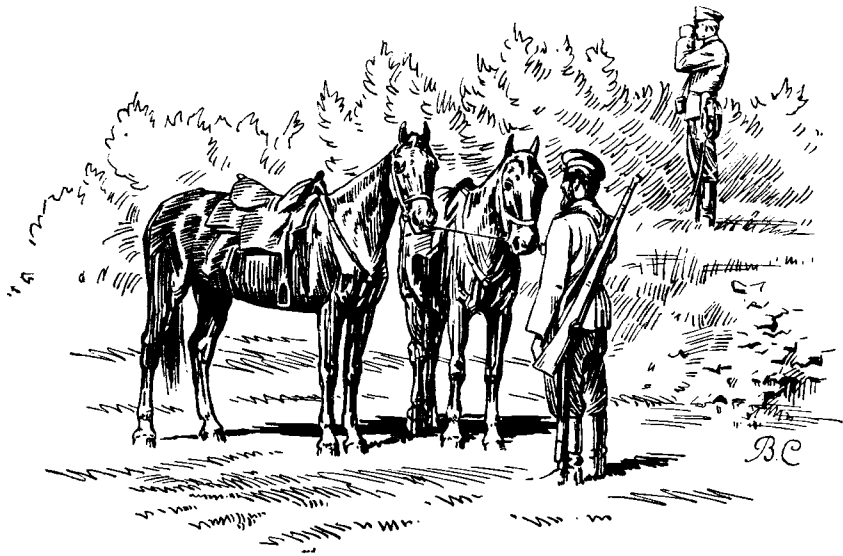
ротъ, но и пулеметовъ и батареи; необходимо это для того, чтобы на практикѣ показать войскамъ взаимодѣйствіе различныхъ родовъ войскъ.

Отпускъ патроновъ необходимо увеличить, нормы оцѣнки видоизмѣнить. Для приближенія упражненій еще болѣе къ боевой обстановкѣ, казалось бы, необходимо обратить вниманіе на нитаніе огнестрѣльными припасами и на организацію подачи медицинской помощи искусственно выводимымъ изъ строя людямъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ еще разъ отмѣтить, что прежняя постановка стрѣльбъ далека отъ идеала, но возрастающій спросъ на этого рода упражненія заставитъ войска поставить это дѣло на должную высоту. Изданіе руководящей инструкціи объединитъ взгляды на постановку и организацію стрѣльбъ. Лицъ, практически изучившихъ дѣло стрѣльбъ, полезно привлекать въ качествѣ отвѣтственныхъ помощниковъ руководителей, хотя бы въ роли посредниковъ при частяхъ маневрирующаго отряда. Излишняя осторожность должна искореняться. Необходимо пріучать переносить хоть подобіе боевыхъ впечатлѣній и не бояться отвѣтственности.

Н. Хабаловъ.

„ОПЫТЪ-МАНЕВРЪ“.

Въ связи съ испытаніемъ одной изъ укрѣпленныхъ позицій, сдѣланныхъ по принципамъ новой фортификаціи, былъ произведенъ въ концѣ ноября 1912 г. очень интересный маневръ съ боевой стрѣльбой.

Какъ извѣстно ¹⁾, позиціи предлагаемой новой фортификаціи отличаются: 1) невидимостью позиціи и ея жизни; 2) тѣмъ, что мертвые пространства поражаются не фронтальнымъ огнемъ окоповъ на наружныхъ склонахъ, а фланговымъ и косымъ огнемъ стрѣлковъ, пулеметовъ и артилеріи, и 3) тѣмъ, что каждая фортификаціонная постройка на позиціи служитъ только на сторону обороны, а въ рукахъ атаки она является лишь огневой ловушкой.

Участокъ позиціи длиною 2 версты защищала одна рота стрѣлковъ. Атаковалъ одинъ баталіонъ стрѣлковъ. Артилерія, саперы и пулеметы были приданы обѣимъ сторонамъ. На всемъ протяженіи остальной позиціи мимо шель бой ²⁾. Для провѣрки особенностей

¹⁾ См. брошюры «Миражъ Русско-японской войны» и «На развалинахъ фортификаціи».

²⁾ Правый флангъ всей позиціи упирался въ непроходимую въ бродъ рѣку.

позиціи было условлено, что по выпущенной «одной ракетѣ» всѣ участники маневра должны останавливаться на своихъ мѣстахъ и въ своихъ положеніяхъ (стоя, съ колѣна или лежа). Затѣмъ каждый обозначалъ свое мѣсто колышкомъ и на эти мѣста ставились коробчатыя мишени.

На прилагаемомъ рисункѣ видна идея устройства этихъ мишеней: проволочный каркасъ обклеивался двумя слоями газетной бумаги и однимъ слоемъ бумаги защитнаго цвѣта. Мишени изготовлялись самими частями. Одна пара рабочихъ дѣлала шесть каркасовъ въ день. Бумажная оклейка, какъ показали предыдущія стрѣльбы, оказалась непрактичною, такъ какъ бумага часто рывалась и требовали починки. Тогда по верхъ газетной обклейки стали примѣнять коленкоръ на столярномъ клеѣ. Эти мишени оказались очень прочными и обезпеченными отъ порчи мышами. Стоимость такой мишени 1 рубль. Каждая мишень имѣла бѣлый ярлыкъ, на которомъ подписывались имя, фамилія и званіе владѣльца.

Коробчатыя мишени были примѣнены вмѣсто обыкновенныхъ потому, что онѣ давали возможность учесть пораженія не только фронтальнаго огня, но и фланговаго и навѣснаго (шрапнель, дальній ружейный огонь).

По замѣнѣ атакующаго мишенями и по разстановкѣ оцѣпленія, обороняющійся открывалъ огонь боевыми патронами. Число патроновъ и артилерійскихъ снарядовъ устанавливалось руководителемъ маневра, въ зависимости отъ числа выпущенныхъ холостыхъ патроновъ, отъ времени перебѣжекъ и другихъ соображеній.

По окончаніи стрѣльбы мишени осматривались и владѣльцы подбитыхъ мишеней лишались участія въ дальнѣйшемъ маневрѣ. Выбывшіе начальники замѣнялись слѣдующими по старшинству. Затѣмъ стрѣлки атакующаго занимали свои мѣста и по сигналу «двѣ ракеты» маневръ продолжался.

Всего было сдѣлано три перерыва.

Первый перерывъ былъ сдѣланъ, когда цѣпи атаки находились въ 1.200—2.000 шагахъ отъ позиціи обороняющагося. Этотъ перерывъ долженъ былъ выяснитъ значеніе дальняго ружейнаго огня обороны, которая руководилась точно пристрѣленными заранѣе разстояніями до условныхъ знаковъ. Эти знаки были обозначены на внутреннихъ скатахъ горъ у всѣхъ мѣстъ, удобныхъ для расположенія цѣпей атаки. Знаки состояли либо изъ точекъ и тире по азбукѣ Морзе, либо изъ крестовъ, либо изъ треугольниковъ.

«Коробчатые мишени» для замены во время маневра стрѣлковъ мишенями и для производства затѣмъ боевой стрѣльбы. На фотографіи показаны мишени заменяющія стрѣлка въ положеніи стоя, съ колѣна и лежа. Для переноски каждая мишень имѣетъ посрединѣ проволочную дужку. Одинъ человекъ беретъ четыре мишени, по двѣ въ каждую руку.

Мѣста расположенія цѣпей атаки на внутреннихъ скатахъ горъ обозначены знаками изъ точекъ и тире по азбукѣ Морзе, или изъ крестовъ и треугольниковъ.

Каждое тире представляло изъ себя вырѣзанную полосу дерна длиною 30—50 шаговъ; каждая точка представляла изъ себя стопочку дерна аршина два вышины. Эти знаки атакѣ не были видны и бывали случаи, что внутри треугольника или вдоль тире залегали цѣпи атакующаго. Ориентировка и веденіе стрѣльбы этими знаками чрезвычайно облегчались. Команда подавалась «по тремъ треугольникамъ 14» или «по точкѣ два тире 20» и т. д. Къ сожалѣнію, во время производства боевой стрѣльбы поднялась снѣжная вьюга и всѣ дальнія высоты сдѣлались невидимыми. По подсчетѣ поражений оказалось подбитыми 10% мишеней. Особенно пострадали саперы, захваченные ракетой въ то время, какъ они спускались внизъ по склону горы. Будучи съ фронта прикрыты передвижными стальными щитами, саперы попали подъ фланговый огонь капонпроевъ и потеряли третью часть своего состава.

Второй перерывъ маневра былъ сдѣланъ, когда атака сбила фланговые участки обороны и этимъ обезпечила себѣ возможность накапливаться въ мертвыхъ пространствахъ передъ укрѣпленіемъ.

Граница мертваго пространства находилась въ 150 шагахъ отъ препятствій и въ 170 шагахъ отъ напольныхъ окоповъ укрѣпленія. Подтянувши свою боевую часть въ мертвое пространство, атака выслала впередъ четыре партіи саперъ для разрушенія препятствій. Первая партія должна была прорѣзать проволочную сѣть; вторая—забросить кошки, прикрѣпленныя къ стальному канату, ведущему въ мертвое пространство; третья—должна была приспособить въ свою пользу волчьи ямы и четвертая партія должна была разрушить сѣть и засѣпки пироксилиновыми зарядами. Всѣ саперы были снабжены стальными щитами.

Какъ только саперы, подъ прикрытіемъ огня стрѣлковъ, начали свое движеніе, былъ данъ сигналъ перерыва. Предстояло рѣшить очень интересную задачу: возможно ли поражать расположенное такъ близко мертвое пространство не фронтальнымъ огнемъ окоповъ на склонѣ (въ данномъ случаѣ нужно было бы построить отъ пяти до восьми ярусовъ окоповъ), а косымъ огнемъ полевой артилеріи.

По окончаніи боевой стрѣльбы оказалось, что двѣ головныя роты стрѣлковъ и всѣ саперы были полностью перебиты шрапнелью полевыхъ мортиръ. Уцѣлѣли только роты резерва, не успѣвшія еще втянуться въ мертвое пространство. Надо имѣть въ виду, что артиллеристы были заранѣе ознакомлены съ предстоящей имъ задачей и потому они могли вести огонь навѣрняка какъ днемъ,

такъ и ночью. Ближайшія шрапнельныя пули падали не ближе пятидесяти (50) шаговъ отъ укрѣпленія.

Для продолженія маневра въ атаку влили свѣжія части и, такимъ образомъ, пополнили ея потери.

Прежде чѣмъ перейти къ третьему перерыву, необходимо ознакомиться съ общей идеей испытываемой позиціи.

Почти на всемъ протяженіи двухверстнаго участка позиціи, имѣлись окопы для веденія огневого боя. При движеніи впередъ атакующій непрерывно мѣняетъ свое положеніе, а такъ какъ въ горной мѣстности невозможно найти такія позиціи, съ которыхъ непріятель поражался бы непрерывно на всемъ протяженіи его атаки, то, слѣдовательно, должны были мѣняться и позиціи обороны. Поэтому оборона занимала свои огневые позиціи только по мѣрѣ надобности. Разъ противника съ даннаго мѣста не видно, то и держать здѣсь стрѣлковъ не было нужно. Понятно, что оказать упорное сопротивленіе на всемъ протяженіи позиціи, оборона не могла, да это и не было необходимо. Всѣ усилія атаки должны были свестись къ бою за овладѣніе тактическимъ ключемъ позиціи, въ данномъ случаѣ, центральнымъ укрѣпленіемъ.

Укрѣпленія новаго типа, давая массу закрытія отъ огня съ поля, совершенно обнажены для дальняго ружейнаго и артилерійскаго огня съ тыла. Искусственныя препятствія окружаютъ укрѣпленіе только съ фронта и фланговъ. При этомъ боковыя препятствія протягиваются шаговъ на сто внизъ по скату горы и этимъ обезпечиваютъ отъ нечаянныхъ нападений съ горжи. Если непріятель рѣшилъ атаковать укрѣпленіе и съ тыла, то ему пришлось бы подниматься снизу вверхъ горы подъ огнемъ стрѣлковъ, занявшихъ горжевую позицію (обыкновенно эта позиція представляла изъ себя трехъаршинную отвѣсную стѣнку, по верху которой и располагались стрѣлки. Во время бомбардировки эта стѣнка служила заслономъ для гарнизона укрѣпленія).

По мѣстнымъ условіямъ дневной штурмъ укрѣпленія съ фланговъ и тыла былъ невозможенъ, а къ ночи обороняющійся приготовилъ фонари для освѣщенія боковыхъ препятствій и тыльной подошвы горы.

Зная, что за укрѣпленіе придется вести ближній бой до послѣдняго человѣка, зная, что подъ укрѣпленіемъ будетъ производиться накапливаніе атакующаго, оборона рѣшила сама сосредоточить, ко времени боя за укрѣпленіе, всѣ свои силы. Поэтому на всемъ протяженіи позиціи, обороняющійся не допускалъ атаки до шты-

кового удара, а, исполнивъ свою огневую задачу, быстро очищаль позицію. Спустившись внизъ на дорогу, стрѣлки обороняющагося въ полной безопасности стягивались къ укрѣпленію. При первомъ же появленіи частей атакующаго въ очищенныхъ окопахъ, они мгновенно подвергались перекрестному огню съ тыловыхъ позицій обороны. Иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій эпизодъ второго періода стрѣльбы. Атакующій сбиль оборону съ сонкп, фланкирующей подступы къ позиціи, и сгоряча ворвался въ окопы. Застигнутый тамъ сигнальной ракетой, атакующій сразу потеряль 70% своего состава.

Для того, чтобы расположенные сзади позиціи стрѣлки, пулеметы и батареи не могли смѣшать своихъ съ непріятелемъ, у обороны были поставлены условные флаги. Если флагъ снять, то это служило сигналомъ къ немедленному открытію огня, и наоборотъ появленіе флага служило сигналомъ прекращенія или переноса огня.

Во время третьяго періода маневра рота обороняющагося вся стянулась къ укрѣпленію и заняла горжевые заслоны. Въ напольныхъ фасахъ находились только часовые, такъ какъ атакующій направилъ на укрѣпленіе огонь своихъ батарей и пулеметовъ. (Направленіе огня обозначалось лучами геліографовъ).

Какъ только саперы приблизились къ препятствіямъ, атака перенесла свой огонь и обороняющійся заняль укрѣпленіе. Помѣшать саперамъ разрушать препятствія было нельзя, такъ какъ они прикрывались стальными щитами. Къ этому времени изъ общаго резерва на помощь гарнизону укрѣпленія была выслана рота стрѣлковъ. Эта рота еще не успѣла дойти, какъ начался штурмъ. Обороняющійся встрѣтилъ атакующаго пачечнымъ огнемъ въ упоръ и согласно полученнаго приказанія, не вступая въ штыковой бой, быстро очистилъ укрѣпленіе. Расположенные сзади позиціи пулеметы и батареи мгновенно открыли огонь по атакующему и заставили его залечь внѣ укрѣпленія. Подъ прикрытіемъ этого огня рота резерва соединилась съ гарнизономъ укрѣпленія. Комендантъ рѣшилъ отобратъ укрѣпленіе назадъ и уничтожить атакующаго, прижавъ его къ препятствіямъ напольныхъ фасовъ. Но въ это время былъ данъ сигналъ перерыва.

Руководитель маневра приказалъ замѣнить мишенями не только людей атакующаго, но и людей обороняющагося, желая проверить не будетъ ли у послѣдняго пораженій своими пулями съ тыла.

Опытъ прежнихъ лѣтъ уже показалъ, что подъ прикрытіемъ пулеметнаго огня даже съ 2.400 шаговъ можно находиться въ полной безопасности въ тридцати шагахъ передъ непріателемъ. Но па-счетъ артилерійскаго огня возникали сомнѣнія. Въ данномъ случаѣ условія стрѣльбы были такія: вертикальное превышеніе на-польныхъ фасовъ укрѣпленія надъ горжевыми заслонами восемь сажень, дистанція стрѣльбы 400 сажень, снаряды исключительно шрапнель. По окончаніи боевой стрѣльбы выяснилось, что у ата-кующаго было перебито 50% мишеней. Относительно обороняю-щагося выяснилось, что, при условіи заблаговременной пристрѣлки, можно находиться въ заслонахъ въ то время, какъ вершина укрѣ-пленія поражается шрапнельнымъ огнемъ.

На этой стрѣльбѣ маневръ и былъ законченъ.

Всего на маневръ потребовалось три дня.

Своеобразный ходъ маневра оказалъ вліяніе на дѣйствія сто-ронъ: примѣненіе къ мѣстности было полное, при первой же за-держкѣ стрѣлки атаки самоокапывались. Потомъ интересно было сравнить унылое лицо вышедшаго изъ маневра стрѣлка съ сіяю-щей фізіономіей его товарища, оставшагося цѣлымъ. Между про-чимъ мишень одного изъ ротныхъ командировъ была совершенно исковеркана цѣльнымъ снарядомъ; ему пришлось утѣшаться только тѣмъ, что и вся его рота до послѣдняго человѣка была пе-ребита.

Мѣстныя условія не позволили произвести боевой стрѣльбы и со стороны атаки; но такъ какъ обороняющійся, свободно манев-рируя, велъ огонь съ позиціи общей длиною 2 версты и былъ со-вершенно невидимъ (голова стрѣлковъ были закрыты масками изъ бурьяна), то процентъ его пораженія былъ бы ничтожнымъ. Един-ственнымъ мѣстомъ, гдѣ обороняющійся могъ бы понести потери было укрѣпленіе, но, какъ сказано выше, укрѣпленіе было занято только для открытія огня въ упоръ, когда огонь батарей и пуле-метовъ атаки былъ уже прекращенъ.

Войскамъ атакующаго впервые пришлось атаковать укрѣп-ленную по новымъ принципамъ позицію. Смущало то, что не было видно окоповъ обороняющагося и не на чемъ было сосредото-чить огонь для облегченія своего движенія впередъ. Насколько облегчается атакѣ поддержка своей артилеріей при расположеніи окоповъ на наружномъ скатѣ видно изъ описанія боя подъ Лозен-градомъ («Новое Время» отъ 31-го октября). «Окопы были распо-ложены тремя, а мѣстами четырьмя ярусами. Особенно удивительна

точность болгарской артилеріи. Большинство окоповъ имѣтъ рядъ ямъ отъ падавшихъ снарядовъ не дальше трехъ шаговъ спереди п пяти шаговъ сзади. Въ одномъ мѣстѣ окопъ полонъ убитыхъ людей, лежащихъ подъ рядъ и т. д.»

Занявши какой-либо участокъ старыхъ позицій, атака уже одерживала частную побѣду какъ моральную, такъ и физическую. Въ окопѣ на склонѣ атака находила себѣ закрытіе отъ огня; въ окопѣ на гребнѣ, сдѣланномъ по учебникамъ, атака находила готовую огневую позицію для обстрѣливанія тыла обороняющагося. Если же атака овладѣла укрѣпленіемъ, то она дѣйствительно могла торжествовать, такъ какъ сразу получала сильную позицію противъ неизбежныхъ контръ-атакъ обороны. Въ захваченномъ укрѣпленіи атака находила для себя полное закрытіе отъ огня обороняющагося и искусственныя препятствія съ горжи.

На новыхъ позиціяхъ совсѣмъ не то.

Ворвешься въ окопъ, который только что былъ занятъ непріателемъ, и сразу за это заплатишься. Расположишься за брустверомъ окопа—оттуда ничего не видно, а въ это время можетъ быть стрѣлки непріателя уже снова хотятъ отобрать окопъ назадъ. Ворвешься, наконецъ, въ укрѣпленіе, но и тутъ тщетно было бы искать для себя закрытіе отъ огня обороны.

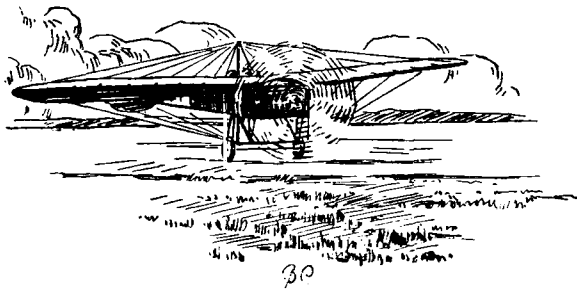
Тактическое положеніе атакующаго въ первые моменты послѣ взятія укрѣпленія очень тяжелое: части перемѣшаны, патроновъ мало, ближайшіе резервы израсходованы, но все это искупается громаднымъ подъемомъ духа побѣдителей. Огненный же шкваль, налетѣвшій съ тыла на укрѣпленіе, можетъ сразу уничтожить и этотъ основной шансъ атакующаго. Подобная обстановка послужила темой для обсужденія вопроса: что дѣлать въ этихъ случаяхъ атакующему? Одни говорили, что нужно, не задерживаясь въ укрѣпленіи, быстро слѣдовать дальше на плечахъ обороняющагося. Но на это возражали, что, спускаясь внизъ горы, части атакующаго опять-таки попадутъ въ огневой мѣшокъ. Связь же со своими подержками будетъ окончательно уничтожена. Другіе совѣтовали не занимать самага укрѣпленія, а окопаться снаружн его и, уже подтянувшись, продолжать бой. Но тогда до самага штыкового удара нельзя было бы помѣшать оборонѣ произвести контръ-атаку. Кромѣ того, какъ показала боевая стрѣльба даже при расположеніи атакующаго внѣ укрѣпленія, онъ потерялъ сразу половину своего состава. Подлежалъ обсужденію вопросъ и о томъ, что атакующій вполнѣ невольнo подчинился плану дѣйствиі обороны: не сбивши

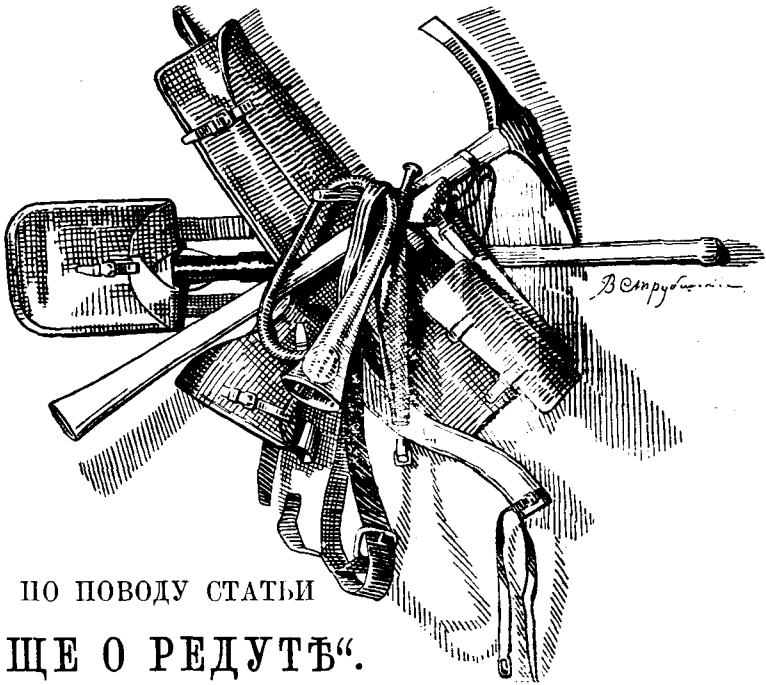
фланговъ нельзя было продолжать атаки центральнаго укрѣпленія; не взявши укрѣпленія, нельзя было бы удержаться на остальной позиціи; мертвые же пространства сами собой подвели атакующаго подъ укрѣпленіе, гдѣ онъ и понесъ (во второй перерывъ) страшныя потери; а не задерживаясь и не накапливаясь въ мертвомъ пространствѣ, нельзя было бы разрушить препятствія и произвести штыковой ударъ.

Но самое неприятное для атакующаго было то, что онъ на всемъ протяженіи своей атаки дѣйствовалъ какъ бы въ слѣпую, не видя расположенія обороняющагося. Только пулеметы, обстрѣливающие его фланговымъ огнемъ, были иногда видны, но на посланное приказаніе: «Задавить огонь пулеметовъ» получался отвѣтъ: «Пулеметы съ фронта не видны». (Пулеметы стояли за отвѣсными стѣнками и были вполнѣ обезпечены даже отъ артиллерійскаго огня).

Никакіе дебаты, никакая полемика не смогла бы такъ полно освѣтить значеніе позиціи новой школы фортификаціи, какъ этотъ интересный трехдневный «опытъ—маневръ».

Б. Жильцовъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ
„ЕЩЕ О РЕДУТЪ“.

(Отвѣтъ г. К. Исакову).

Въ № 12 «Военнаго Сборника» за минувшій годъ г. К. Исаковъ, горячо отстаивая права редута на позиціи, въ порывѣ увлеченія, упрекаетъ меня даже въ томъ, чего я никогда не высказывалъ.

Въ своей замѣткѣ «Нѣчто о редутахъ» я вовсе не утверждалъ, что редуть имѣеть плохой обстрѣлъ и даетъ слабое укрытіе. Вѣдь обстрѣлъ зависитъ отъ примѣненія сооруженія къ мѣстности, будь то редуть или окопъ, все равно. Если на мѣстѣ окопа будутъ построены напольные фасы редута, то обстрѣлъ въ обоихъ случаяхъ будетъ безусловно одинаковъ—все зависитъ лишь отъ удачнаго примѣненія ихъ къ мѣсту.

Вотъ удачно примѣнить не одни только напольные фасы, а весь редуть, т. е. цѣлую площадь, будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ группу окоповъ. Линейное начертаніе послѣднихъ гибче и легче слѣдуетъ по всѣмъ изгибамъ мѣстности, поэтому и расположеніе окоповъ будетъ по большей части удачнѣе расположенія въ томъ же мѣстѣ редута.

Далѣе г. К. Исаковъ указываетъ, что «удовлетворить обстрѣлу одинъ редуть, какъ и одинъ окопъ, безъ помощи сосѣдей не въ силахъ». Ну, а группа окоповъ, создавая этихъ сосѣдей, конечно,

этому удовлетворить; небольшіе окопы, до звена включительно, дадутъ не только сильный фронтальный огонь, но и перекрестный по подступамъ.

Я утверждалъ, что изъ редута въ извѣстномъ направленіи поражать огнемъ могутъ не всѣ стрѣлки, а лишь часть ихъ. На это г. К. Исаковъ отвѣчаетъ, что доблестный комендантъ редута, когда будетъ нужно, сгуститъ своихъ стрѣлковъ на требуемомъ фасѣ до насыщенія. Но вѣдь такое сгущеніе вызоветъ излишнія потери! На это г. К. Исаковъ опять возражаетъ, что безъ потерь въ бою никакъ не обойтись. Ну, потери потерями, а излишекъ въ нихъ нельзя приносить въ жертву редуту, ради его начертанія. Въ окопахъ ничего подобнаго быть не можетъ; удачно построенные, они всегда дадутъ максимумъ огня въ нужномъ направленіи, не нуждаясь при этомъ въ особомъ сгущеніи стрѣлковъ, а слѣдовательно и въ излишнихъ потеряхъ.

Относительно укрытія стрѣлковъ во внутреннихъ рвахъ редута и окопа мною также ничего не говорилось, ибо таковое прежде всего зависитъ отъ профили постройки, а такъ какъ редутъ и окопъ могутъ быть построены совершенно одинаковой профили, то слѣдовательно и укрытіе въ ихъ внутреннихъ рвахъ будетъ также одинаково.

Подобное тождество укрытія относится лишь къ ружейному и шрапнельному огню; что же касается гранатнаго и бомбоваго огня, то преимущество укрытія сразу переходитъ на сторону окопа. Я утверждалъ, что въ окопѣ пораженіе будетъ по линіи, а въ редутѣ—по площади. Г-нъ К. Исаковъ приводитъ выдержку изъ статьи г. В. Полянскаго, въ которой указаны проценты попаданія снарядовъ по всей площади редута (40%) и по одной лишь его линіи огня (напольныхъ фасовъ—8%). При сравненіи оказывается, что пораженіе площади превышаетъ пораженіе линіи огня въ 5 разъ. Мнѣ кажется, что этотъ коэффициентъ и слѣдуетъ принять въ расчетъ преимуществъ окопа надъ редутомъ. Но г. К. Исаковъ на этихъ процентахъ строить иное заключеніе: «чѣмъ больше снарядовъ упадетъ внутрь редута, тѣмъ лучше. Вѣдь эта стрѣльба «впустую», здѣсь никого нѣтъ, всѣ защитники во внутреннемъ рвѣ или на линіи огня. Пуля (!) на этой площади редута ни одного винтоватаго не найдетъ».

Обращаясь къ чертежу 44 (а и б) «Наставленія по инженерному дѣлу для офицеровъ», мы видимъ, что площадь редута за-

строена заслономъ, навѣсами и ходами сообщенія. Тамъ будутъ люди и стрѣльба по этой площади «впустую» не будетъ. Напротивъ, здѣсь будетъ адъ отъ разрывовъ снарядовъ и «виноватые» всегда найдутся.

Но насколько кабинетныя размышленія г. К. Исакова о стрѣльбѣ «впустую» по площади редута отличаются отъ дѣйствительности будетъ видно изъ приводимыхъ ниже словъ одного изъ доблестныхъ защитниковъ Портъ-Артура, дважды представляемаго къ георгіевскому кресту и награжденнаго этой высокою офицерскою наградой ¹⁾). Вотъ, что онъ говоритъ о послѣднемъ днѣ Водопроводнаго редута:

«Редуть былъ расположенъ впереди временнаго укрѣпленія № 3, въ долинѣ Лун-хе, имѣя передъ собою китайскую деревню Шуй-шу-инь. Назначеніе его было прикрывать голову водопровода, съ захватомъ котораго японцы лишали артурскій гарнизонъ прѣсной воды. Редуть былъ построенъ самаго обыкновеннаго типа и лишь наружный его ровъ мѣстами имѣлъ глубину до 2 сажень. Блиндированныхъ помѣщеній для гарнизона было съ избыткомъ. Весь редуть кругомъ былъ обнесенъ проволочною сѣткою. Гарнизономъ была рота стрѣлковъ въ 100 штыковъ и взводъ пограничной стражи. 6-го сентября въ 12 часовъ 45 минутъ дня противникъ открылъ по редуту сосредоточенный артилерійскій огонь. По свидѣтельству наблюдавшихъ за бомбардировкой со стороны, на небольшой редуть падало до 70 снарядовъ въ минуту. Бывъ случайно въ числѣ защитниковъ редута, могу сказать, что это число не преувеличено. Снаряды были всякихъ калибровъ; были горные, полевые, 120-м.-м. и даже 6-дюймовые. Вся внутренность редута кипѣла отъ разрывовъ, какъ кратеръ вулкана. Уже черезъ часъ такого ужаснаго огня почти не оставалось никакихъ укрѣпленій. Блиндированныя постройки, выдерживавшія до того времени попаданія 6-дюймовыхъ бомбъ, были разрушены. Убыль въ гарнизонѣ доходила до 50⁰/₀. И это только за одинъ часъ бомбардировки! Убѣдившись съ наблюдательныхъ пунктовъ, что блиндажи разрушены, японцы, не измѣняя общаго количества бросаемыхъ въ редуть снарядовъ, замѣнили половину ихъ шрапнелями, также всевозможныхъ калибровъ. *Держать стрѣлковъ у линіи*

¹⁾ Приводимъ все это лишь къ тому, чтобы ни у кого не могла даже зародиться мысль о недостаточной доблести разсказчика.

огня совершенно не представлялось возможным—слишкомъ большія потери несъ остатокъ гарнизона. А между тѣмъ врага надо было ожидать ежеминутно—траншеи его находились отъ исходящаго угла редута всего лишь въ 90 шагахъ. На линіи огня были поставлены часовые съ подчасками—по парѣ у трехъ обращенныхъ къ противнику угловъ, а остальные стрѣлки ютились за обломками блиндажей, за остатками шрапнельныхъ ровиковъ и въ *полузасыпанномъ внутреннемъ ровѣ*. Но и въ часовыхъ гарнизонъ несъ большія потери, такъ какъ рѣдкій изъ нихъ выстаивалъ 4—5 минутъ: убить или въ худшемъ случаѣ раненъ. Говорю въ худшемъ, такъ какъ изъ убитыхъ складывали брустверы, дававшіе хоть какую-нибудь защиту стрѣлкамъ. А раненымъ приходилось отдавать лучшее мѣсто. Къ тому же они своими жалобами и стонами дѣйствовали морально на оставшихся въ живыхъ. Въ 4 часа 15 минутъ артилерійскій огонь вдругъ прекратился и раздался крикъ часового «японцы»! Прежде чѣмъ вскочившіе стрѣлки успѣли сдѣлать по одному, другому выстрѣлу — японцы были уже въ наружномъ ровѣ. Въдѣ имъ надо было пробѣжать всего лишь 90 шаговъ. Остатки проволочной сѣти были быстро перерѣзаны.

Далѣе въ краткихъ чертахъ бой происходилъ такъ: японцы трижды прогонялись ручными бомбочками изъ наружнаго рва, но каждый разъ вновь начиналась бомбардировка, стрѣлки прятались, японцы прекращали огонь и вновь бросались въ наружный ровъ. Почему они не рѣшались эскаладировать бруствера— непонятно. Вообще въ дальнѣйшемъ японцы дѣйствовали крайне вяло и нерѣшительно. *Серьезнаго сопротивленія они встрѣтить не могли.* Затѣмъ начался бой мелкими партіями за каждый траверсъ, за каждую горку труповъ. Къ сумеркамъ японцы овладѣли почти всѣмъ редутомъ за исключеніемъ горжи и участка лѣваго фланга. Вечеромъ къ намъ подошло подкрѣпленіе, но ночью приказано было очистить редутъ. Мы отступили.

Та же самая картина была и съ редутами №№ 1, 2 и Скалистымъ въ томъ же Артурѣ.

Приходилось мнѣ наблюдать бои и въ окопахъ. Въ знаменательные дни боевъ на Высокой горѣ съ 13-го по 22-е ноября я работалъ на этой горѣ. Редутовъ здѣсь не было. Въ каждый данный моментъ гарнизонъ этой горы составляли 150—250 штыковъ. За 9 дней мы потеряли здѣсь около 4½ тысячъ, изъ чего слѣдуетъ, что гарнизонъ на горѣ болѣе 10 — 12 часовъ не могъ суще-

ствовать. Отсюда можно видѣть, въ какой обстановкѣ находился обороняющійся. Горы труповъ, не убравшихся съ перваго дня боя, не могли не дѣйствовать морально на защитниковъ этой важной позиціи. Раненыхъ никто не убиралъ; кто могъ самъ уйти — тотъ спускался съ горы къ перевязочному пункту, а кто этого сдѣлать безъ посторонней помощи не могъ — тотъ оставался тутъ же, гдѣ вскорѣ добивался какимъ-нибудь осколкомъ или шрапнельною пулей. Казалось бы, что ужаснѣе обстановки и быть не можетъ, но *если бы мнѣ предложили сейчасъ на выборъ для обороны окопъ на Высокой горѣ или Водопроводный редутъ, я не задумываясь избралъ бы первый*. Колоссальныя потери на Высокой горѣ все-таки были относительно меньше потерь въ редутахъ, гдѣ все было сконцентрировано въ одномъ мѣстѣ. А сопротивляемость? Высокая гора, подъ огнемъ 11-дюймовыхъ мортиръ, можно сказать, непрерывно штурмовавшаяся японцами и стойвшая имъ цѣлой дивизіи, держалась въ теченіе 9 дней, тогда какъ редуты сопротивлялись 1 — 2 дня, а то и нѣсколько часовъ, доставаясь противнику цѣною какихъ-нибудь сотенъ, а то и десятковъ людей».

Къ изложенному мы ничего не добавимъ — картина сопротивляемости редута при современномъ артилерійскомъ огнѣ достаточно ярко очерчена доблестнымъ защитникомъ Артура.

Редуты, обладая малою площадью, всегда будутъ сильно терпѣть отъ сосредоточеннаго огня противника и ихъ гарнизоны ко времени непріятельской атаки понесутъ столь тяжкія потери и будутъ такъ потрясены морально, что серьезнаго сопротивленія атакующему уже не окажутъ.

Можетъ быть теперь г. К. Исаковъ повѣритъ, что стрѣльба по «пресловутой» площади редута не будетъ «впустую» и пуля (до бомбы включительно) все-таки здѣсь найдетъ себѣ виноватаго.

Перейдемъ теперь къ вопросу захвата редута противникомъ. И въ этомъ случаѣ г. К. Исаковъ ведетъ полемику съ самимъ собою, такъ какъ я никогда не утверждалъ, что редутъ — это готовый опорный пунктъ для непріятеля, а для насъ, по малости своего гарнизона, онъ не опорный пунктъ. Я утверждалъ, что, если противнику удастся захватить какой-либо участокъ нашей позиціи, то, если тамъ былъ окопъ — атакующему надо будетъ здѣсь устраниваться и окапываться; если же тамъ былъ редутъ, то противникъ сразу займетъ готовую горжу редута, усиленную еще искусствен-

ными препятствіями. Кажется здѣсь ясно сказано: занимаетъ готовую горжу; объ опорномъ же пунктѣ и рѣчи нѣтъ. Конечно, занимающая готовую горжу, противникъ сразу пріобрѣтаетъ громадныя выгоды, съ чѣмъ соглашается и мой оппонентъ, но г. К. Исаковъ говоритъ, что дѣло здѣсь не въ горжѣ, а въ томъ, что «редуты строятся не для того, чтобы ихъ легко сдавать противнику и затѣмъ жертвовать массу людей на то, чтобы отобрать обратно только что намъ принадлежащее».

А окопы, спросимъ г. К. Исакова, строятся для того, чтобы ихъ легко сдавать противнику? Полагаемъ, что и окопы, и редуты строятся только для себя; предусмотрѣть же всѣ могущія быть случайности не только слѣдуетъ, но и необходимо. Надо помнить, что всѣ наши усилія должны быть направлены къ облегченію своихъ дѣйствій и къ затрудненію непріятельскихъ. Устройство же горжи въ редутѣ, усиленной еще искусственными препятствіями, создаетъ обстановку весьма благопріятную для противника и во все неблагопріятную для насъ, т. е. какъ разъ именно то, чего дѣлать не слѣдуетъ.

Ничего подобнаго не можетъ произойти при примѣненіи окоповъ; поэтому имъ-то и слѣдуетъ отдавать предпочтеніе передъ редутомъ.

Г-нъ К. Исаковъ находитъ, что лучше всего было бы, если бы резервы для контръ-атаки подходили во-время и своимъ короткимъ ударомъ опрокидывали атакующаго.

Противъ этого никто и не спорить, но надо предвидѣть и тотъ случай, когда резервы опоздають, что тогда? Редутъ палъ—надо отобрать его у противника и дерзать не разъ, не два, а упорствовать и стараться своего добиться во что бы то ни стало. Вотъ тутъ-то горжа и сослужитъ намъ медвѣжьёю услугу.

Не утѣшать же себя словами г. К. Исакова, что «снявши голову, по волосамъ не плачуть»!

Теперь остается сказать еще по поводу ключа позиціи (опорный пунктъ). Я утверждалъ, что на тактическомъ ключѣ надо создавать не отдѣльный редутъ, а цѣлую позицію, способную объединить, въ случаѣ неудачи, всѣ уцѣлѣвшія къ тому времени силы отряда. На это г. К. Исаковъ восклицаетъ: «да вѣдь это же все и есть; вѣдь полкъ занимаетъ цѣлую позицію, да еще съ редутами»!

Очевидно, здѣсь кроется крупное недоразумѣніе: я говорю

о тактическомъ ключѣ (узлѣ) позиціи, а г. К. Исаковъ о боевомъ участкѣ. Но тутъ же г. К. Исаковъ поправляется и говоритъ, что если это понимать такъ, что вмѣсто редута надо создать цѣлую позицію, то здѣсь вмѣсто одной роты на созданіе пресловутаго узла обороны надо затратить цѣлый баталіонъ, а то и больше.

Конечно, на тактическомъ ключѣ (узлѣ обороны) съ одной ротой ничего не подѣлаешь. Здѣсь надо собрать все, что способно стрѣлять и колоть. Бой на тактическомъ ключѣ произойдетъ тогда, когда линія фронта нашей позиціи будетъ уже находиться въ рукахъ противника. Къ этому времени оборона стянетъ всѣ остатки своихъ силъ и дастъ здѣсь послѣдній отпоръ врагу. Пока ключъ позиціи находится въ рукахъ обороны, атака еще не увѣчалась успѣхомъ. А чтобы вмѣстить въ этомъ узлѣ обороны весь уцѣлѣвшій отрядъ, надо имѣть не малый редутъ на роту, а цѣлую позицію. Она будетъ состоять изъ группы окоповъ и можетъ быть мѣстныхъ предметовъ, приведенныхъ въ оборонительное состояніе; ея готовность отразить нападеніе противника съ любой стороны будетъ достигаться тѣмъ, что подступы къ позиціи и промежутки между отдѣльными окопами и мѣстными предметами будутъ обстрѣливаться не только фронтальнымъ, но и перекрестнымъ ружейнымъ (и пулеметнымъ) огнемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ эти промежутки не будутъ стѣснять перехода отряда въ наступленіе, что оборонѣ надо всегда имѣть въ виду. Однимъ словомъ, прочность позиціи тактическаго ключа (опорнаго пункта) будетъ заключаться въ примѣненіи къ мѣстности и силѣ ружейнаго огня. Чѣмъ длиннѣе будутъ огневые ея фасы, тѣмъ труднѣе будетъ противнику вести наступленіе и тѣмъ тяжелѣе будетъ добиться огневого превосходства. Короткая линія огня редута съ непрерывнымъ обводомъ и искусственными препятствіями и пришитымъ внутри пассивнымъ гарнизономъ не спасетъ опорный пунктъ отъ пораженія.

Рѣшеніе принять оборонительный бой г. К. Исаковъ характеризуетъ, какъ нашу слабость для болѣе рѣшительныхъ операцій, такъ какъ *«сильный духомъ и числомъ, конечно, въ редутахъ не нуждается»*.

Такое опредѣленіе моего оппонента характеризуетъ лишь пассивную оборону, всегда ведущую къ пораженію, что, конечно, не должно находить себѣ примѣненія. Бьютъ не количествомъ, а качествомъ, и слабый духомъ не найдетъ себѣ спасенія и въ редутахъ.

Но, несмотря на всѣ выгоды наступленія, въ зависимости отъ обстановки возможно принять такое рѣшеніе — данный участокъ позиціи временно оборонять такими-то силами, но съ тѣмъ, чтобы въ другомъ мѣстѣ нанести противнику рѣшительное пораженіе.

Въ зависимости отъ принятаго рѣшенія войска будутъ распределяться въ боевую часть и часть, удерживаемую въ тылу. Первая, по условіямъ мѣстности, будетъ занимать отдѣльные участки, обладающіе извѣстной самостоятельностью. Для успѣха упорной обороны такіе участки вручаются самостоятельнымъ группамъ войскъ (напримѣръ, полкъ), получающимъ вполнѣ опредѣленныя задачи.

Начальникъ такой группы долженъ твердо помнить, что его главная задача—воспрепятствовать наступленію противника, что средствомъ для этого служить огонь, что мѣстомъ боя является все пространство впереди боевого участка и только въ крайнемъ случаѣ самый участокъ. Для этого онъ долженъ распределить свою стрѣлковую часть по удобному для огневого боя фронту, долженъ принять во вниманіе расположеніе сосѣдей, чтобы во-время ихъ поддержать и въ свою очередь быть ими поддержаннымъ, наконецъ, долженъ позаботиться о своихъ флангахъ на случай возможнаго прорыва и предоставленія только однимъ своимъ силамъ. Начальнику боевой группы придется принять два расположенія: линейное—для боя на фронтѣ и сосредоточенное (редюитное) на тактическомъ ключѣ. Съ послѣднимъ будетъ связана оборона всего участка, въ немъ при неудачѣ объединится вся боевая группа для производства послѣднихъ усилій.

Было бы ошибочно думать, что отдѣльный редутъ можетъ этому удовлетворять; съ этимъ соглашается и г. К. Исаковъ, говоря, что «одинъ редутъ отдѣльно обороняться не можетъ». Но средства фортификаціи все-таки должны дать возможность войскамъ всей боевой группы держаться на ключѣ боевого участка при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ съ тѣмъ, чтобы въ это время активно дѣйствующія войска (маневренный резервъ) могли бы нанести противнику рѣшительный ударъ.

Было бы также ошибкою распределить одну часть войскъ для оборонительныхъ дѣйствій на фронтѣ, а другую (участковый резервъ)—для обороны тактического ключа. Роль резерва вполнѣ опредѣленна—онъ долженъ быть средствомъ для управленія боемъ,

онъ долженъ маневрировать въ предѣлахъ своего боевого участка, а не быть прикрѣпленъ къ мѣсту. Прикрѣпленіе резерва къ ключу боевого участка влечетъ за собою пассивную оборону и послѣдовательное пораженіе боевой части и резерва.

Для противодѣйствія наступленію противника, войска должны быть всѣ на фронтѣ позиціи и лишь небольшая ихъ часть составить участковый резервъ.

Только развернувъ на фронтѣ всѣ свои силы, по возможности, въ длинную и сильную линію, мы можемъ рассчитывать нанести огнемъ противнику значительныя потери и не допустить его до нашей позиціи.

Но линейное расположеніе, несмотря на преимущество веденія огнестрѣльнаго боя, всетаки, какъ растянутое, можетъ быть прорвано. Поэтому дополненіемъ къ линейной оборонѣ фронта служить оборона тактическаго ключа—на немъ возможно упорно обороняться при всякихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.

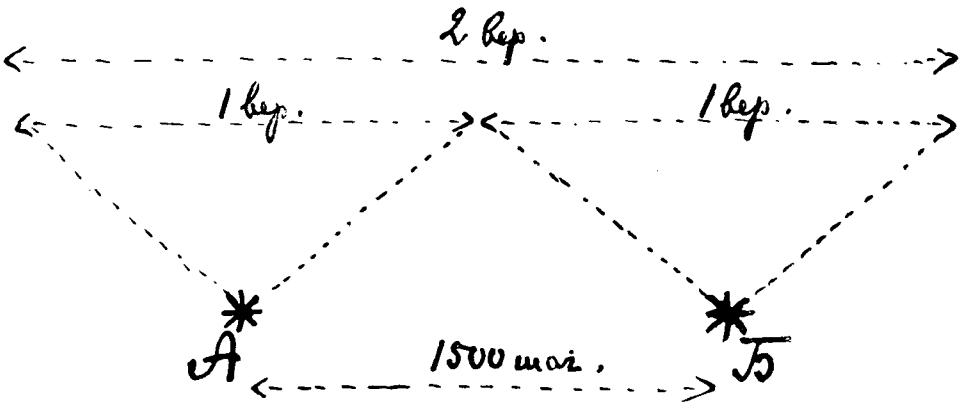
Такимъ образомъ, надо всѣми мѣрами стараться сохранить линейное расположеніе войскъ и только при невозможности держаться на фронтѣ, переходить къ узловому расположенію, сосредоточивая на тактическомъ ключѣ всѣ сохранившіяся наличныя силы. Для послѣдней цѣли здѣсь должна быть создана цѣлая позиція.

Какую же роль при этомъ можетъ играть фортификація? Она должна дать войскамъ на позиціи улучшенный обстрѣлъ и укрытіе, т. е. тамъ будетъ расчищена впередилежащая мѣстность, будутъ построены окопы, приведены въ оборонительное состояніе мѣстные предметы, устроены ходы сообщенія и т. д. совсѣми усовершенствованіями, которыя современная фортификація можетъ, въ зависимости отъ времени, предложить.

Что же взамѣнъ этого предлагаетъ г. К. Исаковъ? Въ началѣ своей статьи авторъ говоритъ: «редуты возводятся на важныхъ пунктахъ нозиціи, владѣніе которыми нозволяетъ держать въ своихъ рукахъ, примѣрно, полуверстовой районъ позиціи вокругъ нихъ (всего по фронту верста)...» Затѣмъ г. К. Исаковъ продолжаетъ: «для того, чтобы пѣхотному полку прочно владѣть фронтомъ, примѣрно 1¹/₂—2 версты, при минимальномъ расходованіи чиновъ на пассивную оборону позиціи, придется затратить дневной трудъ на оборудованіе двухъ редутовъ (безъ наружнаго рва),

удаленныхъ другъ отъ друга не болѣе, какъ на 1.500 шаговъ, и выдѣлить для защиты этихъ редутовъ всего двѣ роты изъ всѣхъ свободныхъ для боя 15 ротъ полка (одна въ расходѣ ²⁾».

Постараемся то, что г. К. Исаковъ выразилъ на словахъ, изобразить въ видѣ схемы:

Разсматривая это строго симметричное расположеніе, невольно хочется спросить г. К. Исакова: почему это на позиціи полка можетъ быть только 2 важныхъ пункта, почему ихъ будетъ не одинъ три, четыре и т. д.? Неужели авторъ серьезно думаетъ, что такое расположеніе возможно когда-либо примѣнить на мѣстности?

На бумагѣ эта схема выходитъ очень хороша и красива, но на реальной мѣстности такую схему не примѣнить никогда.

Далѣе авторъ рекомендуетъ въ пунктахъ А и Б своей схемы располагать редуты, прикрѣпляя къ каждому, въ видѣ гарнизона, по ротѣ стрѣлковъ. На ночь г. К. Исаковъ въ эти же редуты назначаетъ еще по одной ротѣ — значить и ихъ прикрѣпляетъ къ мѣсту, такъ какъ ночью онѣ будутъ въ редутахъ, а днемъ надо же имъ будетъ и отдохнуть. Наконецъ, въ концѣ своей статьи, г. К. Исаковъ рекомендуетъ начальнику (командиру полка) непрерывно помогать гарнизонамъ редутовъ и постоянно пополнять ихъ убыль, а въ случаѣ «нарушенія сообщенія съ редутомъ» посылать ему на помощь резервъ: лучше испытать этому резерву нѣсколько фальшивыхъ тревогъ, чѣмъ не прибыть тогда, когда рѣ-

²⁾ Къ сожалѣнію авторъ не поясняетъ, что это за преступный расходъ дѣлой роты передъ боемъ.

шается участь редута». Однимъ словомъ, г. К. Исаковъ назначаетъ двѣ роты въ составъ гарнизоновъ редутовъ, двѣ роты на ночное усиленіе этихъ гарнизоновъ и, наконецъ, полковой резервъ долженъ бѣгать назадъ и впередъ при всякой малѣйшей опасности, угрожающей редутамъ; иначе говоря онъ обратится изъ полкового во внѣшній резервъ этихъ редутовъ. Что же останется на фронтѣ позиціи и кто будетъ противождать наступленію противника? Вѣдь почти все поразовано по редутамъ, либо назначено составлять ихъ внѣшній резервъ. Чѣмъ же полковой командиръ будетъ регулировать бой на своемъ участкѣ? Вѣдь резерва въ общемъ смыслѣ у него не будетъ; у него будетъ только внѣшній резервъ редутовъ, обязанность котораго оказывать помощь только этимъ редутамъ, даже по фальшивой тревогѣ.

Вотъ до какого положенія можно дойти, рѣшая тактическій вопросъ съ заранѣе предвзятымъ намѣреніемъ подчинить это рѣшеніе особой искусственной формѣ!

Г-нъ К. Исаковъ не указываетъ гдѣ расположены его редуты: на фронтѣ или въ тылу. Повидимому эти важныя мѣста, на которыхъ построены редуты, находятся на фронтѣ позиціи, ибо г. К. Исаковъ говоритъ: «для цѣлей борьбы (роты въ редутахъ) не потеряны, такъ какъ совмѣстно съ прочими ротами полка на боевомъ участкѣ, взаимно другъ друга поддерживая ружейнымъ огнемъ, придаютъ всей позиціи устойчивость: пока редуты въ нашихъ рукахъ—и вся позиція также».

Для уменьшенія потерь гарнизона отъ огня противника г. К. Исаковъ углубляетъ внутренній ровъ редута и всѣ ходы сообщенія до 4 аршинъ (не всегда возможно по условіямъ грунтовыхъ водъ) и въ самомъ низу устраиваетъ ниши-блиндажи, гдѣ размѣщаетъ гарнизонъ редута. Далѣе онъ рекомендуетъ поступать такъ: «при приближеніи пѣхоты противника примѣрно до 800 шаговъ защитникамъ редута отдыхать, а съ этого разстоянія занимать линію огня и совмѣстно съ прочими ротами полка принимать участіе въ стрѣлковомъ бою».

Припомнимъ теперь все то, что было сказано о бомбардированіи Водопроводнаго редута. Въ какой-нибудь часъ убійственной бомбардировки редутъ приведенъ былъ къ молчанію: *его блиндажи были разрушены, внутренніе рвы на половину засыпаны, гарнизонъ понесъ около 50% потерь и даже несъ значительныя потери въ часовыхъ*. На линіи огня никого не было, такъ какъ дер-

жать тамъ кого-либо, вслѣдствіе потерь, было нельзя; защитники, спрятанные въ глубокихъ внутреннихъ рвахъ (ниши-блиндажи), будутъ въ буквальномъ смыслѣ засыпаны землею. Кто же приметъ участіе въ стрѣлковомъ бою? Г-нъ К. Исаковъ вѣроятно предполагаетъ, что съ 800 шаговъ противникъ прекратитъ свою бомбардировку; но вѣдь японцы находились отъ Водопроводнаго редута всего въ 90 шагахъ и все-таки продолжали его разстрѣливать.

Напрасная радость г. К. Исакова—падающіе снаряды быстро приведутъ редуть къ полному молчанію. И даже «лучшая въ полку рота съ доблестнымъ комендантомъ» ничего здѣсь не подѣлаютъ—будутъ отсиживаться въ редутѣ, будутъ умирать безъ пользы общему дѣлу.

Никто не возражаетъ г. К. Исакову, что гдѣ бой, тамъ должны быть потери, но преступно искусственно ихъ увеличивать во имя лишь красивой формы на бумагѣ. Самъ г. К. Исаковъ приводитъ проценты попаданія въ окопъ и редуть, изъ коихъ видно, что въ редутѣ ихъ будетъ въ 5 разъ больше. Неужели же этого недостаточно, чтобы перейти на сторону окопа и вовсе отказаться отъ редута, какъ отъ вредной формы начертанія? Чѣмъ же можно объяснить фразу, что, «одиночный редуть въ концѣ боя можетъ сыграть рѣшающее значеніе»? И это послѣ бомбардировки Водопроводнаго редута, наглядно показавшей что остается отъ одиночнаго редута послѣ только одного часа обстрѣла.

Напрасно авторъ полагаетъ, что заставитъ замолчать редуть, забрасывая его снарядами, составитъ непосильное для противника затрудненіе. Паденіе Водопроводнаго редута служить лучшимъ доказательствомъ обратнаго. Японцы безъ снарядовъ не остались, а продолжали разстрѣль и другого редута (Кумирнскаго). Но г. К. Исаковъ далѣе находитъ, что, «если все-таки противникъ забросаетъ редуть металломъ, то онъ (редуть) половину своего назначенія уже выполнилъ; другая половина—за защитниками при отбитіи штурма». Къ сожалѣнію эту-то вторую половину некому будетъ выполнять, такъ какъ къ тому времени защитниковъ редута уже не останется—всѣ будутъ перебиты или вслѣдствіе моральныхъ потрясеній покинутъ редуть раньше его атаки, или же, наконецъ, въ лучшемъ случаѣ, оставаясь въ редутѣ, представятъ къ моменту штурма столь незначительныя силы, что противнику не трудно будетъ ихъ одолѣть.

Коренная ошибка г. К. Исакова, какъ намъ кажется, заключается въ томъ, что онъ все то значеніе, которое тактика относитъ къ ключу позиціи (опорному пункту), прилагаетъ безъ всякихъ доказательствъ къ редуту, просто заявляя: редутъ — это опорный пунктъ.

И все то, что вѣрно для одного, совершенно не подходитъ ко второму, такъ какъ редутъ ни въ началѣ, ни въ концѣ боя, опорнымъ пунктомъ не будетъ, такъ какъ не имѣетъ самостоятельности и не можетъ быть обороняемъ отдѣльно:

Непонятнымъ кажется г. К. Исакову значеніе группы окоповъ въ опорномъ пунктѣ (тактическомъ ключѣ). Онъ полагаетъ, что штурмъ такого опорнаго пункта ночью не представитъ затрудненія — достаточно смять одинъ изъ окоповъ, чтобы внести разладъ въ остальные. Но спрашивается почему группа окоповъ съ обезпеченными флангами должна сопротивляться меньше, чѣмъ изолированный редутъ? Наличіе стрѣлковъ въ редутѣ и въ окопахъ будетъ, профили сооруженій могутъ быть одинаковыми и даже искусственныя препятствія будутъ преграждать вѣроятные подступы — однимъ словомъ, всѣ прочія условія будутъ совершенно одинаковы, за исключеніемъ лишь того, что изъ редута огонь будетъ расходящійся, а изъ группы окоповъ онъ будетъ перекрестный и фронтальный. Полагаемъ, что сопротивляемость группы окоповъ будетъ все-таки значительно больше, такъ какъ и число штыковъ всѣхъ объединенныхъ въ этомъ мѣстѣ войскъ превыситъ величину гарнизона редута.

Въ заключеніе г. К. Исаковъ приводитъ мысль «Наставленія» съ указаніемъ, для чего строятся редуты. Но неужели авторъ сомнѣвается, что и окопы строятся также для того, чтобы ихъ не отдавать противнику, что и они также должны быть возможно лучше оборудованы технически, что и они также должны заниматься отличными войсками, у которыхъ будутъ выдающіеся начальники и т. д.? Все то, что г. К. Исаковъ относитъ къ редуту, полагаемъ, также должно быть отнесено и къ окопамъ. Смѣемъ надѣяться, что въ этомъ ни у кого сомнѣній не будетъ.

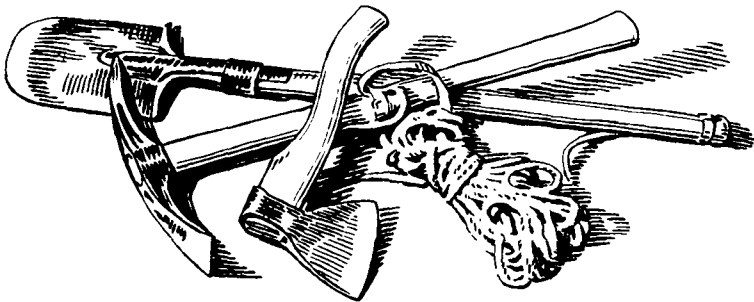
Крупная ошибка нашихъ фортификаторовъ заключается въ томъ, что въ своей наукѣ они видятъ цѣль, а не средство: они забыли, что фортификація должна примѣняться къ нуждамъ войскъ; забыли, что не войска для фортификаціи, а она для войскъ.

Неужели не ясно, что вопросъ укрѣпленія позицій прежде

всего связанъ съ расположеніемъ и способомъ дѣйствій боевого порядка, т. е. войскъ, что несомнѣнно и прежде всего входитъ въ область тактики, а не фортификаціи? Поэтому, дайте дорогу тактикѣ и пусть фортификація слѣдуетъ по ея стопамъ.

Только знаніе тактики дастъ возможность у мѣста примѣнить фортификацію. Безъ такихъ знаній послѣдняя обращается въ нѣчто самостоятельное, но туманное.

М. Трузевичъ-Негай.

Вс.

Обученіе плаванию въ развѣдочныхъ командахъ.

(Краткій курсъ плавания).

(Продолженіе) ¹⁾.

Программа обученія.

Ури обученіи плаванию я поставилъ цѣлью самое необходимое: умѣть плавать по-лягушечьи, прыгать съ плота и съ трамплина ногами впередъ, бросаться внизъ головой съ плота, нырять.

Нижніе чины, усвоившіе способъ плавания лягушкой, ясно сознавали, что плыть имъ гораздо легче и скорѣе, чѣмъ своимъ способомъ, т. е. подгребая руками подъ животъ и ударяя ногами по водѣ.

«Который попривыкнетъ по-лягушечьи, тому легче», говорили охотники.

«Я по-своему могъ хорошо плавать, но теперь мнѣ по-своему хуже», говорили другіе.

Кромѣ того, что судорогъ при этомъ способѣ бываетъ меньше, чѣмъ при другихъ способахъ, плавающей по-лягушечьи можетъ

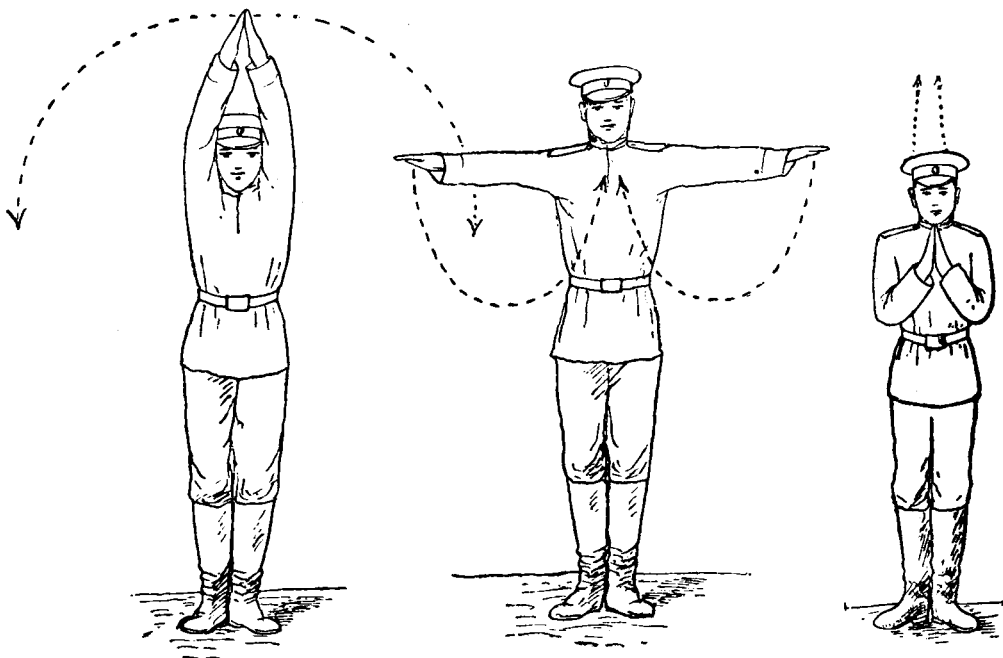
¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1913 г., № 3.

отдохнуть, если будетъ медленно плыть этимъ способомъ. Нѣкоторые изъ кадетъ старшихъ классовъ Псковскаго кадетскаго корпуса, поупражнявшись, проплывали по р. Великой довольно легко разстояніе въ $1\frac{1}{2}$ версты, а нѣкоторые и 3 версты. Такъ, напримеръ, кадетъ Сиротинскій проплылъ безъ вреда для здоровья 3 версты въ 1907 г. въ 1 часъ 25 минутъ.

Объ успѣхахъ въ плаваніи нижнихъ чиновъ 24 пѣхотной дивизіи будетъ сказано, когда буду говорить о смотрѣ плавательныхъ командъ.

Практика въ прыганьѣ съ трамплина, расположеннаго надъ рѣкою на высотѣ 1 сажени, необходима потому, что даже такіе сильные и смѣлые люди, какъ охотники, въ началѣ занятій, боятся прыгать съ такой высоты въ воду. Припоминается мнѣ слѣдующій случай. Когда на рѣкѣ Волгѣ у парохода «Вѣра» горѣла носовая часть, ближайшая къ берегу, то пассажиры боялись прыгать въ воду съ палубы, а бросались на вертѣвшееся въ кормѣ колесо, переламывали себѣ руки и ноги и погибали.

Приемы плаванья для рукъ.

Къ плаванію!
Выходное положеніе.

Положеніе рукъ послѣ счета «разъ».

Положеніе рукъ послѣ счета «два».

Подъ счетъ «три» руки выпрямляются и получаютъ первоначальное положеніе.

Такъ какъ для первоначальнаго усвоенія способъ плаванья полушечья сложенъ, то необходимо изучать его постепенно и притомъ сперва на сушѣ, а потомъ въ водѣ. Сперва я продѣлывалъ упражненія руками, потомъ ногами, а затѣмъ, руками и ногами вмѣстѣ.

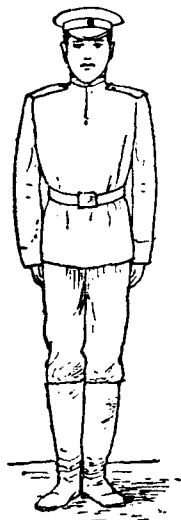
По командѣ: «къ плаванію!» руки вытягиваются впередъ—вверхъ, подъ счетъ «р-а-азъ» отводятся въ сторону, причемъ ладони постепенно выворачиваются, такъ что мизинецъ приходится немного выше другихъ пальцевъ. Руки приходятся на уровнѣ плечъ. Во время этого движенія руки дѣйствуютъ, какъ весла.

Подъ счетъ «два» руки сгибаются, сложенные ладони приходятся подъ подбородкомъ, а локти около тѣла. Въ водѣ это движеніе дѣлается такъ, какъ будто бы руками обхватываютъ воду подъ собою. Оно имѣетъ то значеніе, что поддерживаетъ въ водѣ голову и переднюю часть туловища и потому руки должны приходиться на уровнѣ плечъ.

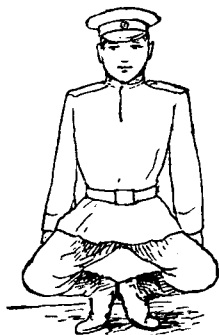
Нѣкоторые при движеніи подъ счетъ «разъ» дѣлаютъ ту ошибку, что заводятъ руки за плечи. †

Подъ счетъ «три» руки вытягиваются впередъ—вверхъ (первоначальное положеніе), а подъ счетъ «четыре» остаются на томъ же мѣстѣ. Подъ счетъ «разъ» движеніе дѣлается медленно, а подъ счетъ «два» и «три»—гораздо быстрѣе.

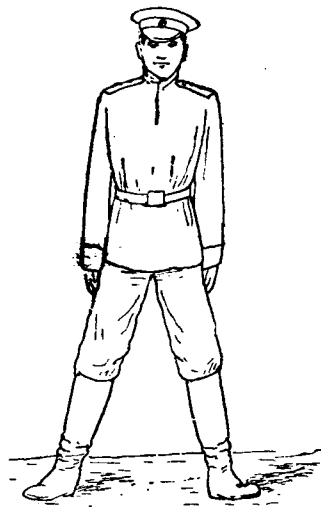
Приемы для плаванья ногами.

Подъ счетъ «разъ» ногами ничего не дѣлается.

Подъ счетъ «два» ноги сгибаются.

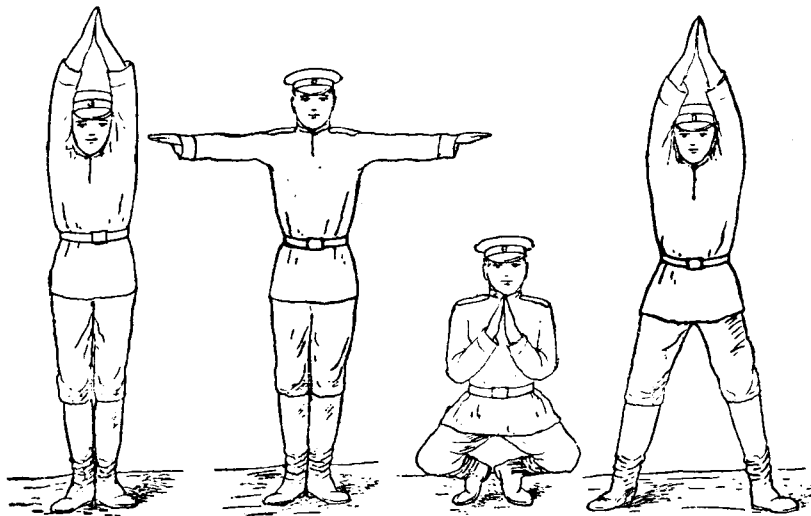

Подъ счетъ «три» ноги выпрямляются и выбрасываются въ стороны.

Подъ счетъ «четыре» ноги сближаются въ первоначальное положеніе.

Ногами подъ счетъ «разъ» ничего не дѣлается, подъ счетъ «два» ноги сгибаются, такъ чтобы пятки приходились вмѣстѣ, а колѣни врозь (какъ во время присѣданія). Подъ счетъ «три» ноги выпрямляются, выбрасываются возможно больше въ стороны, подъ счетъ «четыре» сближаются, какъ при первоначальномъ положеніи. Ноги надо выбрасывать возможно шире, чтобы послѣ сведенія ихъ въ водѣ получился болѣе сильный толчекъ для движенія тѣла впередъ.

Приемы для плаванья руками и ногами.

Къ плаванію!

I. Разъ.

II. Два.

III. Три.

Приготовительные приемы для плаванья по-лягушечьи.

Къ плаванію! I. Разведеніе рукъ въ стороны подъ счетъ «разъ». II. Сгибаніе рукъ и ногъ подъ счетъ «два». III. Выпрямленіе рукъ и ногъ подъ счетъ «три». Подъ счетъ «четыре» сведеніе ногъ въ первоначальное положеніе.

Далѣе надо дѣлать движенія руками и ногами вмѣстѣ.

Подъ счетъ «разъ» руки отводятся въ стороны, подъ счетъ «два» дѣлается руками и ногами то, что дѣлалось подъ счетъ «два», т. е. руки и ноги сгибаются; подъ счетъ «три» — то, что дѣлалось подъ счетъ «три» руками и ногами, т. е. руки и ноги выпрямляются; подъ счетъ «четыре» руки на мѣстѣ, а ноги сближаются въ выходное положеніе. Эти приемы надо продѣлывать возможно чаще, чтобы потомъ они дѣлались правильно механически. Гдѣ введено обученіе плаванію, ихъ нужно дѣлать въ теченіе года, какъ гимнастическое упражненіе. Для лучшаго ихъ усвоенія, обучаемые ложились въ свободное время на свои сундучки. Имъ напоминалось,

что, въ виду краткости времени для занятій, многое будетъ зависѣть отъ ихъ усердія и потому эти приемы они должны запомнить возможно лучше. Для избѣжанія излишнихъ расходовъ и въ виду краткости времени, для обученія такими приспособленіями при упражненіяхъ на сушѣ, какъ складной табуретъ и подушный поясъ, не пользовались, а переходили къ упражненіямъ въ водѣ.

Считаю нужнымъ оговориться, что возможно обучать и при другомъ счетѣ; этотъ же счетъ принять въ военно-учебномъ вѣдомствѣ и достаточно понятенъ для обученія.

Лучшимъ мѣстомъ для купанья будетъ мѣсто съ песчанымъ дномъ безъ сучковъ, бревенъ и камней, съ дномъ у берега мелкимъ и постепенно углубляющимся, при очень тихомъ теченіи. Такое мѣсто удобно, потому что представляетъ менѣе опасностей для начинающихъ. Рѣка Великая во Псковѣ шириною до 85 саж., теченія лѣтомъ почти нѣтъ, а бываетъ послѣ дождей, глубина отъ 3 до 4 сажень, причѣмъ высота воды выше человѣческаго роста уже недалеко отъ берега, дно каменистое. Нашлось въ концѣ города около устья рѣки Мирови одно мѣсто, гдѣ глубина небольшая, постепенно увеличивающаяся, но, къ сожалѣнію, дно было каменистое. Это мѣсто и было выбрано для купанья нижнихъ чиновъ 24 дивизіи. Для приличія мѣсто, гдѣ раздѣвались, было обнесено заборомъ.

Если теченіе рѣки очень быстрое, то надо обучать въ купальнѣ.

При устройствѣ плота для обученія преслѣдовалась та цѣль, чтобы онъ стоилъ возможно дешевле, а обучаться можно было возможно большому числу людей. Онъ состоялъ изъ 3-хъ рядовъ трехсаженной длины бревенъ; бревна вышележащаго ряда располагались перпендикулярно къ бревнамъ нижележащаго. Нижний рядъ состоялъ изъ бревенъ, расположенныхъ одно возлѣ другого и связанныхъ хворостяными вицами; въ немъ было столько бревенъ, чтобы длина и ширина равнялась 3 саженямъ.

Во второмъ и третьемъ ряду бревна клались съ промежутками (2-й рядъ перпендикулярно къ 1-му, 3-й ко 2-му) и тоже прикрѣплялись къ нижележащему ряду хворостяными вицами. Чтобы подъемная сила плота была больше, полезно въ нижній рядъ, находящійся въ водѣ, брать бревна потолще (4-хъ и 5-ти вершковья). Надъ верхнимъ рядомъ устроены полъ, изъ 2-дюймовыхъ досокъ, а съ боковъ подводная часть плота обшита досками. Кругомъ плота перила вышиною по поясъ взрослому человѣку ($1\frac{1}{4}$ арш.), бруски $1\frac{1}{2}$ вершковья. Перила должны быть прочно укрѣплены,

такъ какъ на нихъ кладутся шесты во время обученія. Справа, слѣва и къ срединѣ рѣки лѣстницы въ 2 ступени, обитыя холстомъ, для спуска въ воду. Слева отъ лѣстницы, ведущей къ срединѣ рѣки, трамплинъ.

Трамплинъ—это доска для прыганья; онъ толщиною вершка 4 и на вышинѣ менѣе сажени утвержденъ на 4 стойкахъ; наверхъ идетъ лѣсенка. Ребро на концѣ трамплина, находящееся на верхней его сторонѣ, закруглено. Ступенька лѣсенки и верхняя часть трамплина обиты полотномъ, чтобы ноги не скользили.

Трамплинъ долженъ выдвигаться за линію передней части плота и получаетъ вслѣдствіе этого нѣкоторую упругость. Съ наружной стороны плота, находящейся къ срединѣ рѣки, необходимо прикрѣпить въ горизонтальномъ направленіи веревку съ петлями, чтобы потерявшій хладнокровіе или утомленный пловецъ могъ схватиться за нее.

Плотъ надо поставить такъ, чтобы сторона его къ срединѣ рѣки приходилась приблизительно на глубинѣ меньше роста человѣка. Дальше же его выдвинуть въ началѣ обученія можно лишь только въ томъ случаѣ, если по обѣимъ его сторонамъ глубина будетъ недостаточна для обученія 4 человѣкъ, по 2 съ каждой стороны. Та линія по обѣимъ сторонамъ плота, гдѣ глубина становится болѣе взрослому человѣку, обозначается плавающими на якоряхъ (или камняхъ) крестами съ прикрѣпленными къ нимъ маленькими флагами. Эта линія и внѣшняя сторона плота при обученіи плаванію есть самое опасное мѣсто въ рѣкѣ и за нимъ должно быть самое тщательное наблюденіе. Чтобы сдѣлать его болѣе безопаснымъ, около флаговъ долженъ быть протянутъ канатъ, который задерживалъ бы плавающихъ.

На плоту во время занятій всегда долженъ стоять хорошій пловецъ со спасательной веревкой, а во время плаванія по сторонамъ плота—спасательныя лодки, съ экипажемъ не менѣе 3 человѣкъ: 1—на веслахъ, 1—на рулѣ, 1—со спасательной веревкой. Спасательная веревка имѣетъ гораздо большія преимущества, чѣмъ спасательный кругъ, такъ какъ ее можно легко бросить въ какую угодно сторону, сажень на 6. Спасательнымъ же кругомъ бросить труднѣе, да къ тому же можно попасть въ голову нуждающагося въ помощи.

Спасательная веревка очень легка, такъ какъ вьется изъ манильской мочалы и потому почти вся держится на водѣ. На концѣ ея находится петля съ пробковымъ и деревяннымъ поплавками.

Веревка свертывается кольцами такъ, чтобы вся она была собрана въ правой рукѣ и только конецъ, противоположный петлѣ, находится въ лѣвой рукѣ; малая петля этого конца надѣвается на руку. Надо хорошо напрактиковаться въ бросаніи веревки, такъ какъ, когда утопающій измученъ, то не бываетъ въ состояніи двинуться и на одинъ шагъ. Въ случаѣ надобности такую веревку можно сдѣлать и самимъ, только не изъ манильской мочалы.

Въ настоящее время вмѣсто этой веревки въ обществѣ спасенія на водахъ продается конецъ Александрова (Императорское Россійское общество спасенія на водахъ. Спб., Садовая, 50. Цѣна безъ пересылки 2 р. 20 к.). Онъ длиною 16 сажень, толщиною $\frac{7}{8}$ дюйма и сдѣланъ тоже изъ манильской мочалы. На концѣ его устроена петля въ 3 фута длиною съ двумя пробковыми красными шариками и между ними поплавокъ Александрова. Этотъ поплавокъ состоитъ изъ полотнянаго мѣшечка, набитаго мелкой пробкой; внутри его въ одномъ концѣ положенъ кусокъ свинца вѣсомъ въ 30 золотниковъ; весь онъ оплетенъ тонкой смоленой веревкой. Поплавокъ поддерживаетъ петлю на поверхности воды; благодаря ему, веревка бросается дальше (до 10 сажень). Совѣтуютъ бросать его такъ: «прежде всего нужно надѣть малую петлю на лѣвую руку, конецъ положить передъ собою такъ, чтобы онъ не былъ спутанъ и затѣмъ правою рукою сдѣлать два или три круговыхъ размаха во всю руку отъ плеча и бросить петлю къ утопающему. Брошенную петлю стоитъ лишь надѣть утопающему на себя и тогда конецъ можно тащить къ берегу и за него вытащить утопающаго. Самое удобное, если утопающій надѣнетъ петлю подъ мышки. Спасаящій долженъ кричать утопающему, что ему дѣлать съ брошеннымъ концомъ» ²⁾).

Необходимыя при обученіи вещи.

Нужно имѣть въ командѣ шесть плавательныхъ поясовъ: по два на каждую изъ трехъ сторонъ плота, гдѣ ведется обученіе; къ нимъ нужно шесть шестовъ; кромѣ того, не менѣе трехъ спасательныхъ веревокъ: одну на плоту, одну на спасательной лодкѣ (или двѣ, если двѣ спасательныхъ лодки). Эти три веревки необходимы будутъ на спасательныхъ лодкахъ во время переплыванія рѣки массамаи, а потому число ихъ можетъ быть и больше. Во

²⁾ Описаніе спасательныхъ приборовъ, употребляемыхъ Императорскимъ Россійскимъ обществомъ спасенія на водахъ. Составилъ А. Боярекій. Стр. 24.

время обученія у дежурнаго фельдшера долженъ быть ящикъ съ необходимыми медикаментами, щетки для растиранія, одѣяла, два термометра для измѣренія температуры воды и воздуха. Для приличія были сшиты плавательные костюмы изъ сѣраго полотна разрѣзь у нихъ былъ съ боковъ, а жгуты завязывались назадъ. Для удаленія плавающихъ щепокъ и травы служить рѣшето, прикрѣпленное къ длинному шесту; для отдыха необходимы бревна на якоряхъ. Они должны быть хорошо оструганы, чтобы не занозить тѣла, и выкрашены бѣлой краской.

Плавательный поясъ длиною не менѣе 1 аршина 3 вершковъ, шириною не менѣе 2 вершковъ шьется изъ пеньковой или какой-нибудь другой прочной матеріи. На одномъ концѣ его пришиваются двѣ или три петли, а недалеко отъ другого конца столько же тесемокъ съ отверстиями для застегиванія. Этихъ отверстій нѣсколько, вслѣдствіе неодинаковой толщины обучающихся. Кромѣ того необходимы двѣ тесмы въ видѣ подтяжекъ, чтобы удерживать поясъ на одномъ мѣстѣ.

Эти подтяжки могутъ прикрѣпляться впереди, а застегиваются назадъ къ пряжкамъ или наоборотъ.

На томъ концѣ ихъ, гдѣ онѣ застегиваются, вслѣдствіе неодинаковаго роста нижнихъ чиновъ, должны быть одно за другимъ нѣсколько отверстій. Въ томъ мѣстѣ пояса, которое приходится противъ середины спины, пришивается кольцо, а къ нему привязывается веревка въ нѣсколько сажень длины. Поясъ долженъ постоянно осматриваться и въ случаѣ надобности исправляться, такъ какъ къ нему приходится прибѣгать въ продолженіе всего обученія ³⁾. Длина шеста, изъ сосны или ели, около 1½ сажени, діаметръ около 1¼ вершка, по возможности безъ щелей и трещинъ.

Купаться можно начинать при температурѣ +14° R., но только при спокойной погодѣ.

Начали заниматься при температурѣ +18° R. и можно было оставаться въ водѣ минутъ 15 и болѣе; потомъ, хотя иногда была ненастная погода и холодный вѣтеръ, занятія продолжались безъ перерыва.

19-е іюля было назначено послѣднимъ днемъ обученія, потому что послѣ 20-го іюля вода въ Великой становится холоднѣе.

Кромѣ распisanія занятій необходимо вести списокъ каждой команды, гдѣ отмѣчать: кого не было, кто обучался на поясѣ, кто выучился плавать, кто переплылъ рѣку, какая температура воздуха и воды, кого къ какому разряду отнести и т. п.

³⁾ При обученіи плаванию, ныранию, прыжкамъ, для спасенія утопающихъ и т. д.

Поясъ надѣвается такъ, чтобы охватывалъ верхнюю часть грудной клѣтки. Кольцо должно находиться на позвоночномъ столбѣ, чтобы туловище не перекачивалось изъ стороны въ сторону во время обученія. Поясъ съ тесьмами долженъ быть надѣтъ ни слишкомъ туго, ни слишкомъ слабо; когда онъ будетъ надѣтъ очень туго и высоко, то подъ мышками будетъ сильно натерто во время обученія.

Когда поясъ надѣтъ, веревку надо прикрѣпить къ одному изъ концовъ шеста, не далѣе верхковъ пяти отъ конца, прикрѣпить фэйрверкскимъ узломъ или обыкновенной петлей; другой конецъ веревки долженъ быть въ рукахъ у обучающаго на тотъ случай, если соскользнетъ петля или сломается шестъ. Практичнымъ оказалось такое положеніе тѣла: если положить шестъ на перила, то правую ногу надо тоже положить вдоль другого конца шеста, такъ чтобы правое колѣно приходилось по правую сторону шеста, а носокъ съ лѣвой стороны; подъемъ сверху.

При такомъ положеніи шеста часть веревки отъ плавательнаго пояса до шеста длиннѣе вышины периль отъ уровня воды; шестъ долженъ поддерживать тѣло на одномъ и томъ же уровнѣ. Если въ рѣкѣ есть теченіе, то обучающіеся на той сторонѣ, которая находится къ срединѣ рѣки, ложатся головой противъ теченія.

Обучаемый лежитъ въ водѣ такимъ образомъ, что руки и ноги вытянуты, ладони сложены одна къ другой, пятки вмѣстѣ, носки въ стороны и немного притянуты къ головѣ. При подобномъ положеніи носковъ рѣже бываютъ судороги въ икрахъ при долгомъ пребываніи въ водѣ.

Упражненія руками дѣлаются подъ счетъ «четыре». Когда они усвоены, то обучающемуся въ руки дается веревка, другой конецъ которой въ рукахъ обучающаго; тоже подъ счетъ «четыре» дѣлаются упражненія ногами, причемъ подъ счетъ «два» ноги съ сомкнутыми пятками сгибаются, такъ чтобы колѣни были отведены въ стороны возможно больше и подтянуты къ туловищу, носки держатся въ стороны. Когда и эти движенія усвоены, то дѣлаются подъ счетъ «четыре» упражненія руками и ногами сперва медленно, но потомъ скорѣе и скорѣе (только руки разводятся медленно), такъ что всѣ движенія сливаются въ одно.

Въ первый урокъ всѣ 64 развѣдчика обучались поочередно учителемъ на плавательномъ поясѣ, а въ слѣдующіе уроки на всѣхъ 6 поясахъ фельдфебелемъ, унтеръ-офицерами, ефрейторами и назначенными рядовыми подъ присмотромъ преподавателя. Лучше бы

этихъ лицъ обучать раньше, но для этого нѣтъ времени, а потому они проходятъ курсъ вмѣстѣ съ остальными. Только первый урокъ тянулся часа 4—5; чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе нужно времени для занятій.

Тѣ изъ обучающихся, которые скоро усваиваютъ пріемы плаванія въ водѣ, тѣ и плавать выучиваются скорѣе. Когда обучающійся усвоилъ хорошо въ водѣ эти движенія, то веревка ослабляется именно тогда, когда подѣ счетъ «два» движеніемъ рукъ туловище поддерживается на водѣ. Но какъ только ученикъ начинаетъ погружаться въ воду, опять его начинаютъ поддерживать веревкой. Сперва онъ продержится одинъ взмахъ, потомъ два и больше. Вначалѣ на поясѣ надо держать долго—минуть 10—15, если температура воды достаточно теплая. Когда тѣло ученика держится на водѣ, надо ослаблять веревку и дать ему плыть сперва немного, а потомъ все больше и больше.

При обученіи плаванію лягушкой распространенная ошибка учениковъ состоитъ въ томъ, что они отводятъ руки далеко назадъ за плечи. Неудобство этого ясно изъ того, что голова уходитъ въ воду, такъ какъ руки, отведенныя далеко назадъ и сведенныя подѣ туловищемъ, меньше поддерживаютъ голову и переднюю часть тѣла, чѣмъ при правильныхъ движеніяхъ рукъ. Кромѣ того, это движеніе некрасиво. Случается и такая ошибка: сводятъ руки впереди передъ тѣломъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ туловища. Этимъ движеніемъ замедляется движеніе тѣла впередъ. Обучающіеся не должны также разъединять пальцевъ.

Для того, чтобы возможно большее число лицъ упражнялось, въ нѣкоторыхъ командахъ прибѣгали къ помощи пузырей, на которыхъ учатся охотнѣе, чѣмъ на поясѣ. Два пузыря одинаковой величины связывались веревочкой или тесемкой на такомъ разстояніи, чтобы пузыри были сбоку. Веревочка, чтобы не рѣзала, обшита полотномъ. Можно устроить и такъ: веревочками завязываются пузыри и соединяются тесьмой изъ сукна. Плавательные пузыри поддерживаютъ туловище въ водѣ и потому помогаютъ согласованію движеній рукъ и ногъ при плаваньи лягушкой. У большинства охотниковъ—тесьма, соединяющая пузыри, была на груди и подѣ мышками, у меньшинства—на животѣ. Во второмъ случаѣ поднимаются высоко ноги. За учащимися нужно смотрѣть, чтобы они продѣлывали упражненія правильно, потому что вкоренившіяся ошибки потомъ уже трудно исправить. Если движенія ногами неправильны, то можно прибѣгнуть къ слѣдующему пріему: обучаю-

щійся берется руками за плоть немного ниже поверхности воды и продѣлываетъ упражненія однѣми ногами. Необходимо также, чтобы учащіяся не переплывали за предѣльную линію, такъ какъ, если одинъ изъ пузырей лопнетъ или съ нимъ случится какая-нибудь важная неисправность, то пользующійся ими будетъ тонуть.

Не находящіяся на поясѣ и не имѣющіе пузырей могутъ упражняться и такимъ образомъ: вдохнувъ въ себя воздухъ и опустивши лицо въ воду, оттолкнуться впередъ ногами, чтобы тѣло приняло горизонтальное положеніе; сперва постепенно отвести руки въ сторону (какъ подь счетъ «разъ»), послѣ обхватить подь собою воду (какъ подь счетъ «два»), потомъ вытянуть руки впередъ. Послѣ этого встать и отдохнуть. Въ томъ же горизонтальномъ положеніи вытянуть руки впередъ, оттолкнуться ногами и продѣлать упражненія ногами; согнуть, отбросить въ стороны и свести одна къ другой. Отдохнуть. Продѣлать упражненія руками и ногами; сперва продержаться одинъ взмахъ, потомъ два, три и, наконецъ, уже медленно и правильно плыть, держа голову надъ водою. Когда голова опущена въ воду, то тогда обучаемый вытѣсняетъ больше воды и, по закону Архимеда, становится легче и больше поддерживается водой⁴). При этомъ способѣ обученія и при помощи пузырей проявляется самодѣятельность обучаемого.

Способности къ плаванію неодинаковы. Вообще развѣдчики, какъ люди съ хорошими легкими и сердцемъ, сильными мускулами. выносливые, обладаютъ хорошими способностями къ плаванію, но все-таки одни выучиваются скоро, а другіе медленно. Очень хорошіе гимнастеры скорѣе усваиваютъ это искусство, чѣмъ слабые; коренастые съ толстыми, короткими ногами—не скоро и подвигаются медленно въ сравненіи съ людьми стройными, высокими.

Въ командахъ развѣдчиковъ попадаются и хорошіе самоучки пловцы. Такъ, напримѣръ, изъ Новгородской губерніи, съ береговъ Шексны, въ Красноярскомъ полку въ 1899 г. были лихіе пловцы, которые на боку или саженками быстро переплывали р. Великую.

Обыкновенно же нижніе чины плаваютъ «по-своему», т. е. подгребаютъ подь животъ руками и хлопаютъ по водѣ ногами. Плавающіе этимъ способомъ подвигаются впередъ очень медленно и теряютъ много силъ. Совершенно же неумѣющіе, жившіе въ

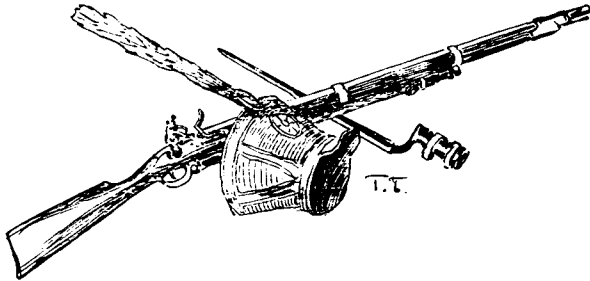
⁴) Всякое тѣло, погруженное въ жидкость, испытываетъ давленіе снизу вверхъ, равное вѣсу вытѣсненной имъ жидкости, и вслѣдствіе этого теряетъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣситъ вытѣсненная имъ жидкость.

сторонѣ отъ рѣкъ и озеръ, выучиваются, хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, но потомъ изъ нихъ могутъ быть хорошіе пловцы, переплывающіе на ту сторону рѣки и обратно. Умѣющіе же плавать «по-своему», хотя выучиваются по-лягушечьи, но, если мало практиковались, переходятъ при утомленіи на старый способъ.

Есть еще самый тяжелый разрядъ это тѣ, которые когда-либо тонули, но были вытащены и получили страхъ къ водѣ. Боязнь къ ней у нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ сильна, что, если они даже выучиваются, то боятся плыть въ глубокихъ мѣстахъ. Я зналъ одного юношу, который освободился отъ страха къ водѣ только послѣ занятій въ теченіе трехъ лѣтнихъ каникулъ.

М. Харинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу объ обеспеченіи инвалидности и старости рабочихъ техническихъ артилерійскихъ заведеній.

ъ № 1 «Военнаго Сборника» за текущій годъ появилась статья г. В. Руденкова: «Краткій обзоръ развитія законодательства по рабочему вопросу въ военномъ вѣдомствѣ и результаты примѣненія въ техническихъ артилерійскихъ заведеніяхъ закона 9-го іюня 1904 г.». Въ этой статьѣ рядомъ цифровыхъ данныхъ за 7 лѣтъ примѣненія упомянутаго закона съ 1905 г. по 1912 г. авторъ доказываетъ: 1) что расходы казны по обеспеченію утратившихъ здоровье рабочихъ далеко вышли изъ смѣты первоначальныхъ предположеній и продолжаютъ возрастать; 2) что подавляющая сумма расходовъ падаетъ на обеспечение инвалидности, а не на увѣчья; 3) что въ распредѣленіи этихъ расходовъ на различныя техническія заведенія артилерійскаго вѣдомства замѣчается неравномѣрность, и 4) что, несмотря на огромные расходы на обеспечение потерявшихъ здоровье рабочихъ, цѣль справедливаго и равномѣрнаго обеспечения потерявшихъ на работѣ здоровье рабочихъ не всегда достигается въ достаточной мѣрѣ.

Для урегулированія дѣла авторъ намѣчаетъ два пути: или ограничить права профессионально заболѣвшихъ рабочихъ на пенсію строго опредѣленными профессиональными болѣзнями, находящимися въ прямой связи съ характеромъ извѣстнаго производства, или разгрузить широко толкуемую врачами, особыми присутствіями и окружными судами категорію профессиональных болѣзней, введя опредѣленные нормы обезпеченія рабочихъ, прослужившихъ на заводѣ извѣстное число лѣтъ и утратившихъ работоспособность по старости и болѣзнямъ, хотя бы послѣднія и не находились въ прямой и несомнѣнной связи съ условіями работы на заводѣ.

Хотя послѣдній способъ разрѣшенія вопроса и вызвалъ бы увеличеніе расходовъ казны по обезпеченію рабочихъ до 8⁰/₀ заработной платы, но авторъ, принимая во вниманіе не только интересы рабочихъ, (но и пользу для дѣла въ смыслѣ обезпеченія техническихъ артилерійскихъ заведеній болѣе работоспособными, здоровыми, молодыми рабочими, при возможности дать старикамъ и инвалидамъ заслуженный ихъ трудовую жизнью отдыхъ, склоняется именно къ такому разрѣшенію вопроса.

Не касаясь финансовой и юридической стороны возбуждаемыхъ авторомъ вопросовъ, я останавливаюсь на чисто медицинской ихъ сторонѣ.

Что число инвалидовъ-пенсіонеровъ въ огромной степени превышаетъ число увѣчныхъ совершенно понятно: даже на войнѣ изъ строя выбываетъ больше по болѣзнямъ, чѣмъ изъ-за раненій; въ техническихъ же заведеніяхъ лишь часть рабочихъ подвергается риску увѣчья, да и по отношенію къ нимъ принимаются возможные мѣры, чтобы рискъ этотъ свести до минимума, между тѣмъ, какъ условія созданія инвалидности настолько разнообразны, настолько иногда неуловимы и неустранимы, вліянія самыхъ разнообразныхъ причинъ настолько переплетаются между собой, что устранить ихъ административными и санитарными мѣрами сплошь и рядомъ невозможно. Также иногда невозможно съ положительностью установить или отвергнуть связь между болѣзню и работою, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ работа является лишь однимъ изъ способствующихъ развитію болѣзни условій. Вотъ почему и составить списокъ точно формулированныхъ болѣзней, связанныхъ съ извѣстнымъ родомъ работы, мнѣ кажется, нельзя, если мы не хотимъ стать на чисто формальную точку зрѣнія въ ущербъ

не только интересамъ инвалидовъ рабочихъ, но и справедливости. Поясню примѣромъ: рабочій литейной мастерской заболѣлъ порокомъ сердца (органическое заболѣваніе). Порокъ сердца не можетъ быть включенъ въ списокъ профессиональныхъ болѣзней литейщика. Поэтому, вознагражденію за утрату работоспособности рабочій, больной порокомъ сердца, строго говоря, не подлежить. А между тѣмъ, порокъ сердца развился у него на ночвѣ ревматизма, которымъ онъ заболѣлъ, состоя рабочимъ въ литейной мастерской, вслѣдствіе простуды. Условій для простуды въ литейной мастерской очень много, но много ихъ и въ условіяхъ частной жизни рабочаго. Можно ли всегда съ положительностью и спокойною совѣстью сказать, что причина его болѣзни — работа на заводѣ или, наоборотъ, частныя условія его жизни?

Практика Спб. трубочнаго завода, на которомъ я служу, установила въ такихъ случаяхъ извѣстное компромиссное рѣшеніе вопроса: принимаются во вниманіе состояніе здоровья рабочаго при поступленіи на заводъ, болѣзни, перенесенныя рабочимъ на заводѣ, родъ работы въ мастерской именно этого рабочаго, характеристика его начальникомъ мастерской (ибо пьяница, напримѣръ, имѣетъ больше шансовъ разстроить свое здоровье независимо отъ работы, чѣмъ аккуратный, ведущій регулярную жизнь человекъ), и *количество лѣтъ работы его на заводѣ*, исходя изъ того положенія, что чѣмъ дольше рабочій проработалъ на заводѣ, тѣмъ больше затратилъ силъ и жизненной энергіи организма на заводскій трудъ и подвергался неблагоприятнымъ вліяніямъ, связаннымъ съ работой, хотя и неувимымъ для каждаго отдѣльнаго момента, но, суммируясь, существенно подорвавшимъ его здоровье. Исходя изъ этихъ соображеній, комиссія врачей и особое присутствіе завода и устанавливають: а) общую утрату работоспособности рабочаго и б) степень вліянія перечисленныхъ факторовъ на утрату работоспособности, оплачивая пенсіей лишь послѣднюю. Въ нижеслѣдующихъ двухъ таблицахъ представлены результаты освидѣтельствующаго предьявившихъ претензіи къ казнѣ за утрату работоспособности рабочихъ трубочнаго завода за истекшій годъ (1912 г.). Въ 1-й таблицѣ вертикальные ряды показываютъ число лицъ съ 0/0 утраты работоспособности отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, а горизонтальные — 0/0 утраты ими работоспособности въ связи съ условіями заводской работы.

% % общей утраты работоспособности.

% % утраты работоспособности въ зависимости отъ работы:	% % общей утраты работоспособности.																	Итого.				
	100	95	90	85	80	75	70	65	60	55	50	45	40	35	30	25	20		15	10	5	0
100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
85	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
80	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
75	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
70	4	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
55	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
50	7	—	1	—	4	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40	5	—	1	—	3	1	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13
35	1	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
30	2	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	6
25	3	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	7
20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2
15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	5
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—	3
5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
0	—	—	—	—	1	1	—	—	2	1	3	—	—	—	1	2	1	—	3	—	14	29
Итого	29	—	4	1	10	3	5	—	3	1	11	—	3	—	4	3	3	1	5	1	14	101

Во 2-й таблицѣ показано соотношеніе между утратой работоспособности, подлежащей вознагражденію со стороны казны, и количествомъ лѣтъ, проведенныхъ на заводѣ рабочимъ.

% % лѣтъ отъ—до	0	5	10	15	20	25	30	35	40	45	50	55	60	65	70	75	80	85	90	95	100	Итого
1—5	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
6—10	21	1	2	5	1	4	2	—	7	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45
11—15	5	—	—	—	—	2	3	1	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
16—20	1	—	—	—	1	1	—	—	2	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
21—25	1	—	1	—	—	—	—	—	2	2	—	3	1	1	—	—	—	—	—	—	—	11
26—30	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	6
31—35	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	4	1	—	—	—	—	—	7
36—40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2	—	2	—	—	—	—	6
40—45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2
Итого	29	1	3	5	2	7	6	3	13	—	16	1	4	—	6	1	4	—	—	—	—	101

Въ обѣ эти таблицы вошли какъ увѣчные, такъ и инвалиды, причемъ увѣчныхъ на трубочномъ заводѣ, какъ и въ другихъ техническихъ артилерійскихъ заведеніяхъ, — очень небольшой процентъ сравнительно съ «профессиональными» больными. И если по отношенію къ первымъ количество лѣтъ заводской работы не имѣетъ никакого значенія, то по отношенію ко вторымъ ясно выражена прямая пропорціональность между количествомъ лѣтъ работы на заводѣ и высотой $\%$ назначенной имъ пенсіи (таблица 2).

Не входя въ разборъ того, насколько заключенія комиссіи врачей и рѣшенія особаго присутствія Спб. трубочнаго завода соотвѣтствуютъ *буквѣ закона*, игнорирующаго количество лѣтъ заводской работы потерявшаго работоспособность рабочаго, переходу къ вопросу о томъ, насколько равномерно распредѣляется благодѣтельное дѣйствіе закона 9-го іюня 1904 г. на рабочихъ различныхъ техническихъ заведеній одного и того же вѣдомства.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ, составленной на основаніи отчасти абсолютныхъ, отчасти $\%$ цифръ статьи г. Руденкова, представлены за 7-лѣтній періодъ (1905 — 1911 гг.): а) средній списочный составъ рабочихъ поименованныхъ ниже техническихъ артилерійскихъ заведеній; б) $\%$ отношеніе числа пенсіонеровъ къ числу рабочихъ; в) $\%$ утраты пенсіонерами работоспособности въ зависимости отъ условій работы, выведенной изъ отношенія пенсіи къ заработку, принимая во вниманіе, что пенсія выводится изъ $\frac{2}{3}$ заработка, и г) сумма $\% \%$ утраты работоспособности на 100 человѣкъ списочнаго состава рабочихъ, получаемая при множеніи средняго $\%$ утраты работоспособности въ связи съ условіями работы на $\%$ отношеніе пенсіонеровъ къ списочному составу рабочихъ.

Вотъ эта таблица безъ Николаевского ракетнаго завода, Ти-флискаго окружнаго арсенала и мастерской при Двинскомъ артилерійскомъ складѣ, какъ не имѣющихъ всѣхъ соотвѣтствующихъ указаннымъ пунктамъ цифровыхъ данныхъ и, по незначительному списочному составу рабочихъ, не могущихъ вліять на общіе выводы (см. табл. на стр. 134).

Было бы неправильно, на основаніи приведенныхъ голыхъ цифръ, дѣлать какіе-либо категорическіе выводы: условія работы, характеръ производствъ, возрастной списочный составъ рабочихъ,

большее или меньшее колебаніе списочнаго состава рабочихъ и много другихъ условій — въ огромной степени объясняютъ колебанія въ среднемъ $\%$ утраты работоспособности и процентномъ количествѣ пенсіонеровъ по отношенію къ общему числу рабочихъ разныхъ техническихъ заведеній.

№№ по порядку.	ЗАВОДЫ.	а) средний списочный составъ рабочихъ.	б) % пенсіонеровъ отъ списочнаго состава рабочихъ.	в) % профессиональной утраты работоспособности.	г) сумма % утраты работоспособности на 100 ч. списочнаго состава.
1	Тульскій оружейный	4704	1	47,37	47,37
2	Ижевск. оруж. и стал.	8277	9,5	32,13	303,24
3	Сестрорѣцк. оружейн.	1478	16,6	29,54	490,36
4	СПВ патронный	2404	7,9	58,29	460,49
5	Луганскій патронный	1519	4	43,69	174,76
6	СПБ. трубочный.	4954	5	46,78	233,90
7	Охтенскій пороховой.	2275	23,5	36,48	857,75
8	Шостенскій пороховой	2306	26,6	45,69	1215,35
9	Казанскій пороховой	1917	30,9	55,30	1708,77
10	Охтенск. взрывч. вещ.	1333	7	61,86	433,02
11	Орудійный.	879	6,7	57,64	386,19
12	СПБ. арсеналь	1082	23	46,05	1059,38
13	Брянскій арсеналь.	635	31,5	67,52	2126,88
14	Кіевскій арсеналь	844	36,3	52	1887,60
15	Варшавск. окружн. арсен.	16	26,5	54,29	1438,69
16	Хабаровск. окружн. арсен.	118	2	17,55	35,1

Однако, съ положительностью можно сказать, что и личные взгляды врачей и особыхъ присутствій играютъ здѣсь большую роль: достаточно сравнить группы однородныхъ техническихъ артиллерійскихъ заведеній: арсеналы, пороховые, оружейные заводы, и мы увидимъ, что колебанія высоты $\%$ профессиональной утраты работоспособности слишкомъ велики для однородныхъ и находящихся въ приблизительно одинаковыхъ условіяхъ техническихъ заведеній. Явленіе это объясняется частой невозможностью точнаго учета вліянія на здоровье той или другой заводской работы по сравненію съ независящими отъ работы обстоятельствами (наслѣдственность, индивидуальныя особенности организма, жизненный режимъ и проч. и проч.) и отсутствіемъ регулирующаго и объединяющаго взгляды и рѣшенія врачебныхъ комиссій и особыхъ при-

сутствій техническихъ артилерійскихъ заведеній органа. При настоящемъ положеніи дѣль о пенсіяхъ рабочихъ, у насъ—«что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай»: на каждомъ заводѣ выработались свои нормы, свои принципы назначенія пенсій.

Всѣ врачи и члены особыхъ присутствій техническихъ артилерійскихъ заведеній проникнуты стремленіемъ къ возможно справедливому рѣшенію поставленной имъ задачи, и говоритъ о томъ, въ какомъ артилерійскомъ техническомъ заведеніи дѣло поставлено правильнѣе — нельзя. Но одно можно сказать, что общихъ нормъ, регулирующихъ интересы казны и рабочихъ, нѣтъ. Для выработки ихъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ создать вторую инстанцію для разсмотрѣнія претензій рабочихъ къ заводамъ, въ которую поступали бы рѣшенія особыхъ присутствій. Этотъ регулирующий органъ долженъ состоять изъ лицъ постоянного состава: представитель техническихъ артилерійскихъ заведеній, врачъ и юрисконсультъ, и лицъ переменнаго состава: представитель технической (начальникъ мастерской) и санитарной части того технического артилерійскаго заведенія, къ которому предъявлена претензія утратившимъ работоспособность рабочимъ. При невозможности имѣть въ предлагаемой мною комиссіи представителей даннаго завода (напримѣръ, если разсматривается въ Петербургѣ дѣло Казанскаго завода), ихъ замѣщаютъ представители однороднаго или очень близкаго по производству Петербургскаго завода. Въ случаѣ необходимости медицинской экспертизы или заключенія врачей специалистовъ, попрежнему слѣдуетъ просить заключенія врачей специалистовъ мѣстныхъ военно-врачебныхъ заведеній, причемъ слѣдовало бы ходатайствовать о нравѣ помѣщенія ищущихъ пенсіи рабочихъ въ эти же лечебныя заведенія для клиническаго выясненія состоянія ихъ здоровья, если эксперты найдутъ это нужнымъ. Направляя претендента на пенсію для освидѣтельствованія специалистами, комиссія сообщаетъ имъ условія, въ которыхъ работалъ претендентъ, и ставитъ вопросъ, можно ли найденныя измѣненія въ организмѣ изслѣдуемаго поставить въ исключительную зависимость отъ рода и условій работы, или родъ и условія работы были лишь однимъ изъ моментовъ, способствовавшихъ возникновенію или развитію болѣзненнаго процесса, или, наконецъ, болѣзнь развилась независимо отъ работы. На основаніи всѣхъ полученныхъ данныхъ, проектируемая мною комиссія окончательно устанавливаетъ опредѣленный особымъ присутствіемъ

техническаго артилерійскаго заведенія и специалистами лечебнаго заведенія, подлежащій возмѣщенію со стороны казны, $\%$ утраты работоспособности. Наконецъ, она разрѣшаетъ сама, или обращаясь въ соответственныя учрежденія, нерѣдко возникающія въ особыхъ присутствіяхъ недоумѣнія по примѣненію къ рабочимъ правилъ о вознаграженіи ихъ за утрату работоспособности.

Сказаннымъ я не даю отвѣта на вопросъ г. Руденкова, какъ уменьшить расходъ казны на обезпеченіе потерявшихъ работоспособность рабочихъ. Да и въ статьѣ г. Руденкова красной нитью проходитъ мысль, что не въ этомъ — центръ тяжести вопроса. Я вполне присоединяюсь къ его человѣчному и, мнѣ кажется, совершенно правильному взгляду, что рабочий, положившій силы и здоровье на обезпеченіе государственной мощи и безопасности, долженъ имѣть увѣренность, что не будетъ выброшенъ, какъ выжатый лимонъ, когда у него не останется ни силъ, ни здоровья. Да и техническимъ заведеніямъ выгоднѣе обезпечить заслуженнымъ трудовою жизнью отдыхомъ и кускомъ хлѣба инвалида, чѣмъ держать его на работѣ, требующей сильнаго и въ полной мѣрѣ работоспособнаго рабочаго, платя инвалиду полнымъ рублемъ за работу, которую онъ, при всемъ желаніи и стараніи, уже не въ силахъ выполнить. Задачей моей было высказать свое мнѣніе о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ использованія благодѣтельнаго закона 9-го іюня 1904 г. въ интересахъ рабочихъ и казны.

Этотъ способъ, по моему мнѣнію, слѣдующій:

1) Созданіе объединяющаго и регулирующаго рѣшенія особыхъ присутствій органа (упомянутая выше комиссія при главномъ артилерійскомъ управленіи), гдѣ выработались бы болѣе единообразныя и равномѣрныя нормы вознагражденія инвалидовъ различныхъ техническихъ заведеній и категоріи подлежащихъ вознаграженію поврежденій въ здоровьѣ.

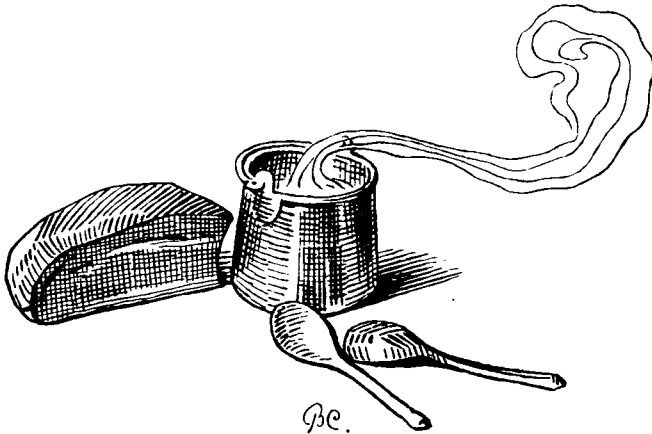
2) Установленіе 3-хъ категорій вознагражденія: а) за увѣчья и разстройства здоровья, происшедшія исключительно отъ работъ, б) за разстройство здоровья отъ различныхъ причинъ, въ ряду которыхъ работа играла *преобладающее* или *второстепенное* значеніе, в) за утрату работоспособности отъ причинъ, не зависящихъ отъ условій работы въ заводѣ. Въ двухъ послѣднихъ категоріяхъ принимается во вниманіе количество лѣтъ работы на заводѣ, причемъ по отношенію къ лицамъ послѣдней категоріи устанавли-

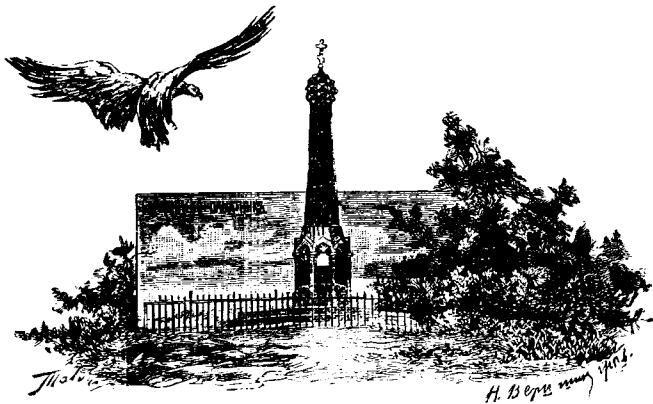
ваются сроки, дающіе права на пенсію. Кромѣ того, для лицъ двухъ послѣднихъ категорій, по моему мнѣнію, слѣдовало бы ввести въ нѣкоторыхъ случаяхъ единовременное вспомошествованіе, но не только на принципѣ 10-кратной годовой пенсіи не выше 24 рублей въ годъ, выдаваемой пенсіонеру при его желаніи, какъ это установлено въ настоящее время для увѣчныхъ и утратившихъ здоровье отъ работы въ техническихъ артилерійскихъ заведеніяхъ, а и на принципѣ 1-годовалого или краткаго (не свыше извѣстнаго числа лѣтъ) годового заработка инвалида въ случаяхъ, ясно мотивированныхъ особыми присутствіями. Напримѣръ: рабочій не старый проработалъ въ заводѣ 8—10 лѣтъ, истощенъ и малокровенъ, ясныхъ патологическихъ измѣненій въ органахъ не найдено. Жизнь въ деревнѣ, легкій трудъ на воздухѣ, по мнѣнію врачей, укрѣпить его здоровье. Подъ категорію профессиональнаго больного онъ не подходитъ, да если бы и связать утрату имъ работоспособности съ работой на заводѣ и назначить ему пенсію временную съ переосвидѣтельствваніемъ черезъ 2—3 года, кто и какъ будетъ контролировать, какъ использовалъ рабочій эти два—три года, и, если онъ не поправился или здоровье его ухудшилось, какая этому была причина? При выдачѣ же ему единовременнаго вспомошествованія, рабочій въ большинствѣ случаевъ получитъ возможность использовать совѣтъ врачей: ему есть съ чѣмъ на первое время обернуться въ деревнѣ, кое-какъ устроиться тамъ, не забиваться особенно работой; а не къ чему пристроиться въ деревнѣ—онъ можетъ переѣхать въ мѣстность съ лучшимъ климатомъ и подыскать болѣе подходящее по состоянію его здоровья занятіе. Разумно ли использовать онъ оказанную ему помощь, это уже его дѣло, но казна пришла на помощь больному, освободилась отъ малополезнаго работника, затративъ единовременно извѣстную сумму, но не принимая на себя непосильныхъ обязательствъ платить человѣку, проработавшему нѣсколько лѣтъ на заводѣ, всю его жизнь въ случаѣ, если здоровье его не возстановится по причинамъ, учесть которыя она лишена возможности.

При предлагаемой мною регламентаціи опредѣленія правъ рабочихъ на пенсію, врачамъ и особымъ присутствіямъ техническихъ артилерійскихъ заведеній давалась бы возможность индивидуализаціи каждаго отдѣльнаго случая, но въ то же время даны были бы и маяки, руководящіе ими въ ихъ заключеніяхъ; въ теченіе 5—10 лѣтъ выяснились бы суммы, потребныя для обез-

печенія незамѣтныхъ сотрудниковъ арміи и для рѣшенія задачи, какой $\%$ отъ заработной платы рабочаго назначить на обезпеченіе его отъ необходимости ходить съ протянутой рукой изъ-за старости и инвалидности. Но и при заранѣ фиксированномъ $\%$ заработной платы на ихъ вознагражденіе (по проекту г. Руденкова— 8%), можно гораздо равномѣрнѣе распредѣлить эти суммы при предлагаемой мною организаціи, чѣмъ теперь, и, исходя изъ существующей нормы вознагражденія за утрату работоспособности отъ заводской работы (100% утраты= $\frac{2}{3}$ заработной платы), установить нормы и для намѣченныхъ мной въ п. 2 б) и в) категорій инвалидовъ.

А. Соловьевъ.

Святые Предстатели за землю Русскую и русское воинство.

(Данныя народныхъ картинъ и книгъ).

«Религія укрѣпляетъ естественное чувство долга».

Народныя искусство и литература, явленія историческія, привнесены изъ *прошлаго* въ *настоящее* и потому составляютъ элементъ *современности* (профессоръ Буслаевъ). Истово русское народное искусство (художество) и истово русскую народную литературу (письменность) въ «образованномъ обществѣ» принято называть *лубочными* и терминъ «лубокъ» — синонимъ не только простонародности, но, совершенно неосновательно, якобы безобразія народныхъ произведеній печати, доходящаго нерѣдко до непристойности.

Эта точка зрѣнія, доказывающая, мягко сказать, недостаточную освѣдомленность интеллигенціи въ вопросѣ народнаго саморазвитія, вопросѣ государственной важности, устраняетъ интересъ общества къ ознакомленію съ данными народныхъ (лубочныхъ) картинъ, листовъ и книгъ; между тѣмъ именно на лубкѣ русской народъ саморазвивался и саморазвивается около 300 лѣтъ — въ духовномъ и патріотическомъ направленіяхъ. Если русскія *народныя массы* такъ глубоко религіозны, такъ искренно беззавѣтно преданы Царю-Батюшкѣ, и такъ неизмѣнно хранятъ любовь къ родной землѣ и своимъ свѣчаемъ-обычаямъ, то въ этомъ большая заслуга напрасно хулимаго лубка.

Напомнимъ, что нашъ лубокъ не даромъ имѣеть своего исторіографа сенатора *Д. А. Ровинскаго*; его капитальный трудъ «Русскія народныя картинки» (Спб. 1881 г.) признанъ «вкладомъ въ національную науку», какъ и зслѣдованіе народнаго духа и творчества (*В. В. Стасовъ*); совершенно справедливо замѣчаніе, что: «безъ познанія простонароднаго исторія не можетъ уяснить народнаго самосознанія» (профессоръ *Өирсовъ*).

Накопленное вѣками духовное достояніе народа, хранимое и до нынѣ, *воспитываетъ* на протяженіи тысячелѣтій потомковъ въ идеяхъ и воззрѣніяхъ сѣдой старины, что придаетъ послѣднимъ въ глазахъ народныхъ массъ «высокообязательную силу»; народныя массы всегда консервативны ¹⁾.

Народныя картина и книга, такъ сказать, иллюстраціи фолклора — народовѣдѣнія, предопредѣляемаго этнографическими и этнологическими началами.

Съ указанной точки зрѣнія громадное значеніе имѣеть отвѣтъ на вопросъ: что знаетъ нашъ крестьянинъ, а съ нимъ и «полей вчерашній житель» — солдатъ о благодатномъ заступленіи силъ вышнихъ за Русскую землю и Русское воинство?

Необходимо оговориться, что матеріаломъ для нашей статьи служатъ не только непосредственно народный лубокъ (картины и пр.) нашей собственной коллекціи, но также и данныя «Святцевъ», сохраняющихъ церковныя преданія, на исторической основѣ — *жизтія святыхъ* (любимомъ народномъ чтеніи), о святодѣйственности молитвъ святыхъ угодниковъ и заступленія Пресвятыя Богородицы, а также о помощи, бываемой по молитвамъ у чудотворныхъ иконъ ²⁾.

Почитаніе многихъ святыхъ и чудотворныхъ иконъ имѣеть въ Россіи, если можно выразиться, мѣстный характеръ, т. е. память о тѣхъ или другихъ святомъ или иконѣ чтится только на мѣстѣ прославленія, и не о всѣхъ святыхъ и иконахъ памятованіе распространяется повсемѣстно; это обстоятельство, разумѣется, не

¹⁾ Понятіе—«народъ» отождествляется съ понятіемъ *массъ*, но вѣрнѣе опредѣленіе *Ж. Ж. Руссо*: и а р о д ъ—это *народъ деревень*.

²⁾ Мы руководствуемся: 1) «Мѣсяцесловомъ Православнаго Христолюбиваго воина» (въ изданіи Братства Христа Спасителя, въ Казани—Памятка Христолюбиваго воина—Братская книжка № 20); 2) «Войсковыми Святцами» [сост. священ. *Г. Докучаевъ*, Спб. 1906 г.]; эти святцы заключаютъ жизнеописанія святыхъ и объясненіе праздниковъ въ честь Христа Спасителя и Божіей Матери, п р а з д н у е м ы х ъ войсковыми частями; эта книга не соотвѣтствуетъ вполнѣ нашей темѣ, и 3) Брошюрый *гг. Михаила Толстого*: «Святые властители земли Русской» (отдѣтъ изъ журн. «Душеполезное Чтеніе» за 1890 г. №№ 3—6. М.).

устраняетъ значенія «мѣстнотимыхъ святынь» въ духовной жизни всего русскаго народа, такъ какъ свѣдѣнія *о вѣсѣхъ святыхъ* и *чудотворныхъ иконахъ* заключаются именно въ Святцахъ, а послѣднія должны быть признаны общеизвѣстной народной книгой. Наконецъ, при обычномъ непрестанномъ паломничествѣ изъ конца въ конецъ по всей святой Руси нашего крестьянства къ святымъ мѣстамъ, многомилліонный подвижно-перемѣнный составъ богомольцевъ является передатчикомъ свѣдѣній о святоотческихъ и другихъ чудотвореніяхъ, а равно установленныхъ по разнымъ мѣстностямъ молитвъ и памятей. Кромѣ того, проводниками тѣхъ же свѣдѣній, молитвъ и памятей служатъ многочисленные странники и странницы, разносящіе въ своихъ котомкахъ «святобожественные» книги, молитвословы, картины, листы, крестики и образки, идущіе въ народъ къ удовлетворенію его духовнаго голода.

Почти всѣ монастыри и обители имѣютъ «свои» изданія иконныхъ изображеній, книжекъ и т. п., или же пользуются изданіями Синодальной и св. лаврскихъ типо-литографій; подобныя изданія, разходящіяся по рукамъ богомольцевъ—въ «благословеніе» отъ святыхъ мѣстъ, разносятся ежегодно по Руси въ милліонахъ экземпляровъ и нельзя сказать, что здѣсь или тамъ народъ не вѣдаетъ о тѣхъ или другихъ святыхъ и иконахъ.

Всѣ упоминаемые нами святые и иконы чтимы въ значеніи, предуказываемомъ въ заглавіи статьи.

Наша статья распадается на четыре главы: I-я, Святые изъ властителей и мірянъ русскихъ; II-я, Святые не изъ русскихъ людей; III-я, Силы Небесныя и Богоматерь, и IV-я, Святые иконы и особые праздники и памяти.

1913 годъ переходъ ко второй половинѣ XI-го вѣка бытія Русскаго государства—1051-й годъ!

Что же изъ прошлаго хранить народная память въ ободреніе къ грядущему, въ надеждѣ на Божью помощь и предстательства Пресвятыя Богородицы и св. угодниковъ?

І. Святые изъ властителей и мірянъ русскихъ.

Принятіе св. крещенія «мудрѣйшей» княгиней Россійскія Ольгой (Елена 955 г.) естественно указало народу, что ближе къ Богу, въ своихъ молитвахъ за него, стоятъ князи-государи.

Съ признаніемъ святости св. равноапостольной княгини Ольги [† 969] — «славящей и молящей Бога за Русь и по смерти» (преп. Несторъ), начался длинный рядъ святыхъ изъ державнаго рода — князей, княгинь, княженъ — удѣльныхъ и неудѣльныхъ, т. е. «сонмъ властителей благочестивыхъ, правосудныхъ, милостивыхъ». Въ семь сонмѣ пребыли мученики за Христа и страстотерпцы за Родину; храбрые витязи, защитники Отечества и, наконецъ смиренно отрекшіеся отъ земнаго величія и принявшіе иноческій чинъ или еще въ юности призванные къ вѣчной жизни.

Наряду съ святыми властителями нашей земли въ число святыхъ стали включаться и міряне и воины изъ русскихъ же ³⁾, и первымъ изъ служителей, дружинниковъ, воиновъ признанъ святымъ Илья Муромецъ (почилъ около 1068 г.²⁾; моши его почитаютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ (Ближней) преп. Антонія (память 19-го декабря).

Илья Муромецъ любимый богатырь русской земли; идеаломъ его было служеніе міру, на пользу народа и князя — Государя. По народному воззрѣнію, никогда и ничто не могло соблазнить и совратить нашего богатыря съ пути правды или заставить его забыть указанную основную задачу жизни, благодаря развитой силѣ воли, нравственности, боязни Бога и повиновенія князю — Солнышку.

Князь «Красное Солнышко Русской земли», Великій князь Владиміръ, «озаренный благодатью Божіей», позналъ вѣру Христову и принялъ св. крещеніе (съ именемъ Василія), а въ 988 году крестилась Кіевская земля, за нею Великій Новгородъ и постепенно большіе и малые города и вѣси русскія. Князь Владиміръ представился въ 1015 г. и погребенъ въ Кіевѣ, въ Десятинной церкви.

Почитаніе за святого князя Владиміра началось при князѣ

³⁾ «Мѣсяцесловъ Православнаго Христолюбиваго воина» изобилуетъ указаніями именъ римскихъ, готскихъ, греческихъ, сербскихъ и др. воиновъ, пострадавшихъ за вѣру Христову; упоминаніе о большинствѣ изъ нихъ не входитъ въ нашу тему.

Ярославъ Мудромъ и уже митрополитъ Илларионъ обращалъ къ нему молитвенное прошеніе: «... помолися Господу о землѣ твоей и о людяхъ, надъ которыми ты благовѣрно владычествовалъ». Въ тропарѣ заключаются слова: «Моли спастися державы твоя Россійскія начальниковъ, христолюбивому Императору, и множеству владомыхъ»—пасомыхъ. Въ кондакѣ поется: «... и сохраняй твоими молитвами Царство Русское отъ лютыхъ бѣдъ и обстояній». Князь Владиміръ признанъ церковью не только святымъ но и «равноапостольнымъ».

Въ одномъ изъ народныхъ «листовъ»⁴⁾, разрѣшенномъ Московскимъ Духовно-цензурнымъ комитетомъ 25-го ноября 1888 г. (sic), напечатана «Молитва св. равноап. князю Владиміру—о побѣдѣ на супостаты—о помощи Его въ брани Россіи съ Турціей»⁵⁾; этотъ листъ расходится въ народѣ до настоящаго времени; мы приобрѣли его въ Петербургѣ, у народнаго книжника г. Кузина въ 1903 году, но приходилось встрѣчать его, при просмотрѣ листовъ въ книготорговляхъ, и въ позднѣйшіе годы.

Молитва эта весьма знаменательна по существу и характерна по многимъ отдѣльнымъ выраженіямъ и въ извѣстной степени отвѣчаетъ злободневности—вопросу о взглядѣ народныхъ массъ на *покровительство Россіи славянамъ* противъ «звѣронравныхъ мусульманъ».

Вотъ текстъ этой молитвы, въ подлинной орфографіи.

„О святыи и великій равноапостоле, прехвальне княже Владиміре, насидителю спасительныя вѣры просвѣщенія и благочестія въ царствѣ Россійствѣмъ, присный попечителю и теплый предъ Богомъ молитвенниче о немъ, ходатайствуй ему вся благая и полезная, споборай Всероссійскому воинству во бранехъ съ врагами! Къ тебѣ, помощниче нашъ, усердно прибѣгаемъ, грѣшніи и смиренніи, съ вѣрою и упованіемъ: зриши съ небесе святаго брань велію, подыгаю нашимъ кротчайшимъ и миролюбѣйшимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ противу зловѣрныхъ поклонниковъ злоковарнаго и студнаго лжепророка Магомета кровожадныхъ мусульманъ, премногія лѣта лють изнуряющихъ и мучащихъ единовѣрные и единоплеменные намъ языки Словенскія. Всѣи, православне, правоту нашу въ сей брани и неповинность славянъ, неправды же и злодѣянія звѣронравныхъ мусульманъ. Молимъ убо тя, великій угодниче Вошій и покровителю нашъ: испроси у премилосерднаго Царя небеснаго побѣду и одолѣніе надъ семи врагами

⁴⁾ «Листъ»—это листокъ (около 7×9 или 8×10 верш.) съ текстомъ на одной только сторонѣ и большею частью съ рисункомъ—заставкой къ повѣствованію, заключающемуся въ текстѣ. Распространяются листы среди народа наравнѣ съ картинами, но листы значительно дешевле картинъ (1—2 коп.).

⁵⁾ Москва. Хромо-литографія М. Т. Соловьева.

рода Христіанскаго Императору нашему оружіемъ Его христоименитаго воинства, имыи смолитвенники и споспѣшники въ семь возлюбленная чада твоя, святыя и преславныя страстотерпцы Бориса и Глѣба, споборавшія древле святому князю Александру въ брани его противу Свѣевъ (Шведовъ), купно съ симъ, тезоименитымъ Царю нашему, княземъ и прочіими покровителями царства Русскаго: испроси, блаже, твоими дѣйственными мольбами военачальникамъ нашимъ мудрость и вѣрность, воинству же мужество и благодущіе, избавленіе отъ смертоносныхъ язвъ и болѣзней, отъ тайныхъ ухищреній и козней вражїихъ: да, побѣжденнымъ врагомъ, освободятся языки словенстїи отъ злаго ига мусульманскаго, да тако процвѣтаетъ и распространяется среди ихъ святая вѣра и просвѣщеніе, купно же и земное благоденствіе, да единими усты и сердцемъ, въ радованїи и благодаренїи Бога Помощника, славословятъ съ нами пречестное и великолѣпное имя Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Вѣроломное убїеніе въ 1015—1016 гг. великимъ княземъ Святополкомъ сыновей князя Владиміра—юныхъ князей Бориса и Глѣба овѣяно сказанїями о ихъ кротости, смиренїи, милосердїи, а князь Борисъ воспоминается еще «храбымъ въ бояхъ, мудрымъ и разсудительнымъ»; оба князя прославлены, какъ страстотерпцы-мученики и чудотворцы, а также—«смолитвенники, споспѣшники, споборники» *христоименитому воинству* нашему⁶). Въ тропарѣ св. мученикамъ имѣется прошеніе: «...молитесь о Державѣ сродниковъ вашихъ, богоугоднѣй быти, и сыновомъ росїйскимъ снастися».

Къ властителямъ, пострадавшимъ мученически или за Христа, относятся и слѣдующія лица, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ нашъ лубокъ почти не хранить воспоминаній.

Князь Константинъ Муромскій и чады его Михаилъ и Θεодоръ († 1129) муромскіе чудотворцы.

Князя Игорьъ Черниговскій и Андрей Боголюбскій († 1174 г.), убїенные кїевлянами.

Князя Олегъ Ингваревичъ Красный († 1237 г.) и Θεодоръ Юрьевичъ, убїенные по приказанію Батя за отказъ отречься отъ вѣры; въ Ордѣ же мученически за ревность по вѣрѣ погибъ и сынъ Олега—князь Романъ Ольговичъ († 1270 г.).

Великій князь Георгій Всеволодовичъ, «заботливый о цѣлости земли Русской», покоритель Мордвы и основатель Нижне-Новгорода, съ супругою, дѣтми и внучатами погибъ въ 1238 г. Самъ князь погибъ въ «сѣчи злой» на р. Сити (4-го марта);

⁶) Во святомъ крещенїи князя Борнѣ и Глѣбъ наречены Романомъ и Давидомъ.

сыновья Мстиславъ, Всеволодъ и Владиміръ пали въ битвѣ съ татарами у стольнаго Владиміра, а прочіе члены княжеской семьи, принявъ иноческое постриженіе, страдальчески умерли отъ дыма и огня въ соборномъ храмѣ Богоматери во Владимірѣ.

Великій князь Георгій прославленъ святымъ и мощи его (обрѣтены въ 1647 г.) почиваютъ открыто въ Успенскомъ Владимірскомъ соборѣ (память 4-го февраля); тамъ же погребена и вся его семья.

Въ надписи золотыми буквами на одномъ изъ столбовъ храма указано чудо, по которому глава князя Георгія, усѣченная въ битвѣ, приросла во гробѣ къ тѣлу нетлѣпному:

Желанье въ варварѣ горѣло
Людей моихъ жать, какъ траву,
Мой жизни духъ лишить и тѣло,
Затѣмъ мечемъ отъялъ главу;
Но Богъ мой духъ за вѣру праву
Жить вѣчно внесъ въ небесну славу;
Главу жъ, прильнувшу къ тѣлу днесъ,
Хранить чудесно и до днесъ.

Эти строфы приписываются Императрицѣ Екатеринѣ II («Войсковыя святцы», стр. 33)

Въ тропарѣ празднику поется: «Въ высотѣ великаго княженія сѣдя, явился благочестіемъ и вѣрою сіяя отечеству своему яко солнце... Яко дерзновение имѣя ко Христу, страсотерпце Георгіе, непрестанно моли Державу твою и сродникъ твоихъ безвредну сохранить молитвами твоими».

Почти одновременно пострадали и два племянника этого князя, сыновья великаго князя Константина Мудраго — Всеволодъ Ярославскій и Василько Ростовскій († 1238 г.); первый погибъ въ битвѣ на р. Сити, а второй послѣ этой же битвы — плѣнникомъ, за отказъ принять нечестивую вѣру (погребенъ въ Ростовѣ).

Далѣе слѣдуютъ два признанныхъ Церковью мученика за вѣру Христову: это князь Михаилъ Черниговскій († 1246 г.) и князь Михаилъ Тверской († 1318 г.) — великій «Отечество-любецъ»; мощи почиваютъ въ г. Твери; обрѣтены въ царствованіе царя Михаила Феодоровича.

Князь Феодоръ Ярославскій и чада его Давидъ и Константинъ († 1463).

Изъ числа прославившихся чистотой душевной и тѣлесной признаются святыми: князь Глѣбъ, сынъ великаго князя Андрея Боголюбскаго (мощи почиваютъ во Владимірскомъ Успенскомъ

соборѣ), и князь Феодоръ Новгородскій, сынъ великаго князя Ярослава, братъ великаго князя Александра Невскаго (мощи почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ) и князь Димитрій Юрьевичъ, племянникъ великаго князя Димитрія Донскаго (мощи почиваютъ въ Архангельскомъ соборѣ) ⁷⁾.

Наконецъ, страстотерпецъ и чудотворецъ царевичъ-отрокъ Димитрій Иоанновичъ (убить 15-го мая 1591 г.); мощи его почиваютъ также въ Архангельскомъ соборѣ.

Къ числу прославленныхъ Церковью или только воспоминаемыхъ народомъ князей-государей—защитниковъ Русской земли, предводившихъ воинствомъ, относятся князья Ростиславъ Кіевскій, Мстиславъ Храбрый, Мстиславъ Удалой, Василій и Константинъ Ярославскіе, Довмонтъ Псковской, Великіе князья Александръ Невскій и Димитрій Донской.

Князь Ростиславъ Кіевскій отличался храбростью, мужествомъ и христіанскими добродѣтелями († 1168 г.).

Мстиславъ Ростиславичъ, по прозванію Храбрый, изъ рода Смоленскихъ князей, съ честью и большими военными успѣхами княжилъ въ Великомъ Новгородѣ († 1180 г.). Сынъ его Мстиславъ Мстиславичъ, по прозванію Удалой, наследовалъ отцу, а затѣмъ совершилъ удачный походъ для освобожденія Галицкаго княженія, но далѣе счастье ему измѣнило и онъ неудачно сразился съ татарами на р. Калкѣ; передъ смертью принялъ постриженіе († 1228 г.) ⁸⁾.

Побѣда князя Александра Ярославича въ 1240 г., на берегахъ р. Невы, надъ многочисленнымъ шведскимъ воинствомъ, по народному сказанію, была одержана при помощи св. страстотерпцевъ князей Бориса и Глѣба, которые явились на зарѣ рѣшительной битвы (15-го іюля): былъ слышенъ голосъ св. Бориса, который молвилъ: «Братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе, да поможемъ сроднику нашему Александру». Эта побѣда доставила великому князю прозваніе Невскаго.

Битва была назначена 15-го іюля въ день памяти св. равноапостольнаго князя Владиміра. Преданіе приписываетъ князю Александру слова, предъ битвою: «Если Богъ за насъ, то кто на насъ? Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ».

⁷⁾ «Св. влaстители земли русской», стр. 9—12.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 16—19.

1-го апрѣля 1242 г. князь Александръ Невскій въ «ледовомъ побоищѣ», на льду Чудского озера разбилъ на голову нѣмцевъ. Нѣсколько позже онъ былъ признанъ великимъ княземъ Кіевскимъ и Владимірскимъ. Послѣ многихъ дѣлъ, въ которыхъ проявились храбрость, мужество и ревность великаго князя на пользу Отечества, онъ, чувствуя приближеніе смерти, принялъ схиму, съ именемъ Алексія, и представился на 45 году отъ рожденія (1263 г.); былъ погребенъ во Владимірѣ, въ Рождественскомъ монастырѣ.

Черезъ 117 лѣтъ, въ ночь Куликовской битвы 1380 г., одинъ монахъ молился въ этомъ храмѣ. И вотъ онъ увидѣлъ—у гроба благовѣрнаго князя зажглись свѣчи, ко гробу подошли два старца и сказали: «Встань, Александръ! Поспѣши на помощь сроднику своему великому князю Дмитрію». Св. Александръ всталъ, и всѣ стали невидимы. Вѣсть о семъ дошла до великаго князя и былъ открытъ гробъ; тѣло оказалось нетлѣннымъ; оно было положено въ ракъ поверхъ земли и открылись чудеса отъ св. мощей. Императоръ Петръ I перенесъ мощи св. князя въ Петербургъ въ Александро-Невскую лавру въ 1723 г. Память 23-го ноября и 30-го августа ⁹⁾.

На многочисленныхъ изображеніяхъ св. великаго князя Александра Невского, въ народныхъ изданіяхъ, въ видѣ подписи приводится тропарь: «Яко благочестиваго корене пречистая отрасль былъ еси, блаженне Александре: яви бо тя Христось яко нѣкое божественное сокровище Россійстѣй земли, новаго чудотворца преславна и благопріятна; и днесь сошедшеся въ память твою вѣрою и любовью, въ псалмѣхъ и пѣніяхъ радующеся славимъ Господа, давшаго тебѣ благодать испѣлений; Его же моли спасти градъ сей, и Державѣ сродникъ твоихъ благоугоднѣй быти, и сыновомъ російскимъ спастися».

Въ тропарѣ празднику 30-го августа поется: «Познай свою братью... благовѣрный княже Александре, и пріими моленія ихъ, умножая жита (урожай) людемъ плодоносіемъ земли твоея, грады владычествія твоего ограждая моленіемъ, и наслѣдникомъ твоимъ, Благовѣрнымъ Императорамъ нашимъ, на сопротивныя споборствуя».

Князья Василій и Константинъ Ярославскіе отличались неустанными заботами о княжествѣ своемъ; младшій братъ погибъ въ битвѣ съ татарами (1287 г.).

Князь Псковскій (съ 1268 г.) Д о в м о н т ъ (литвинъ-язычникъ)

⁹⁾ «Войсковые святцы», стр. 254.—Дни 23-го ноября—день погребенія, а 30-го августа день заключенія Ништадтскаго мира между Россіей и Швеціей.

прославилъ себя побѣдами надъ дикой Литвой и Ливонскими рыцарями; «обновленный благодатью Божіей» — принялъ св. крещеніе (съ именемъ Тимофея).

Въ народной памяти князь Довмонтъ читается, какъ «ратоборецъ за св. Троицу и отечество». Последнимъ его дѣломъ была побѣда надъ иѣмцами на берегахъ р. Великой.

Мощи его почиваютъ въ Псковѣ, въ Троицкомъ соборѣ, въ закрытой гробницѣ, надъ которой виситъ мечъ Довмонта.

Князь Димитрій Іоанновичъ былъ утвержденъ на великомъ княженіи въ 1361 г.; ему было суждено сразиться съ татарскими полчищами Мамай у рѣки Непрядвы, на Куликовомъ полѣ, и 8-го сентября 1380 г. Мамай былъ разбитъ¹⁰⁾; побѣдитель великій князь Димитрій Іоанновичъ получилъ прозваніе «Донского».

Какъ извѣстно, Димитрій Іоанновичъ получилъ благословеніе на одолѣніе врага отъ преп. Сергія Радонежскаго.

Предъ кончиною (1389 г.), любимый народомъ князь не принималъ схимы, но народъ сталъ почитать его святымъ и въ старинныхъ рукописныхъ святцахъ онъ прославленъ и наименованъ Царемъ¹¹⁾; погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ¹²⁾.

Одна изъ народныхъ картинъ «Изображеніе явленія Святаго и Чудотворнаго образа великаго Святителя Николая Чудотворца, въ обители, именуемой Николаевской, что на Угрѣшѣ» (печ. позв. января 22-го дня 1854 г. Моск. литогр. Чуксина) заключаетъ въ своей «подписи» слѣдующее сказаніе (ореографія оригинала):

«Сіе чудесное событіе явленія, бысть въ 1380-е Августа 9-го дня, Благовѣрному Великому Князю Димитрію Іоанновичу Донскому, изшедшу изъ града Москвы съ воинствомъ своимъ противъ Мамай злочестиваго сущаго врага за 15-ть поприщъ, ста въ шатрахъ для преупокоевія, ва мѣстѣ ономъ гдѣ нынѣ благодатію Божіей обитель стоитъ; явися ему пречуденъ образъ вапою украшенъ. Св. Христова угодника Нико-

¹⁰⁾ Въ народныхъ сказаніяхъ, былинахъ (побывальщинахъ), по нѣкоторымъ спискамъ, побѣда надъ *Мамаемъ* и на *Куликовомъ полѣ* отнесена къ подвигу «тридцать богатырей» во главѣ съ *Ильей Муромцемъ* и *Гермакомъ Тимофѣевичемъ*...: «бились богатыри двѣнадцать дней и прибили всю силу невѣрную и Мамай царя со богатыри...» («Памятники по образцы народн. языка и слов.», изд. П-го Отд. Имп. Ак. Н.; тетр. 2-я. Спб. 1853).

¹¹⁾ «Св. властители земли Русской», стр. 16.

¹²⁾ На Куликовомъ полѣ нынѣ строится храмъ, по проекту *А. Щусева* (художественныя работы и убранство храма поручены М. Нестерову); предсѣдателемъ строительной комиссіи состоитъ гр. Ю. А. Олсуфьевъ. По отзывамъ проектъ храма дивный, онъ являетъ собою: «религіозную мечту, отрывающую пасъ отъ суетнаго міра и уносящую на небо, вызывающую религіозное настроеніе и открывающую духъ» [кн. *Н. Жеваховъ* «Строители духа жизни въ области архитектуры и живописи», стр. 7 (Серг. Пос. 1910)].

лая Чудотворца, весь звѣздами свѣтло окружаемъ, стоящъ о себѣ на воздухѣ надъ древомъ зовомымъ сосною, ту стоящій, никимъ не держимъ. И то видя явленіе, Благовѣрный Великій Князь Димитрій Иоанновичъ съ воинствомъ и съ Благовѣрными Князи и Боляры, притекоша съ несомнѣнною вѣрою молящися новоявленному чудесному оному образу, и услыша Господь молитву и моленіе Благовѣрнаго Великаго Князя сице сама съ высоты Св. оная икона. и вдадеса въ честныя рудѣ Его; онъ же радостно и умилленно пріяте ю на рамы своя со слезами и облобыва ю. По одолѣніи же Мамаея, егда возвратився Благовѣрный князь благополучно отъ брани съ преславною побѣдою, достиже пакы онаго мѣста. на немъ же оный образъ съ явленіемъ чудеснѣ въ честныя ему рудѣ вдадеса, и о дарованнѣй ему побѣдѣ на враги благодаривъ всесвятаго Бога и угодника Божія Николая моляся соверши молебное пѣніе съ воинствомъ своимъ и съ Благовѣрными Князи и Боляры. И въ то время Самъ Благовѣрный Великій Князь Димитрій Иоанновичъ нарече оное мѣсто прозваніемъ Угрѣша¹³⁾, еже зовется тѣмъ именемъ и до сего дня. И повѣлъ на ономъ мѣстѣ соорудити Церковь Свягую во имя и въ честь Святителя и угодника Христова Николая Чудотворца, и воздвигну обитель славу и удовольствована ю всеми потребными неоскудну. въ пречистое и святое прославленіе имени Божія дивная и славная во святыхъ своихъ дѣйствующаго».

Угрѣшская обитель впервые была обновлена Царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ.

Великая княгиня Евдокія Димитріевна, супруга великаго князя Димитрія Иоанновича Донского — въ память Мамаева побоища — построила на Княжемъ дворѣ, въ Московскомъ кремлѣ, храмъ Рождества Христова. Предъ смертію она приняла постриженіе съ именемъ Ефросиніи и почила въ 1407 году.

До второй половины XIX вѣка часто печаталась народная картина «Мамаево побоище» старинной «манерой» (рисункомъ), но затѣмъ съ 80-хъ годовъ появились многія картинки о Куликовской битвѣ въ современномъ рисункѣ, повторяющіяся и до настоящаго времени.

Князь Даниилъ Московскій, младшій сынъ великаго князя Александра Невскаго. По сказанію: «Праведное сѣмя его возлюбилъ Богъ, благословилъ ему царствовать въ роды и роды». Онъ положилъ начало *первенству* Москвы надъ прочими удѣлами; умеръ въ 1313 г. (sic), принявъ постриженіе. Святыя мощи обрѣтены въ 1652 г. и почиваютъ въ Данииловомъ монастырѣ въ Москвѣ.

Св. князь Даниилъ почитается родоначальникомъ непрерывной московской княжеской династіи и первоположникомъ собиранія русскихъ земель подъ главенство Москвы¹⁴⁾.

¹³⁾ По святцамъ князь, принимая икону, воскликнулъ: «Сія вся *угрѣша* сердце мое»; выраженіе «угрѣша» переводится: «разогрѣло».

¹⁴⁾ По преданію, на мѣстѣ нынѣшней Москвы находилось имѣніе боярина Стефана Кучки; дочь этого боярина была супругой князя Андрея Боголюбскаго.

Выдѣляясь миролюбивѣе, князь Даниилъ поражалъ своихъ современниковъ благородствомъ души. При всѣхъ столкновеніяхъ, онъ умѣлъ оканчивать споры мирными переговорами. Единственное военное дѣло этого князя было походъ въ 1301 г. противъ Рязанскаго князя, который велъ на Москву татарское войско; татары были разбиты, а князь—непріятель былъ взятъ въ плѣнъ. «Незначительна была эта побѣда, но она впервые, и именно на Москвѣ, зародила мысль, что и татарская сила побѣдима и заглаздѣсь первый порывъ къ свободѣ». «Благодать Божья въ ней (Москвѣ) умножася и державство ея распространяшася», а гробъ Даниила сталъ «Москвы утверженіемъ». Еще до открытія св. мощей князя Даниила, по повелѣнію Царя Іоанна Грознаго, съ 1461 года сталъ совершаться крестный ходъ къ мѣсту его погребенія.

По волѣ Царя Алексѣя Михайловича мощи св. князя Даниила были перенесены въ церковь Вселенскихъ Соборовъ, построенную Царемъ Іоанномъ Грознымъ.

Съ 1775 г., по повелѣнію Императрицы Екатерины II, празднованія св. князьямъ Александру Невскому—отцу и Даниилу—сыну соединены вмѣстѣ (30-е августа).

Церковь, а съ нею и народъ, намятуетъ и другихъ многихъ князей, княгинь и княженъ, отшедшихъ отъ міра и посвятившихъ себя служенію Богу. Вотъ ихъ имена.

Черниговскій князь Никола Святоша (Святославъ) [† 1142 г.]; мощи почиваютъ въ Кіевѣ, въ Ближней пещерѣ преп. Антонія.

Князь Олегъ Романовичъ, внукъ князя Михаила Черниговскаго; почилъ въ 1280 г.; мощи въ Брянскомъ Петро-Павловскомъ соборѣ, подъ спудомъ.

Князь-инокъ Андрей Димитріевичъ Заозерскій († 1453 г.) и князья Іоаннъ и Димитрій Андреевичи Углицкіе, обреченные великимъ княземъ Іоанномъ на тюремное заключеніе по подозрѣнію отца ихъ, князя Андрея, въ измѣнѣ († 1523 г.).

Изъ преподобныхъ-черноризицъ помнятъся:

Княжна Анна, сестра князя Владиміра Мономаха — первая инокиня изъ русскаго державнаго княжескаго рода (пострижена въ 1086 г.).

Великая княгиня Анна, супруга великаго князя Ярослава I; мощи почиваютъ открыто въ Софійскомъ соборѣ, въ Новгородѣ.

Княжна Предслава, въ иночествѣ Евфросинія Полоцкая, съ сестрами; почила въ 1173 г.; мощи св. Евфросиніи перенесены изъ Кіева въ Полоцкъ въ 1910 г.

Великая княгиня Ростислава, супруга великаго князя Ярослава Всеволодовича (дочь князя Мстислава Удалого, мать князей Θεодора и Александра Невскаго, признанныхъ святыми); почила въ 1244 г.

Княжна Θεодулія, въ иночествѣ Евфросинія († 1250 г.), дочь князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, св. мученика.

Княгиня Марія, супруга князя Довмонта Псковскаго, внука великаго князя Александра Невскаго († 1302 г.).

Княгиня Анна, супруга князя Михаила Ярославича Тверскаго, признана святой; почила въ 1338 г. въ г. Кашинѣ; мощи вторично открыты въ 1910 г. При первомъ обрѣтеніи мощей въ 1650 г. въ г. Кашинѣ выѣзжалъ Царь Алексѣй Михайловичъ.

Народныя картины, при открытіи мощей въ 1910 г., представляли Кашинскія событія прежняго и нашего времени въ массѣ сюжетовъ и, между прочимъ «Прощаніе св. Благовѣрнаго Князя Михаила Ярославовича Тверскаго съ супругой своей Анной п двумя сыновьями»; «Перенесеніе мощей Св. Бл. Княгини Анны Кашинской 13-го іюня 1650 года самимъ Царемъ» и т. п.

Авторъ брошюры «Святые властители Русской земли», графъ Михайль Толстой, оканчивая ее 1-го марта 1890 г., закончилъ свой трудъ слѣдующими словами:

«Но кто сей свѣтлый и величественный призракъ съ кроткимъ исполненнымъ благодати взоромъ? Припадаемъ къ ногамъ его, растерзаннымъ и обограннымъ кровью: это нашъ вѣнценосный страдалецъ, нашъ Царь Освободитель!... Но мы вѣруемъ, что Ты, Боже милосердія и щедротъ, принялъ кроткую и милостивую душу его въ Твои небесныя селенія. Вѣруемъ, что тамъ онъ непрестанно молить Тебя за своего Державнаго сына и преемника, за все Царственное семейство и за всю столь любезную ему Россію!».

Какъ извѣстно, русскій народъ горячо чтитъ память и «смерть на крови» Императора Александра II Николаевича, что между прочимъ свидѣтельствовали и по настоящее время свидѣлствуютъ «подписи» (изъясненія) подъ народными картинами.

Память Царя-Освободителя чтится и у славянъ. Напримѣръ, у болгаръ имѣется гимнъ со слѣдующимъ четверостишіемъ:

Ты пробудилъ насъ къ жизни новой.
 Покорно спавшихъ подъ ярмомъ..
 Къ чему-жь тебѣ вѣнецъ лавровый.
 Когда ты сталъ намъ Божествомъ? ¹⁵⁾.

Христіанская церковь въ лицѣ Монарха чтитъ Помазанника Божія. Подобное почитаніе не могло не передаться въ народное искусство и прежде всего въ направленіи представленія о Государѣ, какъ лицѣ, осѣненномъ ореоломъ святости.

Не говоря уже о томъ, что у насъ народъ почитаетъ нѣкоторыхъ князей-государей святыми, хотя они не канонизованы (напримѣръ, какъ выше сказано, великаго князя Димитрія Іоанновича Донского), достопримѣчательной данной служить изображеніе «царскаго родословія» — родословнаго древа — съ портретами великихъ князей (отъ св. Владиміра) и Царей (до Алексѣя Михайловича), пріосѣненными н и м б а м и, иначе, окружіемъ — вѣнцами святыхъ.

Подобныя «родословія» встрѣчаются въ старинныхъ (до половины XVIII вѣка) иконахъ (sic), синодикахъ, а также въ церковныхъ стѣнописяхъ (напримѣръ, Ильинской церкви въ г. Ярославль). Отдѣльныя изображенія государей встрѣчаются и въ нечатныхъ книгахъ церковнаго обихода (напримѣръ, въ Апостолѣ) ¹⁶⁾.

Допущеніе указанныхъ изображеній въ число церковныхъ, конечно, содѣйствовало не мало къ укрѣпленію въ народѣ уваженія и любви къ «благовѣрнымъ» своимъ государямъ на религиозномъ началѣ, въ сознаніи святости ихъ служенія — подвига жизни.

* * *

Послѣ «святыхъ властителей» земли Русской слѣдуетъ рядъ св. угодниковъ *изъ русскихъ людей*, особо чтимыхъ народомъ именно за предстательство о родной землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за Христолюбивое воинство, полагающее душу свою за вѣру, государей и отечество.

Преподобный *Антоній* Кіевопечерскій († 1077 г.) — «чиноначальникъ монаховъ на Руси», «прозорливый чудотворецъ»; у него просили благословеніе князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ съ воеводою Симономъ предъ выступленіемъ въ походъ

¹⁵⁾ «Новое Время» 15-го марта 1913 г. (№ 13.293).

¹⁶⁾ А. *Виноградовъ*, «Родословное Древо по памятникамъ христіанской иконографіи», «Вѣст. Арх. Инст.» 1879 г. — Довмонтъ, кн. Псковской, съ женой-княгиней написанъ на иконѣ Мирожской Богородицы (*Д. Ровинскій*, кн. IV, стр. 711).

противъ половцевъ. Онъ предсказалъ князьямъ битву на р. Альтѣ и погибель. Память 10-го іюля

Св. Петръ митрополить всея Россіи; много трудился для примиренія враждовавшихъ удѣльныхъ князей († 1236 г.). Память 21-го декабря.

Св. Церковь совершаетъ порознь каждому и всѣмъ вмѣстѣ — 5-го октября — празднованія митрополитамъ Московскимъ всея Россіи Чудотворцамъ: *Петру, Алексию, Іонъ и Филиппу* — «Первопрестольникамъ Россійскимъ, истиннымъ хранителямъ апостольскихъ преданій, непоколебимымъ столбамъ и наставникамъ православія», молитвенникамъ «о мирѣ вселенной».

Мученикъ *Меркурій* Смоленскій — изъ воиновъ; побѣдилъ въ единоборствѣ татарскаго великана, за что и былъ убитъ татарами въ 1238 г. Память 24-го ноября.

Преподобный *Сергій* Радонежскій, чудотворецъ (1314—1392); принималъ дѣятельное участіе въ «собираніи Руси» и съ посохомъ въ рукѣ ходилъ въ Ростовъ, Нижній-Новгородъ, Тверь и Рязань, чтобы примирять враждовавшихъ удѣльныхъ князей и объединить ихъ подъ державою Московскаго великаго князя. Великій князь Димитрій Іоанновичъ, высоко почитая «богоугдность» преподобнаго Сергія, пришелъ къ нему за совѣтомъ идти-ли ему противъ татаръ? И, по преданію, Сергій отвѣтствовалъ: «Врага ожидаетъ конечная гибель, а тебя милость, помощь и слава отъ Бога; надѣйся же на Господа и на пречистую Богородицу» «Иди, господине, необязанно: Господь поможетъ тебѣ противъ безбожныхъ: побѣдишь враговъ своихъ».

На картинѣ, изданія литографіи *Свято-Троицкой Сергіевой лавры*: преподобный Сергій благословляетъ великаго князя Димитрія Іоанновича на брань съ Мамаемъ»; въ надписи указано, что на вопросъ князя: «противостоятъ-ли сильному и ужасному врагу?», «Преподобный Сергій, по благословеніи и молитвѣ, сказалъ: «Должно тебѣ, Государь, попещись о врученномъ тебѣ отъ Бога Христоименитомъ стадѣ, и съ помощью его получить побѣду».

Иконныя изображенія св. Сергія, изображенія Св. Троице-Сергіевской лавры ¹⁷⁾ и праведныхъ родителей святого Кирилла и Маріи самыя любимыя русскимъ народомъ, наравнѣ съ наиболѣе чтимыми изображеніями чудотворныхъ иконъ Божьей Матери и св. Николая Мурликійскаго чудотворца. Память 5-го іюня (обрѣтеніе мощей—1422 г.) и 25-го сентября.

¹⁷⁾ Защита во-вѣкъ Святой Лавры общана Пречистой Богородицей св. Сергію, при явленіи ему Богоматери.

Чрезвычайно велико и число народных листовъ въ прославленіе великаго св. подвижника.

Св. Лавра является издательницей нѣсколькихъ духовно-нравственныхъ журналовъ и такъ называемыхъ «Троицкихъ Листковъ» — поученій для людей всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ. на всякія жизненные обстоянія. Число изданныхъ «Листковъ» перешло за тысячу разныхъ заглавій (названій); они продаются и отдѣльно и «съ Троицкими образками» (бумажными) превосходной работы по цѣнѣ 80 коп. за сотню (книжками—60 к.) и дешевле, смотря по количеству; образки по 1 коп., а на липѣ или папье-маше по 5 коп. за каждый (2 кв. вершк.)¹⁸⁾. Вышло до 100 изображеній¹⁹⁾.

Подобныя изданія являются вполне соответственными высокой духовно-просвѣтительной дѣятельности «великославнаго Россійскаго нашего печальника и заступника» св. Сергія. Знаменательны слѣдующія двѣ молитвы, печатаемыя на народныхъ листкахъ и въ подписяхъ къ картинкамъ.

«Силою, данною ти свыше, будущая яко настоящая созерцаая, возвѣщала еси и великому князю Димитрію о побѣдѣ многочисленныхъ прегордыхъ Агарянь, хотящихъ Россію огнемъ и мечемъ опустошити, прорекла еси, и отъ своего иноческаго лика двухъ монаховъ на противныхъ въ помощь даль еси, и молитвою твоею святою, къ Богу выну вопія, на агаряны побѣду сотворилъ еси. За еже ты прославляюще, и о таковой же твоей на сопротивныхъ православному воинству помощи просяще, Богу вопіемъ: Алллуіа».

* * *

«Преподобне и Богоносне отче нашъ Сергіе, помози Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему, Великому Государю нашему Императору Николаю Александровичу всея Россіи, да благоуправляемо будетъ Царство Его въ мирѣ и благостояніи и да покорятся подъ ноzi Его вси сопротивніи»²⁰⁾.

На весьма распространенной картинкѣ *съ дѣянїями* преп. Сергія Радонежскаго чудотворца, приводится, между прочими, изображеніе: «Осаждавшіе Лавру видѣли, какъ преп. Сергій и Никонъ ходили по оградѣ съ крестомъ и св. водою и обращали назадъ пускаемыя въ нхъ стрѣлы» (М. 7-е марта 1902 г., лит. т-ва И. Д. Сытина).

¹⁸⁾ Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи, Редакція «Троицкихъ Листковъ»; каталоги высылаются безлатно. Изданы поученія спеціально для воиновъ.

¹⁹⁾ Въ этомъ числѣ (№ 91) икона Феодоровской Богоматери, покровительствующей Дому Романовыхъ (отъ 5 коп. до 1 р. 25 коп.; на бумагѣ отъ 1 коп. до 50 коп.).

²⁰⁾ Взято съ листа изданія Московской Синодальной типографіи.

Святитель *Алексій*, митрополитъ Московскій († 1378 г.); былъ непрестаннымъ и весьма успѣшнымъ ходатаемъ въ Ордѣ за землю Русскую; его «трудами» росла и крѣпла она. Память 11-го февраля; обрѣтеніе мощей (1431 г.)—20 мая. Въ тропарѣ празднику святитель славится, какъ давшій «граду (Москвѣ) утверженіе».

Святитель *Иона*, митрополитъ Московскій; много содѣйствовалъ укрѣпленію въ половинѣ XV вѣка русскаго государства. Въ 1451 г. ему съ боярами было предоставлено охраненіе Москвы, на время отсутствія великаго князя по сбору войска противъ ногайскихъ татаръ. И когда ногайцы подошли предмѣстья Москвы, то Иона, отставая Кремль, совершилъ, среди дыма и зноя отъ пламени, крестный ходъ по стѣнамъ Кремля—и вѣтеръ, гнавшій пламя на Кремль, внезапно утихъ.

Преподобный *Димитрій* Прилуцкій († 1492 г.); во время осады г. Вологды непріателемъ видѣли преп. Димитрія съ двумя другими мужами въ бѣлыхъ ризахъ, обходящими городъ, и на другой день вологжане весьма успѣшно отразили своихъ враговъ (?). При взятіи Казани, Царь Іоаннъ IV имѣлъ при своемъ войскѣ икону преп. Димитрія и Царь самъ видѣлъ преподобнаго во время битвы съ татарами. Память 11-го февраля.

Блаженный *Лаврентій* Калужскій, спасъ жизнь своего князя Симеона при нападеніи татаръ († 1515 г.). Память 10 августа.

Святитель *Германъ*, архіепископъ Казанскій († 1567 г.) изъ потомковъ князей Смоленскихъ.

Преподобный *Иринархъ* Ростовскій; обладая даромъ прозорливости, онъ предсказалъ разореніе Москвы и освобожденіе ея отъ поляковъ. Онъ же благословилъ на великіе подвиги Минина и кн. Пожарскаго, отдавъ имъ свой крестъ.

Преподобный *Діонисій*, архимандритъ Св.-Троице-Сергіевой лавры; въ смутное время, вмѣстѣ съ келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ, выступилъ на защиту отечества своими окружными грамотами и всячески содѣйствовалъ Минину и князю Пожарскому въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ.

Святитель *Ефремъ*, митрополитъ Казанскій († 1613 г.). Много и плодотворно потрудился святитель въ санѣ митрополита, а затѣмъ и въ званіи мѣстоблюстителя патріаршаго престола въ Москвѣ, по смерти патріарха Гермогена—въ дѣлѣ избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Онъ составилъ призывную грамоту о Его избраніи и первый подписалъ ее 21-го февраля 1613 г.; онъ же 2-го мая встрѣчалъ Царя въ

Москвѣ, а 11-го іюля помазалъ на Царство. Церковь причислила его къ лику святыхъ ²¹⁾.

Извѣстны двѣ рѣчи святителя Ефрема къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу. Въ *первой* онъ предрекалъ: «Да процвѣтетъ отъ вашего царскаго корня свѣжая и прекрасная вѣтвь въ надежду и наслѣдіе всѣмъ великимъ государствамъ (Владимірское, Московское, Новгородское, Казанское, Астраханское и Сибирское) Русскаго Царства».

Въ заключеніе *второй* рѣчи, святитель, благославляя Царя крестомъ, сказалъ:

«О, Богомъ вѣнчанный Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ! Будь на тебѣ милость Божія и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ молитвы и благословеніе всего освященнаго Собора Русской Митрополіи отъ нынѣ и до вѣка и во многіе роды и лѣта. И да умножить Господь Богъ годы жизни и царствія твоего, да увидишь ты сыновей сыновъ твоихъ. Устрой Господь Царство твое и возвыси Господь царствующую десницу твою надъ всѣми твоими недругами и врагами, да устройтъ Господь Богъ Царство твое мирно и вѣчно, въ роды родовъ навѣки» ²²⁾.

Святитель *Митрофанъ*, епископъ Воронежскій († 1703 г.); ревностный хранитель православія и попечитель о благѣ государственномъ, высоко почитавшійся Императоромъ Петромъ I. Въ тропарѣ празднику (23-го ноября) святому заключается прошеніе: «Моли Христа Бога Благочестивѣйшему Императору нашему Николаю Александровичу, всей державѣ Его и граду твоему въ мирѣ спастися».

Святитель *Димитрій*, митрополитъ Ростовскій; мощи обрѣтены въ 1751 г.

Святитель *Ѳеодосій* Черниговскій, чудотворецъ (бывшій воинъ); мощи обрѣтены въ 1896 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. В. Евдокимовъ.

²¹⁾ Въ Москвѣ недавно издана *Пв. Андр. Морозовымъ* (М. 1913) замѣчательная книжка, какъ житіе названнаго святителя—«Ефремъ Митрополитъ Казанскій, помазавшій на царство Михаила Ѳеодоровича Романова». Какъ слышно, книга составлена по документамъ рода Нижегородскихъ боярь-дворянъ Хвостовыхъ, изъ рода которыхъ былъ митрополитъ Ефремъ.

²²⁾ Тамъ же.

БЪЛГРАДЪ.

(Путевые наброски).

Но дорогѣ изъ Софіи въ Бѣлградѣ, куда ни взглянешь, кругомъ горы. Желѣзнодорожный путь все время идетъ зигзагами. Иногда раздается гулкій грохотъ: это поѣздъ проѣзжаетъ туннель.

Луна свѣтитъ довольно ярко и я имѣю возможность созерцать пробѣгающія передо мной новыя мѣста. Удивительное дѣло! Когда въ вагонѣ мѣста всѣ заняты и протянуться негдѣ, тогда страшно хочется спать. А вотъ теперь я ѣхалъ совершенно одинъ въ купе, имѣлъ полную возможность протянуться... и сна нѣтъ. Любуюсь суровыми видами Западныхъ Балканъ.

Но вотъ Царибродъ—последняя болгарская станція. Черезъ 15—20 минутъ мы были уже въ Сербіи.

Ко мнѣ въ купе явился сербскій таможенный солдатикъ, который упорно искалъ въ моемъ чемоданѣ табакъ и папиросы, несмотря на мои увѣренія, что я—человѣкъ некурящій.

Вотъ замелькали череничныя крыши домовъ Пирота, города, извѣстнаго выдѣлкой различныхъ кустарныхъ издѣлій и ковровъ.

Въ 1885 г. здѣсь былъ бой между болгарами и сербами, которыхъ травнили въ эту авантюру милые друзья славянъ—австрійцы.

Горный ландшафтъ теперь оживился серебряными водами рѣчки Нишавы, протекающей вблизи желѣзнодорожнаго пути.

Начало разсвѣтатъ. Мы приближались къ старинному сербскому городу Нишу. Горы замѣтно понижаются. Нишъ весь утопаетъ въ садахъ.

По платформѣ разгуливаютъ сербскіе жандармы въ синихъ мундирахъ съ розовыми погонами и таковыми же околышами на фуражкахъ. Покрой обмундированія очень схожъ съ нашимъ.

Тутъ же разгуливаютъ нѣсколько солдатъ въ колпакообразныхъ шапкахъ съ вдавленнымъ дномъ.

Отъ Ниша дорога шла широкой долиной.

У станціи Алексинацъ вагонетки подвѣсной желѣзной дороги двигались взадъ и впередъ отъ завода, виднѣвшагося вдали у подошвы горы. У станціи Ягодинъ—большой цементный заводъ. Далѣе почти на всѣхъ станціяхъ—цѣлыя груды свекловицы. Въ открытыхъ вагонахъ, на грузовыхъ платформахъ, на землѣ, между рельсами, словомъ, вездѣ вся площадь станцій была усыяна свекловицей. Точно свекловичный градъ выпалъ! Какъ я узналъ, вся эта свекловица отправляется на Бѣлградскій сахарный заводъ.

Ѣдемъ теперь долиной р. Моравы. Вдали на сѣверѣ виднѣются силуэты Голубиныхъ и Черныхъ горъ.

Иногда поѣздъ пролетаетъ между отвѣсно стоящими каменистыми скалами. Кое-гдѣ виднѣются каменоломни. Вездѣ селенія утопаютъ въ садахъ. Поля засѣяны кукурузой.

Недалеко отъ Бѣлграда начинаемъ проѣзжать сквозь массу туннелей, изъ которыхъ два были настолько длинны, что во всѣхъ вагонахъ зажгли фонари.

Прокатили мимо гористыхъ парковъ: справа Топчидеръ, слѣва Кошутнякъ и черезъ 5—10 минутъ прибыли на Бѣлградскій вокзалъ.

Видно, всѣ сербскія желѣзныя дороги строили австрійскіе и венгерскіе инженеры. Сигнализація—вездѣ по австрійскому образцу; паровозы—съ венгерскаго завода въ Арадѣ; вагоны—австрійскихъ и венгерскихъ заводовъ.

Болгарія, та австрійскихъ рукъ уже давно не подпускаетъ къ своей промышленности и желѣзныя дороги тамъ строить... нѣмцы. Паровозы—нѣмецкіе, вагоны—тоже.

Съ такими печальными мыслями я вступилъ въ Бѣлградъ (по-сербски пишется Београдъ).

Первыя впечатлѣнія не важны: улицы плохо вымощены и грязны.

Остановился я въ «Hôtel de Paris», старой гостиницѣ, которая здѣсь пользуется хорошей репутаціей.

Опять старая исторія! По-русски понимаютъ очень плохо, а по-нѣмецки—свободно. О славяне, славяне!...

Не знаю, анекдотъ это или фактъ, но мнѣ рассказывалъ одинъ консулъ, что на какомъ-то славянскомъ съѣздѣ члены его долго не могли столковаться между собой изъ-за различія въ нарѣчіяхъ. И когда предѣдатель съѣзда предложилъ разговаривать на болѣе всѣмъ понятномъ нарѣчіи, то всѣ сейчасъ же заговорили... по-нѣмецки, продолжая съ пѣной у рта защищать славянскіе интересы на языкѣ германцевъ.

Въ номерѣ у кнопки звонка виситъ табличка и на ней обозначено:

До собаряцы.	1
До собногъ келнера.	2
До портира	3
Момка, што чисти обуви и одѣло	4

Русскими буквами написанное, конечно, легко разобрать и понять, но если бы я эту же табличку изобразилъ сербскимъ алфавитомъ, состоящимъ изъ смѣшанныхъ буквъ русскихъ, латинскихъ и кириллицы, то прежде, чѣмъ точно уразумѣть эту таблицу, надо подумать долгое время. Висящія рядомъ таблички на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ помогаютъ быстро разобрать эти сербскія надписи.

Часъ былъ обѣденный. Я пообѣдалъ внизу въ ресторанѣ, гдѣ кормятъ очень хорошо и очень дешево, но опять-таки по-русски ни слова не понимаютъ.

Хотя я не спалъ всю ночь, но все же мнѣ хотѣлось использовать вторую половину дня, прогулявшись куда-либо за городъ. Какъ на самую ближайшую и красивѣйшую мѣстность мнѣ указали на паркъ Топчидеръ.

Сѣлъ въ вагонъ, на которомъ красовалась надпись: «трамвай града Београда» и за 20 пара (сантимовъ) въ полчаса докатилъ до Топчидера.

Если вамъ приходилось когда-нибудь видѣть большой запущенный паркъ старинной дворянской усадьбы, гдѣ давнымъ давно не-

рестали заботиться о благоустройствѣ, то мнѣ совершенно не нужно описывать запущенныя красоты Топчидера.

Грустно смотрѣть на вѣковыя деревья, о которыхъ никто не заботится, и на почернѣвшія статуи и колонны, поросшія мохомъ. Дорожки и аллеи давно уже не выравнивались и ходить по нимъ не безопасно: на нѣкоторыхъ мѣстахъ можно свихнуть ногу. Но воздухъ здѣсь—дивный.

Сосѣдній горный паркъ Кошутнякъ, гдѣ въ 1868 г. былъ убитъ князь Михаилъ Обреновичъ, находится въ совершенно дикомъ состояніи.

Послѣ прогулки я сидѣлъ въ кафе, около трамвайной станціи. Невдалекѣ по аллеѣ взадъ и впередъ носился галопомъ на росломъ рыжемъ конѣ юнкеръ въ красныхъ рейтузахъ.

Затѣмъ въ кафе явился офицеръ въ ослѣпительно красныхъ длинныхъ брюкахъ, синей курткѣ австрійскаго покроя и фуражкѣ съ синимъ околышемъ и огненно-краснымъ верхомъ.

Сѣлъ за столикъ и потребовалъ, точно нѣмецъ, пива.

Вслѣдъ за офицеромъ явилась большая компанія штатскихъ съ дамами. Потомъ появились офицеры въ курткахъ, шароварахъ и фуражкахъ защитнаго цвѣта. Воротники бархатные всевозможныхъ цвѣтовъ; вездѣ, гдѣ только можно, нашиты кантики на курткахъ.

Все это были первыя ласточки, за которыми потянулись бѣлградскіе жители, желающіе провести теплый осенній вечеръ за городомъ.

На слѣдующее утро я отправился въ Народный музей. Около университета я остановился, заинтересовавшись типами сербскихъ студентовъ. Все смуглые брюнеты съ большими носами. Въ чертахъ лица—что-то восточное.

Народный музей помѣщается рядомъ съ университетомъ, въ двухъ простыхъ каменныхъ двухъэтажныхъ домахъ.

Въ нижнемъ этажѣ одного изъ домовъ—масса предметовъ, добытыхъ при раскопкахъ бывшей здѣсь когда-то римской колоніи. Статуи, вазы, утварь, инструменты, монеты—все это для любителя археологіи чрезвычайно интересно.

Въ верхнемъ этажѣ—картины: коніи старыхъ мастеровъ и оригиналы сербскихъ художниковъ. На многихъ картинахъ увѣковѣчены эпизоды турецкаго владычества и борьбы за освобожденіе. Тутъ есть небольшая аллегорическая картина: мать, оплакивающая свое погибшее въ рѣкѣ дитя. Надзиратель музея, удостоившись, что я—дѣйствительно славянинъ, пояснилъ мнѣ

аллегорію. Мать — славянство; дитя — Боснія и Герцеговина, попавшія въ австрійскія руки.

Въ одномъ изъ залъ висѣли большіе портреты всѣхъ сербскихъ князей и королей. Не видно было только Милана, Александра и Драги. На мой вопросъ, почему же ихъ нѣтъ, надзиратель заплевалъ и выругался. Затѣмъ, подумавъ немного, изъ какой-то кладовой вытащилъ два портрета. Послѣ убійства Александра и Драги, комитетъ музея, вѣроятно, рѣшилъ снять ихъ портреты и поставить въ чуланъ. А короля Милана, кажется, куда-то на чердакъ забросили. Вообще эти лица здѣсь не въ почетѣ.

Въ другомъ зданіи музея въ нижнемъ этажѣ хранится старинная мебель князя Милоша Обреновича. Затѣмъ здѣсь имѣется комната, обставленная вещами, оставшимися послѣ смерти этого князя. Простая желѣзная кровать, столы, простые стулья; нѣсколько картинъ военнаго содержанія, походные ларцы да маленькій походный самоваръ — вотъ и вся незатѣйливая обстановка.

Въ верхнемъ этажѣ портреты сербскихъ князей и выдающихся дѣятелей, одежды, мундиры, старинныя посуда и оружіе. Между прочими портретами здѣсь виситъ портретъ нынѣшняго короля Петра, изображеннаго 6—7-лѣтнимъ мальчикомъ.

Наскоро пообѣдавъ, я отправился обозрѣвать городской паркъ Калемегданъ и «старую» (какъ ее здѣсь называютъ) цитадель.

Паркъ расположенъ на высокой горѣ, какъ разъ у самаго слиянія р. Савы съ Дунаемъ. Вотъ этотъ паркъ содержится хорошо. На площадкахъ красуются бюсты сербскихъ поэтовъ и ученыхъ. Аллеи уtramбованы и вычищены. Словомъ — полная противоположность парку Топчидеру.

Съ южной опушки Калемегдана открывается чудный видъ на Дунай, Саву и сосѣдній венгерскій городъ Землинъ (Zimony). По ту сторону Савы зеленѣетъ громадный лугъ; Дунай течетъ нѣсколькими рукавами, огибая 2—3 острова; въ 2—3 километрахъ виднѣются высокія башни Землинскаго католическаго собора и черепичныя красныя крыши домовъ; по длинному желѣзнодорожному мосту черезъ Саву тянется длинный товарный поѣздъ, идущій изъ Венгріи въ Сербію. На югѣ виднѣются сѣрые силуэты горъ.

Удивительно странныя бывають положенія! Столица Сербіи лежитъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ венгерскимъ городомъ. Стоитъ лишь только перейти желѣзнодорожный мостъ черезъ Саву...

Въ 1909 г. австрійская рука уже протянулась къ Сербіи. Въ Землинѣ были сосредоточены значительныя войсковыя части австрійцевъ; по Дунаю крейсировали австрійскія канонерки. Сербскій дворъ и правительственныя учрежденія уже готовились уѣзжать въ Нишъ, подальше отъ такого неприятнаго сосѣдства.

А венгерцы до сихъ поръ смотрятъ на Бѣлградъ, какъ на свою собственность, временно находящуюся въ славянскихъ рукахъ. Здѣсь когда-то властвовалъ Гуніади Яношъ и это былъ не Бѣлградъ, а Нандоръ Фейерваръ...

Но вотъ часы въ цитадели пробили пять разъ. Съ 5 часовъ дня разрѣшается допускъ постороннимъ посѣтителемъ.

Пройдя широкія крѣпостныя ворота, мостъ черезъ широкій и глубокій ровъ, затѣмъ опять ворота, я вышелъ на узкую улицу, застроенную по обѣимъ сторонамъ старинными казематообразными зданіями. Еще ворота—и я очутился на обширномъ плацу, въ лѣвомъ углу котораго былъ разбитъ небольшой скверъ, окруженный гирляндой старыхъ пушекъ.

На плацу полное безлюдье. Не у кого спросить о томъ, гдѣ здѣсь военный музей и какой-то древній колодець, о которомъ я слышалъ массу всевозможныхъ легендъ.

Наконецъ, на плацу появилась фигура какого-то солдатика, къ которому я и устремился за справками.

На мое счастье это былъ музыкантъ, съ грѣхомъ пополамъ понимающій по-русски. Онъ съ гордостью объявилъ мнѣ, что былъ въ Одессѣ, и затѣмъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ военный музей и «римскій бунаръ» — это названіе знаменитаго колодца.

Военный музей—простое, низкое, шестиугольное деревянное зданіе. У входа стоятъ двѣ митральезы и двѣ пушки, но двери музея оказались заперты. Долго мнѣ пришлось ждать, пока мой музыкантъ и присоединившійся къ нему денщикъ какого-то отсутствующаго офицера отыскивали завѣдующаго музеемъ.

Часовой, стоявшій противъ музея, съ удивленіемъ поглядывалъ на меня, ожидающаго терпѣливо у дверей.

Должно быть рѣдко здѣсь бываютъ посѣтители!

Наконецъ, мои добровольные проводники привели какого-то штатскаго, который и оказался смотрителемъ музея.

Открыли дверь и я могъ приступить къ осмотру. Доступъ свѣту въ музей открытъ только черезъ маленькія окна верхняго купола и потому здѣсь довольно темно.

Въ музеѣ собраны знамена всѣхъ баталіоновъ и дружинъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1876 г. Старинныя ружья, ятаганы, сабли и кинжалы развѣшаны по стѣнамъ. Ручныя горныя пушки, деревянный щитъ какого-то турецкаго султана, масса старыхъ небольшихъ пушекъ и всевозможныхъ артилерійскихъ снарядовъ занимають середину музея.

Въ одной изъ витринъ выставлены модели орудій, военныхъ повозокъ и образцы сербскихъ винтовокъ. Въ другой витринѣ красуются головные уборы сербскихъ князей и королей и цѣлая коллекція русскихъ эполетъ.

Около витринъ стоитъ подарокъ, поднесенный когда-то королю Александру Обреновичу,—рѣзная по дубу фигура орла съ распростертыми крыльями, сидящая на довольно объемистомъ пнѣ; подъ орломъ разставлены фотографическія карточки офицеровъ. Никакихъ датъ и надписей на этомъ сооруженіи нѣтъ и, какъ смотритель ни старался объяснить мнѣ происхождение этого подарка, я изъ его объясненій ровно ничего не понялъ.

Въ музеѣ выставлена модель памятника Милошу Обреновичу, который сербы предполагали открыть въ этомъ году. Памятникъ въ видѣ пьедестала съ бюстомъ князя наверху, а у подножія группа—сербъ, повергающій турка.

Въ этомъ маленькомъ музеѣ все очень просто и доступно: не только разрѣшается трогать предметы руками, но даже—поднимать ихъ для осмотра и переставлять съ мѣста на мѣсто.

Теперь, послѣ побѣдоносной войны, сербы значительно пополнили свои трофеи и, мнѣ кажется, Бѣлградскій военный музей долженъ перейти изъ своего тѣснаго деревяннаго помѣщенія въ специально построенное зданіе.

Осмотрѣвъ музей, я направился къ «римскому бунару». Пройдя небольшой внутренній дворъ, на которомъ что-то копали арестанты, я спустился по широкой каменной лѣстницѣ въ преддверіе этого колодца. Большое сводчатое помѣщеніе, у стѣнъ котораго стоитъ нѣсколько древнихъ обломанныхъ статуй и плитъ. У входа красовалось объявленіе, напечатанное по-сербски, по-нѣмецки и по-французски, въ которомъ предлагалось желающимъ осмотрѣть колодецъ уплачивать по 20 пара (сантимовъ) съ персоны за освѣщеніе и проводника.

Солдатикъ-проводникъ зажегъ два большихъ фонаря со стеариновыми огарками, одинъ фонарь вручилъ мнѣ, а съ другимъ

отправился впередъ показывать дорогу. Мои случайные попутчики, музыкантъ и денщикъ, послѣдовали за мной.

Сначала мы шли по широкому коридору, полъ котораго съ каждымъ шагомъ замѣтно понижался, затѣмъ нашъ проводникъ юркнулъ въ какую-то темную нишу. Мы послѣдовали за нимъ и зашагали внизъ по безконечнымъ каменнымъ ступенямъ лѣстницы, которая шла винтомъ между двухъ каменныхъ стѣнъ, сложенныхъ частью изъ кирпича, частью изъ большихъ каменныхъ глыбъ.

На наружной стѣнѣ черезъ каждыя 8—10 ступеней попадались ниши; на внутренней зіяли большія окна. Въ окнахъ этихъ—тьма кромѣшная. Остановившись у одного изъ оконъ, я заглянулъ туда.

Темно... Густая, черная мгла и больше ничего.

Проводникъ закивалъ головой и замахалъ фонаремъ, приглашая слѣдовать далѣе. Снова мы зашагали внизъ по этому безконечному каменному винту. На стѣнахъ и сводахъ показались капли воды; на нѣкоторыхъ ступеняхъ стояли цѣлыя лужи. Воздухъ становился тяжелѣе. Наши фонари давали очень скудный свѣтъ въ этомъ подземельѣ, гдѣ царилъ вѣчный мракъ. Я насчиталъ уже сотую ступень и, наконецъ, сбился со счета. Когда же наконецъ мы дойдемъ до конца? Огарки въ фонаряхъ очень маленькіе и думается мнѣ, что останемся мы здѣсь во тьмѣ кромѣшной и будемъ блуждать безъ конца...

Въ этомъ мрачномъ вмѣстилищѣ лѣзутъ въ голову всякія мысли... Вдругъ какой-нибудь сводъ, не выдержавъ тяжести вѣковъ, обрушится и закроетъ намъ обратный выходъ...

Подъ ногами лужи, со сводовъ капаетъ вода. Сырость и мракъ дѣйствуютъ на нервы, а эхо нашихъ шаговъ глухо слышится подъ сводами. Кажется будто кто-то незримый идетъ намъ навстрѣчу, поднимаясь по лѣстницѣ...

Наконецъ лѣстница кончилась. Пройдя нѣсколько шаговъ въ какомъ-то лабиринтѣ, мой проводникъ остановился у обрыва, если такъ можно выразиться.

Солдатикъ спустилъ фонарь въ открывшееся передъ нами громадное отверстіе. Трудно въ темнотѣ опредѣлить сколько, но мнѣ казалось, что одна или полторы сажени отвѣсной стѣны отдѣляютъ насъ отъ свѣтящейся какимъ-то мрачнымъ, траурнымъ блескомъ, при свѣтѣ нашихъ фонарей, поверхности воды. Бррр... Не желалъ бы я принять ванну въ этомъ чортовомъ водоемѣ.

Колодець этотъ построенъ во времена Траяна, какъ говорятъ

здѣшніе старожилы, и служилъ чѣмъ-то въ родѣ запаснаго резервуара въ крѣпости, построенной римлянами.

Много вѣковъ пережилъ этотъ колодець. Сколько людей погибло при его постройкѣ! Сколько жертвъ онъ поглотилъ въ мрачную эпоху турецкаго владычества. Если бы пошарить на днѣ его глубокихъ водъ, не мало костей человѣческихъ нашлось бы тамъ...

Много мрачныхъ легендъ про этотъ колодець ходитъ въ населеніи Бѣлграда...

Начали обратное восхожденіе отъ тьмы къ свѣту.

Проводникъ объяснилъ, что мы поднимаемся теперь по другой лѣстницѣ. Оказывается кругомъ этого громаднаго каменнаго «сруба» идутъ параллельно другъ другу, винтомъ, двѣ каменные лѣстницы. Опять тѣ же ниши, тѣ же зіяющія окна, въ которыя заглядывать мнѣ уже не хотѣлось.

Наконецъ, выбрались наверхъ, гдѣ я свободно вздохнулъ.

Теперь только я замѣтилъ въ преддверіи колодца на 2 аршина поднимающуюся стѣну—верхнюю часть этого гигантскаго «сруба».

Я попросилъ одного изъ солдатиковъ найти камень побольше. Мнѣ дали обломокъ кирпича фунта въ три вѣсомъ. Подойдя къ стѣнѣ колодца, я перегнулся и бросилъ камень внизъ... разъ... два... три... четыре... пять... раздался рѣзкій звукъ, должно быть камень ударился гдѣ-либо о выступъ... шесть — гулкое эхо плеска и какой-то шипящій стонъ огласили своды и стѣны колодца... затѣмъ все стихло въ этомъ царствѣ мрака.

Я удалялся съ глубокимъ почтеніемъ къ этому гигантскому сооруженію. 18 вѣковъ стоитъ онъ безъ всякихъ ремонтовъ и всѣ своды цѣлы. Ступени истерлись отъ времени, а колодець стоитъ непоколебимо въ нѣдрахъ горы и, Богъ знаетъ, сколько времени онъ еще простоятъ. Сколько туристовъ съ любопытствомъ и безотчетнымъ страхомъ будутъ спускаться по его безконечнымъ лѣстницамъ!

Уже вечерѣло, когда я вышелъ изъ цитадели и, пройдя черезъ паркъ Калемегданъ, пошелъ по «Мірковой», «Коларитшъ» и «Крала Миланова» улицамъ. По пути зашелъ въ нѣкоторые магазины. Товары, большей частью, германской и австрійской выдѣлки. Мѣстныхъ издѣлій, кромѣ ковровъ, да различныхъ вещицъ изъ разноцвѣтнаго стекляруса, почти не видно.

Побродивъ еще по улицамъ Бѣлграда, я отправился въ отель, гдѣ на ужинъ получилъ великолѣпную свѣжую рыбу. Въ ресторанъ этого отеля (Hôtel de Paris) къ 9 часамъ вечера собирается масса

штатской и военной публики. Сидятъ и пьютъ пиво, а въ залѣ въ это время подъ звуки цимбалъ, мандолинъ и еще какихъ-то инструментовъ, въ родѣ гуслей, идетъ кинематографическое бесплатное представление. И дешево, и удобно. Взялъ себѣ кружку пива и наслаждайся цѣлый вечеръ музыкой, кинематографомъ, пивомъ и газетой и все это удовольствіе стоитъ 40 — 50 пара, что на наши деньги будетъ менѣе двугривеннаго.

Третій день пребыванія въ Бѣлградѣ я посвятилъ на осмотръ города.

Возьмите любой изъ нашихъ среднихъ губернскихъ городовъ въ родѣ Чернигова или Воронежа—вотъ вамъ и Бѣлградъ. Мостовья—довольно скверныя; извозчики—дорогіе; трамваи—грязны и неудобны. Дома, большей частью одно- и двухъ-этажны, чрезвычайно простой архитектуры. Большіе дома, высотой болѣе четырехъ этажей, здѣсь — нанеречетъ. Лучшія зданія Бѣлграда: дворецъ (Новый Конакъ), отель «Москва», офицерское казино, экономическое общество офицеровъ, кредитный банкъ (управа фонда) и нѣкоторые только что отстроенные въ центральныхъ частяхъ города дома.

Самыя оживленныя улицы «Крала Миланова», «Князя Милоша» и идущія отъ Театральной площади къ Калемегдану. На этихъ только улицахъ и замѣтно оживленіе; на остальныхъ же довольно пусто и уныло.

Городской театръ здѣсь маленькій и очень старый. Тутъ же на Театральной площади стоитъ лучшій памятникъ Бѣлграда князю Михаилу Обреновичу.

Въ кафе, или какъ тутъ называютъ «въ кафанѣ», посѣтители появляются, главнымъ образомъ, вечеромъ.

Вообще на улицахъ здѣсь не видно такого оживленія, какъ въ Софіи. Тамъ жизнь кипитъ ключомъ, а здѣсь ходятъ какіе-то сонные.

Но, надо правду сказать, въ жизнь Бѣлграда большое оживленіе вносятъ офицеры. Формы здѣсь довольно цвѣтистыя. Часто можно встрѣтить офицера въ красныхъ «невъразимыхъ» съ черными лампасами. Встрѣчаются и просто «красныя» безъ лампасъ. Всѣ юнкера щеголяютъ въ красныхъ рейтузахъ. Но часто попадаютъ здѣсь офицеры въ мундирахъ и рейтузахъ защитнаго цвѣта. Мундиры австрійскаго покроя и обильно обшиты цвѣтными клапанами и кантиками. Фуражки похожи на наши.

Но солдаты обмундированы неважно. Въ своихъ старыхъ за-

ношенныхъ мундирахъ эти рослые и здоровенные парни производятъ впечатлѣніе какихъ-то хлѣбопековъ или рабочихъ интендантскаго заведенія. Даже часовые у дворца были одѣты довольно небрежно и имѣли не очень бравый видъ въ своихъ старенькихъ мундирахъ.

Австрійцы одно время злорадствовали надъ плохимъ обмундированіемъ сербскихъ солдатъ и авторитетнымъ тономъ заявляли, что сербская армія—никуда не годится.

Но послѣдними побѣдами сербы доказали своимъ « критикамъ », что они даже очень годятся на то, чтобы расколотить, когда нужно, врага...

Дипломаты, обитающіе въ Бѣлградѣ, жалуются на пыль, грязь и прочія неудобства. Въ случаѣ устройства какихъ-либо раутовъ или обѣдовъ наиболѣе изысканную провизію приходится выписывать изъ Будапешта или Фіумэ.

Много еще придется поработать сербамъ надъ благоустройствомъ своей столицы. Надо правду сказать, Бѣлградъ расположенъ очень красиво на высокомъ берегу при слияніи широкихъ и многоводныхъ Дуная и Савы; высокія горы, покрытыя лѣсомъ и виноградниками, окаймляютъ городъ съ юго-востока. Жаль только, что онъ стоитъ такъ близко и на виду австрійцевъ, которые давно уже пошелкиваютъ зубами, желая его скушать и переварить потомъ на благо и пользу Дунайской монархіи.

На другой день рано утромъ, отправивъ свой багажъ на пристань, я медленно шагаль по кривымъ и гористымъ улицамъ на набережную р. Савы. Сѣвъ на пароходъ, идущій изъ Землина черезъ Бѣлградъ на Панчову, я вскорѣ покинулъ столицу Сербіи. Пароходъ обогнулъ цитадель и вошелъ въ Дунай.

Красивый городъ Бѣлградъ, когда смотришь на него со среды Дуная. Высоко на горѣ сверкаютъ купола церквей; неприступной кажется старая цитадель; въ живописномъ беспорядкѣ раскинулись по склонамъ горы дома, кое-гдѣ дымятъ фабричныя трубы...

А почти рядомъ виднѣется Землинъ, который, какъ кажется, вотъ-вотъ сольется съ Бѣлградомъ и поглотитъ его. Долгое время были видны эти два города и, наконецъ, за однимъ изъ поворотовъ рѣки скрылись.

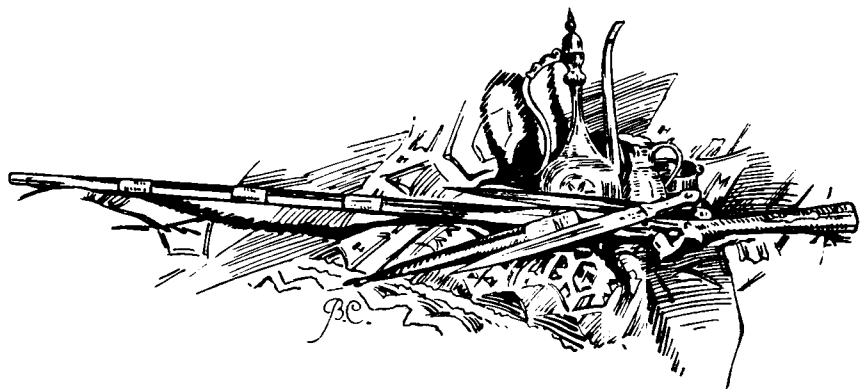
На правомъ берегу зеленѣли сербскія горы, на которыхъ кое-гдѣ виднѣлись селенія, на лѣвомъ—далеко разстилалась венгерская равнина.

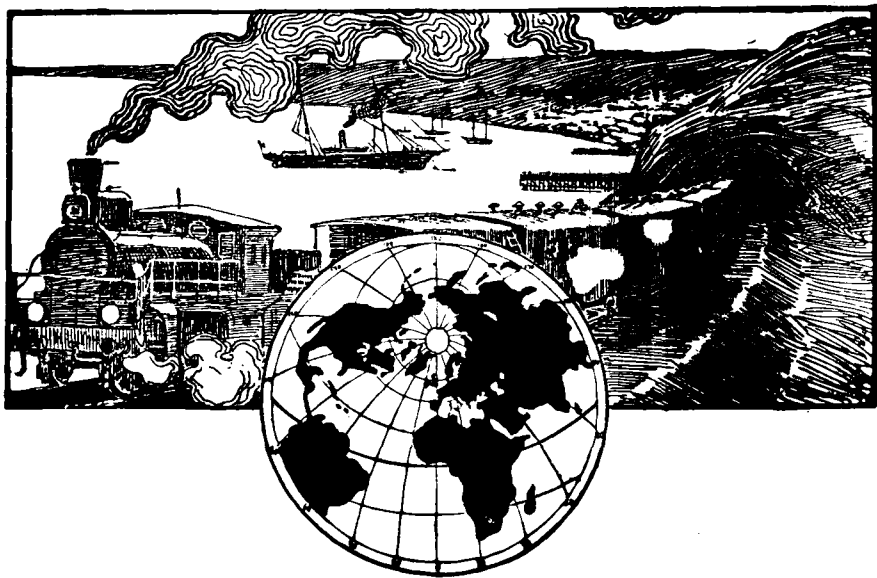
Вскорѣ пароходъ вошелъ въ означенное двумя маяками устье узенькой рѣчки Темеша. Минуть 15-20 тянемся мы тихимъ ходомъ по этой венгерской Яузѣ и, наконецъ, останавливаемся у пристани Панчовы — венгерскаго города, гдѣ только администрація венгерская; большинство жителей сербы, а меньшинство — нѣмцы.

Въ трясуемъ венгерскомъ вагонѣ я удалялся отъ зеленыхъ горъ Сербіи, омываемыхъ свѣтлыми водами Дуная.

Кругомъ разстилается однообразная и скучная равнина...

П—въ.

ВЪ ДОЛИНАХЪ РѢКЪ ХИНГОУ И АРЗЫНГА.

Путевые очерки по Восточной Бухарѣ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Глава VII.

Пикъ Гармо.—Ледникъ Федченки.—Мятель.

 утра день былъ ясный и солнце освѣшало своими лучами верхушки и склоны горъ. Высота была уже очень значительная. Внизу виднѣлся кишлакъ Пашемгаръ, являвшійся послѣднимъ населеннымъ нунктомъ въ бассейнѣ рѣки Арзынга, ограниченномъ въ этихъ мѣстахъ почти недоступными горами страшной высоты. Хребетъ Петра Великаго виднѣлся своими огромными снѣговыми горами, закрывая сѣверъ, а съ юга тянулся снѣговой же Мазарскій хребетъ.

Судя по количеству воды въ Арзынгѣ, видно было, что эта рѣка образовалась изъ нѣсколькихъ рѣкъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 3.

Въ верховьяхъ главнымъ притокомъ, вливавшимся съ сѣверо-востока, была рѣка Гармо, берущая начало съ горы того же имени, на которой находились огромные ледники.

— Дальше, тюра, туда идти нельзя, сообщилъ одинъ изъ проводниковъ, указывая по направленію извилистаго ущелья, по которому протекала Гармо. Тамъ нѣтъ никакой тропы; люди никогда не ходили по тѣмъ крутымъ горамъ съ вѣчными снѣгами. Одинъ изъ нашихъ людей хотѣлъ подняться и перейти черезъ снѣговья горы на другую сторону, гдѣ протекаетъ рѣка Баландъ-Кіикъ, но только ушелъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а не вернулся до сихъ поръ. Ѣздили наши люди потомъ изъ Каратегина по рѣкѣ Мукъ-Су, спрашивали тамъ про него, но никто ничего не слыхалъ и всѣ сказали—нельзя перейти здѣсь черезъ горы. Кто пошелъ тотъ нашелъ тамъ свою смерть. И ты не ходи, тюра. Духъ горъ не допустить никого на эти вершины.

— Былъ также нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ урусъ, который хотѣлъ осмотрѣть наши горы, но онъ побывалъ лишь около нижнихъ вершинъ, подтвердилъ другой проводникъ.

Пройдя еще немного по головоломной тропѣ, мы наконецъ вынуждены были остановиться и слѣзть съ лошадей, оставивъ ихъ и рѣшивъ съ небольшимъ запасомъ продовольствія пройти пѣшкомъ, сколько возможно по направленію пика Гармо, бѣлѣвшаго своей снѣговой шапкой.

Шла мелкая крупа, покрывшая всю землю бѣлымъ покровомъ, и лишь камни мѣстами чернѣли на бѣломъ фонѣ.

Выбирая отлогія мѣста, мы постепенно поднялись выше, войдя въ полосу вѣчныхъ снѣговъ.

Огромные ледники открывались передъ нашими глазами, представляя собою полярную страну, покрытую глубокими снѣгами и глыбами льда. Стаявшій раньше снѣгъ видимо впослѣдствіи подмерзъ, а потому движеніе по этой твердой ледяной корѣ не представляло затрудненій. Лишь изрѣдка, попадая въ расщелины, ноги проваливались и тогда приходилось выбираться вновь на твердое мѣсто; то идя по ровной покатости горнаго склона, то влѣзая съ усиленіемъ на высокіе уступы, мы поднялись уже на высоту 11/12 тысячъ фут., гдѣ и пришлось остановиться на отдыхъ, такъ какъ ноги мучительно болѣли и все тѣло требовало покоя.

Закусивъ консервами и хлѣбомъ и выпивъ по стакану вина, мы легли на снѣгу и скоро возстановили свои силы.

Широкая терраса оканчивалась у подошвы зубчатого хребта и самыя вершины отливали серебрянымъ блескомъ.

Иногда дорогу пересѣкали глубокия и широкія трещины, которыя приходилось обходить далеко вокругъ, совершенно неожиданно натыкаясь на бездонныя пропасти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для ускоренія движенія мы сѣли на куски льда и быстро спустились на этихъ импровизированныхъ салазкахъ на дно глубокихъ расщелинъ, откуда цѣпляясь за выступы приходилось съ трудомъ вылѣзть на противоположную сторону.

Прямо передъ нами открывался ледникъ Федченко и поднимался остроконечный Гармо, а немного сѣвернѣе, повидимому, лежалъ переваль въ долину рѣки Баяндъ-Кинъ.

Небольшія пушинки снѣга, падавшія съ утра, придавали красоту полярной картинѣ, но съ половины дня поднялся сѣверный вѣтеръ, понесшій снѣговыя тучи. Снѣгъ пошелъ сильнѣе и черезъ полчаса вокругъ насъ уже выла и стонала зимняя мятель, закрывшая плотною завѣсою всѣ окрестности и не дававшая возможности видѣть даже на небольшомъ разстояніи.

— Однако, дѣло плохо, надо остановиться въ какой-нибудь ложбинкѣ, промелькнула у меня мысль и, преодолевая вой вѣтра, я крикнулъ доктору, указывая на выступъ скалы, поднимавшейся невдалекѣ и могущей защитить отъ холоднаго вѣтра.

Черезъ минуту мы уже прилегли за закрытіемъ, накинувъ башлыки на головы и кутаясь въ брезентныя полотнища палатки.

— Придется отсиживаться, пока не кончится мятель, прокричалъ докторъ, нагибаясь ко мнѣ. Идти теперь—значить погибнуть навѣрняка. И не замѣтишь, какъ полетишь въ какую-нибудь трещину.

Я съ нимъ согласился и невольно пожалѣлъ, что мы не послушались совѣта горцевъ и рискнули искать прохода въ горахъ тамъ, гдѣ никто изъ людей не могъ пройти.

Наметая около насъ сугробы снѣга, выла мятель, то съ рѣзкимъ свистомъ проносясь надъ нами, то съ глухими стопами отзываясь въ ущельяхъ. Порою въ вышинѣ ясно слышались голоса, переходившіе въ громкіе крики.

Этотъ ужасный концертъ подавляющимъ образомъ дѣйствовалъ на нервы. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, мы подъ брезентомъ, на который выпалъ порядочный слой снѣга, чувствовали

теплоту и лишь боязнь, что насъ можетъ занести снѣгомъ, заставляла насъ поочередно подниматься и этимъ движеніемъ сбрасывать навалившуюся гряду снѣга.

Сколько времени уже продолжалась мятель трудно было опредѣлить; попытки зажечь спичку оказались неудачными. Приходилось запастись терпѣніемъ и ожидать конца непогоды.

Иногда вѣтеръ стихалъ и наступала жуткая тишина, но затѣмъ, будто желая наверстать потерянное время, съ новою силою поднимались стоны мятели.

Постепенно промежутки тишины дѣлались все больше и больше и наконецъ вѣтеръ стихъ совершенно, а вмѣстѣ съ этимъ пересталъ идти снѣгъ.

Сбросивъ съ себя толстый слой наметеннаго сугроба, мы выльзли на свѣтъ Божій. Тучи пронеслись и снова передъ нами открылся полярный пейзажъ.

Ощупывая почву палками, мы все же взяли направленіе на перевалъ и, дойдя до конца равнины, съ большимъ трудомъ стали подниматься на послѣдній склонъ горъ, оканчивавшійся остроко-нечными вершинами.

Цѣпляясь руками за шероховатости въ снѣгу, на четверенькахъ удалось намъ подняться наконецъ на гребень, откуда рассчитывали по другую его сторону увидѣть долину рѣки Баляндъ-Кіикъ, но въ нашихъ ожиданіяхъ насъ постигло полное разочарованіе, такъ какъ по другую сторону хребта виднѣлся лишь крутой склонъ и такая же снѣговая равнина, примыкавшая къ слѣдующему снѣговому хребту, протянувшемуся параллельно нашему. Далѣе весь горизонтъ былъ покрытъ снѣговыми же горами, поднимавшимися одна выше другой.

— Волей-неволей надо идти назадъ, такъ какъ двигаться совершенно налегкѣ на другую сторону горъ было бы безуміемъ, рѣшилъ я, обращаясь къ доктору.

— Это вѣрно, безъ запаса продовольствія далеко не дойдешь.

— Да и въ сущности здѣсь мы наглядно убѣдились, что перевала для сообщенія между рѣчными системами Арзынга и Мукъ-Су не существуетъ, а частью пройденный нами даже и мѣстными жителями считается непроходимымъ.

Спускъ былъ легче подъема. Почти все время спускались мы сидя и лишь порою, быстро скатившись съ вышины, увязали въ глубокомъ снѣгу.

Только что окончившаяся мятель покрыла всѣ камни ровнымъ

бѣлымъ слоемъ и мы, нѣсколько разъ теряя правильное направле-
ніе, съ трудомъ добрались до начала ледника, по которому стали
спускаться внизъ, лавируя между глубокими трещинами.

Не раньше, какъ часа черезъ два, передъ нами открылся ниж-
ній край ледника, изъ котораго вырывалась шумная многоводная
рѣка, образовавшаяся отъ таянія льдовъ, гдѣ-то гораздо выше, но
закрытая ледяною корою, она была незамѣтна. Почти отвѣсная
стѣна зеленовато-прозрачнаго льда, съ гротомъ внизу, изъ кото-
раго вытекала рѣка, была поразительно красива.

Какъ будто для того, чтобы дать вполне оцѣнить красоту этого
мѣста, изъ-за тучъ выглянуло солнце и косыми лучами освѣтило
льды, заглянувъ въ глубину ущелій и заискрясь на замерзшихъ
ледяныхъ сосулькахъ.

Мы съ невольнымъ восхищеніемъ остановились передъ этимъ
чуднымъ видомъ, долго наблюдая измѣнившійся цвѣтъ льда и снѣга,
пока солнце не спряталось за тучи.

Съ большими предосторожностями мы наконецъ добрались до
впадины, въ которой остались наши лошади и люди, разведшіе
костеръ, чтобы мы не сбились съ дороги. Было уже совершенно
темно, когда мы подошли къ стоянкѣ.

Одинъ изъ проводниковъ встрѣтилъ насъ восклицаніемъ:

— Слава Аллаху — тюры живы, а мы уже хотѣли ѣхать къ
шаху сказать ему, что надо искать. Когда поднялся буранъ, мы
сразу узнали, что духъ горъ не пустить перейти на другую сто-
рону, такъ какъ здѣсь никогда и никто изъ людей не ходитъ.

— Слава Аллаху—тюры живы!

Глава VIII.

По рѣкѣ Сатыргу.

Потерпѣвъ неудачу найти переваль въ верховьяхъ рѣки Гармо,
мы направились обратно, наводя справки о выходахъ изъ долины
Арзынга.

Узнавъ, что можно пройти по рѣкѣ Сатыргу, притоку Арзынга,
а затѣмъ черезъ переваль Сатыргъ въ долину рѣки Ванча, рѣшили
попробовать преодолѣть этотъ трудно доступный переваль, по ко-

торому изрѣдка рискуютъ переходить по нуждѣ горцы здѣшнихъ мѣстъ.

Спускъ къ кишлаку Арзынгу былъ значительно легче подъема, хотя мѣстами крутизны открывавшейся тропы заставляли придерживать лошадь, но затѣмъ вспоминалась неизбежность съѣхать еще съ безчисленнаго ряда горъ, въ силу чего, лишь подтянувъ поводья и откинувшись совершенно на спину, а иногда почти ложась на крупъ лошади, мы съѣзжали одинъ за другимъ.

Лошади шли увѣренно и эти высоты съ открывающимися пропастями не производили на нихъ никакого впечатлѣнія, а, напротивъ, какъ будто вызывали особое желаніе идти по краю обрыва. Лишь въ одномъ мѣстѣ, гдѣ тропинка вилась по крутому склону горы, пролегая черезъ осыпь мелкой гальки, осыпавшейся подъ ногами, пришлось слѣзть и пройти это опасное мѣсто нѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу.

Камни, сдвигаясь и увлекая за собою другіе, падали внизъ, съ громкими всплесками исчезая въ мутныхъ волнахъ рѣки, протекавшей на нѣсколько десятковъ сажень подъ нами. Какъ-то невольно прерывалось дыханіе и каждый изъ насъ ясно слышалъ усиленный стукъ своего сердца.

Цѣлый рядъ небольшихъ, но бурныхъ рѣчекъ съ шумомъ вливали свои воды въ Сатыргъ, беря начало въ вышележащихъ по обѣимъ сторонамъ ледникахъ.

Рѣки: Сикать, Богуть, Бурса, Бурны, Сугдунъ, Сафитдокъ, Вангутъ впадаютъ съ правой стороны, а Горасконъ, Даронталь съ лѣвой, снося вмѣстѣ съ водою массу глины и камней.

Въ періодъ небольшого таянія снѣговъ въ серединѣ лѣта количество воды въ этихъ рѣкахъ значительно увеличивается и переходъ черезъ нихъ сопряженъ съ большимъ рискомъ быть снесеннымъ быстрымъ теченіемъ.

Красивую картину представляютъ собою мѣстами берега рѣки. Изрѣзанная водою почва представляетъ собою безчисленный рядъ узоровъ, фигуръ, арабесокъ, соединенныхъ прихотью природы въ одинъ общій до нельзя сложный рисунокъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ высоты виднѣлись обработанныя поля, а немного ниже ихъ открывались оставшіеся позади кишлаки Накъ, Тишкъ, Рога, Даронталь, Мадинъ и Арзынгъ.

Живя въ этихъ глухихъ горныхъ мѣстахъ, жители почти не имѣютъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ и большинство изъ нихъ даже главный городъ бекства Гармъ знаетъ лишь понаслышкѣ.

Выше Пашемгара уже не было ни одного селенія и начиналось полное безлюдье. Мрачное ущелье, по которому протекала рѣка, было сжато съ обѣихъ сторонъ надвинувшимися горами. Характеръ всей картины былъ дикъ и въ то же время подавлялъ своею грандіозностью.

Слѣдовъ людей нигдѣ не было видно. По едва замѣтной тропинкѣ мы подвигались впередъ и съ большими затрудненіями преодолевали значительныя крутизны, на которыхъ приходилось слѣзать и подниматься вверхъ, держась за хвостъ лошадей, такъ какъ лошадь со всадникомъ идти была не въ силахъ. Осыпи чередовались съ камнями, черезъ которые лошади шли крайне неохотно.

Уже передъ нами выдвигался ледникъ Бурсы, огромная масса льда котораго давала начало рѣкѣ Сатыргу. Держась края ледника, съ огромными усиліями мы поднялись на высокій подъемъ, часто слѣзая и ведя лошадей въ поводу. Нѣсколько разъ положенія были настолько рискованными, что, казалось, не минуешь катастрофы, когда въ грудахъ валуновъ какая-нибудь изъ лошадей падала.

— Ничего, тюра, скоро перейдемъ это нехорошее мѣсто, утѣшалъ насъ проводникъ; немного осталось, здѣсь люди ходятъ изъ Ванча. Не больше, какъ мѣсяць открытъ переваль, а въ остальное время года онъ всегда занесенъ снѣгами и пройти черезъ него бываетъ нельзя; переваль же называется Сатырга.

Мы находились на высотѣ тысячъ двѣнадцати футовъ. Бѣлыя шапки снѣговыхъ горъ окружали горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Ниже, извиваясь, лежала долина Дашти-Бурсы, а выше открывался переваль Сатырга, за которымъ находилась долина рѣки Ванча и лежалъ кишлакъ Кала-Ванчъ-Рухаръ.

Оставя лошадей и поднявшись пѣшкомъ на самую высокую точку перевала, достигавшую высоты 15 тысячъ футовъ, мы увидѣли лишь безконечную панораму снѣговыхъ горъ Мазарскаго и Бартаво-Азгулемскаго хребтовъ. Самой же долины рѣки Ванча не было видно за слѣдующими меньшими перевалами, отъ которыхъ насъ отдѣляла широкая съ отвѣсными стѣнами огромная трещина, въ видѣ пропасти.

— Такимъ образомъ, вся долина рѣки Хингоу и ея притоковъ пройдена отъ устьевъ до верховьевъ, заговорилъ докторъ, а дальше выхода снова нѣтъ. Трудненько было, но все-таки мы можемъ себя утѣшить тѣмъ, что остались живы, да и посѣтили такія мѣста, гдѣ было не больше двухъ, трехъ европейцевъ, а, вѣроятно, кое-гдѣ

наши ноги были первыми, перешедшими нѣкоторыя горы. Идти назадъ тою же дорогою уже не такъ интересно.

— Вы правы: здѣсь были Федченко, Липскій, Бобринскій и, кажется, никто больше. Что же касается обратной дороги, то постараемся сократить время охотою.

Спустившись съ горъ и дойдя до кишлака Лянгара, мы снова устроили дневку, чтобы отдохнуть самимъ и дать лошадямъ опраться послѣ цѣлой недѣли трудной работы.

Сидя около огня, мы цѣлый день провели снова во дворѣ стараго шаха, вспоминая пройденную дорогу и стараясь узнать все интересное, что касалось здѣшной горной страны.

— Благополучно ли было путешествіе, тюркы? И не чувствуетъ ли кто-либо изъ нихъ нездоровья послѣ тяжелаго странствованія по нашимъ горамъ? задалъ вопросъ шахъ, встрѣтивъ насъ, какъ уже старыхъ хорошихъ знакомыхъ. А я уже нѣсколько разъ посылалъ людей къ Арзынгу узнать, не случилось ли чего съ ними. Бекъ изъ Гарма прислалъ также Мирахура, указалъ онъ на подошедшаго къ намъ пожилого узбека. Горы опасны и легко можетъ что-нибудь случиться на ихъ высотахъ. Лишь тотъ, кто часто призываетъ Аллаха или вспоминаетъ имя святого Хызра можетъ не бояться несчастья.

— Это вѣрно, отецъ! Святой Хызръ все можетъ сдѣлать, а Аллахъ предохраняетъ вѣрующаго во всѣхъ случаяхъ, подтвердилъ Мирахуръ, сядя рядомъ съ шахомъ на кошмѣ.

— Святой Хызръ можетъ мертвыхъ воскресить, больныхъ исцѣлить, слѣпымъ дать зрѣніе. Знаю, тюркы любятъ слушать, а я ему сейчасъ расскажу одну исторію, изъ которой онъ увидитъ, какъ велико милосердіе и могущество св. Хызра.

— Давно, очень давно на широкихъ долинахъ, лежащихъ за нашими горами въ сторону Заравшана, находилось царство кефировъ. Я не знаю, тюркы, какіе это были кефиры, но только ихъ ханъ ходилъ въ Бухарь-хану и тамъ поклонялся разнымъ идоламъ, которыхъ считалъ за боговъ. Не зналъ онъ корана и поэтому былъ большою грѣшникъ.

Сотни молодыхъ и красивыхъ женъ и наложницъ увеселяли его взоры и отъ нихъ онъ имѣлъ много дѣтей, изъ которыхъ мальчиковъ бралъ себѣ въ бачи, а самыхъ красивыхъ дѣвушекъ дѣлалъ своими наложницами. И всѣ они не знали, что Аллахъ ихъ можетъ наказать за это, потому что были кефиры.

Одна изъ его дочерей Малика-Дальборомъ была красивѣе всѣхъ

остальныхъ и отличалась добротою и мудростью. Захотѣлъ Аллахъ спасти ее отъ поруганія и явился ей однажды во снѣ пророкъ Магометъ—печать всѣхъ пророковъ. Открылись тогда передъ нею врата разумѣнія и на другой день, проснувшись, послала она за муллою и приняла исламъ.

И стала Малика съ тѣхъ поръ удаляться отъ своихъ подругъ, проводя все время въ размышленіяхъ и молясь Аллаху.

Рано однажды поднялся ханъ и, гуляя по своимъ садамъ, увидѣлъ стоявшую на молитвѣ красавицу—Малику-Дальоромъ. И такъ былъ пораженъ его взоръ ея красотой, что захотѣлъ ханъ сейчасъ же взять красавицу себѣ въ жены.

Но помнила Малика о грѣхѣ и, упавъ хану въ ноги, отказалась исполнить его желаніе, объявивъ, что она приняла мусульманство и не можетъ согласиться совершить такое ужасное кровосмѣшеніе, которое запрещено шаріатомъ.

Разсердился тогда ханъ и приказалъ мучить Малику до тѣхъ поръ, пока она не покорится его желанію.

Много у хана было усердныхъ и преданныхъ слугъ—кинулись они исполнять приказаніе своего повелителя. Жгли бѣдную Малику огнемъ, вѣшали ее за ноги, давали дикимъ звѣрямъ, тиграмъ и барсамъ, на растерзаніе, но говорила въ это время Малика стихъ корана и угасалъ огонь, покорно ложились звѣри и не было вреда ея прекрасному тѣлу.

Тогда приказалъ ханъ отвезти непокорную въ пустыню, гдѣ она должна будетъ погибнуть отъ зноя, голода и жажды.

И здѣсь не оставилъ Аллахъ правовѣрную.

Проходилъ мимо караванъ одного благочестиваго ходжи, поднялъ ее и повезъ къ себѣ.

Ослѣпила красота Малики сына ходжи и захотѣлъ онъ также овладѣть ея тѣломъ. И задумалъ онъ исполнить свое намѣреніе не далеко отъ начала горъ.

Но стала молиться красавица Милосердному и превратилъ тогда Аллахъ сына ходжи со всѣми слугами и верблюдомъ въ камни, а Малика скрылась въ горахъ, гдѣ долго блуждала, пока не встрѣтилась съ бывшимъ на охотѣ могущественнымъ ханомъ, царство котораго находилось невдалекѣ.

Былъ этотъ ханъ правовѣрный и поэтому, когда онъ захотѣлъ взять Малику себѣ въ жены, не могла она отказаться отъ этого по шаріату. Да и ханъ былъ молодъ и красивъ.

А въ это время отецъ Малики-Дальоромъ, покоренный ея красотою, не могъ найти себѣ мѣста отъ начавшейся тоски.

Хотя и приказалъ онъ бросить Малику въ пустыню, но сейчасъ же раскаялся, что это сдѣлалъ и, бросивъ свое царство, пошелъ отыскивать прекрасную дѣвушку, унесшую съ собою его сердце.

Увидѣлъ онъ однажды въ сосѣднемъ царствѣ новую ханшу Дальоромъ и узналъ въ ней свою дочь, къ которой влекла его страсть. Взошелъ онъ въ милость къ хану и скоро сдѣлался самымъ главнымъ Кушъ-Беги.

Часто выѣзжалъ ханъ въ дальніе походы и оставлялъ тогда своихъ женъ подъ надзоромъ новаго своего Кушъ-Беги, которому вѣрилъ во все.

Но не умолкала страсть и захотѣлъ Кушъ-Беги воспользоваться отсутствіемъ хана и, придя къ ханшѣ, сталъ снова добиваться ея любви, угрожая, что погубить ее въ глазахъ мужа, если она не согласится.

Но не испугалась красавица и отказалась совершить два тяжкихъ грѣха—кровосмѣшеніе и измѣну мужу. Не могла съ этимъ примириться злая душа Кушъ-Беги. Лишь вернулся ханъ изъ похода, какъ обвинилъ онъ ханшу Дальоромъ въ измѣнѣ. Не могла найти свидѣтелей ханша—всѣхъ подкупилъ всемогущій Кушъ-Беги. Повѣрилъ ханъ и приказалъ отрубить красавицѣ ноги и руки и бросить ея грѣшное тѣло въ пустынь на съѣденіе дикимъ звѣрямъ.

Лежала ханша въ пустынѣ, истекая кровью, и молила Аллаха о помощи.

И услышалъ ее Милосердный. Сошелъ въ пустыню святой Хызра, собралъ отрубленные части тѣла, сложилъ ихъ вмѣстѣ, и встала красавица еще красивѣе, чѣмъ была раньше.

Поселилась тогда она въ горахъ и стала исцѣлять силою исходящей отъ нея всѣхъ больныхъ, которые къ пей обращались и по всему царству разнеслась слава о ея благочестіи и чудесахъ. И дошли эти слухи до ушей самого хана, тосковавшаго много лѣтъ по своей молодой, но невѣрной женѣ.

Поѣхалъ онъ къ святой, чтобы услышать отъ нея слово утѣшенія въ сонрожденіи одного лишь Кушъ-Беги безъ всякой свиты.

Узнала ихъ Дальоромъ, несмотря на то, что время провело на ихъ лицахъ много морщинъ, а долгій рядъ зимъ запушилъ ихъ

бороды бѣлизною снѣга. Каждому она сказала тайну, о которой никто не зналъ, а Кушъ-Беги, кромѣ того, напомнила всѣ совершенныя имъ грѣхи въ теченіе его жизни, а главное грѣхъ передъ дочерью Маликою-Дальоромъ.

Упалъ Кушъ-Беги ей въ ноги и сталъ просить святую, чтобы вымолила она ему прощеніе у Аллаха, а затѣмъ, поднявшись, возгласилъ славу Милосердному.

«Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета пророка, его».

Открыла тогда святая свое имя и, по просьбѣ своего мужа, вернулась домой, гдѣ жила много лѣтъ, славя святого Хызра.

Г л а в а IX.

По долинь рѣки Хингоу.—Разсказъ о кокандскомъ ханѣ.

Дорога до Гарма прошла незамѣтно.

Стаи куропатокъ, поднимавшіяся каждую минуту, крупные улары, лѣнливо перелетавшіе на нѣсколько сажень и снова садившіеся въ долинь, заставили вспомнить, что мы уже давно не пробовали пернатой дичи. Нѣсколько выстрѣловъ и лошади оказались увѣшанными трофеями охоты, обѣщавшими роскошный обѣдъ.

— Бойня какая-то, ворчливо заговорилъ докторъ, вѣшая свою двустволку за плечи. Никакого интереса не представляетъ здѣшняя охота на птицу, благодаря слишкомъ большому ея количеству. Пробоваль ѣздить на Пянджу на утокъ и гусей, но также бросилъ. Подумайте сами: пріѣхали мы съ Захаромъ Ивановичемъ на постъ Караулъ-Тюбе, и пока я разсматривалъ людей, онъ сѣлъ за камнями и сталъ стрѣлять по уткамъ, плававшимъ по озеру противъ поста и, что вы думаете? Я черезъ полчаса вышелъ, а онъ уже собиралъ при помощи солдатъ убитую птицу: оказалось сто десять утокъ. Помню онъ колбасы изъ утокъ дѣлалъ, а солдаты такъ прямо не ѣдятъ этой дичи, надоѣла... Весною на отмеляхъ и по островамъ человѣка два пойдутъ и въ какой-нибудь часъ времени до тысячи яицъ утиныхъ и гусиныхъ насобираютъ. Только еще пожалуй на лебедей въ зимнее время интересно поохотиться; все-таки птица осторожная и къ ней не такъ-то легко подойдешь, какъ къ этимъ глупымъ уткамъ, у которыхъ ума столько

же, сколько у нашихъ домашнихъ индюшекъ. А на нерелетѣ какъ появятся туртушки, да стрепета, дрофа, вездѣ видишь тысячныя стайки и за ружье взятыя пропадаетъ всякое желаніе.

— Это вы правильно. Мнѣ также часто приходилось участвовать въ здѣшнихъ охотахъ и я также къ нимъ потерялъ почти всякій интересъ. Фазановъ у себя въ саду стрѣлялъ, кабановъ можно лѣтомъ и осенью въ каждую лунную ночь на пшеничныхъ и рисовыхъ поляхъ по нѣскольку штукъ убить. А джерановъ, когда они утромъ или вечеромъ идутъ на водопой къ Пянджу, даже стрѣлять не хочется, до того они смѣло относятся къ человѣку, подпускающая чуть не на десятокъ сажень.

Какъ бы въ подтвержденіе нашего разговора навстрѣчу намъ попалось нѣсколько верховыхъ таджиковъ, увѣшанныхъ связками куропатокъ и какой-то другой птицы, видимо составлявшихъ трофеи недавней охоты.

— Однако, какимъ же образомъ они настрѣляли? Ружей-то у нихъ нѣтъ, спросилъ докторъ.

— Да, тюра, это они безъ ружей. У насъ здѣсь порохъ очень дорогъ, подтвердилъ одинъ изъ проводниковъ. Они ѣздили осматривать свои силки, которые поставили съ утра въ разныхъ мѣстахъ по склонамъ горъ и около хирмановъ²⁾, гдѣ молотятъ осенью хлѣбъ; тамъ всегда прилетаетъ много птицы, чтобы полакомиться упавшимъ зерномъ.

— А какое зерно здѣсь сѣютъ?

— Мы сѣемъ горохъ, пшеницу, чечевицу, ленъ, а въ долинахъ немного хлопка, у кого есть низкія мѣста. Къ Гарму тамъ воздѣлываютъ еще кукурузу, кунжутъ и ячмень.

Рѣка Хингоу дѣлалась все многоводнѣе, съ шумомъ неся свои волны въ Кизиль-Су. То образуя небольшія долнины, то тѣсно сжатая горами, масса воды мѣстами прорывалась сквозь темныя гряды скалъ и, съ ревомъ перекатываясь черезъ нихъ и образуя водоворотъ, выносила далѣе клочья грязноватой пѣны, покрывавшіе воду.

— Рыбы въ этой рѣкѣ, повидимому, много, нарушилъ снова молчаніе докторъ, указывая на небольшую заводь, сквозь зеленовато-прозрачную поверхность которой виднѣлась масса довольно крупной рыбы, игравшей на солнцѣ.

²⁾ Хирманъ — токъ для молотбы.

— Ну-ка, Ахметъ, давай-ка сѣтку; попробуемъ половить, уже черезъ минуту рѣшилъ онъ, слѣзая съ лошади и привязывая еекъ жусту боярышника. Я послѣдовалъ его примѣру.

Поставивъ въ узкомъ рукавѣ рѣки сѣтку и ударяя палками по водѣ выше по теченію, мы спустя полчаса вытащили десятка три серебристыхъ, бившихся въ сѣткѣ, крупныхъ форелей и маринокъ.

— Вотъ раздолье-то для рыболова и охотника! восторгался почтенный эскулапъ. Вечеромъ сваримъ уху, облизнулся онъ въ предвкушеніи вкуснаго ужина. Надоѣли эти консервы да шловы.

— Надо пользоваться случаемъ, добавилъ я ему въ тонъ.

— Это вы вѣрно. Давайте-ка тутъ же ихъ выпотрошимъ, подсолимъ слегка и тогда въ ту же сѣтку завернемъ—до вечера не испортятся.

Соскобливъ серебристую чешую и вынимая внутренности, докторъ все это продѣлалъ съ изумительною аккуратностью, будто дѣлалъ серьезную операцію.

— Хорошо, тюра, рѣжетъ, одобрилъ его Ахметъ. Вотъ когда-нибудь моей лошади надо ноздри рѣзать, тебя попрошу, рука у тебя легкая.

— Зачѣмъ же нужно ноздри рѣзать, вѣдь только лошадь этимъ испортить?

— Нѣтъ, тюра, это нужно; лошадь тогда дышетъ легко и много скакать на ней можно. Вотъ другое дѣло губы у лошади рѣжутъ въ шутку — это не хорошо. Есть такіе люди, что любятъ такъ пошутить. У насъ рассказываютъ про кокандскаго хана Алимъ-хана. Тотъ такъ тоже любилъ шутить.

Одинъ разъ ѣхалъ онъ съ однимъ муллою Ходжей-султаномъ, который при немъ давно служилъ и очень умный человекъ былъ. Приѣхали въ одно мѣсто на обѣдъ. Пока всѣ обѣдали, приказалъ ханъ у лошади муллы губы разрѣзать, чтобы посмѣяться надъ старымъ, а у лошади тогда такой видъ дѣлается, какъ будто она сама смѣется надъ людьми.

Но только Ходжи-султанъ замѣтилъ во-время эту продѣлку. Ушелъ онъ потихоньку отъ обѣда, отрѣзалъ у самаго лучшаго жеребца, на которомъ приѣхалъ ханъ, весь хвостъ и вернулся назадъ какъ ни въ чемъ ни бывало.

Когда нужно было уѣзжать, подали всѣмъ лошадей, а ханъ и спрашиваетъ муллу Ходжу-султана:

— Отчего это, мулла, твоя лошадь смѣется?

А мулла посмотрѣлъ на свою лошадь и на людей, что стояли вокругъ и готовы были его на смѣхъ поднять, посмотрѣлъ также на хана, да и говорить:

— Смѣется моя лошадь, милостивый ханъ, оттого, что видить, какой у твоей лошади удивительный видъ.

Какъ посмотрѣли тогда люди на ханскую лошадь, такъ всѣ разомъ разсмѣялись и ханъ съ ними вмѣстѣ, потому лошадь хана очень бѣзобразна стала.

Перехитрилъ его умный мулла. Нѣкоторое время мы ѣхали молча, невольно въ душѣ смѣясь надъ одураченнымъ ханомъ, а находчивость муллы завоевала невольную симпатію.

Бусты гранатника покрывали склоны горъ и сквозь ихъ зеленую листву виднѣлись крупные красные плоды, сгибавшіе тонкія вѣтви до земли. Немного далѣе виднѣлись куртины дикихъ грушъ, также покрытыя плодами.

— Да, тюра, черезъ нѣсколько минутъ снова заговорилъ Ахметъ. Умный былъ мулла, но только все же не было умнѣе на свѣтѣ муллы Насръ-Эддина-ходжи изъ Самарканда. Тотъ зналъ все на свѣтѣ и даже великій Тимуръ-ханъ его слушался.

Люди говорятъ: однажды пришли въ Самаркандъ ученые муллы изъ Хитая и такіе умные, что никто изъ мударисовъ и казіевъ не могъ съ ними сравняться въ мудрости. Узналъ объ этомъ Тимуръ-ханъ и захотѣлъ онъ, чтобы они приняли исламъ и остались бы въ Самаркандѣ.

Приказалъ ихъ позвать къ себѣ и обѣщалъ тотчасъ же сдѣлать cadaго изъ нихъ казіемъ, если они возгласятъ хвалу Милосердному. Но чужестранцы не хотѣли измѣнять вѣрѣ своихъ предковъ и сказали:

«Мы сдѣлаемся, великій ханъ, правовѣрными только тогда, когда самые мудрые изъ твоихъ ученыхъ людей покажутъ намъ свою мудрость и ничтожность нашихъ знаній, для чего мы и зададимъ имъ по одному вопросу, а если они не отвѣтятъ, то всѣ люди должны принять нашу вѣру».

Согласился на это Тимуръ-ханъ и сейчасъ же велѣлъ собрать всѣхъ мударисовъ, улемовъ и казіевъ.

Собрались всѣ они, но не могли отвѣтить на вопросы чуже-

странцевъ, о чемъ и доложили хану, говоря, что никто въ мірѣ, за исключеніемъ мудраго ходжи Насръ-Эддина не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ.

Разсердился тогда на нихъ ханъ и очень встревожился— боялся, что придется чужую вѣру принимать, но тотчасъ же приказалъ позвать Эддина. Привели его съ почетомъ во дворъ хана и поставили передъ лицомъ повелителя.

Тогда стали чужіе люди задавать ему вопросы, а всѣ правовѣрные смотрѣли на него съ большимъ страхомъ, повѣсивъ уши на гвоздь вниманія и боясь за его мудрость.

Вышелъ первый чужеземецъ и спросилъ:

— Скажи, о ходжа, гдѣ середина земли; ты, навѣрное, знаешь, премудрый?

Ни на минуту не задумался ходжа, воткнулъ свою палку въ землю и говорить:

— Здѣсь!

Удивился чужеземецъ, но снова спрашиваетъ:

— Почему же ты знаешь это, ходжа?

А ходжа ему въ отвѣтъ:

— Измѣрь отъ этой палки во всѣ стороны землю и, если хоть одна будетъ длиннѣе, то, значить, я не правъ.

Вышелъ тогда другой чужеземецъ и спросилъ:

— Скажи, премудрый отецъ: сколько звѣздъ на небѣ? Ты вѣдь все знаешь.

— Да, это такъ, ты не ошибся. Ихъ столько же, сколько шерстинокъ въ шкурѣ вотъ того животнаго, указалъ онъ на ишака, стоявшаго невдалекѣ. Сосчитай сначала шерстинки, а потомъ звѣзды. Если ихъ окажется больше, то я сказалъ неправду.

Увидѣли всѣ люди какую мудрость вложилъ Аллахъ въ голову стараго ходжи и всѣ воскликнули:

— Аллахъ, Акбаръ! И нѣтъ мудрѣе на всемъ свѣтѣ ходжи Насръ-Эддина.

А чужіе люди тутъ же приняли исламъ, возгласивъ: «Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета печати пророковъ». И сдѣлались мюридами ходжи.

Въ долинахъ, по мѣрѣ приближенія къ Гарму, стало гораздо теплѣе. Солнечные лучи въ нѣкоторыхъ закрытыхъ мѣстахъ сильно пригрѣвали.

— Заѣдемъ къ беку потомъ, но на самое короткое время, а

остановимся въ Чай-хайѣ, предложилъ я доктору, но онъ сейчасъ же запротестовалъ.

— Да развѣ это возможно, мы столько времени не спали человѣчески и поэтому прямо грѣшно не воспользоваться случаемъ; я вѣдь знаю — у бека отличныя кровати и даже на сѣткахъ. Значить будемъ отдыхать во всю, со всѣми удобствами.

Перебравшись черезъ девяти тысячный высокій перевалъ Камчиранъ, показавшійся намъ послѣ Сатырга чуть не ровною мѣстностью, мы скоро увидѣли почти сплошной рядъ кишлаковъ, раскинувшихся по долинѣ рѣки Кизилъ-Су. Кишлаки Артадъ, Хостъ, Сары-Намокъ и Сары-Пуль по сравненію съ небольшими селеніями по Хингоу и его притокамъ казались очень значительными съ многочисленнымъ населеніемъ.

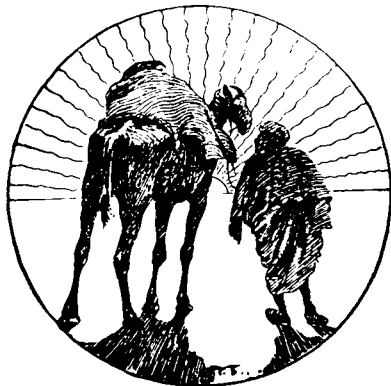
Рѣки Шуръ-Оби, Чашма и Ассиабъ мы проѣхали даже не замѣтивъ ихъ и лишь шумъ Сурхаба вызвалъ невольное вниманіе, но въ наступившихъ сумеркахъ всѣ окрестности утонули въ сѣрой мглѣ и мы уже почти въ темнотѣ добрались до бекской калы, распахнувшей передъ нами широко и гостепріимно входныя ворота. Масса людей, встрѣтившихъ у воротъ во главѣ со старшимъ есауломъ Баши, освѣщенная свѣтомъ нѣсколькихъ ручныхъ лампочекъ, наглядно подтвердила о томъ, что насъ давно ждали.

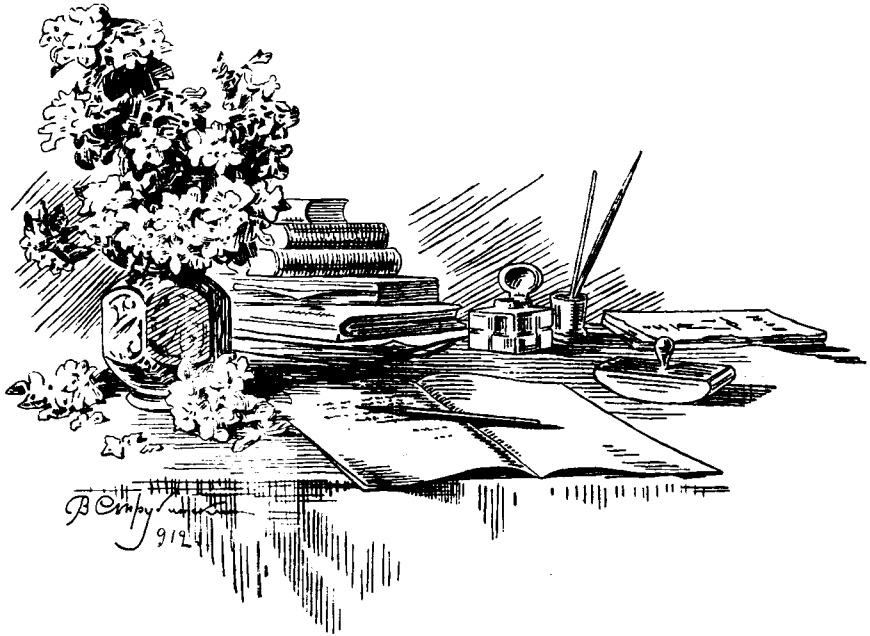
Послѣ ночлеговъ на воздухѣ просторная комната михманъ-ханы съ двумя желѣзными кроватями и столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью, казалась вполне привлекательною.

Въ эту ночь мы буквально утонули въ горахъ мягкихъ ватныхъ одѣялъ и подушекъ.

Сонъ былъ рѣзнокъ и спокоенъ.

Д. Логофетъ.

ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЖИЗНИ.

I. Въ крѣпости.

Вчера я былъ рундомъ по городскимъ карауламъ 2-го отдѣленія. Главный карауль, гдѣ должны находиться дежурный по карауламъ и рундъ, находится внутри старой N—ской цитадели, внизу огромнаго трехъэтажнаго зданія, такъ называемыхъ, Александровскихъ казармъ.

На длинной и узкой караульной платформѣ одиноко шагаетъ часовой отъ будки и колокола и до противоположной стороны; свободные люди караула сидятъ за желтыми деревянными столами и тянутъ свой безконечный, свѣтлый, извѣстный ранѣе подъ громкимъ названіемъ «фельдфебелевскаго», свѣжезаваренный чай, закусывая его не менѣе популярнымъ въ караулахъ ситнымъ— «полхлѣбчикомъ». Бравый унтеръ-офицеръ съ звенящей связкой большущихъ ключей въ рукахъ неумоимо снуетъ взадъ и впередъ

по всему громадному и безпокойному караулу, т. е. по всѣмъ тремъ этажамъ, безпрестанно открывая и закрывая многочисленныя общія и одиночныя камеры и степенно выкрикивая старшему послѣ него ефрейтору: «Остапенко, останься на моемъ мѣстѣ!».

Караульный начальник сидѣлъ въ своемъ глубокомъ клеенчатомъ, съ бѣлымъ мятымъ чехломъ, креслѣ и внимательно штудировалъ, въ который уже разъ, старый и истрепанный уставъ гарнизонной службы.

Дежурный по карауламъ капитанъ Лейниковъ—холостякъ и большой спортсменъ—сидѣлъ за своей неизмѣнной и кропотливой работой приведенія въ порядокъ и систему длиннѣйшаго списка всѣхъ когда-либо служившихъ въ полку офицеровъ, со дня его основанія. Работа большая и упорная, съ которою нашъ надиво работоспособный архивариусъ отлично справлялся, свободно разбираясь со всѣми ея многочисленными трудностями и шероховатостями...

Я думалъ было тоже взяться за свой дневникъ, въ который я уже давненько не заглядывалъ, какъ дежурный по карауламъ приказалъ мнѣ отправиться теперь же на повѣрку карауловъ и постовъ, расположенныхъ въ крѣпости и въ старыхъ фортахъ, входящихъ въ составъ карауловъ 2-го отдѣленія.

Я тотчасъ же взялъ съ собою списокъ карауловъ, полевую книжку, съ которой никогда не расстаюсь, и отправился въ служебный путь...

Солнце весело сіяло, было сухо послѣ утромъ прошедшаго дождя и я быстро добираюсь черезъ небольшую площадь съ зеленой Александровской колонной до высокихъ старыхъ валовъ нашей цитадели.

Красивая и красочная, такъ дорогая сердцу военнаго, широкая панорама открылась тамъ передъ мною, когда я взобрался на высокій зеленый траверсъ крѣпостного вала.

Впереди, внизу, за отдѣльной эскарповой стѣною и глубокимъ старымъ рвомъ съ лѣниво бѣгущимъ и засореннымъ ручьемъ, густо обросшимъ громадными вѣтвистыми ветлами, осокой и мелкой акаціей, уныло шагаль по узкому прикрытому пути одинокій часовой съ винтовкою подъ мышкою.

Дальше зеленый поясъ фортовъ съ высокими, рѣзко выдѣляющимся на свѣтломъ и ясномъ фонѣ неба, массивными траверсами, будто чудовищными горбушками чернаго солдатскаго хлѣба, и нуш-

ками устарѣлаго типа—этими, словно приготовившимися прыгнуть, сѣрыми гигантскими лягушками; еще дальше быстро двигающіеся бѣлые дымки поѣздовъ близъ расположеннаго N—скаго вокзала и беспорядочныя кучки деревянныхъ домовъ маленькой бѣдной деревушки на фонѣ далекаго темнаго лѣса...

Справа протянулись ломанными, причудливо изогнутыми, лпніями, мощные крѣпостныя валы, съ массой высокихъ каменныхъ отдушинъ и трубъ, а за ними всегда такая сонная, апатичная и спокойная старушка Висла раскинулась этой ранней и теплой весной грязной матовой полосой, вся взбухшая, метущаяся, вздувшаяся, въ своихъ низкихъ и песчаныхъ историческихъ берегахъ....

Еще дальше, на томъ берегу, далекая набережная батарея и чернѣющая полоска окрестнаго лѣса, частые дымки поѣздовъ другого вокзала, цѣлое море домовъ большого предмѣстья, и сѣрое мрачное, вдругъ снова нахмурившееся небо, съ быстро бѣгущими черными оборванными клочьями грязныхъ и непривѣтливыхъ дождевыхъ тучъ...

Слѣва доносится глухой и шумный рокоть большого польскаго города, пронзительныя свистки фабрикъ и заводовъ, далекій неясный гомонъ и громкій стукъ колесъ.

Тамъ, за этой пестрой бездной разноцвѣтныхъ мокрыхъ крышъ, блестящихъ золотыхъ главъ новаго русскаго собора, высокихъ строгихъ спицевъ старыхъ польскихъ костеловъ и коричневыхъ фабричныхъ трубъ, кипитъ и бьется мощнымъ, живымъ и неустойчивымъ ключомъ неугомонная людская жизнь, а здѣсь, въ этой старой забытой крѣпости, стоитъ страшная и жуткая тишина, царитъ мертвое гнетущее спокойствіе. великое спокойствіе сознанія когда-то сильной и грозной, мщной, военной твердыни.

Провѣривъ караулъ при куртінѣ № 5, я снова поднимаюсь на валъ и по узкой крутой дорожкѣ бѣгомъ спускаюсь въ крѣпостной ровъ, къ старому заброшенному дозорному пути.

Высокая и крѣпкая, кирпичная эскарповая стѣнка съ узкими, словно средневѣковыми бойницами, сплошь испещренная, столь обычными многочисленными солдатскими подписями, фамиліями, памятками, годами и сроками службы, встрѣчаетъ меня, сдерживая мой головокружительный спускъ внизъ.

Послѣ шумнаго, такъ богатаго видами верха, съ интереснымъ широкимъ кругозоромъ, открывавшимся мнѣ съ высоты большого

траверса главнаго крѣпостнаго вала, здѣсь внизу, въ этомъ узкомъ глухомъ коридорѣ, между такъ высоко уходящимъ вверхъ гигантскимъ зеленымъ валомъ съ одной стороны и непреодолимымъ каменнымъ эскарпомъ съ другой, меня вдругъ молчаливо окружило настроеніе какого-то тихаго, мирнаго и успокаивающаго своей ничѣмъ ненарушимой крѣпостной тишиной чувства полнѣйшей независимости, незамѣтности, почти безпомощнаго дѣтскаго одиночества...

Кругомъ такъ тихо и мертво, что у меня даже срывается: «Боже, какая тишина кругомъ!»

Есть что-то цѣломудренное, благоговѣйное, въ этой тиши, меня окружающей, и первый разъ въ жизни, забывъ себя и слившись съ нею, я наслаждаюсь этимъ свободнымъ покоемъ, глубокой тишиной, абсолютнымъ одиночествомъ.

Я вдругъ почувствовалъ себя какимъ-то особымъ, страннымъ, слабымъ и робкимъ, безусловно одинокимъ, безпомощнымъ, лишь ничтожной заброшенной крупинкой, маленькимъ атомомъ, ненужной жалкой величиной, лишь скромнымъ рядовымъ, одиночнымъ бойцомъ, для котораго предназначена вотъ одна изъ этихъ узкихъ вертикальныхъ бойницъ, съ такимъ короткимъ обстрѣломъ наружнаго крѣпостнаго рва съ протекающимъ ручьемъ, двумя корявыми ветлами, небольшимъ кусочкомъ контръ-эскарпа и узкой, тонкой полоской протоптанной часовыми зеленой травы...

Я закрываю глаза и силюсь представить себя солдатомъ въ окружающей меня боевой обстановкѣ, съ казенною трехлинейною винтовкою въ рукахъ, просунутой въ бойницу въ ожиданіи врага.

О, это такъ легко себѣ представить, среди этой крѣпостной обстановки, въ такомъ приподнятомъ настроеніи, и это такая огромная радость, радость военнаго, что кажется нѣтъ тебя, какъ человѣка, нѣтъ твоей собственной личной жизни, неутѣшнаго горя, нѣтъ заботы и печали, ничего нѣтъ, все отходить куда-то далеко, далеко —туда наверхъ, въ эту шумящую пасть большого города, гдѣ такъ странно торчатъ, словно испорченные гнилые зубы, черныя, грязныя, закоптѣлыя трубы фабрикъ и заводовъ...

Здѣсь, въ составѣ своего милаго и роднаго полка, ты не такая ужъ мелкая, пустая и ничтожная величина, какъ тамъ, въ разноголосой чуждой жизни, а нѣчто нужное, сильное и крѣп-

кое; ты — его маленькая полковая частичка, а въ немъ все важно, все нужно, все необходимо...

И если горе, заботы и жизнь хмуруютъ твой лобъ, бороздятъ глубокими морщинами твое открытое, честное солдатское лицо, гнетутъ твою усталую душу, серебрятъ волосы и обидно отсчитываютъ — предѣльные годы, припади къ полку, товариществу, солдатамъ, иди къ нимъ, такимъ преданнымъ, старательнымъ и самоотверженнымъ, скорѣе скрой свое бѣдное больное сердце въ складкахъ стараго полкового знамени, бѣги въ музей — хранилище двухсотлѣтней полковой старины, подними опущенную голову, взгляни на этотъ скромный поломанный бѣлый крестъ подъ почерпѣлымъ серебрянымъ орломъ и воспрянь душою!

Забудь все и помни о полкѣ и чести, ибо все измѣняется и проходитъ, все кончается и умираетъ, смѣняются цѣлыя поколѣнія и составъ полка, но не измѣняется полкъ и его исторія и вѣчно живъ онъ въ своихъ священныхъ традиціяхъ, дѣдовскихъ обычаяхъ, старыхъ боевыхъ преданіяхъ, завѣщанныхъ славными предками!

Я тихо бреду вдоль кирпичной стѣнки съ дугообразными арками, заложеными толстыми массивными бревнами, съ каменными водостоками и широкими дверями многочисленныхъ сараевъ, сплошь истыканными штыками часовыхъ, и черными, поломанными и наполовину наполненными водой, бочками у пороховыхъ погребовъ мѣстныхъ крѣпостныхъ войскъ.

Я тихо иду до перваго поворота, съ тяжело перекинувшимся кирпичнымъ сводомъ, интереснымъ, старымъ сводомъ, съ обвалившимися кирпичами, заросшими какими-то кустами бойницами, высокимъ одиноко растущимъ деревцомъ, мирно пасущейся черно-пѣгой съ бѣлыми подпалинами коровой и сиротливо торчащей крупной полосой желѣза, на которой звонко прыгаль и шатался заржавленный обрывокъ откуда-то занесенной крыши...

Гдѣ-то рѣзко сорвалась испуганная стая воробьевъ, запищала, зашумѣла и быстро разсыпалась по сосѣднимъ кустамъ.

Я достаю карандашъ, набрасываю эти строки въ полевую книжку и иду дальше, полный какихъ-то новыхъ, сильныхъ, еще неуловимыхъ чувствъ и пріятнаго душевнаго спокойствія.

Но вотъ ровъ прерывается валами какого-то громаднаго соору-

женія, откуда несется глухой неясный шумъ ѣзды и людскихъ голосовъ. Что это?..

Догадываюсь, что гдѣ-то вблизи крѣпостныя ворота и мостъ; дѣйствительно, дозорный путь, вдругъ прекращаясь, ведетъ по узкой каменной лѣстницѣ въ толщу главнаго вала, гдѣ, развѣтвляясь, поворачиваетъ направо подъ ворота и поднимается вверхъ. Я иду туда, откуда неясно слышу солдатскій говоръ, спотыкаясь въ темнотѣ о ступеньки, какія-то стѣнки и загородки, повороты; наконецъ передо мною дверь.

За ней я различаю горячій солдатскій споръ, гогочущій неудержимый хохотъ и громкій звонъ опрокинутаго мѣднаго чайника. Дверь прикрыта такъ неплотно, что сквозь верхній ея край, я различаю не только бѣлые своды знакомаго караульнаго помѣщенія съ характерными желтыми пятнами отъ сырости, но и черные прожженные кресты—эти непременные спутники прошлогодней страстной недѣли. Я открываю дверь и вхожу въ караульное помѣщеніе.

Среди ужаснаго шума падающихъ табуретовъ, дружнаго топота ногъ и звяканья ружейныхъ прикладовъ объ асфальтовый полъ, поднявшагося вдругъ при моемъ появленіи, раздались короткія и громкія команды караульнаго начальника и, когда, среди сразу наступившей тишины, онъ молодцовато съ высоко поднятой головой подошелъ ко мнѣ съ рапортомъ, я приложилъ руку къ фуражкѣ и внимательно слушаю его:

— Ваше - скородіе!.. Въ караулѣ Его Императорскаго Величества, при Михайловскихъ воротахъ и на постахъ состоятъ: унтеръ-офицеровъ 1, ефрейторовъ и рядовыхъ 17. До настоящаго времени, въ караулѣ и на постахъ происшествій никакихъ не случилось!

Отрапортовавши, онъ круто поворачивается и становится на свое мѣсто.

Я обхожу караулъ, всматриваясь въ лицо и стойку каждаго солдата, и затѣмъ, поблагодаривши ихъ за порядокъ, начинаю провѣрять обязанности людей на выборъ, задавая время отъ времени вопросы разводящимъ:

— Петренко, спрашиваю я, читая въ поданной мнѣ постовой вѣдомости фамплію часового поста № 3, когда ты употребишь въ дѣло оружіе?

Высокій черный, степеннаго вида, солдатъ коротко поворачи-

вааетъ ко мнѣ голову изъ строя и отчетливо, не спѣша, отвѣчаетъ:

— Такъ, что ваше—скородіе, я буду стрѣлять или колоть въ зависимости отъ случая, ваше—скородіе, для защиты своего поста номеръ... третій, противъ арестанта, совершающаго побѣгъ и для защиты самого себя, залпомъ, немного запнувшись при вспоминаніи № поста, выпалилъ Петренко.

— Хорошо!

Громкое— радъ стараться ваше—скородіе—раздается мнѣ въ отвѣтъ.

— Ну, а скажи вотъ мнѣ... Соловьевъ, спрашиваю я дальше часового съ поста № 2 у порохового погреба; что ты будешь дѣлать, когда увидишь, что возлѣ твоего поста мальчишки хотятъ развести костеръ?

— Такъ что испужаю ихъ, ваше—скородіе, закричамши — здѣся не полагаться! уходи прочь отселева!.. во!!.. мотри у меня! И онъ забавно помоталъ въ воздухъ своимъ огромнымъ и мозолистымъ кулачищемъ, вѣрно вспомнивъ, какъ училъ его на словесныхъ занятіяхъ по гарнизонному уставу внимательно теперь смотрящій на него высокій и худой ефрейторъ Степанъ Иваненко.

— Вѣрно, Соловьевъ, говорю я и продолжаю дальше свои стереотипные, уставные вопросы.

Удостоверясь, что люди свои обязанности знаютъ хорошо и въ караулѣ все дѣйствительно въ порядкѣ, я беру въ руки замусоленную, изгрызанную, деревянную ручку, вѣроятно, совершившую свой далекій путь изъ лагеря въ караулъ въ громадномъ сапожицѣ отдѣленнаго, и расписываюсь въ постовой вѣдомости:

«Въ три часа 42 мин. дня повѣрялъ караулы, все нашелъ въ порядкѣ. Люди свои обязанности знаютъ твердо.

Рундъ поручикъ Александровъ».

Затѣмъ я приказываю распустить караулъ и иду къ низкой обитой желѣзными болтами двери, сопровождаемый начальникомъ караула.

Во дворѣ, противъ склада артилерійскихъ припасовъ, тоже все тихо, мирно и спокойно; тишиной и миромъ вѣетъ и отъ сложенныхъ въ громадныя кучи черныхъ заржавленныхъ ядеръ и отъ

сгнившихъ отъ частой непогоды забракованныхъ, но когда-то крѣпкихъ пушечныхъ станинъ и огромныхъ лафетовъ, и отъ сиротливо лежащихъ въ рядъ, словно мертвецы въ своихъ сѣрыхъ уродливыхъ саванахъ, одинокихъ орудійныхъ «тѣль», и отъ перекосившейся будки часового.

Я быстро прохожу дворъ и направляюсь черезъ мостъ дальше къ близъ расположенному форту N, для провѣрки слѣдующаго очередного караула, полный интересныхъ крѣпостныхъ впечатлѣній.

II. ПОЛКЪ.

Лагерь проснулся подъ сильнымъ проливнымъ дождемъ...

Съ ранняго утра шелъ онъ не переставая, мелкой глухой дробью барабанилъ по крышамъ ротныхъ канцелярій, безжалостно хлесталъ по промокшимъ и тяжело отвисшимъ полотнищамъ солдатскихъ палатокъ, превращалъ широкую переднюю линейку въ бурно клокочущій грязный ручей, куда, словно по притокамъ, быстро несли свои темныя мутныя воды всѣ многочисленныя дорожки и тропинки громаднаго лагеря, и крупными, живыми и блестящими, какъ ртуть, каплями, злобно и дерзко стучалъ въ единственное окошко моего стараго и протекающаго по всѣмъ своимъ перегнившимъ швамъ барака. Я проснулся отъ этого шума.

Туманныя и неясныя майскія сумерки этого ранняго дождливаго утра наполняли мою комнату, посрединѣ которой стояла все безпрестанно увеличивающаяся причудливая лужа воды.

Изъ передняго караула доносился глухой и отсырѣвшій звукъ горна. То дежурный горпистъ усердно выводилъ знакомые сигналы утренняго подъема, разнося свои низкія и унылыя ноты въ пресыщенной влагой атмосферѣ.

Громадный лагерь начиналъ показывать первые признаки пробужденія.

Быстро пробѣгали солдаты, въ шинеляхъ, кое-какъ наброшенныхъ на голову, чтобы защититься отъ проливного дождя.

Рѣзво, какъ-то вподпрыжку, смѣшно и громко шлепая по грязнымъ лужамъ, словно бомба, пронесся какой-то дневальный въ полковую канцелярію.

Изъ баталіонной кухни тащили прикрытый мѣдный бакъ съ утренними мясными порціями...

Мокрые, съ кипящими чайниками въ рукахъ, откуда-то, вѣроятно тоже изъ кухни, возвращались въ свои палатки вереницы озябшихъ людей съ шумомъ, шлепаньемъ по водѣ, хохотомъ, веселой солдатской руганью и ѣдкими характерными островами...

.

Занятія отмѣнили...

Объ этомъ мнѣ доложилъ выросшій вдругъ въ дверяхъ длинный и мокрый отъ дождя линейный моей роты Савелій Курышевъ.

Желая использовать неожиданно выпавшее свободное время, я сѣлъ къ рабочему столу, чтобы почитать только что вышедшую новую книгу германской службы генерала фонъ-Бернгарди: «Германія и ближайшая война», книгу вызвавшую столько шума и оставившую столько сильнаго, яркаго впечатлѣнія не только во Франціи и Англіи, но и у насъ.

Но не успѣлъ еще я достаточно углубиться въ заинтересовавшую меня книгу, какъ вдругъ дверь моего барака быстро отворилась и въ ней, вмѣстѣ съ шумомъ падающаго дождя и влажной сыростью ворвавагоса воздуха, показалась знакомая фигура моего большого друга, поручика Полтавцева, что-то оживленно говорящаго.

Я всталъ ему навстрѣчу и, поздоровавшись, спросилъ:

— Что ты въ такую рань?

— Да вотъ, скучно дома одному сидѣть подъ этотъ монотонный и непрекращающійся шумъ дождя, точно бросаемаго сверху какой-то злобной и разъяренной рукой... захотѣлось живого человека, явилось желаніе поговорить, поболтать съ тобою и хоть немного отвести душу отъ того состоянія гнетущей и болѣзненной тоски, подъ впечатлѣніемъ которой я нахожусь съ того самаго дня, какъ окончательно выяснилось, что, послѣ смерти отца, мое присут-

ствіе въ деревнѣ и сильная помощь младшимъ братьямъ болѣе чѣмъ необходимы. Грустно мнѣ одному, тоскливо, скучно, а этотъ проклятый надобдливый дождь, холодный, липкій и несносный, еще болѣе усугубляетъ мое настроеніе, сгущаетъ п безъ того уже безотрадныя мысли....

Я отложилъ книгу въ сторону и сказалъ, пожимая руку Полтавцева:

— Ну и молодчина, что зашелъ ко мнѣ. Спасибо за всегдашнее довѣріе и дружбу. Садись, не хочешь ли чаю?

Я позвонилъ.

Когда былъ поданъ чай, Полтавцевъ, нервно мѣшая ложечкой въ стаканъ и сосредоточено о чемъ-то подумавъ, сказалъ, поднявши голову:

— Знаешь что, Александровъ?

— Что? отвѣтилъ я, подвигая къ нему корзинку съ сухарями.

— Меня очень мучить мысль о томъ, что мнѣ приходится бросать полкъ, съ которымъ я такъ сжился, сроднился, къ которому привыкъ...

— Да, ты всегда былъ большой полковой патриотъ, Полтавцевъ, и я вполнѣ понимаю тебя, твои чувства, твои мысли, твое настроеніе, перебивая его, вставилъ я.

— Не придется мнѣ больше, продолжалъ Полтавцевъ, участвовать на именинахъ полка — нашемъ полковомъ праздникѣ вмѣстѣ со слетѣвшимися со всѣхъ сторонъ старыми офицерами; не буду больше видѣть я нашихъ парадовъ, слушать марши полковъ дивизіи, такіе знакомые, близкіе и бодрящіе; проводовъ товарищей съ застольными дружескими пѣснями—обычаемъ давно прошедшихъ славныхъ временъ; не увижу я и другихъ проводовъ, проводовъ запасныхъ солдатъ: трогательныя съ ними прощанія, парадный послѣдній обѣдъ, прощанье со знаменами, которымъ они несли не только всѣ свои мечты, привязанности, привычки, домашнія воспоминанія, но и думы о далекой, далекой сторонущкѣ и самое лучшее и дорогое, что было только у нихъ, оторванныхъ отъ родимой семьи—жизнь свою.... Ахъ, эти знамена, тихо говорилъ Полтавцевъ, тряся печальною опущенною головою, знамена полка родного.... Эти нѣмые, но краснорѣчивые свидѣтели болѣе чѣмъ двухсотлѣтней службы полка, эти двадцать два старыхъ, сѣдыхъ, прострѣленныхъ, истрепанныхъ временемъ и жестокими кровопролитными боями ветхихъ знамени, съ такими скромными георгиев-

скими крестами. Какой-то нервный, экзальтированный трепет овлаждает мною, когда выносят ихъ передъ строй! А наши полковья пѣсни?... Послѣ зори, съ музыкой, въ теплый лѣтній вечеръ?!

— Ты знаешь, Александровъ, я дотога много думаю о всемъ этомъ, что, стоитъ только мнѣ закрыть глаза, и картина за картиной такъ и проносятся мимо меня: особенно наша лѣтняя пятница, такъ и стоитъ передъ мною, какъ живая.... Вотъ звуки нашего полкового марша, милые, родные, зовущіе....

— Ты представляешь себѣ ихъ, Александровъ, да? Вспомнаешь ли, какъ послѣ переклички въ ротахъ, въ ожиданіи сигнала отъ дежурнаго полка, играютъ «Коль славень»? Длинные, словно замершія, линіи ротъ стоятъ на своихъ линейкахъ съ фельдфебелемъ со спискомъ впереди и должностными лицами на своихъ уставныхъ мѣстахъ. На передней линейкѣ, впереди знамени, дежурный офицеръ. Впереди, густой строй музыкантовъ, а дальше— барабанщики всего полка, горнофлейтисты и съ застывшей въ воздухѣ поднятой рукой, лихой полковой барабанщикъ—бородачъ. Иванъ Халкопфъ.... Старые, тѣнистые каштаны едва шевелятъ своими листьями.... Мы всѣ офицеры учебной командой, во главѣ съ поручикомъ Арасенко, смирно стоимъ на правомъ флангѣ, въ рядъ, по старшинству и тоже не шелохнемся. А у меня, молодого, нервнаго, беспокойнаго, «быстраго», какъ прозвали меня товарищи, думы, думы и думы.... И всѣ онѣ, до одной, полны полкомъ и только полкомъ, нашимъ старымъ роднымъ полкомъ, и робкими еще кадетскими и юнкерскими воспоминаніями о желаніи служить въ немъ, въ томъ самомъ полку, гдѣ служилъ мой отецъ, дѣдъ и въ 1812 году былъ убитъ мой прадѣдъ. Я стою и думаю о томъ, какъ было раньше, какъ раньше проходила такая же полковая пятница въ давно прошедшія полковья времена, когда играли этотъ же самый историческій полковой маршъ и такъ же смирно, навтыяжку, стояли роты передъ своими старыми почернѣлыми образами съ такъ же ласково горящимъ неугасимыми лампадами, въ близкомъ ожиданіи сигнала къ общей вечерней молитвѣ....

Затихло все. Спускается тихій вечеръ. Солнце зашло за густыя зеленыя вершины офицерскаго сада, бросая косыя сине-дымчатая полосы на убранные стога недавно скошеннаго сѣна, на обнаженное большое поле, на пыльную дорогу и блестящіе инструменты музыкантовъ. И это солнце, и стога, и музыканты, и выровненные ли-

ни ротъ, и прохладныя струи полевого вѣтерка, несущія такой сплъ-
ный ароматный запахъ свѣже-скошеннаго сѣна, все это какимъ-то
мирнымъ и тихимъ, успокаивающимъ порывомъ несетя мнѣ въ
душу, оставляя сладкій осадокъ душевнаго спокойствія, полкового
счастья, неизъяснимаго радостнаго подъема....

.... Рѣзкій и высокій звукъ горна прорѣзаетъ воздухъ. Раз-
даются команды по всѣмъ ротамъ: «На молитву, шапки! долой!»
Разъ, два, три! — срываются въ тактъ приема безкозырки и
снова все тихо... Молитва, хоровое пѣніе, чистые, молодые и
искренніе голоса, звуки, бѣгущіе изъ народной души и полног-
орускаго сердца. Широкіе истовые кресты... Отбой!

А въ собраніи уже музыка! Оно сіяетъ огнями; тамъ гости,
тамъ веселье, танцы, шумъ голосовъ и посуды, движеніе, жизнь...
Кругомъ темно. Далеко въ полѣ, на фортѣ литера N уже зажигается
первый вечерній караульный огонекъ и мерцаетъ онъ, одинокій
и желтый, среди огромнаго, все темнѣющаго пространства воен-
наго поля...

Надъ нами опрокинулась необозримая по своимъ размѣрамъ,
блестящая, радужная, хрустальная чаша, полная яркихъ прыгаю-
щихъ и переливающихся разноцвѣтныхъ каменевъ, рубиновъ,
брилліантовъ, сапфировъ, аквамариновъ, самыхъ чудныхъ сказоч-
ныхъ окрасокъ, тѣней и оттѣнковъ, дивныхъ звѣздныхъ блесковъ,
словно тысячи пламенно горящихъ граненыхъ лампадокъ передъ
престоломъ Всевышняго...

— А помнишь, дорогой Александровъ, какъ часто гуляли мы
съ тобою по большой дорогѣ передъ лагерями, любуясь этими ти-
хими лагерными вечерами и дѣлясь впечатлѣніями пережитой
трудоу недѣли?

Полтавцевъ передохнулъ, выпилъ глотокъ чая и продолжалъ:

— Понимаешь-ли ты теперь меня, Александровъ, понимаешь ли
ты, какъ тяжело разставаться мнѣ со всѣмъ этимъ, съ полкомъ,
знаменами, товарищами, лагерями, нашей кипучей жизнью, ка-
раулами и маневрами, которые я особенно люблю?

Вотъ что не даетъ мнѣ положительно никакого покоя и такъ
нужнаго равновѣсія души, вотъ надъ чѣмъ я задумываюсь и вотъ
отчего мнѣ даже и теперь такъ грустно и тоскливо. Я стараюсь по-
давить въ себѣ эти волненія, эту полковую грусть, но, увы, мнѣ это
плохо удается одному, впечатлительному, увлекающемуся, мелан-
холическому.

Полтавцевъ кончилъ говорить, залпомъ выпилъ заходѣвшій стаканъ чая и замолкъ, опустивши голову на руки. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, тѣмъ болѣе тягостное, что и я собирался съ мыслями.

Дождь пересталъ, хотя съ листьевъ деревьевъ и продолжали падать послѣднія крупныя дождевыя капли.

— Послушай, Полтавцевъ, сказалъ я, наконецъ, нарушая молчаніе своего притихшаго друга. Я зналъ всегда, что ты большой полковой патріотъ, но никогда не могъ думать, чтобы ты смогъ съ такимъ большимъ духовнымъ подъемомъ полкового чувства набросать всѣмъ намъ дорогую картину жизни нашего родного полка; вотъ почему и въ силу чего я право задумываюсь, что отвѣтить и сказать тебѣ... Но мнѣ кажется, что лучшее, что смогъ бы я посоветовать и предложить—это взять себя въ руки и уѣхать поскорѣе домой; тамъ, въ деревнѣ, рядомъ съ природой и семьей, ты можешь быть и успокоишься, уйдешь въ дѣло, работу, а потомъ увидишь, что скажетъ тебѣ твоя собственная судьба, отдѣляющая тебя теперь отъ насъ, та судьба, которая словно былинками играетъ нами военными. Можетъ быть ты женишься, а можетъ быть судьба рѣшитъ иначе и ты вернешься въ полкъ и будешь снова работать вмѣстѣ съ нами.

— Да, ноднялъ голову Полтавцевъ, я такъ и сдѣлаю; ноѣду поскорѣе въ деревню, а потомъ, и онъ махнулъ безнадежно рукою, что судьба скажетъ!

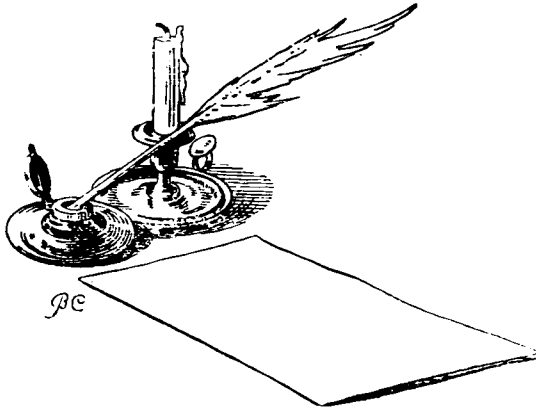
Онъ всталъ, одѣлъ свою непромокаемую накидку и вышелъ вмѣстѣ со мною на балконъ.

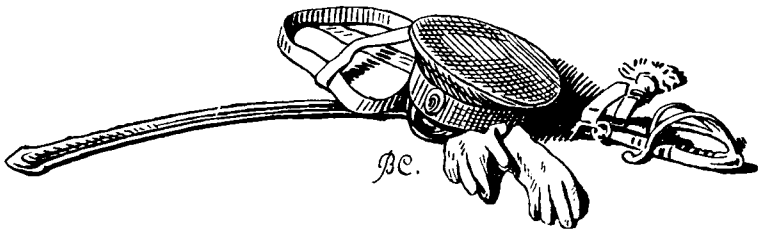
Дождь совсѣмъ пересталъ; изъ-за хмурой расщелины грязныхъ сѣрыхъ тучъ, на громадный бѣлый лагерь, брызнуло вдругъ нѣжнымъ пурпуромъ мягкихъ золотистыхъ лучей высокое и яркое солнце, и веселыми прыгающими бликами заиграло оно по широкимъ дождевымъ лужамъ, многочисленнымъ дорожкамъ лагеря, ажурной листвѣ стройныхъ березокъ и чистымъ хорошо промытымъ крышамъ ротныхъ канцелярій.

Я стоялъ и думалъ о томъ, что говорилъ мнѣ Полтавцевъ, и о томъ, что въ нашемъ полку есть дѣйствительно что-то притягательное, близкое и родное, что-то особенно дорогое и милое, что такъ неудержимо влечетъ и привязываетъ къ себѣ навсегда, на всю жизнь военную, трудную и тяжелую. Что офицеры, эти незамѣнимые носители духа своего полка, раздувши старый горнъ полко-

выхъ традицій, дѣятельно куютъ теперь свои мечи боевые и крѣпкими любящими свое дѣло руками неустанно закаляютъ ихъ, освѣняемые свѣтлыми и радужными тонами дорогихъ мечтаній желаннаго реванша.

А. Лангъ.

Спортъ за границей.

Только что окончившійся во Франці конгрессъ по вопросамъ физическаго воспитанія и развитія, хотя и не внесъ много новаго, но лишній разъ привлекъ вниманіе общества къ важному дѣлу правильнаго развитія молодого организма; въ этомъ и заключается огромная заслуга популяризаціи здоровыхъ идей путемъ публичнаго демонстрированія достигаемыхъ результатовъ. Понятно, французская печать, а за нею и спортивные журналы всего міра зазвучали болѣе высокимъ тономъ въ разборѣ впечатлѣній, въ мысляхъ, навѣянныхъ этимъ красивымъ спортивнымъ праздникомъ.

«Vie au Grand Air» выпустила спеціальнй номеръ, посвященный физическому воспитанію, съ множествомъ интересныхъ рисунковъ и статей, откуда, главнымъ образомъ, и заимствуемъ матеріалъ для настоящей замѣтки.

Большой успѣхъ на конгрессѣ имѣли ученики французскихъ морскихъ школъ, занимавшихся по системѣ лейтенанта Хебера (Hébert).

Авторъ этого метода физическаго обученія называетъ его «натуральнымъ», такъ какъ въ основу его положено развитіе организма въ условіяхъ, возможно болѣе близкихъ къ природѣ; «всякое свободное живое существо, говоритъ онъ, можетъ достигнуть полнаго физическаго развитія одними упражненіями и движеніями, которыя назначены ему самой природой или которыя необходимы ему для самозащиты».

Для человѣка необходимы слѣдующіе виды упражненій: ходьба, бѣгъ, прыганье, лазанье, подниманіе, бросаніе, самозащита и плаванье. При этомъ, чтобы достигъ высшей степени здоровья и силы, надо возможно больше быть на воздухѣ и давать дышать своей кожѣ.

Вотъ почему, кромѣ работы надъ перечисленными упражненіями, необходимо принимать воздушныя ванны и заботиться о своей кожѣ (растиранія, обливанія) во время или послѣ занятій. Размѣръ и трудность *ежедневныхъ* упражненій зависятъ отъ возраста, сложенія и втянутости въ работу каждаго.

Очевидно, далеко не всѣ упражненія имѣютъ одинаковую важность; первымъ и наиболѣе важнымъ изъ учебныхъ упражненій является *ходьба*.

Но, если для физическаго развитія человѣка неизмѣнно необходимы упражненія, вытекающія, такъ сказать, изъ самаго существа его природы, нельзя этого сказать про способы, приемы работы; послѣдніе, какъ это уже отмѣчено выше, должны измѣняться (въ отношеніи размѣра, послѣдовательности и трудности упражненій) въ зависимости отъ индивидуальности каждаго. При этомъ, для ребенка этотъ методъ, чтобы не мѣшать его росту, долженъ сохранять учебный характеръ; для женщинъ—служить развитію не столько мускульной силы, сколько гибкости и граціи; для молодого мужчины, особенно военнаго, способствовать его атлетическому развитію; для пожилого человѣка—имѣть характеръ гигиеническій.

Итакъ, упражненія для всѣхъ одинаковы (ходьба, бѣгъ, прыганье, лазанье, подниманіе, бросаніе, самозащита и плаванье), но размѣръ и трудность различны.

И ученики по системѣ Хебера явились нагляднымъ доказательствомъ правильности его основныхъ положеній: ловкіе, сильные, пышущіе здоровьемъ.

Вопросомъ огромной важности при всемъ этомъ является *умѣнье дышать*.

Рис. № 1.

ФРАНЦІЯ, Жуанвильская школа. Хронофотографическій снимокъ прыжка
черезъ деревянную лошадь.

Рис. № 2.

Хронофотографическій снимокъ прыжковъ въ длину.

Рис. № 3.

ФРАНЦІЯ, Жуан-
вильская школа.

Упражнения обу-
чающихся въ эска-
ладѣ стѣны съ по-
мощью веревки.

Рис. № 4.

Упражнения въ эскаладѣ стѣны безъ какихъ либо
приспособленій.

Рис. № 5.

АНГЛІЯ. Стартъ студентовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ въ бѣгѣ на полмили.

Рис. № 6.

АНГЛІЯ. Картинки изъ состязанія въ игрѣ въ футболъ (ругби) офицеровъ.

Рис. № 7.

ИТАЛІЯ. Одно изъ упражненій офицеро́въ кавалерійской школы.

Рис. № 8.

АНГЛІЯ. Установка пулемета на военномъ бипланѣ Вилкерса.

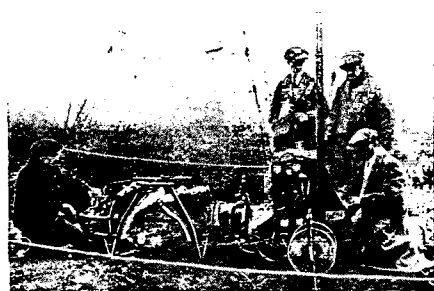

Рис. № 9.

АНГЛІЯ. Полевая искровая станція.

И именно въ эту сторону и должно быть направлено вниманіе въ начальныхъ школахъ, особенно въ большихъ городахъ съ ихъ менѣе здоровыми условіями жизни.

Воспитатели должны, говорить докторъ Фуино, пользоваться приходомъ въ классъ, уходомъ оттуда, чтобы заставить учениковъ сдѣлать упражненія въ дыханіи, такъ же какъ и во время урока, при непремѣнномъ провѣтриваніи въ это же время помѣщенія: вдыхать надо носомъ, выдыхать полной грудью.

Для тѣхъ же начальныхъ школъ особенно полезной считается упомянутымъ докторомъ шведская система гимнастики, какъ научно обоснованная и не требующая большихъ приспособленій, которыя трудно имѣть въ этихъ школахъ.

Но въ чистомъ видѣ шведскую систему французы принять не хотятъ; они ее нѣсколько видоизмѣнили, приспособили, такъ сказать, къ своему характеру.

Въ этомъ отношеніи для французской арміи особенную заслугу оказала Жуанвильская школа: она двигаетъ впередъ дѣло физическаго воспитанія солдата выработкой и усовершенствованіемъ наставленій для гимнастики и подготовкой кадра руководителей послѣдней въ войскахъ.

На конгрессѣ работа названной школы привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе.

Метода, принятая школой, требуетъ совмѣстной дѣятельности офицера и врача; она обнимаетъ собой: *учебную гимнастику* (gymnastique éducative), *прикладную гимнастику* (gymnastique d'application) и *спеціальную гимнастику* (gymnastique de sélection).

Первая проходится всѣми безъ различій, въ самой легкой одеждѣ; она развиваетъ всѣ части тѣла, исправляетъ его недостатки, укрѣпляетъ нервную систему.

Вторая состоитъ изъ военныхъ и спортивныхъ упражненій. имѣющихъ цѣлью научить солдата преодолевать препятствія, встречаемые имъ на войнѣ. Въ основу кладется разумная экономія силъ и постепенно втягиваютъ въ работу солдата въ полномъ походномъ снаряженіи.

Третья назначается для отборныхъ гимнастовъ и обнимаетъ собою спеціальныя упражненія на снарядахъ и нѣкоторые виды спорта. Ея цѣль развитіе смѣлость, ловкость, хладнокровіе солдата.

Каждый годъ Жуанвильская школа принимаетъ въ свои стѣны

240 офицеровъ, 240 унтеръ-офицеровъ и 1.600 инструкторовъ и учениковъ высшей нормальной школы; кромѣ того, 70 человекъ поступаютъ въ отдѣлъ фехтованія. Продолжительность обученія: офицеровъ и унтеръ-офицеровъ—3 мѣсяца, инструкторовъ—10 недѣль; курсъ фехтованія трехлѣтній.

На прилагаемыхъ рисункахъ №№ 1 и 2 показаны хронофотографическіе снимки, сдѣланные въ Жуанвилльской школѣ: первый изображаетъ прыжокъ черезъ лошадь, второй рядъ послѣдовательныхъ прыжковъ въ длину; рисунки №№ 3 и 4 изображаютъ упражненія въ эскаладѣ стѣнъ съ веревкой и безъ веревки, въ полномъ походномъ снаряженіи.

Одинъ изъ самыхъ простыхъ, но полезныхъ видовъ спорта, который особенно важенъ для насъ, военныхъ, а значитъ и для всей молодежи, это—бѣгъ.

Бѣгъ на мѣстности (кроссъ-коунтри) завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ ряду спортивныхъ состязаній всѣхъ странъ, привлекая къ себѣ множество участниковъ, число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ.

Въ этомъ году во Франціи, въ Жювизи, состоялось интернаціональное состязаніе въ бѣгѣ на мѣстности, въ которомъ приняли участіе представители 5 странъ; дистанція 16 километровъ.

Первымъ прибылъ французъ Жанъ Буень (Bouin), третій годъ подъ рядъ не уступающій никому первенства въ этомъ состязаніи; онъ прошелъ дистанцію въ 51 мин. 52½ сек.

Но все же и здѣсь Англія, эта страна спорта, оказалась первой изъ всѣхъ націй по мѣсту, которое заняла представлявшая ее команда.

Какъ извѣстно, каждая команда получаетъ то число очковъ, которое составляютъ номера прибытія всѣхъ ея членовъ. Идеаломъ для команды въ 6 человекъ будетъ (1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6) 21 очко, если всѣ ея члены придутъ первыми шестью въ общемъ состязаніи.

Англія имѣла: въ 1907 г.—23 очка, въ 1906 и 1908 гг.—24 очка, въ 1903 г.—25 очковъ, въ 1904 г.—27 очковъ и въ 1905 г.—28 очковъ.

Франція имѣла: въ 1908 г.—81 очко, въ 1909 г.—111 очковъ,

въ 1912 г.—123 очка, въ 1907 г.—129 очковъ, въ 1911 г.—131 очко.

Въ настоящемъ году Англія спустилась до 38 очковъ, тогда какъ Франція поднялась до 61 очка; все же разница еще велика и французамъ надо много поработать, чтобы догнать споконъ вѣковъ тренирующихся сыновъ Альбіона.

На рис. № 5 изображенъ стартъ студентовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ въ ежегодномъ соревнованіи въ бѣгѣ на $\frac{1}{2}$ англійской мили.

Здоровая спортивная игра, требующая ловкости и силы—футболъ (ругби).

Въ Англіи каждый годъ устраиваются королевскимъ клубомъ состязанія офицеровъ арміи и флота въ этой игрѣ.

На рис. № 6 изображены отдѣльные эпизоды послѣдняго матча этого года, гдѣ побѣдителями оказались представители флота, сдѣлавъ 18 противъ 8 арміи.

На рисункѣ мы видимъ короля Георга, привѣтствующаго побѣдителя лейтенанта Wodenouse, и полныя движенія фигуры отдѣльныхъ участниковъ, зарисованныя на мѣстѣ карандашомъ художника (взято ихъ The Illustrated Sporting and Dramatic News).

Наступившая весна всѣхъ влечетъ на воздухъ, въ поле... Поднимаетъ голову и конный спортъ, которому зима, даже въ болѣе избалованныхъ климатомъ странахъ, чѣмъ Россія, все же ставитъ препоны и въ значительной степени заключаетъ его въ стѣны манежей.

Итальянская кавалерійская школа пользуется недаромъ своей заслуженной репутаціей проводника въ арміи любви и знанія верховой ѣзды: для этого она много и любовно работаетъ.

На рис. № 7 изображено одно изъ интересныхъ упражненій офицеровъ школы въ присутствіи короля: барьеръ и почти отвѣсная круча лихо берутся ѣздоками...

Вдогонку за отважными спортсменами-офицерами стремится и техника, старающаяся дать имъ въ руки могучія средства для борьбы съ врагомъ.

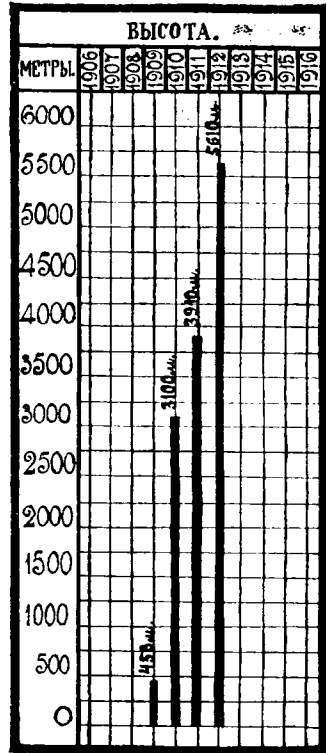
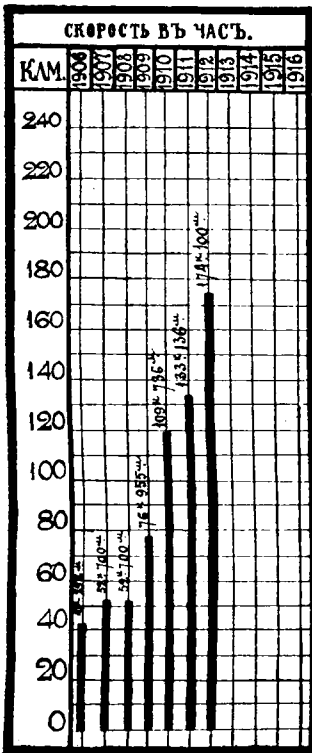
Воздушные аппараты (дирижабли, аэропланы) снабжаются бомбами, пулеметами...

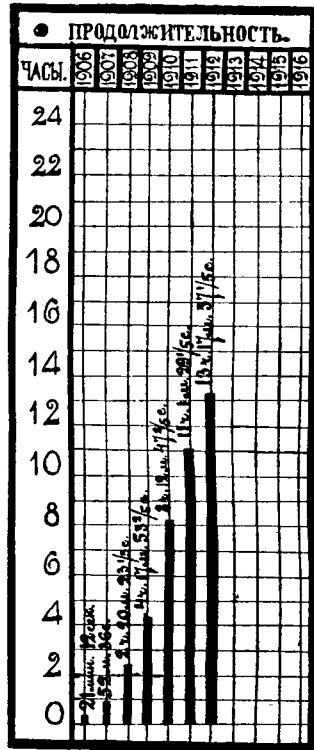
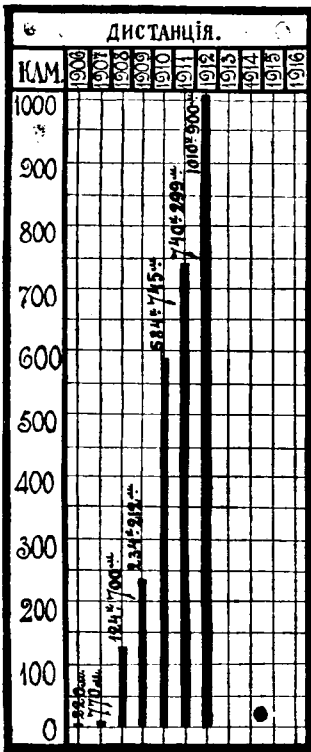
На рис. № 8 изображенъ пулеметь, установленный на военномъ бипланѣ Вилкерса.

А на рис. № 9 мы видимъ полевою искровую станцію (съ мачтой въ 30 футъ высоты), которая перевозится на сѣдлахъ четырехъ лошадей и для своего изготовленія къ дѣйствию требуетъ всего 6 минутъ...

Какихъ быстрыхъ успѣховъ достигло за сравнительно короткій промежутокъ времени воздухоплаваніе, видно изъ прилагаемыхъ четырехъ таблицъ, которыя заимствуемъ изъ журнала «Aérophile».

Въ этихъ таблицахъ графически показаны поставленные въ

каждомъ изъ 7 лѣтъ существованія аэроплановъ рекорды: скорости, высоты, дальности полета и его продолжительности, достигнутые неутомимыми французами, идущими впереди всѣхъ націй въ дѣлѣ завоеванія воздуха.

Аэро-клубъ Франціи можетъ справедливо гордиться опубликованными имъ таблицами своихъ успѣховъ.

Соотвѣтственнымъ образомъ растетъ и воздухоплавательная промышленность.

Вотъ интересныя цифры, которыя мы находимъ въ годовомъ отчетѣ названнаго аэро-клуба.

Въ 1911 году было построено 1.350 аэроплановъ съ двигателями общей мощностью въ 80.000 лошадиныхъ силъ.

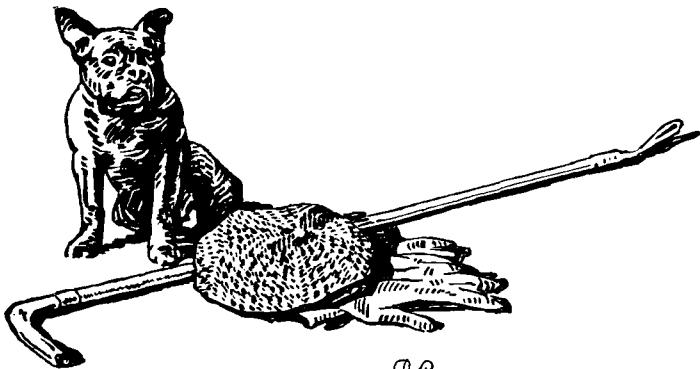
Въ 1912 году—1.425 съ 86.000 HP.

На 1913 годъ намѣчается 2.000 аэроплановъ съ мощностью двигателей въ 125.000 HP.

Въ 1912 году аэропланами было покрыто разстояніе въ 3.000.000 километровъ въ 33.900 часовъ съ 12.900 пассажирами (считая и пилотовъ)...

И это въ одной Франці!...

Бронскій.

Вс.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Въ «Revue Politique et Parlementaire» полковникъ Кордонье останавливается на томъ, чего не хватаетъ французской арміи. Онъ требуетъ усиленія французской арміи, такъ какъ въ первыя недѣли кампаніи нельзя рассчитывать на энергичное наступленіе русской арміи. Франція сможетъ отдохнуть отъ чрезвычайныхъ вооруженій лишь тогда, когда Россія удвоитъ число желѣзнодорожныхъ колеѣ, ведущихъ къ германской границѣ, когда энергичная работа по переустройству русской арміи приведетъ къ занятію ею наступательнаго, а не оборонительнаго положенія, и соответствующимъ образомъ будетъ переработана вся подготовка ея сосредоточенія. Въ ожиданіи этого свѣтлаго будущаго, Франція должна принять рѣзкія мѣры для охраны своей безопасности; временный характеръ требуемыхъ жертвъ заставляетъ легче идти на нихъ.

Интересны соображенія французскаго писателя, почему Франція не можетъ рассчитывать, противъ численнаго перевѣса нѣмцевъ, на качественный перевѣсъ французской арміи. Условія обученія французской пѣхоты ужасны; ей прежде всего не хватаетъ обширныхъ участковъ мѣстности, на которыхъ она могла бы маневрировать и стрѣлять. Французскія стрѣльбища сходятъ на нѣтъ, какъ Бальзаковская «шагреновая кожа». Кое-какъ обеспеченная стрѣльбищами въ періодъ вооруженія винтовками системы Гра, французская пѣхота должна была отказаться отъ части стрѣльбищъ, съ переходомъ къ Лебелевскому ружью, какъ отъ опасныхъ. Остроконечная пуля и всякое дальнѣйшее усовершенствованіе заставляютъ ставить кресть

на другихъ стрѣльбищахъ, и теперь обучаются стрѣльбѣ исключительно въ тирѣ. А вѣдь эта стрѣльба не отвѣчаетъ боевымъ требованіямъ. Пѣхотинецъ въ мирное время учится стрѣлять только на такихъ дистанціяхъ, на которыхъ, въ бою, онъ долженъ былъ бы уже прекращать огонь и бросаться въ штыки.

Всѣ гроши, которые ассигнуются на покупку земель, военное министерство употребляетъ на расширеніе лагерей Малы и Сиссонъ. Вся потребность въ стрѣльбищахъ и лагеряхъ, если будетъ сохраненъ существующій темпъ ассигнованій, будетъ удовлетворена только черезъ нѣсколько столѣтій. Французскій парламентъ уподобляется бережливому муравью, а не расточительной стрекозѣ; между тѣмъ, если бы онъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ не отпустилъ щедрыя «стрекозиныя» ассигновки на заведеніе полевой артиллеріи, ему пришлось бы считаться, вмѣсто Агадирскаго инцидента, съ тяжелой войной съ Германіей.

Помимо краткаго періода времени, назначеннаго по распisanію для пользованія лагерями, пѣхота нуждается въ возможности упражняться круглый годъ въ полѣ. Военное министерство всегда щедро платило землевладѣльцамъ за потравы и, несмотря на это, сталкивается съ запрещеніемъ войскамъ двигаться внѣ дорогъ, если землевладѣльцы того пожелаютъ. Современный законъ какъ бы позволяетъ имъ обратиться къ войскамъ съ возгласомъ: «вы не будете учиться!»

Пѣхота теряетъ даромъ свое время. Нынѣ, при 2-лѣтнемъ срокѣ службы, это опаснѣе, чѣмъ 20 лѣтъ назадъ, когда генераль Филиберъ подчеркнул это положеніе. Не имѣя поля, на которомъ можно было бы серьезно заниматься, французская пѣхота убиваетъ время на казарменныхъ дворахъ. Являются требованія совершенно не боевого характера: то въ модѣ оказывается врачебная гимнастика, и офицеръ обращается въ наставника рациональнаго дыханія; то на первый планъ выступаетъ боксъ, упражненія съ палкой, фехтованіе на штыкахъ. Размѣренные, дружные выпады, ритмическія движенія— войска становятся кордебалетомъ, а офицеръ обращается въ режиссера, тщательно репетирующаго эти любопытныя зрѣлища.

Вмѣсто того, чтобы работать, дѣйствовать, офицеръ говоритъ или слушаетъ. Онъ разговариваетъ, склонившись надъ картой и передвигая красныя и синія шашки; это военная игра. Онъ дѣлаетъ сообщенія и слушаетъ ихъ; его критикуютъ или онъ критикуетъ.

Полевыя поѣздки обратились въ скучнѣйшія говорильни на чистомъ воздухѣ, а маневры являются прогулками по дорогамъ и тропинкамъ съ разговорами: настоящимъ войскамъ говорятъ о томъ, что дѣлаютъ фиктивные войска на мѣстности, на которую посматриваютъ, но куда нельзя ступить.

Съ тѣхъ поръ, какъ редакторомъ «Revue militaire générale» сталъ генераль де Лакруа, предназначавшійся ранѣе на наиболѣе ответственное мѣсто въ полевомъ управленіи французскихъ армій, этотъ журналъ посвятилъ себя преимущественно разработкѣ стратегическихъ вопросовъ. Всѣ 5 статей мартовскаго выпуска затрагиваютъ область стратегіи.

Подполковникъ Рагено избралъ эпиграфомъ для статьи о штудированіи военнаго дѣла во Франціи и о подготовкѣ къ высшему командованію замѣчаніе маршала Саксонскаго: «я видѣлъ, какъ прекрасные полковники обращались въ очень плохихъ генераловъ».

Рагено присоединяется къ мнѣнію полковника Кордовье, изложенному съ чрезвычайной глубиной въ брошюрѣ «методъ изученія стратегіи», о преимущественномъ значеніи военной исторіи. Упражненія на картѣ и полевая поѣздка не даютъ выводовъ реальной достовѣрности. Это интересная гимнастика ума, которая даетъ заключенія—оспариваемыя и оспаривающія. Только штудированіе исторіи можетъ создать убѣжденіе и увѣренность. Только взаимодѣйствіе военной исторіи и прикладныхъ работъ обезпечиваетъ быстрые и вѣрные успѣхи. Что бы мы сказали, если бы, не имѣя возможности практически изучить чужой языкъ, офицеръ сталъ безконечно упорно трудиться надъ составленіемъ фразъ при помощи словаря, совершенно пренебрегая чтеніемъ отрывковъ лучшихъ авторовъ на этомъ языкѣ? Послѣ самой сумасшедшей работы офицеръ могъ бы плести лишь тарабарщину, вмѣсто требуемаго нарѣчія. Слишкомъ исключительная практика въ прикладныхъ работахъ въ обстановкѣ выдуманнаго заданія можетъ съ равнымъ успѣхомъ пропагандировать какъ ересь, такъ и истину. Единственный способъ контроля заключается въ постоянномъ возвращеніи къ дѣйствительнымъ, пережитымъ примѣрамъ.

Эти соображенія во Франціи приводятся по поводу стратегіи, такъ какъ въ тактикѣ французы, со временъ Майяра, стали твердо на военно-историческую почву и теперь могутъ свободно упражняться на картѣ. Но для другихъ армій, въ которыхъ военная исторія находится въ большемъ загонѣ, угроза тарабарщины остается и для практическихъ занятій по тактикѣ.

Значительная часть высшаго команднаго персонала, проходившая исключительно свою службу въ строю, могла совершенствоваться въ военномъ искусствѣ исключительно личной и уединенной работой. Эта личная работа имѣетъ огромное значеніе, но такой путь подготовки начальниковъ можетъ привести къ глубокому расколу: основныя точки зрѣнія могутъ оказаться въ полномъ противорѣчій. Между тѣмъ, современныя массы могутъ управляться только на началахъ раздѣленія труда, а раздѣленіе труда окажется

производительнымъ лишь при условіи предварительнаго установленія единства взглядовъ.

Причина успѣха пруссаковъ и неудачи французовъ въ 1870 г. Рагено относитъ не къ матеріальному или моральному порядку, а къ интеллектуальному. Подъ Шпихерномъ, Коломбей-Нуйльи и Марсъ-ла-Туромъ матеріальный перевѣсъ находился или могъ находиться на французской сторонѣ. Если нѣмецкая пушка была безусловно лучше, то французское ружье на много превосходило прусское. Въ моральномъ отношеніи обстрѣлянные во многихъ войнахъ и экспедиціяхъ французскіе офицеры и солдаты, въ началѣ войны, скорѣе превосходили, чѣмъ уступали нѣмцамъ. Только абсолютное невѣжество высшаго команднаго состава даетъ ключъ къ разгадкѣ событій. Разброску кордономъ смѣняетъ такое тѣсное сосредоточеніе, которое лишаетъ войска всякой возможности маневрировать; отсутствіе охраненія, совершенно сбившаяся служба тыла, лишенія войскъ, непредусмотрительность и апатія—невѣжество высшаго порядка—должны были имѣть слѣдствиемъ нерѣшительность и бездѣтельность. Одна сторона обсуждала безцѣнный военно-историческій опытъ великихъ войнъ, другая—довольствовалась куцыми данными алжирскихъ и колоніальныхъ походовъ. Результаты сказались.

Подполковникъ Мордакъ даетъ въ томъ же журналѣ методъ оцѣнки стратегической обстановки. Онъ задается положеніемъ, со-здавшимся въ первой половинѣ мая 1904 г. въ Манчжуріи, и, исходя изъ общаго указанія Намѣстника о необходимости перехода къ активнымъ дѣйствіямъ, разрабатываетъ какъ бы памятную записку генераль-квартирмейстера о выгодуности различныхъ направленій наступленія. Выводъ—не слѣдовало атаковать ни Куроки, ни совершать марша къ Вафангоу, а, какъ къ тому и стремился генераль-адъютантъ Куропаткинъ, отложить рѣшительное сраженіе на нѣсколько мѣсяцевъ и дать его въ районѣ Ляояна. Сама постановка задачи выручки Портъ-Артура признается французскимъ авторомъ противорѣчащей истиннымъ принципамъ стратегіи.

Мордакъ требуетъ тѣснаго единенія изученія стратегіи съ изученіемъ военной исторіи. Прежде, чѣмъ летать на своихъ крыльяхъ, прежде, чѣмъ лично, въ положенія старшаго начальника, браться за серьезныя стратегическія рѣшенія, благоразумно упражняться въ оцѣнкѣ стратегическихъ обстановокъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто, и дать имъ скромную, но искреннюю оцѣнку.

Въ будущихъ войнахъ, утверждаетъ популярный германскій писатель, полковникъ Мозеръ, рѣшеніе будетъ вызвано крупными столкновеніями, битвами. Но этимъ кровопролитнымъ сраженіямъ будутъ предшествовать другія—битвы умовъ, интеллектуальныя столкно-

венія въ штабахъ и около генераловъ; въ нихъ старшій начальникъ скажетъ послѣднее слово и исходъ ихъ нынѣ пріобрѣтетъ еще большее вліяніе на результатъ операціи, чѣмъ раньше. Мордакъ вмѣстѣ съ цитированнымъ авторомъ полагаетъ, что сложность управленія современными арміями заставитъ полководца прислушаться къ борьбѣ мнѣній около него; борьба эта является вполне законной. Съ этой точки зрѣнія проекты операцій, которыхъ создавалась такая масса за періодъ бездѣйствія на р. Шахъ, являлись не уродливымъ, а вполне законнымъ явленіемъ. Мордакъ особенно восхищается вѣрностью стратегическаго глазомѣра генерала Эверта въ его оцѣнкѣ стратегической обстановки.

Тѣ стратегическіе этюды на почвѣ военной исторіи, для коихъ авторъ предлагаетъ 21 тему изъ послѣднихъ войнъ, являются лучшей, по его мнѣнію, гимнастикой ума—подготовкой къ штабнымъ битвамъ кануна великихъ событій.

Статья полковника Бюакъ «Киркъ-Килиссе, Люлѣ-Бургасъ и Чатаджа» даетъ еще только общій очеркъ состоянія турецкой арміи къ началу войны, но очеркъ, въ которомъ сухія цифры отсутствуютъ, а дается характеристика турецкаго режима и нѣкоторыхъ вождей молодой Турціи.

Покойный Назимъ-паша, военный министръ съ іюля 1912 г. и главнокомандующій въ первый періодъ, рисуется, какъ неудачный реформаторъ. Свое вступленіе во власть онъ ознаменовалъ роспускомъ задержанныхъ на службѣ старшихъ призывныхъ возрастовъ низама и редифа; за 15—20 дней до начала общей мобилизаціи армія была ослаблена на 100—120 тысячъ солдатъ. Непосредственныя, послѣдовавшія за этимъ роспускомъ, торопливыя мѣропріятія не смогли восполнить этой потери.

Авторъ съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ относится къ работѣ реформированнаго турецкаго интендантства, но признаетъ нѣкоторыя заслуги за нѣмецкими инструкторами. Фонъ деръ Гольцъ стремился переучить армію, начиная сверху, давъ ей подготовленныхъ къ современной войнѣ начальниковъ; подполковникъ Шлихтингъ, командиръ учебнаго стрѣлковаго полка въ Константинополь, стремился переучить армію въ ея корняхъ, начиная съ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, создавая части съ образцовымъ укладомъ внутренней жизни. Та и другая реформы встрѣчали энергичное сопротивленіе со стороны элементовъ, неспособныхъ къ модернизациі, которыхъ гнали изъ арміи.

Тревожное указаніе заключалось въ убійствѣ албанскимъ рядовымъ въ строю нѣмецкаго инструктора на дворѣ казармъ въ Константинополь. Отставные офицеры мутили народъ и армію. Глубокій

расколъ въ арміи началъ обозначать разобщенность образованной части офицеровъ отъ армейской массы. Теперь фонъ деръ Гольцъ признаетъ, что турецкая армія не выдержала экзамена потому, что нѣмецкій инструкторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего три года работы, прерванные войнами—въ Албаніи, Іеменѣ, Ливіи, Триполи. Нужно, однако, замѣтить, что французская миссія за тотъ же срокъ, если не успѣла совершенно пересоздать греческую армію, тѣмъ не менѣе добилась значительныхъ результатовъ. Если инструкторъ жалуется, что за цѣлый годъ не удалось произвести стрѣльбы боевыми патронами, значить ли это, что ему было мало времени? Сама постановка работы нѣмецкихъ инструкторовъ въ арміи исключала возможность достиженія продуктивныхъ результатовъ. Турецкая бюрократія энергично защищалась противъ новшествъ, и отвѣтственность расплывается на все турецкое правительство. Тамъ также умѣренно усилили турецкую армію, какъ въ 1868 г. во Франціи Жюль Фавръ протестовалъ противъ обращенія всей страны въ казармы, и забыли пророческую реплику военнаго министра, маршала Ніэля: «смотрите, не сдѣлайте изъ нея сплошное кладбище».

Первоначальный планъ, разработанный при участіи фонъ деръ Гольца, предусматривалъ сосредоточеніе арміи за рѣкой Эргене. Назимъ-паша счелъ его слишкомъ осторожнымъ и далъ плану чисто наступательный характеръ. Побѣда всегда сопутствуетъ арміямъ, которыя маневрируютъ; эта блестящая мысль теоретика легла въ основу маневра впереди Киркъ-Килиссе и привела армію къ катастрофѣ. Этотъ маневръ въ первые дни войны въ корнѣ противорѣчилъ организациі несплоченныхъ редифовъ, образовавшихъ значительную часть турецкихъ силъ.

Назимъ-паша былъ Багдадекимъ вали и командиромъ II корпуса; ему недостатки турецкой арміи и переживаемый ею кризисъ не могли не быть извѣстны. Если онъ рѣшился на наступательный маневръ, то лишь вслѣдствіе наличія причинъ, толкавшихъ его впередъ. Вынужденная пассивность турецкой арміи во время войны съ Италіей вызвала крайнее моральное напряженіе. Психическое настроеніе арміи требовало энергичныхъ, бѣшеныхъ ударовъ врагу. Движенія впередъ требуютъ турецкіе офицеры, турецкіе штабы; создавалась какая-то общая воля, общая страсть къ активному маневру, которая роковымъ образомъ должна была воплотиться въ высшемъ командованіи. Махмутъ-паша, съ большимъ числомъ подготовленныхъ офицеровъ, по соображеніямъ внутренней политики, долженъ былъ покинуть военное министерство. Хади-паша, начальникъ генеральнаго штаба, не былъ на высотѣ положенія, чтобы предостеречь отъ этого воздѣйствія народнаго чувства на старый осторожный планъ развертыванія вооруженныхъ силъ. Особенно тяжелую

отвѣтственность въ турецкихъ военныхъ кругахъ возлагаютъ на Пертевъ-бея, начальника оперативнаго отдѣленія (генераль-квартирмейстера), который являлся признаннымъ представителемъ нѣмецкой школы и нѣмецкихъ традицій въ турецкомъ военномъ министерствѣ. Этотъ офицеръ, наиболее дорогой ученикъ фонъ деръ Гольца, который не перестаетъ защищать его въ германской прессѣ. Этотъ Пертевъ-бей, носитель германскихъ наступательныхъ идей, и явился злымъ гениемъ Назимъ-паши. На немъ тяготѣетъ обвиненіе въ неискреннемъ оптимизмѣ въ докладахъ вполне довѣрившемуся ему Назимъ-пашѣ.

Очеркъ Patrice Mahon въ «Revue des deux mondes» о «болгарской побѣдѣ» представляетъ интересныя данныя о развитіи болгарской арміи за 35-лѣтній періодъ ея существованія. Молодая армія, на дѣвственной почвѣ, безъ традицій, организація коей покоится только на уваженіи къ дѣйствительности, на полной объективности, слагалась въ наилучшихъ условіяхъ. Молодой корпусъ офицеровъ—никто еще не дожилъ до возраста, вызывающаго увольненіе въ отставку,—представлялъ достаточный просторъ для производства, такъ какъ армія постоянно расширялась. Періоды русскаго вліянія чередовались съ періодами, когда армія предоставлялась своимъ силамъ.

Болгарская армія при мобилизаціи увеличилась въ 8 разъ и, такимъ образомъ, представляетъ въ сущности милицію. Если этотъ дебютъ милиціи былъ удаченъ, то необходимо имѣть въ виду исключительно благопріятныя условія: послушный, терпѣливый и упорный характеръ народа, отсутствіе промышленности, развитый патриотизмъ. Дисциплина въ Болгаріи такъ сурова, что кажется европейцу чрезмерно жестокой. Резервисты при призывѣ оказываются сразу обрамленными суровымъ кадромъ. Познанія ихъ поддерживались на достаточной высотѣ частыми учебными сборами.

Болгарская армія была подвержена и политическимъ вліяніямъ: подробно описываемый авторомъ приливъ и отливъ волны стамбуловщины отражался на судьбѣ офицеровъ, то возносимыхъ на центральные посты, то забрасываемыхъ въ глухіе горные гарнизоны. Но здоровый духъ болгарскаго народа позволилъ Савову, Фичеву, Радко Дмитріеву, неоднократно оказывавшимся представителями противоположныхъ теченій, дружно взяться за разрѣшеніе общей задачи.

Болгарская армія жила русскою жизнью. Наша подготовка къ борьбѣ съ Турціей непосредственно отражалась и на подготовкѣ болгаръ къ войнѣ, а когда наша мощь оказалась отвлеченной отъ черноморскаго театра событіями на Дальнемъ Востокѣ, передъ бол-

гарской арміей явилась трудная задача единоборства съ Турціей, и 1903—1907 гг. отмѣчаются особеннымъ оживленіемъ роста армін.

Въ «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» полковникъ Балкъ возвращается къ темѣ, надъ которой онъ работалъ уже пять лѣтъ тому назадъ ¹⁾—о методѣ боя русской пѣхоты въ прошломъ и настоящемъ. Русскіе источники недоступны многорѣчивому германскому тактику, но германская военная литература столь обширна, что даетъ возможность полковнику Балку широко анализировать поставленную тему. На этотъ разъ нѣмецкому автору удалось подойти гораздо ближе къ своей темѣ, чѣмъ раньше, когда исторія русской тактики была изложена удовлетворительно, но современныя ея тенденціи были сведены къ изложенію взглядовъ трехъ тощихъ брошюръ. Нужно быть, во всякомъ случаѣ, обязаннымъ автору за его стремленіе поставить разсмотрѣніе тактическихъ вопросовъ на историческую точку зрѣнія: исторія тактики отмѣчаетъ съ удивительнымъ постоянствомъ возвращеніе къ однимъ и тѣмъ же идеаламъ, вводитъ насъ въ курсъ постоянной—то открытой, то подземной—борьбы между смотровымъ и боевымъ направленіями въ тактикѣ, устанавливаетъ связь между боевымъ опытомъ и отраженіемъ его на обученіи войскъ въ мирное время, подчеркиваетъ, какъ реагируютъ войска на захватывающія ихъ врасплохъ первыя впечатлѣнія серьезнаго боя. Дополнить мысль Балка о тѣсномъ кругѣ, въ которомъ вращается тактика, я могу съ своей стороны указаніемъ на важнѣйшій выводъ итальянцевъ изъ похода въ Триполи: одиночный огонь въ бою нежелателенъ, ломаютъ сопротивленіе противника только залпы, къ которымъ и необходимо возможно чаще обращаться. Удивительно, какъ та же обстановка борьбы съ полудикимъ, фанатическимъ противникомъ, съ которымъ долго приходилось воевать и русской арміи, привела итальянцевъ къ тому же выводу, какъ и насъ — залпы, залпы и залпы. И горькія разочарованія ждутъ итальянцевъ на европейскомъ театрѣ, если въ арміи не окажется достаточно просвѣщенныхъ офицеровъ, знакомыхъ съ исторіей тактики, которые смогли бы дать отпоръ куцому африканскому боевому опыту.

Приводя мнѣніе Драгомирова о томъ, что при особенностяхъ русской арміи совершенно невозможно пересаживать на русскую почву многое изъ того, что такъ хорошо подходитъ къ нѣмецкому характеру и даетъ у нихъ пышные всходы, что намъ необходимо держаться самостоятельнаго нуты въ подготовкѣ войскъ, Балкъ признаетъ, что методъ боя въ высокой степени зависитъ отъ національныхъ особенностей народа—и въ этомъ онъ сходится съ большинствомъ

¹⁾ Мой подробный отзывъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1908 г.—декабрь, 1909 г.—январь.

выдающихся писателей Запада. Нужно только, чтобы національный метод боя находился бы въ соответствии съ дѣйствительностью непріятельскаго оружія.

Балкъ относится съ большой симпатіей къ идеямъ Драгомирова о моральномъ воспитаніи войскъ; но чѣмъ больше подкупающей истины содержалось въ немъ, тѣмъ опаснѣе являлось оно для арміи, такъ какъ въ окончательномъ выводѣ смѣшивало ударную тактику съ духомъ наступленія и рассчитывало побороть непріятельскій огонь простымъ усиленіемъ воли. За огнемъ признавалось лишь подготовительное значеніе, но тутъ же указывалось, что неожиданность атаки, внезапность являются лучшей изъ всѣхъ возможныхъ подготовокъ рѣшенія—штыкового удара.

Драгомировъ, Волоцкой, полагавшій, что пули всегда вылетаютъ при опредѣленномъ углѣ вылета и образуютъ снопъ, поражающій противника всегда на однѣхъ и тѣхъ же дистанціяхъ, Пузыревскій, изъ разсмотрѣнія атаки Горнаго Дубняка пришедшій къ выводу о недѣйствительности ружейнаго огня по окопавшемуся непріятелю— всѣ они какъ бы отвергали возможность цѣлиться въ бою. А въ такомъ случаѣ огонь являлся лишь неизбежнымъ зломъ и въ арміи развивалось извѣстное самодовольство, чрезвычайно затруднявшее общее напряженіе всѣхъ силъ для достиженія дальнѣйшихъ успѣховъ въ важнѣйшихъ отрасляхъ обученія.

Болѣе подробно къ статьѣ Балка мы вернемся по полученіи слѣдующихъ выпусковъ «Jahrbücher».

Въ «Artilleristische Monatshefte» генераль Роне напоминаетъ намъ исторію роковой ошибки кабинетныхъ артиллеристовъ, объясняетъ, какъ создалась удивительная французская граната и шрапнель эпохи 1870 года. Шрапнель имѣла дистанціонную трубку, допускавшую четыре установки—на 500, 800, 1.000 и 1.200 метровъ, и гранату съ дистанціонной трубкой на 1.500 и 2.900 метровъ. Ударныя трубки считались опасными, и этимъ объясняется ихъ отсутствіе. Еще съ разностью установокъ шрапнели на 100 сажень на малыхъ дистанціяхъ можно было мириться. Но какъ можно было давать артилеріи сварядь, который былъ дѣйствителенъ только на дистанцію $1\frac{1}{2}$ и 3 версты? Во-первыхъ, предполагалось, что глубина пораженія гранаты достигаетъ 200 сажень; правда, осколки гранаты иногда пролетали такое разстояніе, но пораженіе, конечно, могло имѣть только совершенно случайный характеръ. Такимъ образомъ, теоретически непоражаемымъ оставалось разстояніе всего въ 1 версту (между 1.900 и 2.900 метровъ). Если цѣль оказывалась на этомъ участкѣ, уставъ требовалъ примѣненія рикошетнаго выстрѣла: трубка устанавливалась на двѣ версты, а прицѣлъ ставился, напримѣръ, на пол-

версты; тогда снарядъ дѣлалъ 6 рикошетовъ, причемъ, разумѣется, летѣлъ медленнѣе, и трубка дѣйствовала, когда онъ находился всего на разстояніи 2.280 метровъ. Если требовалась дистанція 2.500 метровъ, надо было ставить прицѣлъ на 2.000 метровъ—рваться снарядъ по таблицѣ, долженъ былъ передъ третьимъ рикошетомъ. При этомъ, конечно, снаряды сильно уклонялись въ сторону, даже на твердомъ полигонѣ, какъ криво отражается вращающійся мячикъ; таблицы давали величину этой рикошетной дериваціи, доходившей до 160 шаговъ— $\frac{1}{20}$ дистанціи. Сколько математики и терпѣливой колоссальной работы вкладывали французскіе артиллеристы, чтобы оправдать допущенную нелѣпость въ снарядѣ, годномъ на двѣ дистанціи, и какъ жалки намъ кажутся ихъ усилія. Какъ будто бы поле сраженія представляло биллиардный столъ, на которомъ можно бить противниковъ не только триплетами, но и шестиплетами; какъ будто можно было рассчитывать на правильное горѣніе трубки, шесть разъ ударяющейся въ землю; какъ будто въ боевыхъ условіяхъ можно брать на 160 шаговъ въ сторону отъ цѣли, чтобы попасть въ нее? А наличие долины, болота, рѣки между нами и противникомъ? Сколько наивности и полигонной ограниченности было въ людяхъ, которые возложили на себя тяжелую отвѣтственность—дали арміи негодную въ боевыхъ условіяхъ артилерію!

Въ «Revue de cavalerie» генераль Арманъ Люкасъ открылъ серію бесѣдъ на кавалерійскія темы по поводу большихъ французскихъ маневровъ 1912 г. Несомнѣнно, между писателями на кавалерійскія и морскія темы имѣется то общее, что обѣ категоріи авторовъ не престапно сбиваются на то, что ихъ эскадроны или дредноуты составляютъ безусловно необходимую часть вооруженной силы. Не могъ миновать вопроса о пользѣ конницы и г. Люкасъ; предлогъ для этого—состоявшееся увеличеніе во Франціи артилеріи, путемъ организаціи новыхъ батарей, и пѣхоты—по новому закону о кадрахъ, смыслъ котораго—дать резервнымъ полкамъ такую твердую организацію, чтобы можно было использовать ихъ въ первыхъ же рѣшительныхъ операціяхъ, на ряду съ первоочередными частями. Усиленіе пѣхоты и артилеріи и оставленіе конницы въ прежнемъ составѣ равносильно пониженію процентнаго отношенія конницы къ другимъ родамъ войскъ, что не находитъ себѣ объясненія въ боевыхъ требованіяхъ. Еще Арданъ де-Пикъ удивлялся, что если пѣхотинецъ можетъ ходить подъ огнемъ, то почему всадникъ не можетъ мчаться подъ выстрѣлами, и утверждалъ, что если бы наступилъ день, когда кавалеристъ не могъ бы на быстрыхъ аллюрахъ перемѣщаться подъ огнемъ, то и пѣхотянецъ не могъ бы въ той же обстановкѣ передвигаться. Мнѣ кажется, что эта избитая тема была вполне исчерпана блестящей

защитой вѣмецкаго генерала фонъ-Шмидта: «ослабить конницу, уменьшить ея значеніе, сосредоточить всѣ заботы на пѣхотѣ и артилеріи— это значитъ окорнать крылья орла въ надеждѣ, что его когти подрастутъ». Во Франціи конницѣ приходится считаться со многими недоброжелателями и потому, что правительство въ случаѣ необходимости борьбы со стачечниками и народными волненіями прежде всего обращается къ ея содѣйствію. А въ парламентѣ создаются проекты созданія новыхъ батарей за счетъ уничтоженія кирасирскихъ эскадроновъ... На послѣднихъ же большихъ маневрахъ часто приходилось обращаться къ содѣйствію конницы. Ею особенно интересовалась русская миссія и, повидимому, кавалерія обѣихъ сторонъ иногда умышленно сводилась руководствомъ для заполнения менѣе интересныхъ періодовъ маневровъ. Одна свалка особенно памятна автору, повидимому, командовавшему на маневрахъ бригадой: ихъ армія отступала, непріятельская конница обскакала, чтобы разрушить передъ ней важный мостъ, а своя конница догнала ее и на крайне пересѣченной мѣстности, въ сгущавшихся сумеркахъ, прижала къ рѣкѣ и атаковала съ тыла. Никогда на маневрахъ не приходилось такъ близко подходить къ боевымъ условіямъ конныхъ атакъ: отдѣльные эскадроны, преодолевая трудныя препятствія, протискиваясь черезъ загражденія, атаковывали по инициативѣ эскадронныхъ командировъ, каждая часть немедленно скрывалась въ темнотѣ, посредники отсутствовали, ничего нельзя было разобрать. Но подъемъ духа отъ адской скачки въ темнотѣ черезъ препятствія кавалерійскихъ массъ былъ такой, что генералъ разслышалъ шопотъ подполковника: «кто въ эту минуту не испытываетъ полного счастья, у того никогда не будетъ солдатскаго сердца». Счастливый родъ войскъ! Только спать больше 4 часовъ въ сутки за всю недѣлю маневровъ не давали. Генералъ Люкасъ находитъ, что онъ самъ и его сверстники, перешедшіе за возрастъ, который изъ вѣжливости именуютъ еще среднимъ, могутъ ограничиваться такимъ короткимъ сномъ долгое время; но молодежь, не знающая еще старческой бессонницы, безусловно не въ силахъ была выдержать; на малѣйшихъ остановкахъ офицеры, подтвердивъ солдатамъ воспрещеніе спать, спѣшивались и сейчасъ же начинали сами храпѣть... Конница была перегружена работой.

Въ томъ же журналѣ гусарскій полковникъ протестуетъ противъ того слѣпago подражанія германцамъ, которое привело къ вооруженію полковъ французской легкой конницы пиками. Пика—оружіе массы, оружіе крѣпко сомкнутаго строя, и она вполне умѣстна въ рукахъ крупнаго германскаго кавалериста, сидящаго на рослой лошади. Легкая же французская конница образована миниатюрными всадниками на малорослыхъ, но кровныхъ лошадяхъ, настолько го-

рячихъ, что добиться съ ними полной сомкнутости—невозможно. Пика еще болѣе волнуетъ лошадь, она перевѣшиваетъ маленькаго всадника и волочится до земли. Всадникъ двухлѣтняго срока службы совершенно не умѣетъ ею владѣть. Сомкнутая масса въ ударѣ въ пики безнадежна, какъ конкурентка германскихъ эскадроновъ; а между тѣмъ, маленькіе кровные кони способны къ очень живымъ аллюрамъ, маленькіе всадники прекрасно умѣли владѣть саблѣй, имъ внушалось, что при ихъ маломъ ростѣ имъ легко было отбить пики вверхъ и проскользнуть подъ ними, рубить врага.... Теперь все это принесено въ жертву поклоненію иностранному примѣру.

Для оцѣнки современной эволюціи въ подготовкѣ нѣмецкой (германской и австрійской, имѣющихъ ту же литературу и общій журналъ) конницы имѣетъ значеніе и появленіе въ головѣ очередного (мартовскаго) выпуска «Kavalleristische Monatshefte» двухъ статей, трактующихъ о стрѣлковой подготовкѣ и боѣ въ спѣшенномъ строю. Одинъ авторъ отмѣчаетъ недостаточный отпускъ патроновъ—7.820 для учебной и 3.000 для боевой стрѣльбы эскадрона; требованіе, чтобы стрѣльбѣ учились круглый годъ, въ жизнь не проходить; эскадронъ въ теченіе мѣсяца проходить курсъ; потомъ повторяютъ стрѣльбы развѣ съ самыми плохими стрѣлками. На прохожденіе курса резервистами на учебныхъ сборахъ отпускается только 12 патроновъ на человѣка. Выше полковаго командира никто стрѣльбой не интересуется. Авторъ рассчитываетъ, что съ образованіемъ въ Германіи кавалерійскихъ дивизій новые начальники дивизій особенно близко возьмутъ къ сердцу наблюденіе за успѣхомъ стрѣлковой подготовки.

Другой авторъ подчеркиваетъ, что конница не имѣетъ права оставаться оружіемъ хорошей погоды. А для кавалерійской атаки, помимо тактически благоприятной обстановки, тактической хорошей погоды, нужна и непосредственная хорошая погода. Часто конница можетъ по мѣстнымъ условіямъ двигаться только шагомъ. Гололедища, глубокій снѣгъ, необычайно липкая и глубокая грязь лишаютъ кавалериста возможности чувствовать себя центавромъ, онъ въ силахъ передвигаться только шагомъ, какъ и двуногій homo sapiens. Подъ Прейсигъ-Эйлау русскіе драгуны принуждены были атаковать шагомъ 20-й конно-егерскій полкъ полковника Кастекса—былъ февраль; скорѣе по полямъ двигаться было нельзя. Кастексъ убралъ офицеровъ за фронтъ и встрѣтилъ русскихъ залпомъ съ коня изъ карабиновъ съ разстоянія 10 шаговъ, послѣ чего бросился въ сабли. Рецептъ голится и для настоящаго времени, только, разумѣется, надо спѣшиться. Теперь если эскадронъ, приговоренный условіямъ къ движенію шагомъ, на дистанціи 2.000 ша-

говъ попадетъ подъ ружейный огонь, то надо ожидать, что 10⁰/₀ пуль неприятельскихъ стрѣлковъ будутъ попадать; пѣхотный взводъ изъ 50 человекъ въ 1—2 минуты, разстрѣлявъ 500 патроновъ, выведетъ половину эскадрона изъ строя. Конница не имѣетъ права быть оружіемъ хорошей погоды и, въ зимнюю стужу, или на неблагоприятной мѣстности, въ средне-европейскомъ ландшафтѣ, прятаться за пѣхоту. Она должна прекрасно, какъ пикой, владѣть винтовкой и спѣшиваться въ критическіе моменты съ большой быстротой. Необходимо увеличить и число пулеметовъ. Каждый полкъ долженъ имѣть свой пулеметный взводъ, какъ это уже имѣетъ мѣсто въ арміяхъ, недавно воевавшихъ. Авторъ—австріецъ—вспоминаетъ, что конница должна во всѣхъ случаяхъ быть въ состояніи перевести на національный языкъ своего полка приглашеніе Рона ²⁾: «заставимъ петербургскихъ дамъ плакать»!

Въ «Streffleurs militärische Zeitschrift» генераль Гуго Мейхснеръ фонъ-Цвейенштамъ разбираетъ, по труду нашей военно-исторической комиссіи, характерныя особенности оперативнаго и тактическаго управленія войсками въ до-ляоянскій періодъ Манчжурскаго похода. Наиболѣе интересна глава «духъ осторожности», въ которой авторъ уловилъ основной типъ нашихъ приказаній съ безпрестанными оговорками исполнителю: «будь остороженъ», какъ будто подчиненные, которымъ ставились задачи, были какими-то сорви-головами. Посылаемъ конницу ген. Мищенко на развѣдку въ Корею—инструкція объ осторожности: развѣдывать, но въ бой не вмѣшиваться, и приписка ген. Линевица, что главное—это хорошо кормить лошадей. Восточному отряду все время напоминаютъ, чтобы онъ былъ настолько остороженъ, что не оставлялъ бы никогда трофеевъ въ рукахъ противника. Мы соглашались на пораженія и лишь заботились о томъ, чтобы не оставить противнику расписку въ нихъ... Во время боя подъ Вафангоу ген. Куропаткинъ посылаетъ телеграмму барону Штапельбергу съ совѣтомъ осторожности—использовать для отступленія ночь въ случаѣ неудачи боя.

Проявленной нами осторожности, дѣйствительно, могло бы хватить на нѣсколько первоклассныхъ армій и еще получился бы значительный остатокъ. Но не замѣчаемъ ли мы избытка этой осторожности и теперь? Нѣмецкій офиціальныи учебникъ тактики ³⁾, характеризуюя особенности дѣйствій русскихъ войскъ, отмѣчаетъ нашу склонность къ развертыванію на весьма значительномъ удаленіи отъ противника; и все наступленіе имѣетъ очень осторожный характеръ.

²⁾ Вѣроятно, при столкновеніи съ русскимъ гвардейскимъ полкомъ?

³⁾ Leitfaden für den Unterricht in den Taktik auf den Königlichen Kriegsschulen. 16-е издание 1912 г. Berlin. Mittler.

Резервы также осторожно переходят къ расчлененнымъ строямъ на очень далекихъ дистанціяхъ.

Тотъ же журналъ номѣстили содержательные очерки балканской войны. Австрійскій журналъ высказываетъ къ работѣ сербской арміи несравненно большій интересъ, чѣмъ къ дѣйствіямъ болгаръ на главномъ Фракійскомъ театрѣ. Центръ тяжести очерка заключается въ краткомъ описаніи сраженій подѣ Куманово и Монастыремъ, иллюстрированномъ многочисленными схемами.

Три сербскихъ дивизіи подѣ Куманово развернулись на фронтѣ въ 21 километръ; на версту получилось только 2.000 бойцовъ—построеніе сравнительно весьма жидкое. Сербы въ бою окапывались—и при оборонѣ и при наступленіи. Окопы возводились уже на дистанціяхъ средняго ружейнаго огня и далѣе—послѣ каждой перебѣжки. Въ районѣ Дринской дивизіи первой очереди въ результатѣ получился цѣлый рядъ закрытій на удаленіи 150 шаговъ одинъ отъ другого. Турки тоже окапывались. Турецкая артилерія занимала позиціи на линіи стрѣлковыхъ цѣпей. Передки держались открыто въ 300 шагахъ за орудіями. Конечно, первыми страдали запряжки, увести орудія оказывалось невозможнымъ, и большія потери турокъ въ орудіяхъ явились естественнымъ слѣдствіемъ.

Въ описаніи сраженія подѣ Монастыремъ, гдѣ было окончательно сломлено сопротивление V, VI и VII турецкихъ корпусовъ, обращаетъ вниманіе смѣло задуманный и прекрасно выполненный маршъ Моравской второочередной дивизіи. Эта дивизія, представлявшая чисто милиціонную часть, уже отъ Скопье—за 150 верстъ—направляется особой дорогой, преодолеваетъ сопротивление непріятельскихъ заслоновъ, совершаетъ крайне трудный обходный маршъ, является во-время на поле рѣшительнаго сраженія, прямо на лѣвый турецкій флангъ, и, еще до одержанія большихъ успѣховъ на фронтѣ первоочередными дивизіями, сгоняетъ VI корпусъ Джавидъ-паши съ занимаемаго имъ участка. Едва ли кто-нибудь могъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ допустить постановку такой отвѣтственной задачи второочередной дивизіи. Передъ нами не только удивительная работа войскъ, но и такое искусство и увѣренность высшаго управленія, которыя, вѣроятно, заставятъ насъ этотъ примѣръ операціи въ горахъ поставить выше всѣхъ другихъ—по замыслу и исполненію.

А. Свѣчинъ.

«Rivista militare italiana» 1912 г. Декабрь.

Въ начатой въ ноябрьскомъ выпускѣ статьѣ, озаглавленной «Дѣйствія пѣхоты на очень лѣсистой мѣстности», капитанъ Arturo Rossi высказываетъ слѣдующія мысли.

Въ современной войнѣ не приходится разбирать, какая мѣстность желательна или нежелательна для боя, а слѣдуетъ бить противника тамъ, гдѣ придется его встрѣтить. Наибольшія трудности представляеть бой на мѣстности очень лѣсистой; тутъ, болѣе нежели гдѣ-либо, пѣхота является единственнымъ родомъ войскъ, который можетъ подготовить, начать и довести до конца бой, такъ что отряду пѣхоты при равенствѣ силъ съ отрядомъ, состоящимъ изъ трехъ родовъ войскъ, слѣдуетъ предпочитать для боя именно такую мѣстность.

Распоряженія для боя, основанныя на рекогносцировочныхъ и другихъ свѣдѣніяхъ, могутъ быть, на обыкновенной мѣстности, измѣняемы и дополняемы, въ случаѣ надобности, даже до послѣдней минуты, тогда какъ лѣса отнимають иногда у начальника всякую возможность измѣнить первоначальныя распоряженія, а самыя рекогносцировки принимаютъ на лѣсистой мѣстности особый характеръ. Даваемыя лѣсами укрытія облегчаютъ, съ одной стороны, службу развѣдчиковъ и даютъ имъ возможность видѣть, оставаясь невидимыми; съ другой стороны, лѣса существенно эту службу затрудняютъ, препятствуя наблюденіямъ, стѣсняя кругозоръ, облегчая неприятелю устройство засадъ. Конница должна во многихъ случаяхъ уступать мѣсто пѣхотѣ. Умѣніе ориентироваться пріобрѣтаетъ исключительно важное значеніе. Военныя собаки могутъ принести существенную пользу.

Отрядами не меньше баталіона ближняя развѣдка организуется на лѣсистой мѣстности въ видѣ двухъ линій дозоровъ подъ общемою командою одного начальника. Этотъ послѣдній вѣдаетъ всю службу развѣдки; устанавливаетъ число дозоровъ на фронтѣ и флангахъ, управляетъ заднею линіею дозоровъ и слѣдуетъ, какъ общее правило, позади ея. Дозоры первой линіи состоятъ, каждый, изъ 1 младшаго офицера, 1 ефрейтора и 2 рядовыхъ. Они удаляются отъ отряда на значительное разстояніе и осматриваютъ большіе районы мѣстности. Ихъ донесенія не должны ограничиваться только свѣдѣніями о видѣнномъ глазами, но заключать также результаты размышленія и догадки. Въ бой они не вступаютъ. Составъ дозора второй линіи, ближайшей къ отряду: 1 унтеръ-офицеръ, 1 ефрейторъ и 9 рядовыхъ. Эти дозоры имѣютъ цѣлью болѣе подробное обследованіе мѣстности въ меньшихъ районахъ; они устраиваютъ засады и вступаютъ въ бой, атакуя неприятеля.

При движеніи по лѣсистой мѣстности вблизи непріятеля должно быть обращено особое вниманіе на службу охраненія и связи и на ориентировку. Постоянная опасность неожиданностей замедляетъ движеніе. Развертываніе частей крупнѣе баталіона изъ походныхъ колоннъ требуетъ много времени. Необходимо возможно совершенное использование всей дорожной сѣти и раздѣленіе отряда на малыя колонны съ хорошею взаимною связью. Разстоянія между главными силами и охраняющими отрядами должны быть увеличены, а взаимныя разстоянія между этими послѣдними уменьшены для возможности взаимной помощи. Разстояніе до авангарда также увеличивается, а составъ его доводится до $\frac{1}{4}$ отряда. При неимѣннн хорошаго обстрѣла и невозможности задержать непріятеля огнемъ, авангардъ долженъ атаковать его, не теряя времени.

Бой пѣхоты въ лѣсистой мѣстности принимаетъ особый характеръ.

Общее управленіе боемъ главнымъ начальникомъ встрѣчаетъ иногда неодолимыя затрудненія, и вмѣсто одной большой операціи является потому совокупность нѣсколькихъ малыхъ. Эти затрудненія вызываются необходимостью дробленія отряда для достиженія возможности своевременнаго развертыванія силъ; трудностью передачи приказаній и донесеній; малымъ полемъ обзора. Части, вступившія въ бой, совершенно ускользаютъ изъ рукъ главнаго начальника и онъ долженъ поэтому ограничиваться лишь установленіемъ объектов дѣйствія и преподаніемъ надлежащихъ указаній. На лѣсистой мѣстности тактическое содѣйствіе и взаимная поддержка разныхъ отрядовъ, а также инициатива младшихъ начальниковъ, въ особенности необходимы.

Пѣхотная бригада является наибольшею тактической единицею, которая можетъ на лѣсистой мѣстности развивать боевую операцію подъ командою одного лица. Чѣмъ болѣе лѣсисто пространство, тѣмъ меньше должна быть тактическая единица, и наибольшая ея величина можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выразиться однимъ баталіономъ.

Отсутствіе достаточныхъ свободныхъ пространствъ не даетъ возможности использовать на лѣсистой мѣстности надлежащимъ образомъ силу современнаго огня, а потому бой развивается тутъ значительно быстрѣе, нежели при обыкновенныхъ условіяхъ, и огонь перестаетъ быть главнымъ средствомъ боя. Управленіе огнемъ, веденіе и дисциплина послѣдняго принимаютъ особый характеръ. Дробленіе войскъ и неожиданное появленіе цѣлей на очень, иногда, короткіе сроки ведутъ къ необходимости предоставленія инициативы стрѣльбы самымъ малымъ единицамъ. Очень скорая ружейная стрѣльба и пулеметы могутъ найти при этихъ условіяхъ частое примѣненіе. По причинѣ стрѣльбы на близкія дистанціи, ружейный огонь характери-

зается тутъ значительною мѣткостью, а бой принимаетъ часто характеръ охоты на людей. Всякій появляющійся, даже одиночный непріятельскій солдатъ долженъ быть убитъ, и людямъ слѣдуетъ выяснить всю важность такого положенія. Нѣтъ возможности оцѣнить пользы и значенія мѣткаго выстрѣла по непріятельскому развѣдчику, собравшему о насъ существенныя свѣдѣнія.

На лѣсистой мѣстности войска несутъ главныя потери отъ холоднаго оружія, а легкость устройства засадъ ведетъ къ большому числу плѣнныхъ. Знаменитое изреченіе, «пуля—дура, штыкъ—молодецъ», сохранило, при изложенныхъ выше условіяхъ, до нынѣ все свое значеніе.

Въ этомъ же выпускѣ окончена начатая въ сентябрьскомъ номерѣ статья капитана Giovanni Lanfranchi, озаглавленная «Корпусная артилерія въ наступательной операціи».

До введенія скорострѣльной артилеріи и щитовъ, существенная задача артилеріи атакующаго состояла въ уничтоженіи артилеріи обороняющагося съ тѣмъ, чтобы предоставить своей пѣхотѣ возможность наступленія на атакуемую позицію. Цѣль артилеріи обороняющагося состояла, въ свою очередь, въ уничтоженіи артилеріи атакующаго. Артилерійская борьба составляла первую рѣзко определенную фазу боя, въ теченіе которой пѣхота развѣтывала свои силы и готовилась начать бой, какъ только артилерійская дуэль окончится въ ея пользу. Съ введеніемъ щитовъ и скорострѣльной артилеріи, идеи существенно измѣнились, какъ потому, что большая дѣйствительность артилерійскаго огня заставила располагать батареи укрыто, такъ и потому, что слабость дѣйствія шрапнели противъ орудійныхъ щитовъ и трудность попаданія въ нихъ цѣльныхъ снарядовъ сдѣлали артилерію значительно менѣе уязвимою. Пѣхота не можетъ уже нынѣ выжидать для начала своихъ операцій положенія, когда артилерія непріятели будетъ уничтожена, а должна начинать борьбу и вести наступленіе подъ непосредственнымъ прикрытіемъ лишь части своихъ орудій въ то время, какъ остальные орудія, дѣйствуя какъ контръ-батареи, будутъ защищать ее косвенно. Такое наступленіе даетъ пѣхотѣ также возможность сдѣлать рекогносцировку позицій непріятельской артилеріи и доставить своимъ контръ-батареямъ драгоцѣнныя свѣдѣнія.

Въ будущихъ бояхъ, одновременно съ наступленіемъ пѣхоты, артилерія будетъ обращать огонь части своихъ батарей на объекты пѣхотной атаки. Щитъ даетъ современной артилеріи большую силу сопротивленія и дѣлаетъ ее способною къ пораженію пѣхоты съ самыхъ малыхъ разстояній. Перевѣсъ въ артилеріи можетъ дать надежду на успѣхъ даже въ борьбѣ съ непріятеlemъ, имѣющимъ численный перевѣсъ въ пѣхотѣ и конницѣ.

Содѣйствуя наступленію пѣхоты, артилерія продолжаетъ обстрѣль непріятельскаго расположенія до тѣхъ поръ, пока пѣхота достигнетъ послѣдней позиціи передъ ударомъ въ штыки; тогда орудія переносятъ огонь на болѣе дальнія цѣли и поражаютъ резервы. Если атака имѣла успѣхъ, то батареи, сопровождающія пѣхоту, переносятся на занятая послѣднюю позиціи, содѣйствуя ей въ отраженіи контръ-атакъ и поражая отступающаго непріятели. При неудачѣ атаки, всѣ свободныя батареи имѣютъ задачей облегченіе отступления и приведенія въ порядокъ отступающихъ частей.

Въ заключеніе авторъ указываетъ: введеніе скорострѣльной пушки, снабженной щитомъ, не могло, конечно, измѣнить основнаго принципа употребленія артилеріи, требующаго отъ нея поддержки пѣхоты всегда и вездѣ, но не осталось оно все же безъ существеннаго вліянія на способы осуществленія указаннаго принципа. Въ отношеніи употребленія снабженной щитами артилеріи въ современномъ бою не все еще до сего времени выяснено, и обсужденіе этого вопроса было причиною возникновенія въ послѣднее время двухъ школъ, нѣмецкой и французской; во главѣ первой стоятъ генералы Роне и Рейхенау, вторая основана генераломъ Ланглуа. Въ зависимости отъ того, въ какихъ рукахъ полевая артилерія находится, она можетъ дать самыя крупныя результаты и можетъ также обратиться лишь въ бесполезное бремя, стѣсняющее операціи другихъ войскъ. Чтобы артилерія принесла полностью всю пользу, которую отъ нея можно требовать, высшіе ея начальники не только должны имѣть самыя полныя познанія о ея свойствахъ, но должны также обладать тактическими дарованіями и надлежащими свѣдѣніями о способахъ дѣйствія другихъ родовъ войскъ.

Кромѣ того, въ обозрѣваемомъ выпускѣ помѣщены статьи:

Капитана Vittorio Bernardis «О значеніи справедливости въ отношеніи къ военнотружашимъ».

Капитана С. Cezari «Желѣзныя дороги на африканскомъ континентѣ».

Ernesto Cauda «Исламъ и прогрессъ».

Капитана Giulio Costanzi «Аэродинамика въ дѣлѣ воздухоплаванія».

Emilio Pagliano «Баталіонъ альпійскихъ волонтеровъ Кадора».

Поручика Francesco Stroppa «Переходъ черезъ Симплонъ и прибытіе въ Миланъ итальянскихъ войскъ Великой арміи».

Начата статья подполковника Enrico Caviglia «Китайская революція».

В. Н.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Германія. Подготовка военныхъ летчиковъ. Военные аэропланы.—*Румынія.* Оборонительная линия по р. Серету и укрѣпленный лагерь Бухарестъ.—*Балканскій полуостровъ.* Турки подъ Киркижисой. Турецкія банды добровольцевъ.

Германія.

Только въ концѣ 1910 г. германское военное министерство, которое до того времени придавало исключительное значеніе управляемымъ аэростатамъ и главнымъ образомъ типу Цепелинъ съ жесткою оболочкою, создало военное значеніе аэроплановъ, примѣненіе которыхъ уже получило громадное развитіе во Франціи. Съ этого времени оно дѣятельно организовало подготовку военныхъ летчиковъ.

Сначала подготовкою ихъ завѣдывалъ частный авіаторъ Брунхуберъ на военномъ аэродромѣ въ Деберицѣ близъ Берлина. Болѣе года спустя военное министерство пришло къ убѣжденію, что подготовку военныхъ летчиковъ слѣдуетъ поручить фабрикамъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ, гдѣ она можетъ быть произведена быстрѣе и дешевле; вмѣстѣ съ тѣмъ эта мѣра послужила бы къ поощренію зарождавшейся въ странѣ новой отрасли промышленности.

Въ виду сего, съ февраля мѣсяца 1912 г. стали командировать офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ на упомянутыя фабрики и частные аэродромы для пріобрѣтенія международнаго свидѣтельства на право управленія аэропланомъ. Соответствующимъ испытаніемъ требуется, чтобы обучаемый въ 2 пріема совершилъ по $1\frac{1}{2}$ круга на аэродромѣ, поднялся на высоту не менѣе 50 метровъ и спустился не далѣе опредѣленнаго разстоянія отъ указаннаго пункта. Когда офицеръ выдержаніемъ этого испытанія выказывалъ извѣстную способность къ дѣлу авіаціи, его командировали въ одну изъ военно-авіаціонныхъ станцій для подготовки къ испытанію на

звание «военнаго летчика» (Feldpilot); такія станціи тогда имѣлись уже въ Деберицѣ, Мецѣ и Страсбургѣ. Испытаніе для военныхъ летчиковъ заключалось въ томъ, чтобы совершить въ теченіе 1 часа полевой полетъ протяженіемъ не менѣе 500 метровъ и спуститься планирующимъ спускомъ (vol plané) съ высоты 100 метровъ. Вскорѣ военныя власти, однако, убѣдились, что и для подготовки къ этому важному испытанію офицеровъ лучше оставлять при фабрикахъ и, уже по выдержаніи его, командировать офицеровъ въ военно-авіаціонныя станціи для упражненія въ полевыхъ полетахъ. Эта мѣра оказалась удачною и она входитъ въ составъ программы подготовки военныхъ летчиковъ на 1913 годъ.

Въ «Deutscher Officierblatt» находимъ замѣтки офицера, прошедшаго подготовку военнаго летчика и сообщающаго свои впечатлѣнія по этому вопросу.

Прежде всего рождается вопросъ, какія отъ офицера требуются условія для поступленія на курсъ? Военныя власти установили для сего очень цѣлесообразныя условія: требуются особыя физическія свойства—сильные нервы, отличное зрѣніе, ловкость и малый вѣсъ, а также особенныя нравственныя качества—твердость характера и сильная энергія; затѣмъ требуется прослужить не менѣе 4 лѣтъ, желательно предварительное практическое знакомство съ автомобилями, мотоциклетами и воздушными шарами и, наконецъ, требуются тактическія способности (taktischer Verständnis) и теоретическая техническая подготовка. Значеніе двухъ послѣднихъ условій нѣсколько преувеличено, такъ какъ, по мнѣнію автора, можно обладать исчерпывающими техническими познаніями и блестяще пройти курсъ военной академіи и все же совершенно не быть пригоднымъ въ летчики; поэтому эти условія въ дѣлѣ авіаціи не должны быть рѣшающими. Получается, однако, впечатлѣніе, что имъ придають слишкомъ большое значеніе, что доказываетъ присутствіе среди летчиковъ большого числа офицеровъ техническихъ родовъ войскъ. Гораздо важнѣе, если офицеръ умѣетъ хорошо ѣздить на автомобилѣ или, что еще лучше, на мотоциклетѣ, или умѣетъ управлять воздушнымъ шаромъ, такъ какъ эти лица несомнѣнно обладаютъ быстрою рѣшимостью, присутствіемъ духа и хладнокровіемъ—важнѣйшими условіями для военнаго летчика. Авторъ констатируетъ фактъ, что изъ среды кавалерійскихъ офицеровъ многіе оказываются очень годными летчиками; это быть можетъ происходитъ оттого, что служба въ кавалеріи ставитъ наибольшія требованія по отношенію къ быстрому рѣшенію и дѣйствию. Нерѣдко лица, не обладающія ни техническими познаніями, ни практической подготовкой обращенію съ двигателями шарами, все же являются подходящими въ военные летчики; вопросъ прежде всего зависитъ отъ физическихъ и особенно нрав-

«ственныхъ качествъ; въ этомъ дѣлѣ аттестація начальника части имѣетъ большое значеніе.

Сколько времени должна продолжаться командировка на фабрики? До сихъ поръ офицеры командировались на 3 мѣсяца съ условіемъ, что если это время окажется недостаточнымъ, то оно можетъ быть продолжено до выдержанія испытанія. Авторъ замѣтокъ полагаетъ, что командировку не слѣдуетъ приурочивать къ какому-либо сроку, а обусловить максимальнымъ временемъ полетовъ, т. е. постановить, что, если офицеръ, совершившій въ теченіе опредѣленнаго времени (часовъ пребыванія въ воздухѣ) «самостоятельные полеты», все же не могъ выдержать испытанія, то его откомандировываютъ; это необходимо для того, чтобы въ летчики не попали неспособные къ дѣлу авіаціи офицеры, такъ какъ, если не установить срока, то въ концѣ концовъ каждый выдержитъ первое испытаніе. Предѣломъ можетъ служить общее пребываніе въ воздухѣ въ теченіе 8 часовъ, такъ какъ нѣкоторымъ дѣло дается тяжело, но они затѣмъ все же становятся хорошими летчиками. Непосвященнымъ, вѣроятно, покажется страннымъ, что большинство обучаемыхъ выдерживаютъ первое испытаніе послѣ 3-часового общаго пребыванія въ воздухѣ, но періодъ обученія для достиженія этого бываетъ крайне неодинаковъ: одному счастливцу для этого потребовалось 14 дней, другому при одинаковыхъ способностяхъ и усердіи—3 мѣсяца. Это зависитъ въ значительной степени отъ погоды, затѣмъ отъ организаціи обученія на фабрикѣ и отъ взгляда руководителей на «благопріятную погоду»; въ этомъ отношеніи на фабрикахъ обыкновенно соблюдается преувеличенная осторожность; оно и понятно; фирма получаетъ за каждаго военного летчика, выдержавшаго первое испытаніе, включая и расходы на поломки, по 5.000 марокъ и потому стремится по возможности сократить «поломки» и избѣгаетъ полетовъ въ вѣтренную погоду; отчасти это приноситъ пользу и обучаемому, но нерѣдко приноситъ и существенный вредъ: если его подготовка плохо подвигается и постоянно возникаютъ лишнія препятствія, онъ падаетъ духомъ и теряетъ охоту или, что еще хуже, становится нервнымъ, особенно если видитъ, что товарищъ его, обучаемый при другой фабрикѣ, менѣе боящейся погоды, подвигается быстрѣе, не обладая большими способностями или усердіемъ; между тѣмъ военныя власти будутъ считать этого послѣдняго офицера болѣе способнымъ, не будучи знакомы съ условіями подготовки. Съ другой стороны многія фабрики, съ цѣлью поскорѣе избавиться отъ офицера, а слѣдовательно и отъ риска поломокъ, очень торопятъ его подвергнуться испытанію; этому не слѣдуетъ поддаваться и надо стараться приобрести нѣкоторый запасъ опытности и увѣренности. Авторъ советуетъ производить первое испытаніе не раньше, какъ послѣ общаго

самостоятельнаго пребыванія въ воздухѣ въ теченіе 4 часовъ; также полезно назначить минимальное число подъемовъ до производства испытанія, на примѣръ, 20 подъемовъ и спусковъ. Определенное число полетовъ вѣдь также требуется отъ будущихъ пилотовъ на шарахъ и дирижабляхъ.

Отъ обучаемыхъ авторъ замѣтокъ переходитъ къ инструкторамъ и самимъ фабрикамъ. Инструкторы, конечно, сами должны кое-что умѣть и имѣть извѣстную опытность въ полетахъ, хотя искусство авіаціи въ сущности приобретается самоучкою и влияніе учителя тутъ не слѣдуетъ преувеличивать. Все же учитель долженъ имѣть нѣкоторую опытность и извѣстный возрастъ, на примѣръ, не моложе 26 лѣтъ. Нельзя допускать, чтобы фирмы назначали инструкторамъ офицеровъ, прослужившихъ свыше 4 лѣтъ, молодыхъ людей въ возрастѣ 19—20 лѣтъ, а это въ видахъ дешевизны нерѣдко практикуется фабриками; тутъ необходимо вмѣшательство военнаго начальства. Также слѣдуетъ требовать отъ инструктора обладанія извѣстною степенью общаго образованія, на примѣръ, въ объемѣ, требуемомъ отъ однолѣтнихъ вольноопредѣляющихся; еще важнѣе для корректныхъ и миролюбивыхъ сношеній, чтобы онъ умѣлъ вести себя съ тактомъ, что не всегда идетъ рука объ руку съ образованіемъ. Не слѣдуетъ допускать, чтобы фабрики поручали обученіе офицеровъ уроженцамъ Эльзаса, имѣющимъ французскія симпатіи, а тѣмъ паче французамъ или другимъ иностранцамъ. До сихъ поръ, въ виду того, что дѣло авіаціи находилось въ зачаткѣ, нельзя было предъявлять фабрикамъ слишкомъ строгихъ требованій въ упомянутыхъ отношеніяхъ, но теперь дѣло уже настолько подвинулось впередъ, что пора принять надлежащія мѣры, какъ, на примѣръ, предварительное представленіе инструкторовъ военнымъ властямъ.

Отъ самихъ фабрикъ придется требовать, чтобы онѣ на каждыхъ 4 офицеровъ предоставили въ пользованіе по 1 аэроплану и на 8 человекъ еще по 1 запасному, а также на 8 обучаемыхъ не менѣе 1 инструктора. Дѣло обученія военныхъ летчиковъ значительно тормозится тѣмъ, что нерѣдко 1 учитель назначается на 16 офицеровъ и 8 частныхъ обучаемыхъ. Случалось также, что аэропланы были снабжаемы старыми двигателями такихъ системъ, которыя давно вышли изъ употребленія; этого нельзя допускать. Такой крупный заказчикъ, какъ военное вѣдомство, смѣло можетъ предъявлять фабрикамъ строгія условія, особенно же тѣмъ фирмамъ, произведеніями которыхъ оно преимущественно пользуется.

Затѣмъ чрезвычайно важно требовать отъ фабрикъ, чтобы онѣ тщательно подготовляли военныхъ летчиковъ къ обязанностямъ «монтера», потому что, безъ прочныхъ познаній въ слесарномъ дѣлѣ и въ обращеніи съ двигателями, летчикъ всегда попадетъ въ просакъ; до

сихъ поръ большинство фабрикъ въ этомъ направленіи ничего не дѣлаютъ. Необходимо, чтобы опытные инженеры дѣлали летчикамъ сообщенія о летательныхъ машинахъ и двигателяхъ и офицеры подъ ихъ руководствомъ производили практическія упражненія. Желательно также, чтобы лица съ академическимъ образованіемъ сообщали летчикамъ познанія изъ метеорологіи, наукъ чрезвычайно важной для авіаторовъ. На это свыше уже были дѣлаемы намеки, но, повидимому, фабрики имъ не внемлютъ или же исполняютъ это требованіе поверхностно. Новая промышленность теперь настолько развилась въ Германіи и фабрики имѣютъ отъ казны такіе значительные доходы—до 10.000 марокъ за cadaго офицера, прошедшаго оба испытанія, что требованія могутъ и должны быть повышены.

На большихъ аэродромахъ, при которыхъ находятся нѣсколько фабрикъ, подготовляющихъ военныхъ летчиковъ (напримѣръ, Йоганнстааль), слѣдовало бы назначать офицера, наблюдающаго за обученіемъ, поручика изъ числа старшихъ или капитана (рестристра), вполне подготовленнаго летчика. Онъ долженъ быть совершенно независимъ отъ фабрикъ, т. е. не летать на ихъ аппаратахъ, а имѣть собственный аэропланъ и своихъ монтеровъ. Онъ обязанъ слѣдить за правильною постановкою дѣла подготовки военныхъ летчиковъ, за тѣмъ, чтобы не затягивался напрасно ремонтъ аппаратовъ и не слишкомъ «боялись погоды»; въ сомнительныхъ случаяхъ онъ самъ долженъ подняться и оцѣнить возможность производства полетовъ. Въ случаѣ недоразумѣній съ фабрикой офицеры въ немъ найдутъ надлежащую опору. Онъ долженъ быть человекъ энергичный и авторитетный. Въ надзорѣ обучаемые офицеры не нуждаются, такъ какъ они, за рѣдкими исключеніями, всецѣло преданы своему дѣлу и проникнуты воодушевленіемъ.

Другой важный вопросъ въ дѣлѣ военной авіаціи представляетъ собою опредѣленіе типа военнаго аэроплана.

Во Франціи въ военномъ вѣдомствѣ принято нѣсколько различныхъ системъ аэроплановъ: боевые, развѣдочные, артилерійскіе и истребители дирижаблей; допускомъ разнообразія системъ имѣлось въ виду, между прочимъ, и поддержаніе различныхъ фабрикъ и фирмъ во Франціи.

Но эта система организаціи, какъ недавно отмѣтилъ и завѣдывающій во Франціи военно-воздухоплавательною частью, генераль Хиршауеръ, имѣетъ свои важныя неудобства: замѣна частей и приспособленій различныхъ типовъ приводитъ къ путаницѣ, для cadaго типа требуются разные спеціалисты-монтеры, различныя принадлежности и неодинаковые обозы.

Въ Германіи стремятся къ достиженію единства типа и постоян-

наго усовершенствованія такого; поэтому ежегодно для свѣдѣнія фабрикъ цѣлесообразно и постепенно, безъ рѣзкихъ скачковъ, устанавливаются требованія для военныхъ аэроплановъ.

На текущей 1913 г. недавно были установлены слѣдующія требованія:

1) Корпусъ (шасси). Летательные аппараты должны быть изготовлены въ Германіи и цѣликомъ изъ германскихъ матеріаловъ; матеріалы, согласно свидѣтельства, не должны измѣняться отъ дѣйствія погоды; отдѣльныя части и особенно нижній ходъ (съ колесами), наиболѣе подверженный порчѣ, должны быть легко замѣнимы. Особенно важное значеніе придается быстротѣ сборки и разборки аппарата: 5 человекъ совершаютъ въ 1 часъ разборку и въ 2 часа времени сборку аппарата. Въ виду установленной теперь организаци авіаціоннаго обоза, требуются слѣдующіе предѣлы размѣровъ корпуса аэроплановъ: размахъ—14,5 метра, длина 12 м., высота 3,5 м. Соблюденіе этихъ размѣровъ важно также для устройства помѣщеній (ангаровъ), для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ и на обыкновенныхъ повозкахъ.

2) Двигатели. Сила двигателя въ принципѣ не должна превосходить 100 лошадиныхъ силъ; отступленія дозволяются только съ особаго разрѣшенія. Если два аппарата при испытаніи даютъ одинаковые результаты, но снабжены моторами различной силы, то предпочтеніе отдается аппарату съ болѣе слабымъ моторомъ, потому что нѣсколько большая быстрота не окупаетъ собою увеличенія вѣса и расхода топлива; двигатели въ 70—100 силъ, какъ дознано опытомъ, даютъ достаточную быстроту подъема. Требуются приспособленія для уменьшенія шума, производимаго моторомъ; они нѣсколько уменьшаютъ силу двигателя, но зато приближеніе аэроплана не такъ легко слышно издали. Бензинъ не долженъ быть помѣщенъ позади или вверху отъ летчика и наблюдателя, а долженъ быть вообще размѣщенъ укрыто и безопасно. Высота нижняго края винта надъ горизонтомъ должна быть не менѣе 45 см.

3) Дѣйствіе аппарата. Скорость хода должна быть не менѣе 90 километровъ въ часъ (собственная скорость); вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть возможность уменьшить ее до 74 кил. въ часъ безъ опусканія аэроплана, при уменьшеніи числа оборотовъ двигателя. Кромѣ топлива на 4 часа хода, инструментовъ, принадлежностей, картъ и пр., аппаратъ долженъ имѣть свободную подъемную силу въ 200 килограммъ (въ это число входитъ и вѣсъ летчика и наблюдателя). При этихъ условіяхъ аппаратъ долженъ при подъемѣ требовать не болѣе 100 метровъ разбѣга, а при спускѣ останавливаться не далѣе 70 метровъ отъ мѣста перваго прикосновенія къ землѣ. При движеніи по землѣ требуется надежное дѣйствіе руля. Быстрота подъема опре-

лена не менѣе 800 метровъ въ 15 минутъ (до сихъ поръ требовалось 500 м. въ 15 м.). Особенное значеніе придается автоматическому сохраненію равновѣсія, а также управленію рулемъ безъ напряженія силъ.

4) Управление. Для летчика и наблюдателя должны быть устроены удобныя сидѣнья и экраны отъ вѣтра, при возможности свободнаго движенія рукъ и сообщенія между собою. Рукоятка для управленія рулемъ требуется только для одного летчика (это условіе подлежитъ сомнѣнію); инструменты—барометръ, барографъ, компасъ и пр.—должны быть размѣщены удобно для наблюденія (въ этомъ отношеніи образцомъ можетъ служить монопланъ системы Марсъ въ Лейпцигъ-Линденталѣ).

Требуется удобный контроль состоянія запаса бензина и масла. Наконецъ, необходимо свободное мѣсто для помѣщенія аппарата для выбрасыванія бомбъ и самихъ снарядовъ, а также для фотографическаго аппарата.

5) Приемка. Въ принципѣ, въ виду усовершенствованія техники, при приемкѣ цѣлой партіи аэроплановъ не требуется испытанія каждаго аппарата во всѣхъ отношеніяхъ, но для различныхъ испытаній избирается тотъ или другой аппаратъ изъ партіи. При этой приемкѣ испытывается на аэропланѣ въ Деберицѣ подъемъ и спускъ; требуется съ высоты 500 метровъ совершить планирующій спускъ съ уклоненіями въ обѣ стороны и при совершенно застопоренномъ моторѣ.

Р у м ы н і я .

Послѣднія событія на Балканскомъ полуостровѣ и переговоры между Болгаріею и Румыніею относительно исправленія границы заставили Европу обратить особенное вниманіе на Румынію, на возможное значеніе ея, какъ участницы одного изъ политическихъ союзовъ, на развитіе ея вооруженныхъ силъ и на средства, которыми она обладаетъ для защиты своей территоріи.

Въ «*Militär Wochenblatt*» находимъ статью анонимаго автора, разсматривающую положеніе Румыніи съ послѣдней точки зрѣнія и притомъ въ предположеніи вооруженнаго столкновенія съ могущественнымъ восточнымъ сосѣдомъ, Россіею.

Съ Болгаріею, имѣя превосходство въ численности населенія на 3 милліона душъ и хорошо организованную и подготовленную армію, Румынія въ состояніи самостоятельно вести войну, но при столкновеніи съ Россіею, говоритъ авторъ статьи, борьба для нея становится возможною только при помощи государствъ тройственнаго союза. Однако вначалѣ ей придется все же обороняться самостоятельно и потому особое для нея значеніе приобрѣтаютъ укрѣ-

плениа, позади которыхъ она прежде всего могла бы безпрепятственно совершить мобилизацію и сосредоточеніе арміи, которыя затѣмъ служили бы для удержанія наступленія съ востока, особенно въ томъ случаѣ, если бы ея полевой арміи пришлось дѣйствовать на другомъ театрѣ, и, наконецъ, въ теченіе дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій—опорными пунктами для ея полевой арміи.

Восточное пограничное пространство не представляетъ собою удобныхъ условій для обороны пограничной черты, имѣющей протяженіе около 19 переходовъ; рѣка Прутъ здѣсь представляетъ собою серьезную преграду только въ нижнемъ своемъ теченіи и въ періодъ выступленія ея изъ береговъ. Оборона Молдавіи долговременными укрѣпленіями не обѣщаетъ успѣха и потому рѣшено было отказаться отъ возведенія здѣсь укрѣпленій и вообще отъ обороны всей Молдавіи съ ея богатыми средствами.

Болѣе благоприятныя условія для возведенія укрѣпленій встрѣчаются нѣсколько далѣе къ западу на оборонительной линіи по р. Серету въ промежуткѣ, протяженіемъ около 80 километровъ, между колѣномъ р. Дуная и Трансильванскими Альпами. Рѣка Сереть, правда, также не представляетъ собою достаточно серьезной преграды, но зато фланги этой оборонительной линіи хорошо обезпечены съ одной стороны р. Дунаемъ, съ другой—горами и границею Австро-Венгерской монархіи.

Такъ поясняетъ нѣмецкій авторъ причины отсутствія укрѣпленныхъ пунктовъ въ Молдавіи. Не ближе ли искать объясненія этого явленія въ иномъ обстоятельствѣ: памятуя усилія, приложенныя Россіею къ созданію самостоятельной Румыніи, и всегдашнее доброжелательство своего восточнаго сосѣда, Румынія считала Молдавію обезпеченною не только со стороны востока, но и съвера отъ покушеній другой державы, извѣстной своими балканскими аппетитами, и притомъ обезпеченною однимъ присутствіемъ могущественнаго дружественнаго восточнаго сосѣда. Оборонительная линія по Серету одинаковымъ образомъ можетъ служить для обезпеченія фланга другой позиціи, фронтъ которой тянется вдоль хребта Трансильванскихъ Альпъ.

Въ охраненіи ириваго фланга оборонительной линіи на р. Серетѣ видная роль будетъ принадлежать румынской дунайской флотилии, состоящей изъ 4 сильно бронированныхъ мониторовъ, значительнаго числа миноносцевъ и патрульныхъ судовъ и нѣсколькихъ болѣе старыхъ канонерскихъ лодокъ. На лѣвомъ берегу Серета имѣются два тетъ-де-пона у Галаца, окружностью въ 15 километровъ, п у Номолоза (20 километровъ) и укрѣпленная позиція Фокшаны съ выдвинутымъ впередъ тетъ-де-пономъ у Космешти; промежутки между этими тремя группами не превышаютъ 20—25 километровъ; это

даетъ возможность не только упорно защищать оборонительную линію, но совершить за тетъ-де-понами сосредоточеніе для перехода въ наступленіе.

Авторъ статьи полагаетъ, что оборона линіи Серета еще облегчится трудными для противника путями наступленія съ востока и неудобствомъ для подвоза осаднаго парка одной только одноколѣйной желѣзной дороги Бендеры — Рени, долженствующей одновременно служить и для всѣхъ прочихъ военныхъ перевозокъ.

Укрѣпленія оборонительной линіи по р. Серету оборудованы согласно нѣскольکو видоизмѣненной системы Шумахера и состоятъ изъ трехъ линій батарей. Батареи 1 линіи образуются каждая изъ 3—4 подвижныхъ снабженныхъ броней скорострѣльныхъ орудій отъ 5,3 см. до 3,7 см. калибра, вмѣстѣ съ платформою установленныхъ за невысокимъ брустверомъ, обезпеченнымъ проволочными загражденіями; разстояніе между отдѣльными батареями 1 линіи не болѣе 500 метровъ. Въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ позади 1 линіи размѣщены въ шахматномъ порядкѣ батареи 2 линіи, состоящія изъ подобныхъ же орудій, а въ 1.000 метрахъ позади 1 линіи находятся батареи 3 линіи, вооруженныя орудіями, гаубицами и мортирами вплоть до 15 см. калибра въ скрывающихся броневыхъ башняхъ.

Укрѣпленія всѣхъ трехъ линій по секторамъ раздѣлены на участки или группы. Вооруженіе батарей, хотя и относится къ эпохѣ девятидесятихъ годовъ, но не можетъ назваться вполне современнымъ (авторъ, однако, полагаетъ, что и противникъ въ своемъ осадномъ паркѣ не будетъ имѣть современныхъ типовъ, особенно для перекидной стрѣльбы).

Румынскія батареи могутъ выпускать громадное число снарядовъ и, вслѣдствіе малой высоты надъ горизонтомъ, представляютъ собою ничтожныя цѣли, а потому укрѣпленія эти румыны надѣются отстоять огнемъ артиллеріи безъ участія значительныхъ частей пѣхоты; поэтому пѣхота останется свободною для полевыхъ операцій. Это, по мнѣнію автора, особенно важно въ томъ случаѣ, если Румыніи придется воспользоваться полевой арміею для дѣйствія на югѣ; тогда линія по Серету, если и ненадолго, то все же задержитъ наступленіе съ востока настолько, чтобы «дать время заинтересованнымъ европейскимъ кабинетамъ принять соответствующія мѣры».

На переправѣ черезъ Дунай у Фетешти—Черноводы расположены укрѣпленія временной профили для обезпеченія праваго фланга линіи Серета отъ покушеній со стороны моря (черезъ Добруджу) и для приобрѣтенія на Дунаѣ обезпеченной переправы.

Если румынская армія будетъ дѣйствовать заодно съ арміями тройственнаго союза, то она можетъ даже перейти въ наступленіе либо съ оборонительной линіи по р. Серету, или же вмѣстѣ съ австро-венгерской арміею изъ Семиградін.

Въ томъ случаѣ, если оборонительная линия по Серету будетъ прорвана или обойдена, то для обороны страны имѣется сильный опорный пунктъ въ Бухарестѣ, крѣпости-лагерьъ окружностью около 75 километровъ, возведенной по плану Бріальмона.

Въ разстояніи отъ 6 до 10 километровъ отъ городской ограды находится поясъ изъ 20 фортвъ и такого же числа промежуточныхъ батарей; вооруженіе ихъ состоитъ изъ 12 и 15 см. орудій въ броневыхъ башняхъ, большого числа гаубицъ крупныхъ калибровъ (до 21 см.) на броневыхъ лафетахъ и очень значительнаго числа малыхъ скорострѣльныхъ орудій на скрывающихся броневыхъ лафетахъ. Укрѣпленія эти и вооруженіе ихъ нельзя назвать вполне современными, но все же крѣпость имѣетъ большую силу сопротивленія. Кромѣ того, въ крѣпости имѣется значительный подвижной артиллерійскій резервъ, въ томъ числѣ не мало и крупныхъ калибровъ.

Значеніе Бухарестскаго укрѣпленнаго лагеря двойное: съ одной стороны онъ настолько силенъ, что можетъ быть долгое время защищаемъ войсками второй линии; съ другой стороны онъ достаточно обширенъ, чтобы вмѣстить въ себѣ всю румынскую полевую армію, дать ей возможность оправиться при помощи сосредоточенныхъ здѣсь складовъ, военныхъ учреждений и средствъ, а также большихъ запасовъ всякаго рода, и приготовиться вновь къ наступательнымъ дѣйствіямъ; послѣднее облегчается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, вслѣдствіе обширной окружности укрѣпленнаго лагеря, противникъ едва ли будетъ въ состояніи обложить его со всѣхъ сторонъ надлежащими силами.

Что касается арміи, назначеніе которой оборонять страну при изложенныхъ выше условіяхъ, то она въ послѣдніе годы постепенно усиливалась; еще въ 1908 г. контингентъ новобранцевъ былъ въ 24.000 человекъ, а въ 1912 г. онъ опредѣленъ въ 56.200 человекъ; служба продолжается всего 21 годъ, изъ коихъ 7 лѣтъ въ арміи, 10 въ резервѣ и 4 годѣ въ милиціи (по слухамъ теперь приготовленъ законопроектъ о продленіи общаго срока службы до 25 лѣтъ). Это даетъ возможность содержать армію съ достаточнымъ составомъ частей, по 100 человекъ на роту и 130 на эскадронъ (115 коней) и, кромѣ того, имѣть кадры для резервныхъ частей войскъ. Число получившихъ военную подготовку людей въ Румыніи можно принять въ 400.000—450.000 человекъ и, сверхъ того, 100.000 въ милиціи, изъ которой предполагается образовать баталіоны милиціи и запасные баталіоны; запасъ людей, кромѣ того, будетъ постоянно увеличиваться, пока всѣ люди усиленнаго контингента не пройдутъ всѣхъ категорій вооруженныхъ силъ. Штатъ арміи въ мирное время около 100.000 человекъ.

Въ военное время армія будетъ состоять изъ 5 корпусовъ; въ

корпусъ по 2 дивизіи ностоянныхъ войскъ (въ каждой 4 полка, по 3 баталіона, 1 егерскій баталіонъ и 1 бригада артилеріи въ 2 полка по 6 батарей) и резервная дивизія (4 полка по 3 баталіона). Кромѣ того, корпусу приданъ гаубичный дивизионъ въ 3 батареи; затѣмъ имѣются еще 20 батарей-депо, изъ которыхъ, вѣроятно, будетъ формироваться артилерія для резервныхъ дивизій. Такимъ образомъ, полевая армія въ военное время будетъ состоять изъ 190 баталіоновъ.

Относительно организациі въ военное время кавалеріи (11 регулярныхъ полковъ рошіори и 9 полковъ каларашей) официальныхъ свѣдѣній не имѣется, но можно предположить, что всѣ каларашаи и часть рошіори составятъ дивизионную кавалерію, а остальные полки рошіори будутъ сведены въ 2 отдѣльныя кавалерійскія дивизіи.

Духъ румынской арміи очень хорошъ; повсюду замѣтно стремленіе къ усовершенствованію и инициативѣ; нижніе чины отличаются усердіемъ и преданностью службѣ. Число неявившихся на службу и дезертировъ очень незначительно.

Возвращаясь къ исходному предположенію о войнѣ съ восточнымъ сосѣдомъ, авторъ говоритъ, что въ началѣ войны два сѣверныхъ корпуса (III—Галацъ и IV—Яссы) будутъ, вѣроятно, служить для занятія оборонительной линіи по Серету, впереди которой кавалерія, усиленная егерскими баталіонами, постарается задержать наступленіе противника. Свободными для дѣйствія въ полѣ останутся остальные 3 корпуса. Нѣсколько позднѣе изготовятся вновь сформированныя части милиціи, не менѣе бригады изъ 8 баталіоновъ на корпусъ, или всего 40 баталіоновъ. Эти войска смѣнятъ части постоянныхъ войскъ на линіи Серета и тогда полевую армію составятъ 15 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизіи съ соотвѣтствующею артилерією, инженерами, войсками сообщеній и проч. всего около 250.000 человекъ.

Въ заключеніе авторъ объясняетъ значеніе обладанія Силистріей для Румыніи; теперь эта крѣпость могла бы способствовать наступательнымъ дѣйствіямъ болгаръ черезъ Дунай или въ Добруджу; если же Румынія пріобрѣтетъ на Дунаѣ тетъ-де-понъ въ Силистріи, то онъ дастъ ей возможность, вмѣстѣ съ таковымъ у Черноводъ, вполне обезпечить восточную часть теченія Дуная и имѣть дебуше для дѣйствія во флангъ въ случаѣ болгарскаго наступленія въ Добруджу.

Слѣдуетъ замѣтить, что болгары со своей стороны могли бы привести подобное же значеніе Силистріи и для нихъ.

Проще было бы Болгаріи и Румыніи, памятуя исторически связавшее ихъ долгое томленіе подъ турецкимъ игомъ и геройскую борьбу за освобожденіе отъ него, не помышлять о какихъ-либо взаимныхъ наступленіяхъ или территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, а,

протянувъ другъ другу руку, обратить свое вниманіе на тѣхъ сѣверныхъ «друзей», которые только и мечтаютъ о томъ, чтобы поселить рознь среди братскихъ народовъ.

Балканскій полуостровъ.

Военный корреспондентъ «Daily Telegraph», капитанъ Бартлетъ, находившійся въ началѣ войны при главной квартирѣ Абдула-паши, описываетъ ходъ событій во время операціи подъ Киркилисой. Онъ подтверждаетъ официальное сообщеніе турецкаго правительства, что находившіяся въ этомъ районѣ турецкія войска имѣли назначеніемъ только задерживать наступленіе болгаръ къ востоку отъ р. Тунджи до полного сосредоточенія турецкой арміи. Турецкій планъ кампаніи заключался въ томъ, чтобы сосредоточить 1-ю армію на линіи Адрианополь—Киркилиса и задержать наступленіе противника до подхода 2-й арміи; послѣдняя должна была собраться у Мидіи (частью перевезенная моремъ изъ Малой Азіи) и затѣмъ наступать на правомъ флангѣ вдоль возвышенности Истранджа-Дагъ. Всѣ эти соображенія, однако, были опрокинуты быстрымъ изготовленіемъ болгарской арміи; послѣдняя 5/18-го октября, въ день начала военныхъ дѣйствій, находилась въ полной готовности въ двухъ переходахъ отъ линіи Адрианополь—Киркилиса. Съ турецкой же стороны, не только 2-я армія, изъ которой еще ни одна часть не прибыла въ Мидію, но и 1-я, далеко не были сосредоточены; къ 9/22-му октября въ Адрианополь находился сборный гарнизонъ изъ низама и редифа, получившій наименованіе XV корпуса; изъ другихъ войскъ наиболѣе выдвинутыми впередъ былъ I корпусъ Явера-паши, дошедшій до Іенидже (15 к. къ западу отъ Киркилисы), но и его двѣ дивизіи 2-я и 3-я (1-я, какъ извѣстно, находилась въ Албаніи) были сильно эшелонированы въ глубину. Остальные три корпуса находились на одной линіи въ 25 километрахъ позади, а именно начиная съ праваго фланга: III корпусъ Махмудъ-Мухтаръ-паши у Бунаргисара, имѣя части 7-й дивизіи въ Киркилисѣ, II корпусъ Шевкетъ-Торгутъ-паши—у Туркъ-Бея и IV корпусъ Абрудъ-паши (Абукъ-паша?)—на квартирахъ вокругъ Люле-Бургаса; общее протяженіе фронта этихъ трехъ корпусовъ было около 40 километровъ. Въ это время болгарскія передовыя части уже достигли линіи Петра—Кюкилеръ, въ 10 километрахъ впереди Киркилисы.

Турки совершенно не были освѣдомлены о движеніяхъ противника, въ виду полного отсутствія развѣдыванія, и 9/22-го октября предприняли наступленіе на сѣверъ изъ Іенидже; по турецкой реляціи 23-го и 24-го октября происходилъ бой и, вслѣдствіе сомнительнаго

исхода его для турокъ, послѣдніе отступили на линію Баба-Эски—Люле-Бургасъ (на юго-западъ); въ этой реляціи умалчивается, что I корпусъ, наткнувшись на превосходныя силы противника, былъ совершенно разбитъ и, бросивъ всю артилерію, обратился въ бѣгство. Что касается самого укрѣпленнаго пункта Киркилисы, то здѣсь, собственно говоря, серьезнаго боя не происходило: части 5-й болгарской дивизіи еще 22-го октября безъ боя подошли на 2 километра къ Киркилисѣ; когда ночью форты открыли огонь, болгарская дивизія отошла назадъ на линію Петра-Эриклеръ; только 24-го болгары вновь подошли къ крѣпости; въ 11 часовъ утра изъ крѣпости было сдѣлано нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, но пѣхота покинула ее еще наканунѣ и крѣпость была занята безъ сопротивленія. Тѣмъ не менѣе побѣда болгаръ подъ Киркилисой, будучи результатомъ искусно скрытыхъ стратегическихъ операцій, имѣла по своимъ результатамъ огромное значеніе и повела къ рѣшительному пораженію турецкой арміи подъ Люле-Бургасомъ.

Тотчасъ послѣ политическаго переворота 10/23-го января 1913 г. въ Константинополь, младо-турецкое правительство издало воззваніе къ населенію всѣхъ турецкихъ провинцій какъ въ Европѣ, такъ и въ Малой Азіи, о высылкѣ въ столицу добровольцевъ для образованія вооруженныхъ бандъ. Воззваніе это, говоритъ военный корреспондентъ *Danzer's Armee-Zeitung*, имѣло большой успѣхъ и со всѣхъ сторонъ, особенно изъ занятыхъ союзниками областей, стали являться всѣ, кто только могъ носить оружіе (это объясняется очень просто—турецкое населеніе занятыхъ областей бѣжало и, конечно, явилось много желающихъ получить даровой кусокъ хлѣба, съ надеждой, кромѣ того, и поживиться грабежомъ). Большинство людей было изъ селъ Албаніи, Босніи (?), Македоніи и Эракии; изъ нихъ составлялись отряды въ 40—50 человекъ, во главѣ которыхъ становились избранные ими старосты; имъ выдавалось оружіе.

Другую категорію составляли добровольцы изъ Малой Азіи; ихъ организовали въ баталіоны, командованіе которыми поручалось турецкимъ офицерамъ, но фактически и здѣсь вожаками были избираемые старосты, которымъ на время войны давались офицерскіе чины. Этимъ баталіонамъ наскоро давали кое-какую полевую подготовку, тогда какъ собственно «банды» никакихъ упражненій не производили.

Пользованіе бандами и баталіонами добровольцевъ въ зависимости отъ ихъ организациі было неодинаково. Часть бандъ была высажена на берегахъ Мраморнаго и Чернаго морей, въ Богадосѣ, Силиври, Эрекли, у Деркоса и Миди; имъ дано было порученіе дѣйствовать противъ тыловыхъ учрежденій противника, нападать на

транспорты, разрушать желѣзныя дороги и телеграфъ, нападать на посты, сжигать склады запасовъ и, какъ мягко выражается нѣмецкій корреспондентъ, «посѣщать» (heimsuchen) оставшееся въ деревняхъ болгарское населеніе, выказавшее враждебное настроеніе къ турецкимъ войскамъ (другими словами—рѣзать и грабить это населеніе. Эти порученія объясняютъ появлявшіеся въ свое время въ газетахъ слухи о многочисленныхъ высадкахъ «турецкихъ войскъ». Извѣстно также, какую теплую встрѣчу имъ приготовили болгары).

Другая часть бандъ, силою по 25 человекъ, была придаваема передовымъ частямъ турецкой арміи; назначеніе ихъ было тревожить противника ночными нападеніями и дѣлать развѣдки. Одинъ такой отрядъ впереди Булаира ночью вырѣзалъ всѣхъ людей въ болгарскомъ окопѣ и произвелъ значительную тревогу у противника.

Что касается баталіоновъ изъ азіатскихъ добровольцевъ, то ими пользовались для сопровожденія транспортовъ, или въ видѣ резерва, наконецъ, для производства демонстрацій высадки на берегу, а также для занятія въ тылу арміи деревень, населеніе которыхъ считается не вполне надежнымъ (можно себѣ представить, какъ эти башибузуки распоряжаются въ такихъ деревняхъ).

Младо-турецкій комитетъ снабжаетъ эти баталіоны ружьями Маузера и большимъ числомъ патроновъ, а также необходимымъ снаряженіемъ, пояснымъ ремнемъ и патронной лентой черезъ плечо, мѣшкомъ, тесакомъ, флагою и шинелью; вожаки, кромѣ того, получаютъ бинокль и фонарь; каждому взводу полагаются подрывные патроны. Они получаютъ въ день по куску хлѣба и сыра, объ остальномъ заботятся (!) сами; содержанія они не получаютъ. Корреспондентъ восхищается видомъ турецкихъ бандъ—«это чудные дикіе типы, вполне подходящіе для такой дѣли»; между ними есть юноши и бородатые старики, а иногда и цѣлыя семьи; они стекаются отовсюду, даже изъ Багдада, съ Кавказа и изъ Аравіи; наиболѣе интеллигентный и бравый видъ имѣютъ албанцы, босняки, черкесы и ларсы (Малая Азія); въ отрядахъ корреспондентъ подмѣтилъ «желѣзную дисциплину» (?)—люди безъ ропота и сопротивленія исполняютъ всякое приказаніе вожаковъ.

М. Б.

Разсрочка дѣлается лишь при подпискѣ черезъ канцелярію своей части съ уплатою взносовъ черезъ нее. Непоступленіе взноса къ указанному сроку влечетъ за собою прекращеніе доставки изданія.

Войсковыя части и учрежденія, а также отдѣльныя лица, сдающія въ редакцію подписку для себя на „Русскій Инвалидъ“, въ случаѣ присылки не полной годовой платы, будутъ зачисляться въ категорію подписчиковъ на сроки менѣе года, соответственно присылаемой каждыи разъ суммѣ. „Военный Сборникъ“ будетъ высылаться лишь по полученіи полной годовой платы.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургѣ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій:

на 1 мѣсяцъ	30	коп.
„ 2 мѣсяца	50	„
„ 3 „ и свыше	70	„

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр., на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну городского С.-Петербургскаго адреса на таковой же городской платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разницца между вышеуказанною подписною платою на соответственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго городского на иногородный или обратно — 60 коп., иногороднаго на иногородный — 20 коп.; за перемѣну городского С.-Петербургскаго на другой городской С.-Петербургскій — платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп.

Отдѣльныя книжки «Военнаго Сборника» продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку (съ пересылкою по 75 коп.), съ приложеніемъ «Военно-Историческаго Сборника» по 1 р. (съ пересылкою 1 р. 25 к.).

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{4}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наследниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 и. за первый лотъ вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»

Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Бѣллевъ.*

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Пруссанъ.*

А В Т О Р А М Ъ С Т А Т Е Й .

1. Авторамъ, присылающимъ свои статьи въ „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, редакція проситъ соблюдать слѣдующее:

1) Статьи должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ страницы (другая должна оставаться чистою). Страницы должны быть перенумерованы (сшивать или брошюровать не надо). На написанной сторонѣ необходимо оставлять поля. Подъ статьей должно быть указано, какую подпись авторъ желаетъ видѣть подъ своей статьей въ печати; это можетъ быть полная фамилія автора, или только инициалы, или псевдонимъ и проч. Но ни чинъ, ни должность, ни званіе, въ силу циркуляра Главнаго Штаба отъ 17-го апрѣля 1908 года № 61, подъ статьями частнаго характера въ печати не допускаются ¹⁾.

2) Въ присланной рукописи, для свѣдѣнія редакціи, должны быть указаны: положеніе (чинъ, должность, мѣсто служенія, званіе), имя, отчество, фамилія и адресъ автора.

3) Необходимо указывать, гдѣ авторъ желаетъ бы напечатать свою статью: въ газетѣ или журналѣ, или же выборъ предоставляется усмотрѣнію редакціи.

О желаніи имѣть отдѣльные оттиски статей, печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, на первой страницѣ рукописи должно быть написано: „Прошу столько-то отдѣльныхъ оттисковъ“. До 20 оттисковъ безъ переверстки изготовляется бесплатно. Больше же число ихъ, но не болѣе 100, а также переверстка всей статьи въ брошюру, могутъ быть исполняемы лишь за счетъ авторовъ. О желаніи получить оттиски переверстанными необходимо заявлять на первой страницѣ рукописи.

О желаніи получить тѣ нумера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ будетъ напечатана статья, необходимо оговаривать на первой страницѣ рукописи. Нумера эти предоставляются авторамъ только за плату.

4) На рукописи должна быть помѣтка, указывающая, предоставляет ли авторъ свою статью за гонораръ или бесплатно. Статьи, не имѣющія такой отмѣтки, считаются бесплатными.

5) Рукописи, отправляемые почтою, должны быть отправителемъ оплачены полнымъ почтовымъ сборомъ. Не вполне оплаченной корреспонденціи, за которую почта требуетъ доплату въ двойномъ размѣрѣ, редакція не принимаетъ.

II. Для свѣдѣнія авторовъ сообщается:

1) Изъ присланныхъ статей редакція печатаетъ съ необходимыми редакціонными сокращеніями тѣ, которыя признаетъ подходящими, причемъ срокъ напечатанія не можетъ быть опредѣленъ заранее. Статьи, не предназначенныя къ печати, хранятся въ редакціи въ теченіе года и могутъ быть возвращены авторамъ по ихъ заявленіямъ лично или черезъ довѣреннаго, а также почтою на ихъ счетъ.

2) Ни въ какія объясненія о причинахъ ненапечатанія редакція не ходитъ.

3) Гонораръ за платныя напечатанныя статьи назначается редакціею по принятымъ ею нормамъ. Гонораръ уплачивается въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца за всѣ статьи прошедшаго мѣсяца.

¹⁾ Этотъ же циркуляръ воспрещаетъ упоминать въ полемикѣ офиціальное положеніе своего оппонента.